ФИЛИПП ДЖЕНКИНС

ВОЙНЫ ЗА ИИСУСА

КАК ЦЕРКОВЬ РЕШАЛА, ВО ЧТО ВЕРИТЬ

«БЛЕСТЯЩИЙ РАССКАЗ ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЭПОХЕ ВОЛНЕНИЙ И ИНТРИГ».

PUBLISHERS WEEKLY

Филипп Дженкинс

Войны за Иисуса: Как церковь решала, во что верить

Серия «Религия. Война за Бога»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523805
Войны за Иисуса: Как церковь решала, во что верить / Филипп Дженкинс ; [пер. с англ. М. И. Завалова].: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54919-1

Аннотация

Захватывающая история интриг, заговоров, разборок, насилия и хаоса в древней церкви. Победители в войнах за Иисуса решили, во что и как будут верить все христиане, а проигравшие были заклеймены как еретики, прокляты, уничтожены и забыты. Первая популярная книга о самой темной и загадочной эпохе в истории христианства от всемирно известного специалиста.

Содержание

От автора 6
Введение 7
За кого вы почитаете меня? 7
0. Термины и определения 13
1. Суть дела 15
Битвы за Иисуса 16
Что, если Бог был одним из нас? 18
Живой Христос 20
Утрата половины мира 22
Назад, в катакомбы 23
Завоевание новых миров 24
Воображаемая альтернатива 25
Какой властью? 27
Церковный разум 28
Вера и насилие 31
Монополия на насилие 32
Христианство и ислам 34
Приложение к главе 1 37
1. Бог и кесарь 39
2. Война двух природ 39
Попытки понять Христа: 30—300 годы 40
Бог и человек? 40
Две природы? Приемный сын 41
Одна природа? Ничего, кроме Бога во Христе 43
Стремление сохранить человеческую сторону Христа 44
Четвертый век 45
Новые битвы Никеи 45
Аполлинарий 47
Новый словарь богословия 48
Война за Иисуса объявлена: V век 50
Александрия 50
Антиохия 51
Лозунги и стереотипы 53
Приложение к главе 2 58
3. Четыре всадника патриархи церкви 61
Патриархи и папы 61
Восходящие и падающие звезды 63
Император Рима 65
Рим отступает 68
Александрийские фараоны 71
Константинополь и Антиохия 75
Низвержение Иоанна Златоуста 77
4. Царицы, полководцы и императоры 79
Не только императоры 79
Государство как церковь, церковь как государство 81

Божье воинство 84
Святые жены 85
Пульхерия 88
Эпоха нетерпимости 91
Истинные и ложные христиане 92
Истоки ненависти 95
2. Соборы в хаосе 97
5. Не Матерь Бога? 97
Патриарх 98
Кризис 98
Матерь Божья 99
Враги 101
Из Египта 103
Кирилл против Нестория 104
Крестовый поход Кирилла 107
Горячее лето в Эфесе 109
Поиск выхода 112
На Константинополь 114
Последствия 116
Приложение к главе 5 118
6. Смерть Бога 120
Последние римляне? 120
Евтихий 123
Переход в наступление 124
Всемирная война 125
Евтихий наносит ответный удар 127
Снова в Эфесе 128
Лев Римский 129
Разбойники 131
Восточный фронт 135
7. Халкидон 138
Контрреволюция 139
Собор 140
Поиск формулы веры 142
Провозглашение веры 145
Определения веры 146
Два Рима: Новый и Старый 147
После Халкидона 149
Александрия в огне 150
Рим 153
3. Потерянная вселенная 155
8. Как церковь потеряла полмира 155
Враги Халкидона 156
Империя монофизитства 159
Спасение Халкидона 164
Великие расколы 165
Юстиниан 168
Пятый собор 169
Новая монофизитская церковь 170

Восток под угрозой 173
Неудача «волевого решения» 175
Ислам у ворот 176
9. Что удалось спасти 180
Вечно возобновляющийся спор 181
Христос сегодня 184
Символ веры или хаос 185
Приложение 187
Указатель имен 192
А 192
Б 193
В 194
Г 195
Д 196
Е 197
З 198
И 199
К 200
Л 201
М 202
Н 203
О 204
П 205
Р 206
С 207
Т 208
У 209
Ф 210
Х 211
Ц 212
Ч 213
Ш 214
Э 215
Ю 216
Фонд «Здравомыслие» 217

Филипп Дженкинс
Войны за Иисуса: Как церковь решала, во что верить

От автора

Я хочу поблагодарить всех моих друзей и коллег из Института изучения религии Бейлорского университета за их помощь и поддержку – особенно Байрона Джонсона, Томми Кидда и Родни Старка.

Я также благодарен людям из Пенсильванского университета: Кристиану Брэди, Баруху Хальперну, Полу Харви, Кит Хьюм, Гари Кнопперсу и Джорджу Реберу.

Я приношу благодарность моему редактору Роджеру Фриту и моему литературному агенту Элайс Чини.

И больше всего я благодарен моей жене Лиз Дженкинс.

Введение

За кого вы почитаете меня?

Однажды Иисус спросил своих учеников: «За кого почитают меня люди?» Те ответили, что об их учителе ходят самые разные слухи: что он пророк, возможно, вернувшийся на землю Илия или Иоанн Креститель. «А вы, – спросил Иисус, – за кого меня почитаете?» (Мф 16:13–15.) На протяжении двух тысячелетий христиане давали разные ответы на этот вопрос. Разумеется, большинство верило в то, что Иисус был человеком, но в то же время Богом, одним из трех лиц Троицы. Он был и Богом, и человеком.

Но такая формулировка порождает больше новых вопросов, чем ответов, поскольку такая «простая» вера в Иисуса Христа вынуждает нас соединять две радикально различные категории бытия. Подобное нарушение границ озадачивает и возмущает верующих нехристиан. Особенно таких строгих монотеистов, как мусульмане и иудеи. И даже сами христиане, которые разделяют эту веру, зачастую не могут ее объяснить с той ясностью, на которой настаивали древние соборы церкви. По тем жестким стандартам буквально всех современных людей (включая многих священнослужителей) за исключением отдельных специалистов можно было бы обвинить в серьезной ереси[1].

Библия не слишком ясно отвечает на вопрос о том, каково соотношение между человеческой и божественной природами во Христе, и различные тексты Писания на эту тему довольно трудно примирить между собой. В Новом Завете Иисус открыто отождествляет себя с Богом: «Я и Отец одно» (Ин 10:29–30), – заявляет он. «Видевший Меня видел Отца» (Ин 14:8–9). В Евангелии от Иоанна Иисус говорит народу: «Вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин 8:23). «Прежде нежели был Авраам, – продолжает он, – Я есмь» (Ин 8:58). Слушатели возмущены – и не только потому, что Иисус хвалится тем, что жил еще в глубокой древности. Слова «Я есмь» – *ego eimi* по-гречески – напоминают о том, что Бог сказал Моисею при неопалимой купине. Лучше было бы передать их так: Я ЕСМЬ. Похоже, Иисус этим и утверждает, что он есть вечный Бог, выведший Израиль из Египта и даже сотворивший этот мир. Неудивительно, что толпа захотела побить Иисуса камнями за богохульство. Таким образом, позднейшие читатели Евангелий должны были привыкнуть к той мысли, что Иисус и Отец одно.

Но если мы, готовые принять эти удивительные утверждения, продолжим читать Евангелие, мы увидим, что Иисус отделяет себя от Отца: «Отец Мой более Меня» (Ин 14:28), – говорит он. Когда Иисус предсказывает конец мира, он добавляет, что точный срок события не известен ни Сыну, ни ангелам, но его знает только Отец (см. Мк 13:32). Если Сын знает меньше, чем Отец, значит, между ними есть отличие.

Что мы имеем в виду, когда говорим: «Христос был одновременно и Богом, и человеком»? Евангелия, несомненно, показывают, что Иисус был человеком: он истекает кровью, он любит и гневается, он умирает в драматичной агонии. Но как нам примирить этот факт с доктриной Воплощения? В самом начале Евангелия от Иоанна Христос отождествлен с Логосом – с Божиим Разумом и его творящим мир Словом:

---

[1] Frances M. Young, «Monotheism and Christology», in Margaret M. Mitchell and Frances M. Young, eds., The Cambridge History of Christianity: Origins to Constantine (New York: Cambridge Univ. Press, 2006), 452–469; Brian E. Daley, «Christ and Christologies», in Susan Ashbrook Harvey and David Hunter, eds., The Oxford Handbook of Early Christian Studies (New York: Oxford Univ. Press, 2008), 886–905.

В начале было Слово [*Logos*], и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога… И Слово стало плотию, и обитало с нами (см. Ин 1:1–14).

Слово стало плотью, Бог стал человеком. Но какова связь между этим Словом и человеком по имени Иисус? Что означают эти слова Послания к Колоссянам: во Христе «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9)?

Мы все время сталкиваемся с проблемами и парадоксами. Когда Иисус приходит в Вифанию, где умер его друг Лазарь, он печалится: евангелист говорит, что он «восскорбел духом и возмутился» (см. Ин 11:31–36). Иисуса одолевает чисто человеческая скорбь; далее в одном из самых известных библейских стихов говорится: «Иисус прослезился» (Ин 11:35). Между прочим, об этом рассказывает Евангелие от Иоанна – то самое, где Иисус шокирует читателя выражением «Я ЕСМЬ». Стоит задуматься над этим. Иисус плакал, это был плач Христа, Помазанника, – нужно ли нам верить в то, что Бог, Творец и Источник всякого бытия, действительно плакал? И еще удивительнее другой вопрос: как Христос мог пострадать на кресте? Значит ли это, что *Бог* действительно умер? И мы не вправе сказать, что подобные парадоксы придумали богословы, уже лишенные «простой веры» (как принято думать) апостольского века. Уже в 110 году, когда Новый Завет еще не был окончательно завершен, великий мученик епископ Игнатий Антиохийский провозгласил, что Христос есть «Бог, пришедший во плоти». Игнатий говорил, что сердца верующих воспламенены «кровью Бога». Одно дело – Бог, который плачет, но как может Бог *истекать кровью*? Даже верные католики, которые называют причастие *Corpus Christi*, Телом Христовым, не дерзают при этом называть облатку «Телом Бога». Бог отличается от Христа[2].

На протяжении первых четырех веков существования христианства верующие пытались самыми разными способами разрешить эти проблемы толкования Писания и проблемы логики. Самые выдающиеся богословы и ученые разных церквей проставляли разные акценты, размышляя о человеческой и божественной природах Иисуса, при этом они могли – не пользуясь хитроумными уловками или манипуляциями с цитатами – найти библейские тексты, которые подкрепляли их мнения[3]. Иные христиане первых веков полагали, что божественная природа Христа затмевала собой человеческую. Для них Христос был явлением Бога, ходящего по земле, который облекся в образ человека так, как если бы он надел маскарадный костюм. Слово надело на себя плоть, как мы можем надеть на себя куртку. Но что в этом случае означают страдания Христа, его слезы и кровь – неужели это просто притворство или иллюзия? Другие видели в Иисусе великого человека, переполненного сознанием Бога. На него сошел Дух Божий – вероятнее всего, это произошло в момент крещения в Иордане, – однако две природы Христа всегда существовали отдельно одна от другой. Это означало, что Христос всегда оставался человеком. Одни христиане думали, что две природы были нераздельно соединены в вечности; другие считали, что между ними существовала лишь временная и частичная связь.

Так кем же был Иисус – Богом, носящим образ человека, или человеком, носящим в себе Бога? Это только лишь два полюса картины, между которыми можно расположить множество самых разных мнений. И такие мнения вели жаркую борьбу между собой на протяжении нескольких первых веков существования христианства. К 400 году большинство христиан согласно считало, что Иисус Христос обладал божественными свойствами и что он обладал и человеческой природой (*physis* по-гречески), и природой божественной. Но это представление оставляло простор для самых разных интерпретаций, и при другом ходе исторических событий – если бы Вселенские соборы вынесли иное решение – ортодоксией

---

[2] О крови Бога см. Игнатий, Ефесянам 1:1 у Bart Ehrman, ed. and trans., *The Apostolic Fathers* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2003), 1:219; Allen Brent, *Ignatius of Antioch* (London: T & T Clark, 2007).

[3] Alois Grillmeier, *Christ in Christian Tradition*, vol1., *From the Apostolic Age to Chalcedon (451),* rev. ed., trans. John Bowden (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1975).

могло бы стать любое из этих мнений. Тогдашняя эпоха с ее культурной и политической жизнью со всей возможной силой поддерживала представление о Христе как Боге, так что было очень непросто сохранить идею об Иисусе как человеке. Однако главные силы ортодоксии горячо отстаивали представление о том, что Христос был в полной мере человеком, – и с исторической точки зрения этот факт крайне показателен.

> Так кем же был Иисус – Богом, носящим образ **человека, или человеком, носящим в себе** Бога? Это только лишь **два полюса** *картины, между* которыми можно **расположить множество** самых разных мнений

Победило именно такое мнение. Когда нынешние церкви говорят о своем понимании идентичности Христа – когда они раскрывают свою христологию, – как правило, они опираются на корпус готовых интерпретаций, на древние тексты, созданные в V веке. На Великом соборе, прошедшем в 451 году в Халкидоне (недалеко от нынешнего Стамбула), церковь сформулировала положения, которые в итоге стали официальным богословием Римской империи. Собор принял мнение о том, что во Христе есть две природы, соединенные в одном лице. Эти две природы существуют «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно; так что соединением нисколько не нарушается различие двух природ, но тем более сохраняется свойство каждой природы и соединяется в одном Лице»[4].

Мы не можем говорить о Христе, не упоминая о его полноценной человеческой природе, которую нисколько не умаляло и не упраздняло божественное в нем. *Халкидонская* формулировка сегодня остается официальным исповеданием большинства самых разных христианских церквей – исповеданием протестантов, католиков или православных, – хотя трудно судить о том, многие ли из этих христиан могут объяснить ее смысл. Как бы там ни было, Халкидон положил конец любым спорам об идентичности Христа, и после него любой неоднозначный текст Библии или ранней традиции следовало понимать в свете этой сильной формулировки. На протяжении более пятнадцати веков Халкидон давал ответ на великий вопрос, поставленный Иисусом.

Но Халкидон дал не единственное возможное решение вопроса, и нельзя назвать это решение очевидным или логичным. Только политическая победа сторонников Халкидона придала идеям собора особый статус, в силу которого все последующие поколения христиан толковали весть христианства исключительно в их свете. В Новом Завете можно найти самые разные типы христологии, которые создавали церкви, стоявшие близко ко временам Иисуса и к миру его мышления. В частности, несложно найти отрывки, которые предполагают, что человек Иисус обрел божественность в определенный момент своей жизни или даже после земной смерти.

Самыми в политическом смысле сильными оппонентами Халкидона были христиане, говорившие о единственной божественной природе Христа, которых мы называем *монофизитами* – от греческого выражения «одна природа». Их было много, они пользовались влиянием, более того, именно они господствовали в христианском мире и Римской империи на протяжении многих лет после Халкидонского собора и были побеждены лишь после нескольких десятилетий кровавых сражений. На протяжении веков после Халкидона монофизиты продолжали господствовать в тех местах, где ранее всего возникло христианство, – в Сирии, в Палестине и в Египте. Члены самых древних церквей, которые глубоко и самым непосредственным образом были связаны с апостольским веком, увидели, что их особое понимание Христа отвергли как ересь. Почетное происхождение ничего не значило в этих спорах.

---

[4] Jaroslav Pelikan and Valerie Hotchkiss, eds., *Creeds and Confessions of Faith in the Christian Tradition*, 4 vols. (New Haven: Yale Univ. Press, 2003); Richard Price and Mary Whitby, eds., *Chalcedon in Context* (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2009).

Обе стороны, когда им давалась такая возможность, устраивали гонения на своих противников, в результате чего погибли как минимум десятки тысяч человек. Верующие были готовы убивать и умирать, становиться гонителями или мучениками за природу Христа. Современные христиане не склонны сочувствовать участникам этих древних религиозных войн. Неужели этот вопрос стоил того, чтобы проливать за него кровь? Люди того времени не мучились подобными сомнениями, их глубоко заботило то, как верующие должны понимать Христа, которому они поклоняются. Неправильное понимание природ Христа сводило на нет все самое ценное для христиан: смысл спасения и искупления, характер богослужения и Евхаристии, образ Девы Марии. Каждая сторона верила, что она обладает абсолютной истиной, без веры в которую невозможно спасение.

* * *

Мы слышим ужасные истории о насилии христиан в других сферах, в первую очередь истории о Крестовых походах и инквизиции; однако насилие внутри христианского мира по поводу споров V и VI веков имело куда более масштабный и систематичный характер, чем любые деяния инквизиции, и оно возникло куда раньше по ходу истории церкви. Когда Эдуард Гиббон писал свой классический труд – «Историю упадка и разрушения Римской империи», – он собрал там множество примеров насилия и фанатизма христиан. Вот что он писал об эпохе, последовавшей за Халкидоном:

Иерусалим заняла армия монахов [монофизитов]; во имя единой воплощенной Природы они грабили, жгли и убивали; гробница Христа была осквернена кровью… За три дня до праздника Пасхи [александрийский] патриарх был окружен в соборе и убит в баптистерии. Его изуродованное тело предали огню, а пепел развеяли по ветру; уверяли, что верующих на этот поступок подвигло явление ангела… Подобные кровавые суеверия у обеих сторон воспламеняли принцип и практика воздаяния; в метафизических спорах гибли тысячи людей[5].

> Мы слышим ужасные истории о насилии христиан в других **сферах, в первую очередь истории** о Крестовых походах и инквизиции; однако **насилие внутри** *христианского мира* по поводу споров **V и VI веков** имело **куда более** масштабный и систематичный характер, чем любые деяния инквизиции, **и оно возникло куда раньше** по ходу истории церкви

Сторонники Халкидона вели себя не лучше в борьбе за свое понимание ортодоксии. В восточном городе Амида халкидонский епископ яростно преследовал противников вплоть до сожжения их живьем. Он придумал дьявольский метод: поселял прокаженных «с разлагающимися руками, покрытыми кровью и гноем» вместе с монофизитами, пока последние не образумятся[6].

Сама Евхаристия стала важным средством религиозного террора. На протяжении эпохи религиозных войн кто-то регулярно (и часто) отлучал других от церкви и предавал их анафеме, а из этого следовало, что отлученных не допускали к причастию. В отдельных случаях причастие давали, используя физическую силу, так что Евхаристия, основанная на идеях о самоотдаче и самопожертвовании, становилась орудием угнетения. Историк VI века рассказывает о том, как силы константинопольского патриарха, сторонника Халкидона, пытались искоренить очаги монофизитства в столице. Клирики патриарха с запасами освященного хлеба были вооружены и опасны. Они «выволакивали [монахинь] и заста-

[5] Edward Gibbon, *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire* (London: Henry G. Bohn, 1854), 5:235.

[6] Witold Witakowski, trans., *The Chronicle of Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre* (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1996), 35–36.

вляли их силой принимать причастие из своих рук. А те разбегались, подобно птичкам перед ястребом, забивались в угол и, завернувшись в покрывала, говорили: «Мы не можем иметь общение с Халкидоном, разделившим Христа, Бога нашего, на две природы вместо соединения и учащим о Четверице вместо Святой Троицы». Но их протесты ничего не значили. «Их силой подводили к причастию; когда они воздевали руки над головой, несмотря на их крик, руки им связывали и их тащили, несмотря на причитания, рыдания, громкие крики и попытки вырваться. И затем одним из них вкладывали в рот причастие, несмотря на их вопли, тогда как другие падали лицом на землю и проклинали тех, кто заставляет их причащаться силой»[7]. Они принимали Евхаристию в буквальном смысле с криком и дракой – но считалось, что после такого причащения они вступали в общение с Халкидоном и церковью, проповедующей это учение.

> Религиозная карта нашего мира во многом была создана **под влиянием спора о природе Христа**. Первенствующая церковь сохранила веру **в то, что Христос** был в полной мере человеком, **ценой потери** половины **мира**

Битвы за понимание природы Христа отнюдь не ограничивались пределами церкви, ужасные гражданские войны продолжались и спустя двести лет после Халкидона. Этот вопрос казался столь важным, столь существенным для веры и будущего христиан, что бойцы с обеих сторон были готовы вносить разделения, подрывавшие силу церкви и империи, и создавать угрозу революций и гражданских войн. В итоге эти раздоры подорвали власть Рима в восточном мире, способствовали подъему ислама и уничтожению христианства во многих частях Азии и Африки. Среди победителей в этом конфликте оказался не только ислам, но и христианство Европы – точнее сказать, в результате Европа стала бастионом христианства. Таким образом, религиозная карта нашего мира во многом была создана под влиянием спора о природе Христа. Первенствующая церковь сохранила веру в то, что Христос был в полной мере человеком, – но ценой потери половины мира.

Религия строила политический мир, но и политика, в свою очередь, влияла на характер религии. Когда мы рассматриваем основные элементы того, что стало ортодоксальным учением церкви, мы видим, что многие ключевые представления обрели свой особый статус в силу тех или иных исторических событий, то есть по воле случая. Исход споров V и VI веков определяли не чисто религиозные вещи, но достаточно внешние факторы. Нельзя сказать, что одна из сторон нашла более весомые аргументы или глубже проникла в суть Писания и тексты отцов: обе они умело отстаивали свои позиции. Обе стороны могли указать на героических подвижников или явных святых в своей среде. Но куда более важную роль здесь имели интересы и склонности враждующих императоров и императриц, позиции соревнующихся между собой князей церкви и их сторонников, а также военные успехи и неудачи империи в борьбе с варварами. Если несколько упростить картину, можно сказать так: судьба доктрины церкви зависела от того, как империя сражалась с Аттилой, предводителем гуннов.

В долговременной перспективе исход христологического спора зависел лишь от одного: от того, какая сторона займет господствующее положение в христианской Римской империи, так что ее мнение будет признано ортодоксальным. А это политический предмет, на который влияли случайности географии и военные успехи. Из того, что такое-то мнение признано ортодоксальным, не следует, что оно изначально и неизбежно должно было таковым стать: церковь Римской империи оказалась правой в силу того, что она выжила. А все это чистая случайность, прихоть судьбы – конечно, мы можем думать иначе, если в соответ-

[7] Цитируется по: R. Payne Smith, ed., *The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1860), 7–8.

ствии с традицией, общей для христиан, иудеев и мусульман, видим Божью руку в как будто бы хаотичных событиях мировой истории.

Хотя эти споры могут показаться нам чем-то давно устаревшим, в них звучали важнейшие темы, которые волновали христианский мир и позднее: при возникновении Реформации, в конфликте между верой и наукой Викторианской эпохи, – и продолжают его волновать и в наши дни. На Великих соборах, включая Халкидон, обсуждались такие ключевые вопросы, как власть в религии, отношения между церковью и государством, методы понимания и толкования Писания, этика и поведение христиан и средства спасения.

Древние войны за Иисуса касались четырех важнейших вопросов, которые в той или иной мере окрасили собой все последующие споры между христианами. Это, в первую очередь, с виду простой вопрос, заданный Иисусом: «За кого вы меня почитаете?» А он лежит в основании трех последующих вопросов: «Что такое церковь?», «Какой властью вы это делаете?» И что мне делать, чтобы спастись? Эти споры о природе Христа, возможно, глубже касаются самых основ христианской веры и практики, чем какие-либо последующие споры.

0. Термины и определения

Рассматривая споры, которые раздирали христианский мир в V веке, нам надо с самого начала познакомиться с важнейшими терминами – и я должен объяснить, почему ими стоит пользоваться осторожно.

Главным образом речь здесь идет о *монофизитстве*, которое противостояло тому, что стало официальным богословием Римской империи, однако этот термин ставит перед нами некоторые проблемы. Среди противников Халкидона были подлинные монофизиты, которые верили в то, что Христос обладает одной божественной природой, но были и другие оппоненты, занимавшие более умеренную позицию. Они тоже считали, что воплотившийся Христос обладает одной природой, но думали, что эта природа включает в себя и божественный, и человеческий компоненты. Эту группу людей правильнее называть *миафизитами*, и некогда их взгляды были широко распространены. Сегодня миафизитство представляют большая Коптская церковь Египта и так называемые восточные православные церкви Сирии, Эфиопии и Армении. Эти церкви не считают себя монофизитскими, хотя большинство историков их так называют.

В формальном богословии халкидонцев и миафизитов существует немало общего, и нынешние представители обоих направлений признают, что многие их вероучительные положения совпадают. Но во времена неистовых религиозных баталий V и VI веков дело выглядело иначе: в те времена отличия смотрелись гораздо резче, а идеи чистого монофизитства встречались повсеместно. Ярлык «монофизитства» получил широкое распространение отчасти под влиянием риторики, поскольку тогда каждая сторона в спорах пыталась как можно ярче продемонстрировать нелепость и возмутительный характер мнений своих противников. Так, например, сегодня американские консерваторы могут называть либералов коммунистами, а либералы в свою очередь могут назвать своих врагов фашистами. В древности халкидонцы называли своих оппонентов из миафизитов обидным прозвищем «монофизиты», и это имя за ними закрепилось.

Даже историки, которые прекрасно разбираются в богословии, продолжают называть египетских, сирийских и прочих противников халкидонцев монофизитами, хотя они понимают, что данный термин далеко не точен. Великий историк У. Х. К. Френд, который глубоко разбирается в этой эпохе, опубликовал ценный труд под названием «Развитие монофизитства». В настоящей книге я стремился не употреблять термина *миафизит*, потому что он ничего не говорит тем, кто не занимается академическим богословием. Вслед за Френдом я буду пользоваться словом *монофизит*, в том числе говоря о церквах, возникших в VI веке. Но, как я уже говорил, я прекрасно понимаю несовершенство этого термина.

Попытка дать описание мнениям сторонников Халкидона также натыкается на проблемы. Когда историки размышляют о той эпохе, они порой называют эти взгляды *ортодоксальными*, но этот термин отражает определенные тенденции. Буквальный смысл этого термина – «правильное учение», но, разумеется, каждый склонен думать, что его особое понимание самое верное. Мы называем эти мнения ортодоксальными главным образом в силу того, что их поддерживала церковь Рима и папы, а затем эта церковь пережила эпоху политических бедствий, которые потопили ранее великие центры веры, такие, как Антиохия и Александрия. В эпоху великих споров о природе Христа противники Халкидона также называли себя сторонниками ортодоксии, и при ином ходе событий они могли бы оказаться победителями. Каждый, хотя бы про себя, всегда считает себя «ортодоксом». Английский епископ Уильям Ворбартон честно объяснил это явление: ортодоксия – это мое понимание; гетеродоксия – это мнение другого человека.

Какой же термин нам подойдет? Слово *халкидонцы* указывает на определенное время; мы не можем называть так людей, которые придерживались этих взглядов до Халкидона. Поэтому, не без осторожности, я иногда буду пользоваться термином *ортодоксальный,* или *ортодоксально-кафолический,* как антитезой для прилагательного «монофизитский». Чтобы не перегружать мой текст утомительными кавычками или фразами вроде *так называемый*, я буду использовать эти термины без оговорок и уточнений, которые здесь были бы уместны.

Чтобы избежать лишних суждений «задним числом», в этой книге я буду говорить об *одной природе* и *двух природах* – эти термины у меня отражают общую религиозную позицию. Я надеюсь с их помощью показать, какое положение люди занимают в споре, не пытаясь при этом отнести их к какой-то определенной группировке или движению.

> С конца V века в церкви Римской империи существовало пять **великих патриархатов: Римский, Константинопольский,** Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский

Хотя это менее важный вопрос, нам следует определиться с терминами для обозначения великих церквей, господствовавших в христианском мире, а также пап и патриархов, которые ими руководили. С древних времен лидеров церкви стали называть епископами, а некоторые из них носили более почетные титулы. Так, епископа Рима стали называть папой, хотя данный титул носили и некоторые другие епископы, в частности глава Александрийской церкви. В данной книге термином *папа* без уточнений я буду называть епископа Рима.

С конца V века в церкви Римской империи существовало пять великих патриархатов: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Формально эта структура получила признание в 451 году, тем не менее представление о великих престолах, обладающих патриаршей властью, восходит к концу IV века. Хотя это будет незначительным анахронизмом, иногда я буду называть *патриархом* епископа, облеченного соответствующей властью, даже если речь идет о времени, предшествовавшем формальному признанию данного титула.

Поскольку все события, о которых идет речь в данной книге, относятся к христианской эпохе, у меня не было нужды уточнять, когда они произошли: «до нашей эры» или после. Таким образом, я просто пишу «431 год», а не «431 год н. э.».

1. Суть дела

Пусть те, кто разделяют Христа, будут рассечены мечом, да разделят их на части, да сожгут их живьем!
Второй Эфесский собор, 449

В 449 году самые выдающиеся отцы христианской церкви собрались в Эфесе, городе в Малой Азии, чтобы обсудить насущные богословские проблемы. В критический момент залом овладела толпа монахов и солдат, которые заставили епископов подписать чистые листы бумаги, на которых позже победители поместили свои вероучительные положения. Этот документ содержал нападки против константинопольского патриарха Флавиана, одного из трех-четырех наиболее влиятельных священнослужителей христианского мира. Толпа монахов с криками «Убить его!» набросилась на Флавиана и так сильно его избила, что он скончался несколько дней спустя. Это было столь вопиющим насилием, что окончательные победители в споре объявили этот собор незаконным. Его назвали *Latrocinium* – «Разбойничьим собором»[8].

Позднее в истории христиане не раз применяли насилие, особенно против иноверцев, но в данном случае противные стороны по многим пунктам были согласны между собой. Они читали то же Писание, придерживались одних и тех же представлений о церкви и иерархии и согласно верили, что Иисус Христос был воплощенным Богом, вторым лицом Святой Троицы. Но они яростно спорили о природе Христа. Враги Флавиана с их армией монахов верили в единую природу Христа, где преобладала божественная часть. Им казалось, что партия Флавиана, отвергшая эту истину и провозгласившая две природы, предала самую суть христианства. Они в буквальном смысле считали, что Флавиан разделил Христа на части[9].

Современного человека ставит в тупик такая жестокость, вызванная, казалось бы, рядовым философским спором. Это спор, как кажется нам, о самых утонченных определениях – таких же причудливых, как знаменитый диспут о количестве ангелов, умещающихся на головке булавки. Что здесь могло вызвать столь отчаянную ненависть? Фактически за этим спором стоит один парадокс, стоящий в самом центре христианской веры. Христиане должны верить в то, что их Бог в полном смысле слова человек и в полном смысле божество, но при таком раскладе слишком легко поместить центр тяжести в одну или другую сторону. Либо мы считаем Христа только Богом, и тогда он уже лишен человеческих свойств, не причастен нашему человеческому опыту и становится божеством на небесах вроде Зевса или Тора; либо мы так сильно выделяем человеческую сторону, что отвергаем божественный элемент и ставим под сомнение воплощение. Мы также можем проповедовать Христа, обладавшего двумя природами и двумя сознаниями, в буквальном смысле нечто шизофренически расщепленное. Противники Флавиана – несправедливо и неверно – видели грех патриарха именно в этом, и их жестокость была реакцией на то, что он нанес великое оскорбление Сыну Божьему.

Жестокость, вызванную спорами о Христе, как и любые гонения и насильственные **обращения, оправдать невозможно**

[8] Richard Price and Michael Gaddis, eds., *The Acts of the Council of Chalcedon* (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2007), 2:156 for «Slaughter him!» For the «Gangster Synod», see William Bright, *The Age of the Fathers* (London: Longmans, Green, 1903), 2:479–494; John Chapman, «Robber Council of Ephesus», *Catholic Encyclopedia* (1909), vol5., at http://www.newadvent.org/cathen/05495a.htm.

[9] W. H. C. Frend, *The Rise of the Monophysite Movement* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972); W. H. C. Frend. *The Rise of Christianity* (Philadelphia: Fortress, 1984).

Эту жестокость, как и любые гонения и насильственные обращения, оправдать невозможно. Но древние христиане правы в том, что страстно относились к этому вопросу, хотя они и применяли сомнительные средства. Главный предмет спора отнюдь не походил на философские тонкости, но речь шла о важнейшем вопросе для идентичности христианства и для развития веры на протяжении его дальнейшей истории. Споры о Христе имели и имеют последствия, причем они влияют не только на религию, но и на политику и культуру[10].

Битвы за Иисуса

В первые века христианства существовала мощная тенденция делать Христа более божественным и небесным. Во всех религиях самые первые пророки и основатели оказываются на высоком пьедестале. Будда, обращаясь к ученикам с последними словами, велел своим последователям не полагаться ни на каких внешних спасителей, но через несколько веков Будда стал божественным существом из иного мира, так что его останки окружили почетом и чуть ли не поклонялись им как самостоятельной святыне. Перед христианами также постоянно стояло искушение превратить Христа в божественную личность, свободную от всего человеческого. Когда христианство становилось законной верой и господствующей религией в империи, верующие обычно начинали воображать себе небесного судью или правителя вселенной, всевластного *pantokrator*, который взирает на людей с купола грандиозной базилики, так что крайне трудно увидеть в нем что-либо человеческое.

В недавние годы слишком человеческие образы Христа воспламеняли ярость в тех, кому трудно себе представить, что он погружен в мирские заботы. В 1980 году образ Иисуса, имеющего жену и детей, вызвал обвинения в богохульстве в адрес фильма «Последнее искушение Христа». Многих людей исполняет негодованием сама мысль о том, что основоположник христианства мог испытывать человеческие страсти и слабости, сомневаться в своем призвании или мучительно думать о своей миссии. Человеческая сексуальность относится к тем вещам, которые никак невозможно соединить с чисто божественным существом. Христос ходит среди людей как некий божественный турист[11].

И тем не менее, на протяжении веков другие христиане боролись за то, чтобы сохранить человеческий лик Иисуса, и помещали его на поверхность земли и в среду людей. Отчасти это объясняется распространенной потребностью людей в доступном божестве, в том, кто понимает нашу жизнь и слышит наши молитвы. И даже там, где Христа помещали в недостижимую для людей сферу, появилась его замена в виде любящей Марии, девы и матери. Тем не менее образ Иисуса как человека ярко представлен в Новом Завете. Верующие никогда не могли забыть о жителе Галилеи, который страдал от физических мук, который знал сомнения и искушения, который стал братом и образцом для страдающих людей. Они знали, что Иисус плакал[12].

На протяжении двух тысячелетий христиане снова и снова пытались решить вечный конфликт между христологией сверху и христологией снизу, но именно во время соборов V века споры шли о самой сути христианства. В некоторые десятилетия той эпохи могло показаться, что церковь неизбежно откажется от веры в человеческую природу Христа и будет смотреть на него исключительно как на божественное существо[13].

---

[10] О стойких религиозных и культурных тенденциях той эпохи см. Peter Brown, *The Rise of Western Christendom,* rev. ed. (Oxford: Blackwell, 2003). Gerald O'Collins, *Christology* (New York: Oxford Univ. Press, 1995). Кроме того, работая над данной книгой, я пользовался Henry Chadwick, *The Church in Ancient Society* (New York: Oxford Univ. Press, 2001).

[11] Thomas R. Lindlof, *Hollywood Under Siege* (Univ. Press of Kentucky, 2008).

[12] Averil Cameron, «The Cult of the Virgin in Late Antiquity», in R. N. Swanson, ed., *The Church and Mary* (Woodbridge, UK: Boydell, 2004), 1—21; Miri Rubin, *Mother of God* (New Haven: Yale Univ. Press, 2009).

[13] Stephen W. Need, *Truly Divine and Truly Human* (Peabody, MA: Hendrickson 2008).

Образ Иисуса как человека ярко представлен в Новом Завете

Если оставить в стороне детали, эта история достаточно проста. За всеми богословскими спорами стояла борьба между великими патриархатами – Александрийским и Антиохийским, – а Константинополь был здесь главным полем битвы. Антиохия подчеркивала реальность человеческой природы Христа; Александрия отвергала любые формулировки, которые отделяли человеческое от божественного. В 20-х годах V века монах Несторий, ставший архиепископом Константинополя, привез с собой сюда антиохийское учение, а за этим последовала катастрофа. На Первом Эфесском соборе 431 года Несторий был осужден за то, что учил доктрине двух природ, разделявших божественное и человеческое[14]. (См. приложение к данной главе «Великие соборы церкви».)

После низложения Нестория сторонники одной природы попытались с новой силой добиться признания своего учения при мощной поддержке со стороны александрийских патриархов. В 449 году партия единой природы совершила «военный переворот» на Втором Эфесском – «Разбойничьем» – соборе, провозгласив правоту своей доктрины, но порвав при этом отношения с римскими папами. На протяжении последующих двух лет партия ортодоксов-кафоликов удивительным образом укрепила свои позиции. Прежде всего, они объединились вокруг одного текста – послания папы Льва, которое носит название «Томос». Кульминацией их политического воскресения стал Халкидонский собор 451 года, который признал Томос как верное руководство по христологии. Постепенно – на это ушло около одного столетия – Халкидон стал краеугольным камнем ортодоксии империи[15].

Несколько десятилетий спустя после собора один писатель латинского Запада суммировал выводы собора в виде серии богословских положений, снабдив их грозным заключением. Дав детальное описание эдиктов Халкидона, Афанасьевский символ веры (который на самом деле не имеет никакого отношения к почитаемому святому Афанасию) провозглашает: «Это – кафолическая вера. Тот, кто искренне и твердо не верует в это, не может обрести спасения». Здесь в буквальном смысле сказано следующее: твое вечное спасение зависит от точного исповедания правой веры – от тех определений, которые были предложены в 451 году[16]. (См. Таблицу 1.)

Таблица 1

Афанасьевский символ веры

> …Кроме того, для вечного спасения необходимо твердо веровать в воплощение нашего Господа Иисуса Христа.
>
> Ибо праведная вера заключается в том, что мы веруем и исповедуем нашего Господа Иисуса Христа Сыном Божиим, Богом и Человеком.
>
> Богом от Сути Отца, порожденным прежде всех веков; и Человеком, от естества матери Своей рожденным в должное время.
>
> Совершенным Богом и совершенным Человеком, обладающим разумною Душою и человеческим Телом.

---

[14] Pauline Allen, «The Definition and Enforcement of Orthodoxy», in Averil Cameron, Bryan Ward-Perkins, and Michael Whitby, eds., *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity and Successors a.d.425–600* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000), 811–834; Mark Edwards, «Synods and Councils», in Augustine Casiday and Frederick W. Norris, eds., *The Cambridge History of Christianity: Constantine to c.600* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007), 367–385; and Karl-Heinz Uthemann, «History of Christology to the Seventh Century», in the same volume, 460–500.

[15] Grillmeier, *Apostolic Age to Chalcedon*, 520–542; Robert Victor Sellers, *The Council of Chalcedon* (London: S. P. C. K., 1953); Price and Gaddis, eds., *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:1—75. В 1951 году католическая церковь все еще считала собор достаточно важным, чтобы устроить торжества в честь его 1500-летия: Alois Grillmeier, ed., *Das Konzil von Chalkedon*, 3 vols. (Wrzburg, Germany: Echter-Verl, 1951).

[16] J. N. D. Kelly, *The Athanasian Creed* (New York: Harper and Row, 1964).

> Равным Отцу по Божественности и подчиненным Отцу по Своей человеческой сущности.
>
> Который, хотя и является Богом и Человеком, при этом является не двумя, но единым Христом.
>
> Единым не потому, что человеческая сущность превратилась в Бога.
>
> Полностью Единым не потому, что сущности смешались, но по причине единства Ипостаси.
>
> Ибо как разумная душа и плоть есть один человек, так же Бог и Человек есть один Христос…
>
> Это – кафолическая вера. Тот, кто искренне и твердо не верует в это, не может обрести спасения.
>
> ИСТОЧНИК: J. N. D. Kelly, The Athanasian Creed (New York: Harper and Row, 1964).

Таким образом, Первый Эфесский и Халкидонский соборы определили форму христианского богословия до нынешнего дня, заявив, что из правильного представления о Христе невозможно устранить ни божественный, ни человеческий аспекты. Христос не просто происходит *из* двух природ; он существовал *в* двух природах. Как писал папа Лев, быть голодным и жаждать, утомляться и спать – это явно человеческие проявления; но не менее очевидна божественность Христа, который мог напитать пять тысяч и ходить по воде или приказывал буре умолкнуть. Иисус как человек плакал о своем друге Лазаре, и здесь же божественный Христос произнес слова, которые воздвигли его друга из мертвых. Папа Лев заключает: «Ибо его человечество, которое меньше Отца, исходит от нашей стороны; его божество, которое равно Отцу, исходит от Отца». Мы уже настолько свыклись с победой Халкидона, что эти слова Томоса кажутся нам простым и даже утешительным выражением христианской веры. Тем не менее, Томос, хотя его автор искал верные и уравновешенные формулировки, вызвал гневные протесты в старейших центрах христианской веры[17].

Что, если Бог был одним из нас?

Битва вокруг вопроса о природах окрашивает наши основополагающие представления о мире. Тот, кто считает Христа исключительно божественным, не склонен замечать ничего доброго в материальном мире и обычно противопоставляет абсолютно благой духовный мир до конца испорченному материальному творению. Тот же, кто верит в Христа как человека, в большей мере готов увидеть потенциальную благость материального мира. Хотя (понимает он) этот мир глубоко погряз в грехе, он по крайней мере доступен искуплению. Вера в воплощение ведет к пониманию сакраментального. По мнению папы Льва, отрицание двух природ влечет за собой еще более серьезные богословские заблуждения: «их слепота погружает их в такую бездну, что для них лишаются основы и Страсти Господа, и его воскресение. Обе эти вещи в Спасителе ставятся под сомнение, если мы не верим в то, что он обладал нашей плотской природой». Материальные действия ведут к искуплению материального мира[18].

В итоге в центре споров V века стояло искупление, и христианство, лишенное этой идеи, развивалось бы совершенно по-другому. Христиане уже давно размышляли о смысле смерти Христа, и, даже если церкви понимали его по-разному, большинство из них

---

[17] Цитаты из Льва Великого, «Letters and Sermons», in Philip Schaff and H. Wace, eds. *A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church* (New York: Christian Literature Company, 1895), series 2, vol.12, 39–43; p.41; о Лазаре:.Alois Grillmeier, *Christ in Christian Tradition*, vol.2, *From the Council of Chalcedon (451) to Gregory the Great (590–604)* (London: Mowbray, 1996); Bernard Green, *The Soteriology of Leo the Great* (New York: Oxford Univ. Press, 2008).

[18] Видоизмененная цитата из Льва Великого по «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 58.

сходилось на том, что Христос был причастен человеческой природе и это позволило ему через свою жертвенную смерть искупить человечество. Доктрина искупления имеет какой-то смысл лишь в том случае, если Христос был в полной мере человеком, то есть обладал телом из плоти, а кроме того, имел волю и ум человека. Как писал отец церкви Григорий Назианзин, «если кто-либо верит во Христа как человека без человеческого ума, таковой сам лишен ума и недостоин спасения. Ибо того, чем Христос не обладает, он и не исцелил»[19].

Однако именно такая причастность Христа к человечеству смущала тех, кто верил в одну природу. Если Христос не был в полном смысле божественным, говорили они, его смерть не могла нас спасти. Более того, Христос пришел, чтобы дать нам не только спасение, но и обожение – это представление до сих пор важно для некоторых восточных церквей, включая православную. Как заявил в IV веке великий александрийский епископ Афанасий, Сын Божий стал человеком, чтобы мы могли стать Богом, и только во всей полноте божественный Христос мог передать своим последователям эту божественность. Это было удивительным обетованием[20].

От понимания человеческой природы Христа зависят и те нравственные уроки, которые верующие черпают из его жизни и смерти. На одном полюсе стояли такие сторонники единой природы, как Аполлинарий, который видел в Христе нечто вроде автомата, которым сверху управлял Логос: такой Христос не мог бы по-настоящему подвергаться искушениям, не мог мучиться нравственными дилеммами или преодолевать соблазны, толкающие на зло. *Разумеется*, Аполлинарий предполагал, что Бог способен противостоять искушению и греху, но что в этом ценного для нас? Если Аполлинарий прав, нам остается лишь поклоняться божественному непревзойденному герою, который пришел избавить нас от темных сил, держащих весь мир в плену. Однако подлинные сторонники двух природ, такие, как Павел Самосатский в III веке, учили совершенно иному. По их мнению, человек Иисус стал Христом, когда на него сошел Божий Дух, и следовательно, божественным он стал во многом благодаря чистоте и святости своей жизни. Павел учил, что обычные верующие могут и должны подражать Иисусу[21].

От понимания человеческой природы Христа зависят нравственные уроки, **которые верующие черпают из его** жизни и смерти

Подобные этические соображения были чрезвычайно важны для богословов антиохийской школы, которые оказались в передних рядах бойцов, когда начались войны за Иисуса. Хотя они отвергали грубые представления об отделении одной природы от другой, они отстаивали наличие человеческой воли во Христе. По их мнению, Христос активно сопротивлялся искушениям и стремился делать добро, а затем искупил грех и своей смертью, и примером своих добрых дел. Тем самым он показал обычным людям путь ко спасению и дал человеческой природе потенциальную возможность возвыситься до уровня божественной. Используя название одной из самых известных христианских книг во всей истории, можно сказать, что «подражание Христу» не просто возможно, но и необходимо. Когда сегодня либеральные богословы заявляют, что слишком возвышенный образ Иисуса делает его этическое учение недостижимым, они воскрешают один из самых древних споров христианского мира[22].

---

[19] Цитируется по J. Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies* (London: S. P. C. K., 1966), 98. Donald Fairbairn, *Grace and Christology in the Early Church* (New York: Oxford Univ. Press, 2003).

[20] Norman Russell, *The Doctrine of Deification in the Greek Patristic Tradition*, rev. ed. (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

[21] Frend, *Rise of Christianity*.

[22] Paul B. Clayton, *The Christology of Theodoret of Cyrus* (New York: Oxford Univ. Press, 2007). В качестве современного примера можно вспомнить о спорах вокруг богослова из иезуитов Иона Собрино, христологические представления которого навлекли на себя яростную критику со стороны Ватикана. См., например, его книгу Jon Sobrino, *Christology at the*

Эти споры касаются не только богословия, но и того, что мы называем реальным миром, – хотя тогдашние богословы, несомненно, сказали бы, что этот термин указывает на небеса, а не на эту временную жизнь. Мысль о человеке по имени Иисус на протяжении всей истории Запада вдохновляла людей на подражание ему: это выражалось в общественной деятельности и политических реформах, не говоря уже о мистическом поиске и искусстве. В сравнительно недавние времена сторонники теологии освобождения заговорили о таком Иисусе, который действительно опустошил себя, отказавшись от божественных привилегий и почетного статуса, и ходил по земле как один из самых бедных и презираемых людей. Он одновременно и образец для бедняков, и их вождь в борьбе за справедливость. Как убедительно говорил Чарльз Шелдон в своем романе 1897 года «По его стопам», где говорилось о радикальной социальной реформе, христиане должны задавать себе такой вопрос: «Что бы сделал Иисус?» Конечно, бесчисленные провалы в истории христианства показывают, что верующие не всегда задавали себе этот вопрос или не всегда могли на него правильно ответить. Но стремление к этому никогда не умирало.

Можно вспомнить и о другом этическом вопросе: как мы судим о том, насколько весомы слова Христа, записанные в Новом Завете? Для простоты допустим, что Писание верно передает высказывания Иисуса, хотя, конечно, это, быть может, и не всегда верно. Когда Иисус рассказывает притчу или что-то утверждает, что мы слышим: слова, буквально и непосредственно исходящие от Бога, или мысли человека, на которые накладываются ограничения его времени и места? Возьмем конкретные примеры: если Иисус говорил с божественным авторитетом, верующим следует всерьез принять его слова о радикальном отличии света от тьмы, а также в буквальном смысле верить в дьявола и бесов. Признавая Христа человеком, верующий не обесценивает и не отвергает его учение, но ему приходится больше размышлять о том, какой авторитет несут данные слова и как их применить в современных условиях.

Божественный или богочеловеческий Христос? Чтобы лучше понять два этих подхода, стоит задаться вопросом: что именно боялась потерять каждая сторона в случае победы противников? У тех и других в самом центре веры стояла мысль об Эммануиле, о *Боге с нами*. И те и другие по-своему опасались такого богословия, которое бы закрывало перед людьми возможность получить доступ к полноте божественного, но у каждой стороны было свое решение этого вопроса. С точки зрения антиохийцев, вера в одну природу, которая делала Христа совершенно божественным, отделяла его от человечества и делала во всем непохожим на человека. Эта вера также приводила к ужасающе абсурдному выводу, что Бог Творец страдает и умирает, то есть, говоря богословским языком, «подвержен страстям». Сторонники же одной природы желали, чтобы ничто не ставило под сомнение характер тесной связи между Богом и человечеством. Эта связь должна быть полным соединением, а не частичным пересечением или случайным союзом. Они боялись, что чужое богословие ослабит образ Христа, сделает его чем-то меньшим, нежели явление Бога в нас. Обе стороны преследовали одну и ту же цель, но двигались к ней по совершенно разным дорогам[23].

Живой Христос

Сохранение веры в Христа как человека также не позволяло помещать божественное в некую чуждую нам и невообразимую сверхъестественную сферу. Если Христос был человеком по имени Иисус, значит, он родился в конкретное время в таком-то месте и был евреем. Даже папа Лев, который с большим презрением относился к евреям и иудаизму, утверждал,

---

Crossroads (Maryknoll, NY: Orbis Books, 1978).

[23] Brown, *Rise of Western Christendom,* 113–122. Jaroslav Pelikan, *Jesus through the Centuries* (New Haven: Yale Univ. Press, 1999).

что Иисус был стойко укоренен в своем еврейском наследии и в мире Ветхого Завета. Родословные, содержащиеся в Евангелиях, – перечень родителей и их потомков, над которым засыпает современный читатель, – однозначно указывают на то, что Иисус был человеком. Халкидон обрекает на неудачу любую попытку оторвать Иисуса от иудаизма.

Халкидон обрекает на неудачу любую попытку оторвать Иисуса **от иудаизма**

Подобным образом, у каждой стороны был свой подход к Библии. Александрийцы опирались на традицию греческой философии и использовали тексты Писания, чтобы проиллюстрировать свои выводы. Каждое слово и каждая строка Библии становилась аллегорией, передающей духовную истину, которая могла быть никак не связана с подлинными историческими событиями в Палестине I века. Несторий же, в духе Антиохии, читал текст Писания в свете исторических событий, а уже затем размышлял над его значением и истолкованием. Если читать Евангелия таким образом, трудно не увидеть в нем человеческого Христа, человека, который плакал. Халкидонские определения подтверждали, что библейская истина обладает скорее реальной, чем символической природой[24].

Не менее важную роль в этих спорах сыграло стремление сохранить женское лицо божественного. На фоне споров V века неожиданно сделался крайне популярным культ Девы Марии, и одновременно верующие стали утверждать, что она есть Матерь Бога в буквальном смысле слова. Язычники смеялись над этими явлениями, видя в них введение культа новой богини, но они возмутили также и многих христиан. Некоторые считали, что сама идея Матери Божией есть абсурд, – так, Несторий в изумлении спрашивал, действительно ли Бог присутствовал в мире в лице двухмесячного младенца, – другие же отвергали любую попытку поставить под сомнение божественность Христа на любом этапе его земной жизни. По крайней мере в этом вопросе сторонники одной природы целиком и полностью соглашались с ортодоксально-кафолической церковью, так что поклонение Марии получило повсеместное распространение. В почитании Матери Божией особенно выделялись египетские христиане, ее образ стал предметом великой традиции раннего изобразительного искусства, а коптская монофизитская церковь давно славилась своим особым любовным отношением к Марии[25].

Вера в Иисуса как человека также способствовала развитию и распространению христианского изобразительного искусства и тем самым повлияла на западную культуру. Мы с легкостью забываем о том, что эта традиция была чрезвычайно удивительным феноменом. Монотеистические религии нередко крайне подозрительно относятся к произведениям изобразительного искусства – будь то священные образы или изображения людей. Отчасти за этим стоит страх перед идолопоклонством, но эта тенденция также отражает нежелание пытаться изображать священное. Хотя такое отношение к изображениям не универсально – в какие-то исторические моменты благочестивые верующие как из мусульман, так и из иудеев изображали человеческие фигуры, – оно получило широкое распространение. Христианство, несомненно, могло бы пойти тем же путем, и в различные периоды его истории возникали иконоборческие движения, когда верующие уничтожали священные образы. Тем не менее христианское изобразительное искусство выжило и представило нам богатые образы человечности Христа – изображения ребенка и его матери, учителя и распятого страдальца.

---

[24] Clayton, *Christology of Theodoret of Cyrus.*

[25] Elizabeth S. Bolman, ed., *Monastic Visions* (New Haven: Yale Univ. Press, 2002); Robert S. Nelson and Kristen M. Collins, eds., *Holy Image, Hallowed Ground* (Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2006). For Christ as infant, see Evagrius, «History of the Church», in Edward Walford, ed., *A History of the Church* (London: Henry G. Bohn, 1854), 258; Nestorius, *The Bazaar of Heracleides*, ed., G. R. Driver and Leonard Hodgson (Oxford: Clarendon, 1925), 137–138.

Утрата половины мира

То, как христиане вспоминали об этих соборах, многое говорит нам о процессе создания христианской истории и по аналогии о процессе создания истории других великих феноменов и движений. Часто мы слышим жалобу на то, что историю пишут победители, но здесь ситуация еще хуже. Фактически историки описывают события с точки зрения тех, кто станет победителем позже, хотя в описываемый момент эта победа совершенно неочевидна. Именно это происходит тогда, когда мы воспринимаем Халкидон как окончательный триумф ортодоксии[26].

Обычно 451 год описывают как решительный прорыв, как критически важный переход от древнего периода возникновения веры к ее тысячелетней зрелости и Средневековью. Однако при этом забывают о примерно столетии после Халкидона, когда его сторонники вполне могли бы утратить господствующее положение. Между 451 и 540-ми годами халкидонцы и их противники набирали и теряли вес в глазах римской власти, и в отдельные десятилетия монофизиты брали под контроль не только империю, но и большинство епископских и патриарших кафедр. Хотя после 451 года халкидонское исповедание стало официальным символом веры империи, тем не менее на протяжении столетий во многих местах – в Египте, Сирии и Палестине – халкидонцы составляли в лучшем случае подозрительное меньшинство. Споры о природе (или природах) Христа все еще кипели и в 650, и в 800 годах. И во многих частях мира сокрушительную победу одержали противники Халкидона. И вопрос об исходе битвы все еще оставался нерешенным.

Несмотря на лозунги тогдашних богословов, Христа никто не разделял,
но вот христианский мир действительно разделился, причем необратимо

Несмотря на лозунги тогдашних богословов, Христа никто не разделял, но вот христианский мир действительно разделился, причем необратимо. Разделения между христианами не были совершенно новым явлением. По крайней мере с тех пор, как апостолы покинули Иерусалим, в любой момент истории, вероятно, существовали церкви, которые отказывались признавать верными какие-то соперничающие группы христиан. В середине IV века, возможно, половина всех христиан принадлежала к группе, которую великая церковь считала еретической или раскольнической, и при этом продолжали происходить новые разделения[27]. С исторической точки зрения мир, разделенный на деноминации, для христианства скорее является закономерной нормой, чем исключением. Конфликты между церквами начинаются буквально с самого первого дня возникновения христианства.

Однако разделение христиан после Халкидона было беспрецедентным по своим масштабам. Устойчивое сопротивление официальной доктрине породило два массовых и крепких движения, которые партия победителей называла еретическими: несториан и монофизитов, – и наследники обоих движений существуют и в наши дни. С точки зрения исторической традиции и преемственности эти церкви имеют куда больше права претендовать на связь с истоками христианства – по своей географии, культуре и языку, не говоря уже об этнической принадлежности, – нежели новоявленные общины, которыми руководили Рим и Константинополь[28]. На протяжении столетия со дней Халкидона христианский мир разделился на несколько великих церквей, каждая из которых была представлена на разных континентах: на ортодоксов-кафоликов, монофизитов, несториан и ариан. Хотя все эти церкви полно-

[26] Euan Cameron, *Interpreting Christian History* (Oxford: Blackwell, 2005).

[27] Ramsay MacMullen, *Christianizing the Roman Empire a.d.100–400* (New Haven: Yale Univ. Press, 1986), 93.

[28] Philip Jenkins, *The Lost History of Christianity* (San Francisco: Harper One, 2008).

стью соглашались одна с другой по важнейшим вопросам, каждая из них считала себя единственной истинной церковью, не признавала остальных и отказывала им в евхаристическом общении. Уже к 550 году христианский мир был так же сильно разделен, как и в позднейшей истории, когда уже существовали католические, протестантские и православные церкви.

Назад, в катакомбы

История несогласных восточных церквей может заставить нас пересмотреть наши привычные представления о политическом пути христианства. Согласно всем известному клише, христианство радикальным образом изменилось, когда заключило союз с Римской империей при Константине, так что в этой сделке с дьяволом церкви отреклись от своих принципов, чтобы получить взамен власть и богатство. Но на самом деле Халкидон вынудил важнейшее тогдашнее историческое ядро церкви отказаться от союза с Римом, так что оно скоро оказалось в оппозиции государству, что, вероятно, представляет собой естественную позицию христианства. После двух потрясений 431 и 451 годов на Востоке значительная часть самых ярких и образованных людей, носителей христианской мысли и культуры, в политическом смысле ушла в подполье.

Конфликты между церквами начинаются буквально с самого первого **дня возникновения христианства**

Можно показать это на примере Египта. Александрия – и лежащая за ней часть Египта – смело могла претендовать на ведущую роль в христианской жизни и мысли, поскольку она была центром интеллектуальной силы верующих и развития богословия. Было бы вполне справедливо написать историю первых пяти-шести столетий христианства таким образом, чтобы в центре ее оказался Египет. Христиане жили здесь с апостольских времен под враждебным давлением государства до IV века, когда их права начали уважать, а с 312 до 450 года они участвовали в управлении государством. Но на протяжении одного-двух последующих столетий монофизитское большинство сохраняло мирные отношения с римскими властителями лишь периодически, и нередко имперские христианские силы подвергали их гонениям. Христиан из сторонников Халкидона презрительно называли «мелкитами», людьми императора, апостатами и приспособленцами. И хотя с VII века церкви в Египте жили мирно, это объясняется лишь тем, что в государстве властвовали мусульмане. В течение всех последних четырнадцати веков Коптскую церковь в Египте в лучшем случае только лишь неохотно терпели[29].

И хотя с VII века церкви в Египте жили мирно, это **что в государстве тем, объясняется лишь** властвовали мусульмане

На протяжении всей их долгой истории христиане в Египте пользовались благожелательным отношением власти лишь периодически, на краткие периоды; то же самое можно сказать о Сирии и о других древних центрах веры. С 542 по 578 год одним из величайших вождей монофизитов был Иаков Барадей, который получил свое прозвище из-за того, что он носил на себе грубые шкуры, чтобы избежать внимания имперских властителей, которые постоянно охотились за этим опасным раскольником. Мы бы не погрешили против правды, если бы прозвали его Иаковом Бродягой. Он не жил в епископских палатах, но постоянно скитался из города в город. Он перемещался из Египта в Персию и обратно,

[29] Eugène Hyvernat, «Coptic Persecutions», *Catholic Encyclopedia* (1911), vol.11, at http://www.newadvent.org/cathen/11707a.htm. Birger A. Pearson and James E. Goehring, eds., *The Roots of Egyptian Christianity* (Philadelphia: Fortress, 1986); Stephen J. Davis, *The Early Coptic Papacy* (Cairo: American Univ. in Cairo Press, 2005); Roger S. Bagnall, ed., *Egypt in the Byzantine World, 300–700* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007); James E. Goehring and Janet A. Timbie, eds., *The World of Early Egyptian Christianity* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2007).

рукополагая епископов и священников для растущей подпольной церкви. Иными словами, по образу жизни он стоял куда ближе к первым апостолам, чем к средневековым прелатам, и существовало немало деятелей, подобных ему. Если судить по количеству, Иаков обратил в свою веру больше людей, чем Павел из Тарса, и действовал на более обширной территории. Сердце христианской веры никогда не покидало катакомбы или покидало их лишь на краткое время[30].

> Сердце христианской веры никогда не покидало катакомбы или покидало **их лишь на краткое время. Обычные** христиане приходили в диссидентские церкви **не потому, что им** *так повелели,* но потому, что они **веровали**

Эта история многое нам говорит о природе христианской лояльности в эпоху после обращения Рима. Если твой император или царь считает себя христианином, стоит следовать его примеру хотя бы из чувства самосохранения, и потому нам не следует думать, что члены церкви обладали глубоким познанием своей новой веры. Но если сама церковь противостоит государству и подвергается гонениям, нет никакой выгоды в том, чтобы стать ее членом, – скорее наоборот. Зачем следовать за Иаковом Бродягой? Однако на протяжении многих веков после Константина на Ближнем Востоке люди приходили в эти диссидентские церкви по тем же самым причинам, по которым их предки приходили в общины христиан в первые века. Люди надеялись, что обретут здесь исцеление в этой жизни и спасение в жизни грядущей, они искали знамений и чудес, а аскетизм вождей этой церкви окружал их ореолом святости и харизматических даров. Обычные христиане приходили сюда не потому, что им так повелели, но потому, что они веровали.

Завоевание новых миров

Кризис V века повлиял не только на религиозную жизнь, но и на глобальную политическую историю. Халкидон укрепил власть и поднял престиж растущих частей церкви в новых, только что появившихся землях – грубо говоря, в Европе, – ценой отказа от старых центров христианства. Новый, только что появившийся мир христиан откололся от старого христианского мира, их разделило то, что критики считали сомнительным богословским новшеством. Современный исследователь может увидеть аналогичные процессы в нынешнем мире, где центр тяжести христианства перемещается из Европы и Северной Америки на Глобальный Юг.

Это изменение географии христианства неимоверно усилило власть и престиж римских пап и подавило развитие центров, обладавших таким же или более высоким статусом. Халкидон и его последствия освятили власть церкви Рима и низвергли ее потенциальных соперников, из которых на первом месте стояла церковь Александрии. Фактически именно Халкидон положил реальное начало средневековому папству.

Политическая победа веры, созданной в Риме, означала, что развивающееся христианство Европы будет существовать в тесной связи с Римской империей и с западными государствами, ставшими ее преемниками, а не вернется в катакомбы (как это сделал Восток). Вследствие этого в церквях Европы сохранялась идея христианской империи, тесного союза между церковью и государством. Поэтому эти церкви постоянно пытались воплотить в политической жизни идею Града Божьего. Мысль о христианской империи настолько глубоко проникла в душу западных людей, что когда настоящая Римская империя утратила свое вли-

[30] Frend, *Rise of the Monophysite Movement*; Brown, *Rise of Western Christendom*.

яние, папы создали новую структуру в виде империи франков Карла Великого. Последствия этого решения окрашивали жизнь Европы в течение тысячелетия[31].

Разрыв отношений с древним христианством позволил внешним силам – сначала персам, а затем мусульманам – использовать разделения между христианами для своих целей. Без этого великого раскола невозможно было бы представить себе подъем ислама. Если бы не этот религиозный кризис, ислам не смог бы заполнить собой тот политический вакуум, который возник в VII веке, в империи, большинство восточных подданных которой – монофизиты и несториане – отвергли своих ортодоксально-кафолических императоров. Христианские диссиденты настолько глубоко были отчуждены от империи, что почти не были готовы сопротивляться мусульманским завоевателям, которые обещали (и демонстрировали это на практике) терпимое отношение к различным христианским сектам. На своих первых этапах эта новая религия обещала начисто приостановить исторический цикл насилия и гонений, который так сильно изуродовал жизнь христианства в поздней античности. Ислам нес с собой веротерпимость, мир и желанное отделение церкви от государства[32].

> Ислам нес христианским диссидентам веротерпимость, мир и желанное **отделение церкви от государства**

Современный наблюдатель может увидеть в этой истории грозное предупреждение о тех опасностях, которые несет с собой смешение церкви и государства. Христиане могли наслаждаться взаимным миром только тогда, когда правительство не интересовалось созданием и введением религиозной ортодоксии и с одинаковым презрением относилось к различным соперничающим одна с другой церквям. Но оказалось, что свобода от контроля со стороны ортодоксальных христиан обошлась отколовшимся церквям слишком дорого. Вопреки ожиданиям новая мусульманская власть несла совершенно иные ценности и преследовала свои цели, которые она энергично осуществляла.

Хотя этот процесс занял не одно столетие, в итоге христианство стало увядать под властью ислама. Чтобы дать читателю представление о масштабе разрушения древних церквей, напомним, что в V веке происходила борьба за господство между престолами Рима, Александрии, Антиохии и Константинополя и что в этой борьбе были свои победители и побежденные. Однако сегодня последние три города находятся в странах, где господствуют мусульмане и традиции ислама, а христиане составляют скромное меньшинство. Сам Эфес ныне находится в восточной части мусульманской страны, которую мы называем Турцией, где христиан почти не осталось. Халкидон и его последствия настолько разделили христианский Восток, что его разрушение стало почти неизбежным[33].

Современные верующие могут вынести из этого исторического опыта самые разные уроки, которые, разумеется, не сводятся к примитивной мысли о мусульманской угрозе. Когда общины слишком глубоко погружаются в свои междоусобицы, они рискуют забыть о том, что у них общего, и не заметить более серьезной внешней угрозы по своей близорукости.

Воображаемая альтернатива

То, что в итоге было официально признано христианской ортодоксией, медленно и постепенно выковывалось в мучениях и иногда не без кровопролития. Это была череда схва-

---

[31] Chris Wickham, *Framing the Early Middle Ages* (New York: Oxford Univ. Press, 2005); Chris Wickham, *The Inheritance of Rome* (London: Allen Lane, 2009); Julia M. H. Smith, *Europe after Rome* (New York: Oxford Univ. Press, 2005).

[32] Brown, *Rise of Western Christendom.* Leslie Webster and Michelle Brown, eds., *The Transformation of the Roman World a.d.400–900* (Berkeley: Univ. of California Press, 1997).

[33] Jenkins, *Lost History of Christianity*.

ток, заговоров и переворотов и иногда открытых боевых действий, занявшая не одно столетие. Нам несложно представить иной исход, в результате которого так называемые ортодоксы были бы объявлены еретиками, что повлияло бы на ход всей политической истории, не говоря уже о развитии христианского мышления и благочестия.

Мы даже могли бы сказать, что ход истории христианства зависел даже не от какого-то человека, но от одной определенной лошади – той, которая споткнулась в 450 году, что стало причиной смерти императора Феодосия II, поддерживавшего монофизитов. Он умер в сорок девять лет, то есть вполне мог бы управлять империей на протяжении последующих двух десятилетий. Это «мог бы» притягивает наше воображение, потому что, если бы он не погиб, история мира могла бы стать совершенно иной. Если бы Феодосий не погиб, не было бы и Халкидона, и в этом случае западная, европейская, кафолическая часть империи могла бы в течение последующего столетия оказаться отколовшейся. В то время казалось, что ход событий будет именно таковым[34].

Ход истории христианства зависел даже не от **какого-то человека, но от** одной определенной лошади – той, **которая споткнулась** *в 450 году*

Мы можем себе вообразить альтернативную вселенную, где раскол между Римом и Востоком произошел не в XI, а в V веке и где папский Рим так и не смог восстановиться после череды набегов варваров. К 450 году большая часть бывшей западной империи оказалась бы под политической властью варварских военачальников, которые преимущественно исповедовали арианство, а не веру кафоликов. Институт папства мог бы пережить арианские гонения и культурное давление, а мог бы и исчезнуть. А тем временем на Востоке Римская империя, исповедующая монофизитство, получила бы прочнейшее основание в виде единого и верного восточного региона, простиравшегося от Египта до Кавказа, от Сирии до Балкан. Такой крепкий христианский мир дал бы могучий отпор только что появившимся на сцене мусульманским захватчикам и смог бы надежно охранять свои границы.

Позднейшие христианские богословы знали бы основные языки вероучения – греческий, коптский и сирийский, – и это дало бы им доступ к богатым сокровищам веры, сохранившимся на этих языках. В то же время латынь была бы понятна только горстке ученых, которые не поленились изучить этот маргинальный язык с его причудливым алфавитом. И только эти отважные специалисты могли бы вспомнить о таких незначимых героях христианской древности, как Блаженный Августин или Патрик. Зато каждый образованный человек смог бы назвать таких главных героев христианской истории, как Севир Антиохийский или авва Шенуда из Египта[35]. Этот альтернативный мир считал бы решающим событием церковной истории не Халкидон, но Второй Эфесский собор (который мы сегодня называем «Разбойничьим» и считаем как бы небывшим). Там учение об одной природе восторжествовало над злостными заблуждениями диофизитов, еретиков, учивших о двух природах.

Если эта картина с легкостью могла бы стать реальностью, из этого следует, что споры середины V века следует считать критически важным моментом для всей истории христианства. В последнее время исследователи говорят о предшествовавшем этому Никейском соборе (325 год) как о критическом моменте, определившем ход христианства, который стал разграничительной линией между древним и средневековым христианством. На самом же деле борьба за определения основ веры растянулась на многие века и породила несколько иных Великих соборов, где в каждом случае события могли бы привести к иному исходу.

---

[34] Fergus Millar, *A Greek Roman Empire* (Berkeley: Univ. of California Press, 2006); Henry Chadwick, *East and West* (New York: Oxford Univ. Press, 2003).

[35] J. M. Wallace-Hadrill, *The Barbarian West, 400—1000* revised ed. (Oxford: Blackwell, 1996). For the prevailing languages of the fifth century, see Millar, *Greek Roman Empire*, 84—129.

Сегодня появилось также немало трудов, где церковная история представлена как постепенное движение к вере «не от мира сего», где Христос из пророка или пропитанного мистикой социального учителя превращается в небесного искупителя. Так, например, по мнению Элайн Пэджелс, этот процесс отражается в том, что на смену таинственному Евангелию Фомы пришел текст о воплощении евангелиста Иоанна («В начале было Слово»). Фома, полагает она, обращен к искателям и тем, кто интересуется мистическим, тогда как Иоанн пишет для благочестивых верующих, лишенных сомнений. Как думают некоторые исследователи, жесткий канон Нового Завета создавался из стремления поддержать это постепенное возвышение Иисуса до уровня божества. По их мнению, демократичное, эгалитарное и исполненное Духа движение Иисуса ранних времен выродилось в репрессивную кафолическую церковь Средних веков: Христос *pantokrator* заслонил человека Иисуса. Многие авторы видят в Никее трагическое завершение славной эпохи в истории христианства и начало мрачного периода[36].

> В V и VI веках решался куда более мучительный вопрос: **как сделать, чтобы Иисус не остался** навсегда исключительно Богом. В этих **спорах были** *потери: много* жизней и по меньшей **мере одна** империя

Однако чем пристальнее мы вглядываемся в события двух столетий *после* Никеи, тем больше сомнений у нас вызывают подобные мнения. Несомненно, Никейский собор IV века был тем моментом, «когда Иисус стал Богом» (по формулировке Ричарда Рубинстейна) – но не это было самым весомым событием в истории церкви. В V и VI веках решался куда более мучительный вопрос: как сделать, чтобы Иисус не остался навсегда исключительно Богом. В этих спорах были потери: много жизней и по меньшей мере одна империя[37].

Какой властью?

Войны за Иисуса красноречиво демонстрируют нам развитие христианства с течением времени и по аналогии говорят о том, как могут развиваться иные мировые религии при столкновении с новыми обстоятельствами. Многие поднятые там темы остаются актуальными всегда, не в последнюю очередь это касается вопроса о том, как церкви определяют приемлемые рамки христианского учения.

Допустим, среди христиан возникают разногласия о предметах, которые кажутся им существенными, – как они в этом случае должны решать, кто прав, то есть кто точнее отражает ум Бога? Как церковь созидает свое собственное слишком человеческое сознание? Общества меняются, меняются обстоятельства жизни и идеологии – особенно это касается вселенской церкви, куда входят люди разных культур и политических традиций и которая постоянно сталкивается с иными верами. Когда церковь живет в определенном обществе, она естественным образом склонна перенимать распространенные стандарты окружающих, касаются ли они пола и сексуальности, собственности и рабства, войны и мира, религиозной терпимости или фанатизма. В какой-то части мира христианство развивается под влиянием стандартов тогдашнего общества, а в это время верующие из других стран начинают опасаться, что это недопустимое искажение веры. С течением времени церкви разных народов и континентов неизбежно становятся все менее похожими одна на другую.

---

[36] James Carroll, *Constantine's Sword* (New York: Houghton Mifflin, 2001); Elaine Pagels, *Beyond Belief* (New York: Random House, 2003); Karen King, *What Is Gnosticism?* (Cambridge, MA: Belknap of Harvard Univ. Press, 2003); Bart D. Ehrman, *Lost Christianities* (New York: Oxford Univ. Press, 2003); David L. Dungan, *Constantine's Bible* (Minneapolis: Fortress, 2007). Подобную историю падения и заката рассказывают Rita Nakashima Brock and Rebecca Ann Parker, *Saving Paradise* (Boston: Beacon, 2008), хотя они считают, что переходный период начался гораздо позже.

[37] Richard E. Rubenstein, *When Jesus Became God* (New York: Harcourt Brace, 1999).

Каким же образом церковь добивается следования общим нормам – хотя бы в той степени, чтобы церкви одних регионов могли полностью признавать другие церкви? Этот вопрос постоянно звучит и сегодня в спорах о поле и сексуальности внутри разных деноминаций: и в англиканском сообществе, и среди католиков, лютеран, методистов и пресвитериан.

Современным людям, которые уже привыкли к многообразию религий и терпимости, стремление к общим нормам может показаться излишним. Сегодня всем кажется очевидным, что, когда две стороны не могут достичь согласия, им лучше по-дружески разойтись в стороны. Каждая группа может мирно создать собственную деноминацию со своими особенностями и жить во взаимном уважении с другими. Но такой подход был недоступен церкви первых веков, и не просто потому, что тогдашние христиане в каком-либо смысле отставали от своих потомков в нравственном отношении. В христианском мышлении – идет ли речь о кафоликах, монофизитах или несторианах – центральное место занимало представление о церкви как неделимом теле Христовом. Если в теле нет единства, оно искажено, увечно и несовершенно, но эти слова просто невозможно приложить к телу Христову.

Евхаристия была зримым символом или таинством этого единого тела. Как бы ни отличались формы поклонения Богу в разных частях мира, – а здесь наблюдалось поразительное многообразие, – христианин мог причащаться вместе с другими братьями и сестрами, но лишь в том случае, если они придерживаются правильных представлений о Христе и о ключевых богословских истинах. Если же они отклоняются от этих представлений, их предают анафеме, то есть проклинают, и затем исключают из евхаристического общения. Слово *анафема* изначально обладало мощным смыслом, в нем даже звучало насилие. Это греческий перевод ветхозаветного термина, который описывал полное проклятие или уничтожение города, например Иерихона, где Бог велел израильтянам предать смерти «все, что дышит». Человек, преданный анафеме, был отторгнут как от церкви, так и от гражданского общества.

Слово «анафема» изначально обладало мощным смыслом, в нем **даже звучало насилие**

Быть «в общении» означало разделять некоторые ключевые предпосылки, которые определяли границы между истинными членами тела Христова и теми, кто к нему *не* принадлежит. Этот вопрос постоянно поднимается и сегодня, когда многие либеральные христиане готовы принимать причастие в любой церкви как знак расположения и братских отношений, но с изумлением наталкиваются на жесткость правил в некоторых церквях. Эти правила нередко омрачают католические похороны, на которых либеральные священники приглашают всех участников подойти к причастию, но это вызывает ужас у некоторых ортодоксальных верующих. Но в этом вопросе именно церкви с жесткими правилами больше соответствуют древней церкви, которая видела в причастии священный символ принадлежности и единства. Ты есть тот, с кем ты вкушаешь хлеб[38].

Церковный разум

Когда империя в IV веке официально признала церковь, потребность в единомыслии среди христиан стала еще сильнее. Как разные члены и органы составляют единое тело, так должен существовать единый организм церкви с единой иерархией, где все поместные церкви действуют в гармонии и находятся в евхаристическом общении одна с другой – по крайней мере так это виделось в теории. Однако время от времени во вселенской церкви возни-

[38] О других ритуалах принадлежности см. Michael Philip Penn, *Kissing Christians* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2005).

кали споры и подымались новые вопросы, так что необходимо было развивать доктрину, чтобы отдельные фракции не проклинали других христиан как вероотступников.

* * *

Ни один человек сам по себе и ни одна отдельная группа не имели власти разрешать эти споры, никакой вождь церкви или патриарх не обладал вселенским авторитетом. Конфликты, вовлекавшие широкие группы христиан, необходимо было решать сообща всей церковью на соборах, впервые подобное произошло на собрании апостолов в Иерусалиме, описанном в Деяниях. Если церковь была телом, то эти соборы, даже если они были несовершенны, исполняли роль ее разума.

В первые века христианства местные соборы на уровне епархии и региона происходили регулярно, но к IV веку впервые начали проходить собрания, представлявшие всю церковь, то есть Вселенские соборы. Организация такого рода собрания была нелегкой задачей. Если в первые дни существования церкви было бы несложно собрать всех христиан мира в одном месте для решения важного вопроса, то теперь их стало несколько миллионов. Так что пришлось собирать епископов и высокопоставленных клириков всех церквей в качестве представителей разных частей христианского мира. Это чем-то напоминает принцип опросов или изучения общественного мнения, хотя здесь он получал сверхъестественные санкции. Соборы представляли голос церкви, ведомой Святым Духом, и после того как собрание высказывало то или иное определение по вопросу, его решение имело абсолютный авторитет[39].

> Соборы представляли голос церкви, ведомой Святым Духом, и после того **как собрание высказывало** то или иное определение по вопросу, его **решение имело** *абсолютный авторитет*. В реальности эти **соборы мало** походили **на образцы коллективной** святости

В реальности эти соборы мало походили на образцы коллективной святости, но скорее напоминали худшего рода съезды политических партий в Америке. Напрасно историк искал бы в соборах той эпохи проявления таких вещей, как христианское милосердие, сдержанность, общечеловеческие правила хорошего тона, готовность прощать старые обиды или стремление подставить другую щеку. Ничего этого не было заметно в ходе всех важнейших споров. Но там звучали обидные оскорбления, практиковались разговоры за спиной (в переносном и буквальном смысле), бесчестные интриги и создание секретных групп, а также постоянные запугивания[40].

Если оставить в стороне соображения о человеческой греховности, существовало несколько конкретных факторов, из-за которых эти соборы были столь хаотичными и жестокими и в итоге порождали разделения среди христиан. Одна проблема структурного характера заключалась в том, что не существовало общепринятого правила о том, кто должен и кто не должен участвовать в работе собора или какой епископ вправе на нем заседать. Даже если такие правила действовали, они обессмысливались из-за того, что соборы собирались редко, а положение дел в империи менялось, так что отдельные регионы набирали или теряли свое влияние. Между 325 и 680 годами состоялось только шесть соборов, которые были признаны Вселенскими, то есть обладающими авторитетом для всей церкви, – эти

[39] Ramsay MacMullen, *Voting About God in Early Church Councils* (New Haven: Yale Univ. Press, 2006). Norman P. Tanner, ed., *Decrees of the Ecumenical Councils* (Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 1990).

[40] Michael Gaddis, *There Is No Crime for Those Who Have Christ* (Berkeley: Univ. of California Press, 2005).

редкие и нерегулярные собрания не могли остаться в памяти любой группы христиан как некая устойчивая практика[41].

Собор должен был быть достаточно представительным, то есть включать в себя по меньшей мере несколько сотен участников – так, принято считать, что в Никее собралось 318 епископов, – но не существовало письменного устава, который бы обозначил минимальное число участников или хотя бы критерии их отбора. Никто даже не знал, сколько епископов управляют церковью в данный момент. По приблизительным подсчетам, в 440-х годах на территории Римской империи существовало 1200 епископов; это число использовали в риторических вопросах вроде: «Как дерзаешь ты один противопоставлять себя 1200?» Но в некоторых регионах, например в Северной Африке, существовало чрезвычайно много епископов относительно всего населения, так что, быть может, эта цифра преуменьшена. Сюда также не вошли епископы церквей за пределами Римской империи, например Эфиопии или Персии. Можно ли считать легитимным собор из 200 участников? Из 150? А что, если их будет 50? Здесь не существовало официального кворума. Должны ли были заседать на соборе представители всех регионов, где есть христианство, или только те люди, которые могли добраться до места назначения? Этот фактор был вполне весомым в эпоху, когда на дорогах и в море путешественники натыкались на разбойников из варваров – гуннов, вандалов и готов.

Не существовало также официального объяснения того, каким образом Святой Дух оповещает о своем решении через голоса епископов. Идея голосования и подсчета большинства голосов была в V веке не менее известна, чем сегодня, но голосование обыкновенно принимало здесь форму шумных восклицаний. Группы участников кричали, чтобы поддержать то или иное решение, вероятно, произнося лозунги и распевая песнопения, заранее заготовленные для этого случая. Принципиально собор церкви мало чем отличался от уличной демонстрации. Более того, никогда не был ясным вопрос о том, что определяет окончательные христологические формулировки: большинство голосов или подавляющее большинство голосов. И даже после окончания судьбоносного голосования собор ожидал ратификации со стороны императора, а это открывало новые лазейки для лоббирования и дальнейших переговоров.

Это вопиющее отсутствие ясных правил объясняет хаотичность собраний, на которых каждая партия старалась опереться на поддержку многочисленных сторонников и показать, что делегации их противников не вправе подавать голоса. И даже когда собор голосовал за определенное решение, недовольное меньшинство могло собрать свой собственный собор, подать на нем свои голоса за иное решение и отослать результаты на утверждение императору. Обычно эти решения включали в себя проклятия соперникам и предание их анафеме, так что после некоторых соборов – особенно Первого Эфесского – наблюдателю было трудно запомнить, кто кого предал анафеме или низложил.

Такая процедура – или, точнее, отсутствие процедуры – давала семье императора и его чиновникам власть не меньше той, что имели патриархи и епископы. Любой рассказ о битвах за Иисуса следовало бы начать с великих патриархов или с таких важных деятелей церкви, как Лев Великий или Кирилл Александрийский, и подобных им мужей из Антиохии и Константинополя, однако окончательное решение здесь принимали императоры: Феодосий II и Маркиан. Кроме них сюда внесли не менее важный вклад тогдашние императрицы и дочери императора. Здесь прежде всего уместно вспомнить императрицу Пульхерию, которой удавалось заключать союзы с варварскими военачальниками и благодаря этому на протяжении тридцати лет поддерживать порядок в восточной части империи, в то время как Галла Плацидия управляла западной ее частью. Не менее важна здесь роль Евдокии, поэтессы и великого мастера риторики, которая поддерживала монофизитов после их поражения на Халки-

[41] MacMullen, *Voting About God*.

донском соборе. Без поддержки этих и других благородных женщин ни одна из сторон не смогла бы долго просуществовать или бороться с противниками. Пульхерия прежде всего сыграла важную роль в том, что определенные формулировки стали христианской ортодоксией. Без ее постоянного личного вмешательства Первый Эфесский и Халкидонский соборы имели бы иной исход. И церковь просто воздала ей должное, канонизировав ее как святую. С другой же стороны, отделившаяся монофизитская церковь не выжила бы без покровительства Феодоры, императрицы VI века[42].

> На всех Великих соборах шла борьба между великими **патриаршими престолами, представлявшие их духовные** лица после этого становились **либо великими** *святыми и отцами* церкви, либо **проклятыми еретиками**

Решения по любому богословскому вопросу имели огромные политические последствия. На всех Великих соборах шла борьба между великими патриаршими престолами, представлявшие их духовные лица после этого становились либо великими святыми и отцами церкви, либо проклятыми еретиками. Некоторые из этих вождей церкви представляли также определенные традиции политической власти и монархии. Когда Римская империя начала разрушаться, снова ожили более древние представления о власти, так что александрийские патриархи, такие, как Кирилл, считали себя – в буквальном смысле – чуть ли не древними фараонами или богами-царями из династии Птоломеев и вели себя соответствующим образом. Лев и другие римские папы считали себя преемниками римских императоров, константинопольские патриархи видели себя вождями христианской теократии. За богословскими спорами стояло столкновение таких представлений, здесь прошлые и будущие монархии пытались доказать, что именно они суть законные наследники увядших режимов и потому должны первенствовать среди прочих. В Эфесе и Халкидоне шли бои за политическое будущее, а не только за вечную истину.

Вера и насилие

Епископы на соборах спорили о богословии в наполненных кадильным дымом залах, но их решения влияли на жизнь улицы и селений, где рядовые миряне искренне думали, что сама суть христианской веры оказалась под угрозой. За такие вещи, которые кажутся нам философскими тонкостями, обычные люди убивали, пытали или изгоняли своих соседей. Склонность к насилию и гонениям появилась у христиан намного раньше, чем принято думать, явно еще на раннем этапе развития церкви, до наступления Средневековья. Соборы вызывали ужасающие вспышки насилия во многих частях империи – от народных восстаний и переворотов до массовых убийств и гонений. Силам империи было трудно контролировать то, что происходило на ее огромной территории, особенно в таких процветающих, но недовольных странах, как Египет и Сирия[43].

> За такие вещи, которые кажутся нам философскими тонкостями, **обычные люди убивали, пытали** или изгоняли своих соседей

Христиане применяли насилие не только против других христиан. Историки нередко говорят о том, что церковь стала более нетерпимой после того, как она получила официальное признание в империи, и это проявлялось во враждебном отношении к еретикам, язычникам и иудеям. Но в годы Великих соборов, между 410 и 460-м, уровень нетерпимости стал пугающе высоким. И это было прямым и естественным последствием богословских сражений. Пульхерия, спасшая ортодоксию в 451 году, одновременно возглавляла кампанию по

[42] Millar, *Greek Roman Empire*.

[43] Gaddis, *No Crime for Those Who Have Christ*.

насильственной борьбе с иудеями, которая предвосхищала антисемитские гонения в средневековой Европе. Привкус «Средневековья» во всем этом – в религиозном насилии и нетерпимости, антисемитизме и фанатизме – усиливает тот факт, что правящая династия эпохи Эфеса и Халкидона, включая Пульхерию, имела испанские корни. Разумеется, здесь не следует думать об этническом детерминизме, тем не менее, любопытно отметить, что христианский мир V века во многом походил на эпоху печально известного великого инквизитора Торквемады[44].

Описывая бурные события, последовавшие за Халкидонским собором, историк Эдуард Гиббон недоумевает: как может «метафизический спор» вызвать подобные вспышки насилия? Но современные люди часто не понимают, что в древности насилие казалось законным, и это выходит за рамки метафизики. Кроме того, здесь нет смысла отделять религиозные мотивы от нерелигиозных. Большинство людей того времени, будь они образованными или простыми, верили в господство провидения в мире. По их мнению, дурное поведение или еретические верования вызывали гнев Бога, который мог выражаться во вполне материальных вещах: землетрясениях и пожарах, нашествиях и военных поражениях, голоде и эпидемии. Если не связать руки злодеям и еретикам, общество может просто погибнуть. Активисты, пытаясь уничтожить группы злонамеренных людей, использовали методы, которые кажутся вполне земными, политическими и циничными, но мы не можем отделить эти действия от стоящих за ними мотивов сверхъестественного характера. Хотя историки используют этот термин, никакой «секулярной жизни», не зависящей от церкви и религии, просто не существовало, и Римская империя – и в языческий, и в христианский периоды – никогда не была секулярной в современном смысле слова. Не существовало там и такой вещи, как «просто политика».

Монополия на насилие

Даже когда верующих глубоко возмущают те или иные чужеродные религиозные представления, это само по себе не обязательно порождает насилие – это касается и тогдашнего, и нынешнего мира. Насилие возникает тогда, когда у государства нет желания или возможности обуздать деятельность частных групп с сильной мотивацией. Такое бывает при слабости государства и падении общественных институтов или тогда, когда государство сознательно заключает союз с частными группами. В любом случае государство здесь утрачивает монополию на насилие (знаменитый термин социолога Макса Вебера), вследствие чего политическая стабильность оказывается под угрозой. Насилие порождает насилие, если его не сдерживает какая-либо внешняя сила.

Именно это произошло в V веке, когда церковь и государство все еще плохо понимали, где лежат пределы их власти. Разумеется, империя стала христианской и руководители церкви обладали высоким статусом и пользовались привилегиями. Но где кончалась их власть в сфере борьбы с язычеством или религиозными соперниками? К 400 году императоры все еще плохо понимали, что можно позволить церковным властям, которые служили агентами правительства и потому получали от него право использовать принуждение и грубую силу. Как ни старались благонамеренные государственные чиновники сохранить мир на соборах, они не смогли выполнить своей задачи, когда императорский двор отказался поддерживать их решения[45].

---

[44] Guy G. Stroumsa, «Religious Dynamics Between Christians and Jews in Late Antiquity (312–640)», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 151–172.

[45] H. A. Drake, «The Church, Society and Political Power», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 403–428.

Тем временем новые религиозные течения изменили представления об основах власти, благодаря чему неимоверно возрос авторитет харизматических религиозных вождей. Среди христиан стала популярной идея о том, что избранные верующие, отказавшиеся от сексуальности и материального мира, получают от Бога сверхъестественную власть, особые дары, которые проявляются в видениях и чудесных исцелениях. Эта сила по своей природе превосходит любые силы светского мира. Тысячи монахов и отшельников, покинувших этот мир, стали героями, а их поступки – ролевыми моделями для тех, кто не мог во всей полноте принести такие жертвы. И мирские лидеры не ставили под вопрос этот особый мир духовной власти, но скорее пытались его имитировать. Даже императорская семья теперь вдохновлялась идеями об отвержении мира и целомудрии и прислушивалась к предсказаниям святых и визионеров.

К V веку создалось такое положение, когда епископы и другие христианские вожди могли поднять на защиту своих интересов великую силу, и это делало их важными политическими игроками. Церковь стала не государством внутри государства, но скорее параллельным государственным аппаратом. Епископы требовали абсолютной лояльности от своих клириков и последователей, подобно земным владыкам и аристократам, которые могли рассчитывать на преданность своих клиентов. Монахи играли особую роль частной армии и священных боевиков, которые по приказу харизматического епископа могли громить языческие храмы, избивать или убивать оппонентов и запугивать соперничающих богословов. Это были не какие-то мерзавцы, совершавшие злоупотребления, но преданные церкви монахи и клирики, которые делали именно то, что от них ожидалось, кроме их практики молитвы, размышления и исцелений. Когда город или какой-то край разделялся вокруг богословского вопроса, враждующие епископы и монахи в буквальном смысле сражались за истину на холмах и на улицах[46].

Разжигали экстремизм представления о чести. На протяжении многих веков вопрос о чести был неизбежным компонентом религиозных конфликтов, в том числе и в христианстве. Некоторые церковные институты того времени, по иронии судьбы, чем-то напоминают нам современные преступные или террористические организации – временами александрийский патриархат вел себя как члены клана Сопрано. И это сравнение более весомо, чем может показаться, поскольку и в древние, и в нынешние времена в средиземноморских сообществах действуют одни и те же культурные феномены: отношения патрона и клиента, честь и месть, преданность своей семье или клану. В различных регионах Римской империи социальные отношения определяли семья и честь, а в экстремальных условиях люди защищали эти ценности с помощью силы. Повседневная жизнь людей во многом представляла собой непрерывный цикл событий, в которых честь ставилась под вопрос, защитник чести совершал ответный ход и добивался победы над соперниками. Люди стояли за честь своей группы и, что не менее важно, старались покрыть бесчестием противников. Если нам трудно понять ритуалы кровной мести и родовой вражды, мы никогда не поймем жизнь средиземноморских и ближневосточных сообществ ни в V, ни в XXI веках.

> Монахи играли особую роль частной армии и священных **боевиков, которые по приказу харизматического** епископа могли громить языческие **храмы, избивать** *или убивать оппонентов* и запугивать соперничающих **богословов**

Хотя монахи и клирики торжественно отрекались от личной чести как от пустой суеты, они с легкостью переносили соответствующие механизмы поддержания чести на инсти-

[46] Gaddis, *No Crime for Those Who Have Christ*. Относительно монахов см. Susan Ashbrook Harvey, *Asceticism and Society in Crisis* (Berkeley: Univ. of California Press, 1990); Daniel Caner, *Wandering, Begging Monks* (Berkeley: Univ. of California Press, 2002); Jennifer L. Hevelone-Harper, *Disciples of the Desert* (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2005).

туты. Это означало, что они хранят лояльность церкви в целом, или какому-либо престолу, или монастырю, и христиане сражались за церковь или свою группу с той же ревностью, с какой раньше они могли защищать свой город или клан. Побежденный противник должен быть обесчещен перед публикой, включая все символические ритуалы унижения и подчинения, которые знали церковь и империя. Нам трудно понять ту удивительную ядовитую злость, которая окрашивала продолжительную схватку между великими церквами Антиохии и Александрии, пока мы не признаем, что это в буквальном смысле история кровной вражды, растянувшаяся на столетие и более. Позднее идея восстановления оскорбленной чести даже заняла центральное место в западном богословии. Около 1100 года монах Ансельм начал учить о том, что только жертва Христа могла удовлетворить задетую честь Бога, справедливый гнев которого был удовлетворен только крестной смертью Сына. Эта теория искупления стала нормой и для католичества, и для протестантизма[47].

Миряне также принимали участие в этих битвах – в виде толпы или организованных бандитских групп, – поскольку религия здесь становилась знаком принадлежности к определенной партии в схватках за политическую власть. Мы можем сравнить эти религиозные фракции с гангстерскими структурами в городах Америки XIX века, изображенными Мартином Скорсезе в фильме «Банды Нью-Йорка». В Константинополе – Новом Риме – происходило нечто подобное. Уличные банды мобилизовали массы, хотя это не была обычная бездумная месть кланов. Эти банды были связаны с определенными политическими группировками и правительством, так что самые жаркие схватки происходили вокруг вопросов об официальном влиянии и патронате. Существовала и вражда регионов, поскольку в сознании обычных людей некоторые вожди и некоторые направления мысли были тесно связаны с их городами или родными местами[48].

Религиозные страсти захватили даже две крупнейшие спортивные группировки на ипподроме, которые носили либо голубое знамя ортодоксов, либо зеленое знамя монофизитов. Представим себе аналогию из современной жизни: это как если бы нынешние споры в Англиканском сообществе отражались в виде международных футбольных состязаний или потасовок между фанатами команд, которые представляли бы церкви (скажем) Англии и Нигерии. Каждая сторона была бы вооружена ножами и коктейлями Молотова, у каждой был бы свой особый цвет, свои лозунги и символы – скажем, плакаты с изображениями соответственно английского епископа Роуэна Уильямса и главы церкви Нигерии Питера Акинола. Нигерийская партия отстаивала бы безошибочность Писания, а английская сражалась бы за интерпретацию Библии в свете разума и меняющихся приоритетов. К концу дня каждая сторона подсчитывала бы количество своих убитых и раненых.

Христианство и ислам

Вышедшие из-под контроля власти клирики, религиозные демагоги со своими священными боевиками, религиозные партии, присвоившие себе функции государства… Все это напоминает худшие черты современного радикального ислама в Иране и Сомали, Ираке и Ливане. Тогда, как и сегодня, проблема заключалась не в свойствах самой религии, не в ее доктринах или Писании, но в том, что государство не было способно контролировать насилие. Прошел всего век со дня обращения Римской империи, и христианские церкви начали себя вести точно так же, как сегодня себя ведут самые радикальные боевые исламские группировки. Это позволяет предположить, что насилие и нетерпимость, присущие современ-

[47] Gustaf Aulén, *Christus Victor* (New York: Macmillan, 1972); Sandra Visser and Thomas Williams, *Anselm* (New York: Oxford Univ. Press, 2009).

[48] Alan Cameron, *Circus Factions* (New York: Oxford Univ. Press, 1976).

ному исламу, ни в коей мере не являются, если можно так сказать, ДНК этой религии, но просто отражают определенные социальные и политические условия.

> Прошел всего век со дня обращения Римской империи, **и христианские церкви начали себя** вести точно так же, как сегодня **себя ведут** *самые радикальные* боевые исламские **группировки**

На эту аналогию указывает одно событие, произошедшее в Константинополе около 511 года. Тогдашняя церковь любила использовать Трисвятое, гимн со словами: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный…» (в православных церквях он поется и сегодня). Но император Анастасий пожелал переделать его на монофизитский манер и добавить туда прославление Бога, «который был распят нашего ради спасения». Новая формулировка утверждала, что именно Бог ходил по земле Палестины в I веке и пострадал на кресте, что отвергало человеческую сторону Иисуса. Жители столицы были настолько возмущены, что подняли кровавое восстание:

> Через это, при необузданном буйстве черни, много знатных особ подверглось крайней опасности и много великолепных частей столицы сделалось добычей пламени. А одного селянина, проводившего монашескую жизнь, чернь, найдя в доме Марина Сирийца, отсекла ему голову за то, что будто прибавление в Трисвятом было сделано по его совету, и, воткнув ее на копье, со смехом кричала: вот враг Троицы! [49]

Мы можем себе представить, что было бы, если бы сегодня мусульманская толпа обезглавила возмутившего ее богослова и носила его голову по улицам. Это бы не только (справедливо) назвали преступлением, но кроме того западные люди молчаливо предположили бы, что этот инцидент отражает сам характер религии – кровожадную и воинственную нетерпимость, которую можно найти на суровых страницах Корана. Эту казнь восприняли бы как типичный признак исламского фанатизма. Разумеется, сказали бы мы, христиане так себя не ведут. Однако и христиане так поступали.

Когда мы думаем о религиозной политике V века, нам хочется сказать, что это просто действия каких-то группировок и отдельных партизан, но нам следует вспомнить о концепции власти, которая стояла за такой религиозной политикой. Иерархи-харизматики считали, что они охраняют священную истину; пророки и визионеры пытались направить ход истории в соответствии с указаниями, которые они получили непосредственно от Бога; религиозные учреждения игнорировали светское государство, стремясь установить теократию; культ мучеников поддерживал этот порочный круг растущего насилия. И снова: чем лучше мы поймем политику исламского Ближнего Востока, тем понятнее для нас станет христианское прошлое, и наоборот. Тогда это были Константинополь и Александрия, сегодня – Багдад и Могадишо. Хотя за это время поменялось вооружение, древнюю армию буйных монахов можно сравнить с шиитскими силами, которые сегодня поддерживают Муктаду ас-Садра в Багдаде и Басре. Армия Христа опередила Армию Махди примерно на 1600 лет[50].

История того, как церковные группировки эпохи соборов обретали духовный авторитет, напоминает нам о процессах в нынешнем мусульманском мире. На протяжении веков в исламе *фетвы*, то есть религиозные постановления, выносили только облеченные соответствующей властью институты ученых и юристов, и эти тексты обладали реальным авторитетом во всем мусульманском мире. Однако в XX веке различные группировки или даже

---

[49] Евагрий Схоластик, *История Церкви*, III, 44. В английском оригинале цитируется по: Walford, *History of the Church*, 386.

[50] Thomas Sizgorich, *Violence and Belief in Late Antiquity* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2008); Patrick Cockburn, *Muqtada Al-Sadr* (New York: Scribner, 2008).

отдельные люди присвоили себе право издавать такие фетвы, обычно с целью оправдать акты экстремизма и насилия. Сегодня, как и в V веке, радикальные клирики не просто обвиняют своих умеренных противников, но и официально отлучают их от верных. В фетве может говориться: кем бы ни считал себя X, отныне он уже не принадлежит к мусульманам, а потому он может стать объектом насилия. Иными словами, противника предают анафеме – как это делали христиане в V веке. У радикальных исламистов даже существует современный эквивалент христианской анафемы – *такфир*, когда какой-либо мусульманин (а иногда целая страна) объявляется *кафир*, то есть неверными. Идея *такфира* крайне важна для экстремистского ислама, созданного Осамой бен Ладеном.

Можно найти и другие аналогии между древними и нынешними экстремистами. Вера в провидение вдохновляет на политические действия сегодня, как это было и в поздний период существования Римской империи. Радикальные исламисты верят в то, что только через очищение веры мусульманский мир может сыскать Божие благоволение и дать другой ход его долгой истории поражений и несчастий в эпоху современности. Идея чести также провоцирует насилие в обществах, где личная и семейная гордость стоят на важном месте. Как христианские монахи в древности сражались за честь своей церкви, так современные возмущенные мусульмане защищают честь Пророка – их страсти кипят особенно сильно, когда его достоинство подрывают карикатуры или романы. Идея богохульства обретает свой смысл исключительно в контексте представлений о чести и стыде.

*** * ***

Когда мы размышляем об истории христианства, мы всегда находим ее ключевых героев и важнейшие образы и темы. Мы вспоминаем о средневековых соборах, о роскошных изображениях распятия или Мадонны и в целом о славе европейской культуры – не упуская из виду, конечно, и некоторые кошмарные аспекты этой истории, проявления нетерпимости и фанатизма. Но в первую очередь мы думаем о христианстве на европейской почве и о таком христианстве, которое не боялось вглядываться в человеческий лик Христа. Мы хорошо знаем средневековый мир с его духовными и интеллектуальными центрами, такими, как Рим и Париж, но не вспоминаем об Александрии и Антиохии. Таким образом, на каждой стадии мы думаем о мире, на который наложил отпечаток исход тех почти забытых сражений V века, которые кипели в мире империй и государств, исчезнувших с лица земли. Но те споры оставили свой след в мире, и их последствия окрашивают и ту эпоху, в которой мы живем. Собрания христиан в Эфесе и Халкидоне придали новую форму вере.

Приложение к главе 1
Великие соборы *церкви*

На протяжении веков церковь собирала многочисленные соборы и совещания регионального и местного уровней, но лишь немногие большие собрания стали авторитетными для всего христианского мира.

Это были всеобщие, или вселенские, по своей природе соборы. Католики, православные и протестанты согласно признают авторитет первых семи из этих соборов. Хотя на них рассматривались самые различные вопросы вероучения и практики, в центре каждого из них стояла такая спорная тема, которая сильнее всего вызывала разделения в то время. Каждый собор провозглашал определенные положения, которые стали ортодоксией для большей части церкви, хотя в каждом случае оставалась партия несогласных, которая продолжала свою деятельность долгие годы спустя.

Вот семь первых соборов:

I. *Первый Никейский собор (325).* В церкви шли споры о божественности Христа. Сторонники Ария считали, что Христос как сотворенное существо стоял ниже Бога Отца. Их противников возглавлял Афанасий Александрийский. В этом лагере придерживались убеждения, что все три лица Троицы – Отец, Сын и Святой Дух – совершенно равны по своему достоинству. Никейский собор завершился решительной победой партии, стоявшей за Троицу, над арианами. Афанасий после этого стал епископом Александрии.

II. *Первый Константинопольский собор (381).* Император Феодосий I устроил этот собор, чтобы положить конец продолжавшимся спорам о Троице. Ариане сохранили силу и после Никейского собора, существовали также группировки, отрицавшие то, что Дух Божий обладает божественностью в полном смысле этого слова. На Константинопольском соборе была предпринята попытка разрешить эти споры, а также определить место Святого Духа внутри Троицы. Собор создал развернутую версию символа веры, сформулированного в Никее, так что позднейшие поколения христиан, когда они пользуются так называемым Никейским символом веры, на самом деле употребляют его версию, принятую в Константинополе в 381 году.

III. *Эфесский собор (431).* Когда в целом были решены вопросы о Троице, главным предметом споров стала христология, то есть надлежащее понимание свойств Христа и того, как в нем взаимодействовали человеческая и божественная природы. Константинопольского патриарха Нестория обвинили в том, что он разделил две природы, из-за чего Дева Мария стала матерью Христа, но не Бога. Его главный противник Кирилл, патриарх александрийский, провозгласил единство двух природ Христа. При поддержке папы римского Кирилл одержал победу, а партия Нестория была осуждена. До сих пор остается спорным вопрос о том, разделял ли сам Несторий те взгляды, которые ему приписывали.

[Второй Эфесский собор (449). Хотя позднейшие поколения христиан отказывались признать законность данного собора, он был созван примерно таким же образом, как и предыдущие. В церкви Константинополя произошло глубокое разделение, одна из сильных партий отстаивала представление о единственной божественной природе Христа. Константинопольский епископ Флавиан осудил эти взгляды как крайность и ересь. Под давлением александрийского патриарха Диоскора собор учинил расследование относительно взглядов Флавиана и, осудив его, поддержал учение об одной природе. Собор превратился в потасовку, в которой Флавиан получил смертельные травмы. Позднее это событие прозвали «Разбойничьим собором», лишив его законного статуса.]

IV. *Халкидонский собор (451).* Четвертый собор был созван для того, чтобы исправить бедственные последствия предыдущего «Разбойничьего собора». На нем были осуждены

действия Диоскора Александрийского и его сторонников. После жарких споров собор также сформулировал одно христологическое определение: Христа следует считать в полном смысле Богом и в полном смысле человеком. Исторически появление этой формулировки тесно связано с богословием римского папы Льва I.

V. *Второй Константинопольский собор (553).* На протяжении столетия после Халкидона в церкви не прекращались споры и разделения вокруг христологических вопросов, и многие регионы продолжали исповедовать одну природу Христа (монофизитское движение). Отчасти движимый желанием примирить враждующие стороны, император Юстиниан собрал собор, который осудил труды некоторых давно умерших богословов, которые казались монофизитам серьезной ересью. Второй Константинопольский собор осудил некоторые спорные труды – так называемые три главы, – но это только породило новые споры. Лишь несколько лет спустя римский папа Вигилий, которого император держал в плену, был вынужден признать законность решений собора.

VI. *Третий Константинопольский собор (580–581).* Византийские императоры предприняли еще одну отчаянную попытку положить конец христологическим битвам: что бы христиане ни думали о природах Христа, они, как считали организаторы собора, должны согласиться с тем, что у Христа была единая воля. К сожалению, такой компромисс никого не удовлетворил, и многие критиковали императорское решение вопроса, называя его ересью монофелитства (единой воли). Собор осудил монофелитство и провозгласил, что во Христе было и две воли, и две природы.

VII. *Второй Никейский собор (787).* С 720-х годов в Византийской империи христиане начали спорить об иконах и образах, некоторые активисты говорили, что изображения следует запретить как проявление идолопоклонства. Второй Никейский собор признал, что такие изображения законны при том условии, когда их почитают, но не оказывают поклонения им самим по себе.

1. Бог и кесарь

Я намерен рассмотреть происхождение, развитие и судьбу двух градов, земного и небесного, которые в нынешнем мире смешаны и как бы соединены друг с другом.
Блаженный Августин

2. Война двух природ

Тайна человечества Христа, того, что он погрузился в нашу плоть, превосходит всякое наше понимание.
Мартин Лютер

Даже если бы это понадобилось, ответила Добрая Фея, ангельская или духовная плоть нелегкая вещь, и в любом случае потомство понесло бы великий ущерб, будучи наполовину плотью и наполовину духом, крайне загадочным и недееспособным набором частей, поскольку два эти элемента всегда плохо сочетаются между собой.
Флэн О'Брайен

В 428 году Несторий, новый патриарх столицы империи Константинополя, обратил внимание на одну опасную, по его мнению, распространенную среди христиан тенденцию. Можно поклоняться Деве Марии, считал он, но не следует называть ее *Theotokos*, Богородицей, Божией Матерью. Лучше называть ее *Christotokos*, Матерью Христа, что не стало бы вызывать богословских споров.

Но эта попытка запретить опасное нововведение сама по себе была воспринята как покушение на учение церкви, так что с этого шага Нестория началась серия конфликтов, которые раздирали и церковь, и империю. Весь этот процесс происходил с чрезвычайной быстротой. В течение первых трех лет его патриаршества имя Нестория стало ассоциироваться с ересью, и у него появилось множество противников и в Константинополе, и во многих других частях восточного мира. Ему приходилось отражать серьезные атаки оппонентов, а затем был собран собор, который вызвал раскол в христианском мире, и на этом соборе Несторий был осужден, низвергнут и полностью разбит. Срок в три года указывает на то, что жители империи обменивались информацией с удивительной быстротой и с легкостью понимали друг друга благодаря знанию греческого. Христианский мир занимал пространство от Атлантического океана до Персии, но при этом все равно походил на небольшое селение.

Христианский мир занимал пространство от Атлантического океана до Персии, но при этом все равно походил на небольшое селение

Но скорость развития настоящего кризиса свидетельствовала о том, что за ним стояли отнюдь не новые вопросы. Скорее эти вопросы висели в воздухе, и достаточно было одной искры, чтобы они породили пожар, а скорость его возникновения свидетельствует о взрывоопасной напряженности церковной политики той эпохи. Возмущение Несторием было просто очередным этапом той битвы, которая продолжалась не одно столетие. Ее участники уже давно пытались усвоить идею о Слове, ставшем плотью, и уже создали для этого свой сло-

варь: существо и природа, лицо и ипостась. Но каким же образом христология стала порождать великие разделения и в итоге погубила империю?[51]

Попытки понять Христа: *30—300* годы

Бог и человек?

Евангелия позволяют нам по-разному интерпретировать вопросы о природе и идентичности Христа. Насколько ясно Иисус говорил о том, что он равен Богу? Если ваше представление об Иисусе Христе формируется в основном под влиянием Евангелия от Иоанна, вы с большей вероятностью увидите в нем божество. Но синоптические Евангелия (Матфея, Марка и Луки) вынуждают нас обратить больше внимания на его человеческую сторону[52].

* * *

Несомненно, представление о Христе как и Боге, и человеке столь же древнее, как и сама церковь. Уже в начале второго века Игнатий Антиохийский использовал слова, которые покажутся знакомыми христианам последующих времен вплоть до наших дней. «Господь наш Иисус Христос», как писал он:

> телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти… от Марии и от Бога.

Но были возможны и другие интерпретации, которые пользовались популярностью. С апостольских времен во многих группах существовало свое особое понимание взаимоотношения божественного и человеческого во Христе. В списке древних ересей представлены многие такие группы со своими представлениями о христологии. Разумеется, мы считаем их ересями и «особыми представлениями» только потому, что они в итоге потерпели поражение в схватке идей и стали побочными путями, а не столбовой дорогой веры[53]. (См. приложение к данной главе «Некоторые древние интерпретации Христа».)

Некоторые из первых последователей Иисуса считали его пророком или мессией, но не кем-то божественным или не воплощенным Богом. Такие иудео-христианские группы обычно называют *эбионитами*, и пока еще трудно решить вопрос, не сохранили ли они представления начального движения Иисуса. Когда выросло напряжение между иудаизмом и христианством, церковь осудила любые представления, которые казались ей близкими к иудейским. Эта иудейская тема часто всплывала на поверхность в позднейших спорах,

---

[51] Frend, *Rise of Christianity*. В должной мере доступное для читателя обсуждение соответствующих вопросов и дебатов см. в следующих работах: Edward Gibbon, *Decline and Fall of the Roman Empire*, 5:197–284; Anthony Maas, «Christology», *Catholic Encyclopedia* (1912), vol.14, at http://www.newadvent.org/cathen/14597a.htm; J. Levison and P. Pope-Levison, «Christology», in William A. Dyrness and Veli-Matti Kärkkäinen, eds., *Global Dictionary of Theology* (Downers Grove, IL: IVP Academic, 2008), 167–186; Giusto Traina, *428 AD* (Princeton: Princeton Univ. Press, 2009).

[52] Raymond E. Brown, *An Introduction to New Testament Christology* (New York: Paulist, 1994); Gregory Riley, *One Jesus, Many Christs* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1997); Richard Bauckham, *God Crucified* (Carlisle, UK: Paternoster, 1998); Jaroslav Pelikan, *The Emergence of the Catholic Tradition (100–600)*, vol.1, *The Christian Tradition* (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971).

[53] Послание к Ефесянам 7 Игнатия цитируется по: Bart Ehrman, ed., *Apostolic Fathers,* 2 vols. (Boston: Harvard Univ. Press, 2003), vol.1, 227; Henry Bettenson, ed. *The Early Christian Fathers* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1969); J. N. D. Kelly, *Early Christian Doctrines*, 5th rev. ed. (New York: Harper & Row, 1978); James H. Charlesworth and James R. Mueller, *The New Testament Apocrypha and Pseudepigrapha* (Metuchen, NJ: Scarecrow, 1987); Helmut Koester, *Ancient Christian Gospels* (Philadelphia: Trinity Press International, 1990). О сложных взаимоотношениях между «еретическими» представлениями и будущей ортодоксией см. Mark Edwards, *Catholicity and Heresy in the Early Church* (Farnham, UK: Ashgate, 2009).

поскольку мыслителей, которые подчеркивали человеческую сторону Христа, обычно обвиняли в симпатиях к иудаизму[54].

Две природы? Приемный сын

Согласно другим широко распространенным богословским мнениям, во Христе существовали две отдельные природы, человеческая и божественная, но божественная природа, Логос, захватывала и преодолевала человеческую. *Адопционисты* утверждали, что Иисус был полностью человеком, на него низошла божественная сила, сделавшая его Помазанником, Христом. Он стал Сыном в какой-то конкретный момент, когда был усыновлен Богом[55]. И хотя эти представления кажутся совершенно чужеродными с точки зрения позднейшей христианской ортодоксии, их несложно вывести из некоторых текстов Нового Завета.

Есть такие представления о Христе, которые кажутся совершенно чужеродными сточки зрения позднейшей христианской ортодоксии, однако их несложно вывести из некоторых *текстов Нового* Завета

Если предположить, что Иисус стал Богом, в какой момент и как это произошло? Современным христианам этот вопрос кажется простым, потому что они привыкли к доктрине рождения от Девы. Эту идею подтверждает рассказ и изображения благовещения Марии, а также известные всем христианам на протяжении веков события, окружающие появление на свет Эммануила. Разумеется, думаем мы, именно в этот момент божественное существо появилось на земле в виде человека. Но множество христиан первых поколений понимало эту историю совершенно иначе, и их представления также имели под собой надежные библейские основания.

Несомненно, евангелисты Матфей и Лука рассказывают нам о рождении от Девы, но мы не найдем следов этой идеи в каком-либо ином месте Нового Завета. Если мы обратимся к Павлу, то увидим, что в Послании к Галатам он пишет: Бог послал своего Сына, который «родился от женщины», но ни тут, ни в других местах Павел не говорит о том, что в зачатии или рождении Иисуса было что-то необыкновенное. Хотя Павел мог бы написать здесь «от девы», он выбрал слово, указывающее на женщину, – *gyne/gynaikos*. Двое евангелистов, Марк и Иоанн, не рассказывают о рождении Иисуса, как и гипотетическое утерянное Евангелие Q. Молчат об этом и другие альтернативные Евангелия, такие, как Фома. И даже сами Матфей и Лука не упоминают об особом рождении после своих первых глав, о нем молчит и продолжение Евангелия от Луки – Деяния апостолов. И хотя некоторые авторы утверждают, что Откровение содержит слова о Марии и ее ребенке, это спорный текст, который в любом случает ничего не говорит о девственном рождении. По крайней мере в Новом Завете ни один апостол или проповедник не пытается убедить слушателей рассказами о чудесном зачатии и рождении Иисуса или о яслях, окруженных ангелами и царями. Игнатий Антиохийский, несомненно, верил в рождение от Девы, но эта идея почти не оставила следа в трудах так называемых апостольских мужей – христианских мыслителей от 90 до 140 года.

Если бы мы читали только Марка, Иоанна и Q и не знали бы историй о Рождестве, мы наверняка бы решили, что Иисус обрел божественность именно в момент крещения, а не при рождении. Мы можем, например, прочитать текст Марка, который, по единодушному мнению ученых, был самым древним полноценным Евангелием из дошедших до нас, но

---

[54] Относительно эбионитов см. Eusebius of Caesarea, *The Ecclesiastical History,* 2 vols. ed. and trans. Kirsopp Lake, Loeb Classical Library (London: Heinemann, 1926–1932), Book 3, 26–28; Antti Marjanen and Petri Luomanen, eds., *A Companion to Second-Century Christian* «*Heretics*» (Leiden: Brill, 2005); Matt Jackson-McCabe, ed., *Jewish Christianity Reconsidered* (Minneapolis: Fortress, 2007).

[55] Ehrman, *Lost Christianities*; Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of Scripture* (New York: Oxford Univ. Press, 1993).

при этом попробуем освободиться от тех идей, которые мы получили из других книг. Марк начинает с темы подготовки Пути – первые последователи Иисуса называли свою новую веру именно так: Путь. Он рассказывает о миссии Иоанна Крестителя, а затем Иисус приходит принять крещение; Марк ничего не говорит о прошлом Иисуса и никак не показывает, что он чем-то вообще выделялся среди людей. На Иордане Дух в виде голубя сходит на Иисуса, который затем поспешно удаляется в пустыню – вероятно, чтобы осознать ту потрясающую новую реальность, с которой он столкнулся. Подобную последовательность событий мы найдем в Евангелии от Иоанна. Конечно, здесь есть одно существенное отличие: текст Иоанна начинается со знаменитого пролога, описывающего воплощение – что Слово стало плотью. Читая начало Иоанна, мы привычно думаем о Рождестве: Слово родилось в вифлеемских яслях – и такая интерпретация законна, но возможны и другие. Кто-то даже может понять «Слово стало плотью» так: божество материализовалось в иудейской пустыне в образе тридцатилетнего мужчины, готового приступить к духовной миссии, – примерно так это понимали первые христианские гностики. Или мы можем увидеть в прологе Иоанна описание того, что произойдет с Иисусом, когда он выйдет из вод Иордана.

> Для многих христиан первых поколений Иисус был прекрасным **или святым человеком, но лишь в момент** крещения в Иордане он был **внезапно наполнен** *божественной силой,* Логосом или Святым **Духом**

Для многих христиан первых поколений Иисус был прекрасным или святым человеком, но лишь в момент крещения в Иордане он был внезапно наполнен божественной силой, Логосом или Святым Духом. В начале II века влиятельный гностический мыслитель Керинф сделал популярной идею о том, что божественная сила вошла в Иисуса в момент крещения. Распятие же было тем моментом, когда сила Христа оставила человека Иисуса. В Евангелии от Петра, написанном во II веке, Христос на кресте восклицает: «Сила моя, Сила моя, почему ты оставила меня?» По словам Иринея, ортодоксального отца церкви, писавшего около 180 года, Керинф считал, что Иисус:

> …не был рожден от девы; но подобно, как и все прочие люди, был сын Иосифа и Марии и отличался от всех справедливостью, благоразумием и мудростью. И после крещения сошел на Него от превысшего первого начала Христос в виде голубя; и потом Он возвещал неведомого Отца и совершал чудеса; наконец, Христос удалился от Иисуса, и Иисус страдал и воскрес; Христос же, будучи духовен, оставался чужд страданий.

Далее Ириней описывает представления гностиков такими словами:

> Это – Христос, прошедший чрез Марию, как вода проходит чрез трубу, и на него при крещении сошел в виде голубя принадлежащий Плероме [полноте божества] и происшедший от всех Спаситель.

Другие новозаветные тексты также поддерживают далеко не самые ортодоксальные представления, хотя в них Иисус обретает божественность скорее не при крещении, а в момент воскресения[56].

Мы вправе даже сказать, что в церкви в целом этот древний интерес к моменту крещения Христа сохранялся долгие годы после того, как богословы официально отвергли идею о том, что именно тогда он стал божественным. И хотя это трудно доказать, праздник

---

[56] Евангелие от Петра цитируется по: Wilhelm Schneemelcher, ed., *New Testament Apocrypha* rev. ed. (London: SCM, 1963), 1:184. О Керинфе см. Eusebius, *Ecclesiastical History*, Book 3, 28. Ириней цитируется по: Alexander Roberts and James Donaldson, eds., *The Apostolic Fathers, Justin Martyr, Irenaeus*, in *Ante-Nicene Fathers* (New York: Scribner, 1926), 1:352; Roberts and Donaldson, *Apostolic Fathers, Justin Martyr, Irenaeus,* in *Ante-Nicene Fathers,* 1:325. О воскресении Христа как моменте «провозглашения» его божественности см. Рим 1:3–4.

Рождества, вероятно, отражает память о тех временах, когда некоторые христиане отмечали именно крещение – не рождение – Христа как ключевое событие его жизни.

Достойно удивления то, что нынешние христиане отмечают Рождество в середине зимы, тогда как в ранней церкви его праздновали в мае. (Ни один разумный иудейский пастух не выгнал бы стадо на холмы в декабре.) Но существуют другие объяснения тому, почему мы отмечаем этот праздник зимой. В конце II века египетские гностики из последователей Василида особо почитали крещение Иисуса и отмечали этот праздник 6 января. На протяжении многих веков ортодоксальные церкви праздновали Рождество, а не Крещение в середине зимы, тогда как на 6 января у них приходился праздник Богоявления. В западной церкви этот праздник посвящен поклонению волхвов, которые увидели славу Христа в младенце, лежащем в вертепе. Тем не менее в других христианских традициях на протяжении веков этот день был посвящен двум событиям: рождению Христа и его крещению в Иордане. В православных церквях в этот день отмечается праздник Крещения. В древней церкви Эфиопии крещение Иисуса стоит в центре праздника *Тимкат*, или Богоявления, и это по-прежнему один из величайших праздников церковного года. *Тимкат* – это местное арамейское слово, означающее «крещение»[57].

Доктрины адопционистов привлекали умы отдельных верующих и на протяжении III века и стали особенно популярны в 260-х годах благодаря влиянию Павла Самосатского, епископа Антиохии. По его учению, Мария была матерью человека Иисуса, на которого в момент его крещения сошел Логос.

> Помазанный святым Духом, он принял титул помазанника [*Christos*], страдал в соответствии со своей природой и делал чудеса в соответствии с благодатью. По своим постоянству и решимости он уподобился Богу, храня себя от греха, соединился с Богом и получил власть и силу творить чудеса.

Со временем церковь осудила эти представления, как осудила взгляды эбионитов и иудеев, поскольку здесь на первом месте стоит человеческая природа Иисуса. Но они важны для позднейших споров, поскольку Павел Самосатский стал предтечей всех сторонников теорий о двух природах Христа[58]. И хотя антиохийская церковь отвергла адопционизм, ее богословы всегда подчеркивали значение человеческой природы Христа, хотя не забывали и о природе божественной.

Одна природа? Ничего, кроме Бога во Христе

Другие верующие первых веков придавали такое значение божественной природе Христа, что буквально не видели в нем человека: у Христа есть только одна природа – природа Бога. Эти христиане также могли найти опору в Писании и в древней традиции. Согласно одной из версий этих воззрений, Христос просто принял облик человека, чтобы посетить мир, но и его вид, и его страдания были чем-то вроде иллюзии – такие представления принято называть *докетизмом*, от греческого слова *dokein*, «казаться». Еще в новозаветную эпоху Послание Иоанна осуждает тех, кто отрицает Христа, пришедшего во плоти (см. Ин 1:7). Некоторые докеты, ища поддержку в Писании, ссылались на гимн, записанный в Послании к Филиппийцам, где говорится, что Христос принял образ или форму (*morphe*) раба и родился *в подобии* человека, *по виду* став как человек (2:7). Это настолько древний гимн, что

---

[57] C. C. Martindale, «Epiphany», *Catholic Encyclopedia* (1909), vol.5, at http://www.newadvent.org/cathen/05504c.htm; Everett Ferguson, *Baptism in the Early Church* (Grand Rapids: Eerdmans, 2009).

[58] О Павле Самосатском см. Eusebius, *Ecclesiastical History,* Book 7, 27–30; о взглядах Павла Самосатского см. Frederick C. Conybeare, «Paul of Samosata», *Encyclopedia Britannica* (New York: Encyclopedia Britannica, 1911), 20:958; Epiphanius, *The Panarion of Epiphanius of Salamis*, 2 vols., trans. Frank Williams (Leiden: Brill, 1987–1994), 2:209–218; Virginia Burrus, *«Begotten, Not Made»* (Stanford: Stanford Univ. Press, 2000), 22–25.

уже в 60-х годах, когда его цитирует Павел, похоже, он обращается к хорошо известному христианам тексту. Он создан раньше всех четырех Евангелий в их окончательной знакомой нам редакции.

Вера в иллюзорного Христа неизбежно должна была повлиять на церковную практику и благочестие – например, если Христос был нематериальным существом, Евхаристия для христианина имеет лишь символическое значение. Эта вера отличала докетов от других христиан, и потому Игнатий Антиохийский отверг их представления еще в начале II века: он назвал докетов «атеистами и неверными». Однако подобные идеи длительное время пользовались популярностью в Сирии и на Востоке, так что они нашли отражение в тексте многих альтернативных евангелий. Это богословие также вошло в новую религию Мани, который учил о радикальном противоречии между светом и тьмой, духом и материей. Если думать, что материя есть зло, невозможно себе представить, что Христос существовал в теле или (как насмешливо говорил Мани) «родился от крови и плоти и дурно пахнущих женских выделений»! На Западе одним из самых ярких защитников реальной материальной природы Христа был Тертуллиан, писавший около 200 года. В своем трактате *De Carne Christi* («О плоти Христа») он утверждал, что ни одна из христианских доктрин не имеет смысла, если мы не верим в реальную физическую природу воплощения: «Бог должен был принять плоть, чтобы воистину умереть и воистину воскреснуть». Хотя Тертуллиан никогда не произносил именно такой фразы, в памяти людей осталось такое оправдание его веры в воплощение: «верую, ибо это абсурдно»! [59]

> Примерно с 200 года основным предметом споров было представление **о том, что Христос обладал человеческим** телом, но не отдельной идентичностью или лицом, **так как был** *соединен с Богом*

На протяжении II и III веков церкви постоянно боролись с представлениями об одной природе. Примерно с 200 года основным предметом споров было представление о том, что Христос обладал человеческим телом, но не отдельной идентичностью или лицом, так как был соединен с Богом; Отец, Сын и Дух были лишь разными сторонами единой реальности, тремя именами единой ипостаси, так что не было большого смысла говорить о Троице. Этот взгляд сделал популярным Савеллий, хотя его идеи были настолько спорными, что до нас не дошло ни одного из сказанных им слов. Он считал, что Христос един с Отцом в такой степени, что на кресте страдал Отец. С точки зрения позднейших христологических теорий Савеллия можно отнести к радикальным сторонникам веры в одну природу. Савеллианство привлекало тех христиан, которые, подобно иудеям, ужасались любым отклонениям от строгого монотеизма и опасались, что Христос превратится во второго самостоятельного Бога[60].

Стремление сохранить человеческую сторону Христа

Во времена Нестория христиане хорошо помнили об этих спорах. Они использовали ставшие привычными названия и клички, чтобы обозначить и заклеймить своих врагов. Если кто-то слишком резко стоял за единую природу Христа, оппоненты могли (презрительно) назвать его савеллианцем. Если же кто-то слишком решительно настаивал на противоположном и настаивал на существовании двух отдельных природ, его могли счесть последователем Керинфа или Павла Самосатского. К концу III века в западной церкви появи-

---

[59] Выражение «атеисты и неверные» из Послания Игнатия к Траллийцам 10 цитируется по: Ehrman, *Apostolic Fathers*, 1:264–265. Цитата из Мани по: Epiphanius, *Panarion of Epiphanius*, 2:227; Тертуллиан *De Carne Christi* цитируется по: Allan Menzies, ed., *Latin Christianity: Its Founder, Tertullian*, in *Ante-Nicene Fathers* (New York: Scribner, 1926), 3:911–951.

[60] Epiphanius, *Panarion of Epiphanius*, 2:121–127; Young, «Monotheism and Christology», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 452–469.

лась формулировка, отражавшая стремление избежать обеих крайностей. Если использовать латинские термины, можно сказать, что Христос был одной *persona* (лицом), в которой было две *substantiae*, ипостаси, божественная и человеческая[61].

В свете позднейших представлений о развитии христианской доктрины нам важно понять, как обе стороны споров понимали божественную сторону Христа. Многие современные читатели думают, что обожествление Христа было искажением первоначального христианского учения. Они полагают, что первые христиане видели в Иисусе человека и что лишь позже, задним числом, ему придали божественный статус. Последнее обычно связывают с обращением Римской империи в христианство и с таким событием, как Никейский собор 325 года. В своем романе «Код да Винчи» Дэн Браун утверждает, что именно в Никее Иисус *стал* Богом в результате борьбы за власть империи и церкви: он был обожествлен с помощью голосования и подсчета большинства голосов.

> Уже к 200 году иудеохристианские группы, видевшие во Христе исключительно **человека, стали крайне малочисленными** и изолированными

Однако по меньшей мере за сто лет до этого события никто не ставил под сомнение божественность Христа, причем чем определеннее церковь высказывалась за приоритет четырех канонических Евангелий, тем прочнее становилась эта вера. Матфей и Лука были наиболее популярными евангелистами, и, знакомясь по ним с жизнью Христа, верующий не мог обойти их повествования о чудесном зачатии и рождении. Память об этих историях окрашивала восприятие Марка и Иоанна, так что читателям казалось, что и эти евангелисты говорили о рождении Иисуса. Христиане спорили не о божественности Иисуса Христа, но о связанном с этим вопросе: какие человеческие элементы в нем остались – и остались ли они вообще? Уже к 200 году иудеохристианские группы, видевшие во Христе исключительно человека, стали крайне малочисленными и изолированными. Жаркая схватка шла вокруг совершенно иного вопроса: можно ли считать Христа человеком?

Четвертый век

Новые битвы Никеи

Вопрос о том, в какой мере Христос един с Богом Отцом, породил так называемый арианский кризис. Священник Арий соглашался с тем, что Христос был могущественным и святым и принадлежал к сверхъестественному миру, однако, думал он, поскольку Отец сотворил его в определенный момент, мы не можем считать Христа в равной мере божественным. Его оппоненты, во главе которых стоял Афанасий из Египта, с неменьшей страстью верили в то, что Христос совершенно равен Отцу, что он часть триединого Бога и всегда обладал этим статусом. Ортодоксы лаконично выразили свою позицию в виде лозунга, который можно перевести примерно так: «Никогда не было такого было, когда Его не было»[62]. Как это нередко бывает в подобных философских схватках, мнения двух противоборствующих сторон не так уж существенно отличались одно от другого. И ариане, и сторонники Афанасия считали, что Иисус тесно связан с Отцом и существовал до создания вселенной.

---

[61] Henry Bettenson, ed., *The Later Christian Fathers* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1969); Trevor Hart, «Creeds, Councils and Doctrinal Development», in Philip F. Esler, ed., *The Early Christian World* (New York: Routledge, 2000), 1:636–659.

[62] Лозунг «Никогда не было…» из John Bowden, «Christology» in John Bowden, ed., *Encyclopedia of Christianity* (New York: Oxford Univ. Press, 2005), 220; Rowan Williams, *Arius*, rev. ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 2002); Thomas C. Ferguson, *The Past Is Prologue* (Leiden: Brill, 2005); J. Rebecca Lyman, «Arius and Arians», in Harvey and Hunter, *Oxford Handbook of Early Christian Studies*, 237—57.

Афанасий утверждал, что Христос единосущен (*homoousios*) Отцу, Арий же думал, что он подобен (*homoiousios*) Отцу, но не тождественен ему. Вся разница заключалась в одной-единственной букве.

Афанасий одержал великую победу в этой битве, однако его триумф одновременно открыл дорогу для христологии одной природы. В 325 году Никейский собор осудил взгляды Ария как еретические. Собор выразил свои убеждения в следующем Символе веры:

> [Веруем] во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца, т. е. из сущности [ousia] Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, Отцу единосущного [homoousios], чрез Которого все произошло как на небе, так и на земле. Ради нас, человеков, и ради нашего спасения нисшедшего, воплотившегося [sarkothenta] и вочеловечившегося [enanthropesanta]…[63]

Никейский собор стал славной легендой истории церкви – воспоминанием о победе только что провозглашенной ортодоксии. Хотя на то, чтобы утвердить мнение Афанасия во всей церкви, ушли века (скажем, в VI веке готы и лангобарды, исповедующие арианство, правили значительной частью Западной Европы), в итоге оно восторжествовало. Даже в наши дни сотни миллионов людей, посещающих церкви с традиционным богослужением, слышат об этой доктрине еженедельно, когда на любом языке произносят Символ веры, где говорится, что Христос единосущен Отцу. Однако Никея не положила конец богословским спорам, но скорее, напротив, привела к появлению новых полей сражений. К концу IV века основная часть церкви достигла согласия по вопросам о природе Бога и о Троице, но теперь разгорелись битвы вокруг природы Христа. Эти христологические споры были главными спорами V века[64].

Сами никейские определения создали проблемы для понимания человеческой стороны Христа. Символ веры собора, несомненно, отражает веру в то, что Христос был человеком. Иисус не просто воплотился, но и стал человеком, *anthropos*. Но можно было спорить о значении этих терминов, и спор об этом стал предметом глубокого взаимного несогласия церквей Александрии и Антиохии. В Евангелии от Иоанна говорится о том, что Логос «стал плотью» (*sarx*), и позднейшие богословы считали, что Логос был началом, которое управляло плотью, или телом, Христа. Такое представление о *Logos-sarx* (Слове-плоти) удовлетворяло мыслителей александрийской школы, таких, как Афанасий. Но это оставляло возможность думать, что Бог обитает в человеческом теле, не имеющем своей отдельной идентичности: в этом смысле в Иисусе можно было видеть просто обобщенного представителя человечества. Со своей стороны антиохийцы опасались, что такой подход приведет к отрицанию того, что Иисус был человеком в полном смысле этого слова. Он был не просто телесным существом, но реальным человеком определенного происхождения и со своей биографией, с умом, волей и желаниями – он ведь плакал – человека. Антиохийцы единодушно придавали больше значения Христу как человеку, *anthropos*, так, у них было представление о *Logos-anthropos* (Слове-человеке). Вочеловечиться, стать *anthropos* означало обрести статус человека в полной мере[65].

---

[63] J. N. D. Kelly, *Early Christian Creeds*, 3rd ed. (New York: Longman, 1981, originally published 1972). О Никейском соборе см. Timothy D. Barnes, *Constantine and Eusebius* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1981); Timothy D. Barnes, *Athanasius and Constantius* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1993); John Behr, *The Way to Nicaea* (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 2001); Mark Edwards, «The First Council of Nicaea», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 552–567; Lewis Ayres, *Nicaea and Its Legacy* (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

[64] Karl-Heinz Uthemann, «History of Christology to the Seventh Century», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 460–500.

[65] Grillmeier, *Apostolic Age to Chalcedon*.

В 268 году слово *homoousios* казалось церкви абсурдной ересью; **спустя оно шестьдесят лет** стало лозунгом единой ортодоксии

Христиане стали пользоваться нагруженным смыслом словом *homoousios*, которое приобрело уже почти авторитет Писания и было концепцией, от которой никто не мог легко отмахнуться. Но сторонники одной природы с легкостью могли использовать его для поддержки своих представлений. Если Христос действительно обладает единой сущностью с Отцом, где в этой картине человек Иисус? Достоин внимания тот факт, что Никейский Символ веры буквально ничего не говорит о том, что Иисус делал от своего воплощения до распятия при Понтии Пилате. Мы ничего не слышим о его чудесах и притчах, проповедях и поучениях или каких-либо еще событиях его земной человеческой жизни, как если бы ничто в его жизни или миссии между двумя событиями не имело ни малейшего значения. Даже Афанасий, как он ни старался, не смог оставить убедительного утверждения о человеческой природе Христа. Фактически критики Никеи вправе были говорить, что этот Великий собор просто воскресил забытое савеллианство в новой оболочке – мысль о том, что Христос просто был формой или видом единого божественного существа. По иронии судьбы, то самое церковное собрание, которое в 268 году осудило Павла Самосатского, одновременно отвергло и термин *homoousios*, который казался тому собору еретическим нововведением Павла. В 268 году это слово казалось церкви абсурдной ересью; шестьдесят лет спустя оно стало лозунгом единой ортодоксии[66].

Аполлинарий

Открыв путь для теорий одной природы, церковь столкнулась с некоторыми опасными представлениями. Если Христос действительно един с Богом, значит, сам Бог был в утробе Девы, родился, пострадал и умер. Историк Эдуард Гиббон справедливо писал о последствиях Никеи так: «Кафолическая вера колебалась на краю обрыва, откуда невозможно было отступить, где трудно было устоять и где ей угрожала опасность падения»[67]. Один из ближайших учеников Афанасия взял на себя задачу сделать неизбежный вывод из его логики. Яростный враг арианства Аполлинарий Лаодикийский в Сирии стремился подчеркнуть важность божественной природы Христа, для чего в 360—370-х годах написал серию блестящих сочинений и посланий. В полемике с арианами, умалявшими значение божественности Христа, он зашел слишком далеко в противоположном направлении и почти устранил человеческую природу в своей экстремальной христологии Слова-плоти. Так он сделался предтечей всех последующих сторонников одной природы, то есть монофизитских богословов.

Аполлинарий решительно отвергал мысль о том, что Христос обладал человеческим умом. Подобно большинству мыслителей своей эпохи, он в согласии с Платоном считал, что человек обладает телом (*soma*), душой (*psyche*) и умом (*nous*). *Psyche* управляет животными функциями, а *nous* — это рациональный высший ум, который и делает нас людьми. Аполлинарий рассуждал так: если Христос единосущен (*homoousios*) Богу Отцу, он тем самым божественен. Но, разумеется, божество не может опуститься до того, чтобы принять на себя человеческую природу, а потому не может обладать человеческим умом, *nous*, «умом изменчивым и порабощенным нечистыми мыслями». Если бы Христос обладал человеческим умом, это бы значило, что у него раздвоение личности – то, что мы сегодня называем шизофренией, что в буквальном смысле означает «расщепление ума»[68].

---

[66] J. Stevenson, ed., *A New Eusebius* (London: S. P. C. K., 1957), 279–280. MacMullen, *Voting About God*, 26–27.

[67] Gibbon, *Decline and Fall of the Roman Empire*, 5:207.

[68] Аполлинарий цитируется по Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 116.

Хотя Воплощение предполагает слияние человеческого и божественного, по мнению Аполлинария, божественное настолько преобладало во Христе, что буквально не оставляло места ничему человеческому в нем, кроме *soma* и *psyche* – плотского тела и животной души. У Христа, утверждал Аполлинарий, не было человеческого ума (*nous*) или (*psyche logike*) разумной души, поскольку их функции выполняло божественное Слово. «Слово Бога не сходило здесь на святого человека, как то было в случае пророков, но это Слово само стало плотью, оно не обладало человеческим умом… но существовало как божественный ум, не подверженный изменениям, и небесный». Христос взял на себя человеческую природу, но ни в каком смысле не стал неким отдельным человеком. Божественное настолько преобладало во Христе, утверждал Аполлинарий, что он стал «Богом, рожденным от жены», «Богом, носящим плоть». «Священное Писание не отделяет слово от плоти: он есть одна природа, одна энергия, одно лицо, одна *hypostasis*, одновременно истинный Бог и истинный человек»[69].

Аргументы Аплоллинария, несмотря на их логику, вызвали яростную критику. Если он прав и у Христа не было человеческого ума, что же означает спасение? Неужели Христос пришел для того, чтобы спасти и искупить лишь плоть? Как писал автор XIX века Филлип Шэфф, «рациональный дух человека нуждается в спасении не менее, чем тело». Иным же казалось, что Аполлинарий не признавал Иисуса подлинным человеком и тем самым проповедовал новую версию докетизма. Несколько синодов осудили его взгляды, которые были подвергнуты официальному осуждению на Константинопольском соборе 381 года – так называемом Втором Вселенском соборе (Никея считалась Первым). Папа Дамас, согласный с решениями собора, писал: «Если кто-то преуменьшает человеческое или божественное во Христе, он полон бесовских духов и свидетельствует о себе как о чаде ада»[70]. Церковь Рима предала анафеме «всех тех, кто считает, что Слово Бога вошло в человеческую плоть, но не в разумную душу. Ибо это Слово Бога не обитало в особом теле, лишенном разумной и мыслящей души, но приняло на себя и спасло нашу разумную и мыслящую душу, кроме греха»[71].

Однако отказ от трудов Аполлинария сам по себе не решал дилеммы о двух природах и не мог положить конец спорам. Если он неправ и идея об одной природе ложная, значит ли это, что верна теория двух природ? Означает ли это, что гностик Керинф в итоге оказался прав? «Случай Аполлинария» положил начало длительным спорам, которые переросли в открытое столкновение в Эфесе и Халкидоне и продолжались позже.

Новый словарь богословия

Споры вокруг Аполлинария также показали, что многие разногласия в церкви порождает нечеткость терминологии. К концу IV века богословы пришли к согласию о тонких, но критически важных значениях некоторых слов, которые прежде использовались в гораздо более расплывчатых смыслах. К наиболее замечательным мыслителям этого периода следует отнести так называемых каппадокийских отцов: Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского. Их труды дали церкви совершенно новую христианскую философскую систему, снабженную терминологией, которая позволяла добиваться

[69] «Слово Бога не сходило…» цитируется по Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 96; «Священное Писание…» – по Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 115.

[70] Шэфф цитируется по Philip Schaff, *The Creeds of Christendom* (Grand Rapids: Baker, 1993 printing), 2:64. Дамас цитируется по Theodoret, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 3:139. О Первом Константинопольском соборе см. Henry R. Percival, «The Seven Ecumenical Councils of the Undivided Church», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 12:161–190. Rubenstein, *When Jesus Became God*, 211–321; Charles Freeman, *a.d.381* (London: Pimlico, 2008).

[71] Анафемы цитируются по Theodoret, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 139–140.

гораздо большей ясности аргументации. Это позволяло в христологии говорить об уровнях или степени единства, избегая простого отождествления *Христос = Бог*. Созданный ими словарь определил форму споров V века[72].

Многие разногласия в церкви порождает нечеткость терминологии

К наиболее важным из этих терминов относятся следующие: *ousia, physis, hypostasis* и *prosopon*. (См. Таблицу 2.)

Таблица 2
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ

Греческий	ousia	physis	hypostasis	prosopon
Латынь	essentia	natura	substantia	persona
Современное использование	сущность, существо	естество, природа	«ипостась», самостоятельное существование	лицо, личность

Physis – это природа в смысле «подлинной природы» кого-либо. *Hypostasis* – сложное слово, которое можно перевести как «отдельное, самостоятельное существование». Это слово говорит о «лежащем под чем-то» в архитектурном смысле – подобно основанию дома. *Prosopon* указывает на личность. Первоначально данное слово обозначало маску театрального актера, латинским эквивалентом которого было *persona*. С точки зрения современной психологии оно соответствует понятию «личность», которую мы, подобно маске, являем окружающему миру; но в богословии у него нет такого смыслового оттенка обмана или иллюзии[73].

Эти точные термины многое значат. Каппадокийцы видели в Троице три отдельных существа – Отца, Сына и Духа, – где у каждого из них есть своя идентичность, *hypostasis*, но они обладают общей сущностью, *ousia*. Бог Сын обладает той же сущностью, *ousia*, что и Отец, в согласии с формулировками Никеи, но это не возвращает нас к спорам вокруг савеллианства. Как человек я разделяю общую *ousia* с другими людьми, потому что все мы существа одного сорта, но это не значит, что мы все идентичны. У меня есть моя собственная идентичность, которая отличает меня от Джона Смита или Мэри Джонс. Таким образом, Христос *homoousios* с Богом, но не идентичен Богу[74].

Но это подвело христиан к еще одному важнейшему вопросу. Если Христос обладает и человеческой, и божественной природой (*physis*), в каких отношениях находятся первая и вторая? На каком этапе они соединились? Было ли это в момент зачатия Христа, его рождения или когда-то еще? И что стало в таком союзе с природой человека? Пережила ли человеческая природа воплощение? Сохранилась ли она после воскресения? Сложно было ответить даже и на вопрос попроще: в какой мере был человеком Христос, когда он ходил по Галилее?

Что знал Христос и когда он получил это знание? Допустим, Христос знал меньше, чем Отец, но в какой мере его знание было ограниченно? Мы можем согласиться с тем, что

---

[72] Frend, *Rise of Christianity*, 629–642. Andrew Louth, «Later Theologians of the Greek East», in Esler, *Early Christian World*, 1:580–600; Edward Rochie Hardy, ed., *Christology of the Later Fathers* (Philadelphia: Westminster, 1954).

[73] Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 115; Frend, *Rise of the Monophysite Movement*; Rubenstein, *When Jesus Became God,* 204–208.

[74] Susan Wessel, *Cyril of Alexandria and the Nestorian Controversy* (New York: Oxford Univ. Press, 2004).

лежащий в яслях младенец Иисус не знал всего, что происходит во вселенной, но что мы скажем про взрослого Иисуса? Можно себе вообразить, что ум Иисуса развивался постепенно, как это происходит у человека, который растет, становится зрелым и потом движется к закату. Но можем ли мы говорить об особом моменте, когда Иисус вдруг осознал свою божественность, – или это был постепенный процесс постижения?

Война за Иисуса объявлена: V век

Александрия

Споры, приведшие к Халкидону, в основном были десятилетними схватками между двумя важнейшими интеллектуальными центрами, двумя сердцами христианского мира – Александрией и Антиохией. Оба этих города были древнейшими центрами веры, оба считали себя преемниками великой традиции. Оба города в V веке обладали большой властью и престижем. Чем яростнее варвары нападали на Запад, на Галлию, Испанию и Африку, тем более важную роль в политике и экономике уменьшавшейся империи играли Сирия и Египет, то есть Антиохия и Александрия. Кроме того, каждый город занимал свою особую позицию в спорах о природах Христа: Александрия твердо держалась веры в одну природу, тогда как Антиохия оставалась открытой для идеи о двух природах. Сам Несторий был во многом порождением Антиохии, и его самыми яростными противниками были именно александрийцы.

Особая александрийская традиция опиралась на труды Оригена, ученого мужа начала III века, который был предтечей многих христологических теорий и даже создателем соответствующей терминологии – включая такие термины, как *ousia* и *hypostasis*. Ориген также определил крайне философское направление развития александрийского богословия и ввел символическое и духовное толкование Писания, которым так часто отличались египетские мыслители. После Никеи в течение десятилетий славным представителем Александрии был епископ Афанасий. Он подчеркивал безусловную божественность Христа, отстаивал доктрину *homoousios* и боролся со всеми теми, кто преуменьшал значение божественной природы Христа. Несколько его преемников хранили эту традицию. Из них особенно выделяется Кирилл, который был одновременно блестящим мыслителем и – никуда от этого не деться – несносным задирой. Кирилл не допускал никаких уступок доктрине двух природ. Он отвергал идею о том, что Слово стало плотью через союз, основанный просто на воле или желании. Этот союз, по его мнению, должен был иметь более глубокую основу[75].

Величайшим вкладом Кирилла в учение церкви была его формулировка о союзе ипостасей, созданная в полемике с Несторием, которую Халкидонский собор сделал официальной доктриной. По словам Кирилла, две различные природы соединяются во Христе «союзом по ипостаси» (*henosis kath' hypostasin*), динамическим союзом, «и из обеих является единый Христос, единый Сын».

> Слово, ипостасно соединенное несказанным и невыразимым образом с плотью, движимой разумной душой, стало человеком и было названо сыном человеческим… Хотя природы, соединенные истинным союзом, отличны, от них есть единый Христос и Сын… Бог и Человек несказанным

[75] Lionel R. Wickham, ed., *Cyril of Alexandria: Select Letters* (Oxford: Clarendon, 1983); Norman Russell, *Cyril of Alexandria* (New York: Routledge, 2000); John A. McGuckin, *St Cyril of Alexandria: The Christological Controversy* (Crestwood, NY: St Vladimir's Seminary Press, 2004); Wessel, *Cyril of Alexandria*. В защиту Кирилла см. B. T. A. Evetts, ed., *History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria* (Paris: Firmin-Didot, 1948—59), 2:403–423.

> и неописуемым образом образуют союз, дающий нам единого Господа, и Христа, и Сына.

Мария была Матерью Бога, поскольку родила плоть, неразрывно соединенную с божественным Логосом. «Итак, надлежит нам признать единого Христа и единого Господа и не поклоняться человеку вместе со Словом… но поклоняться ему как Единому, одному и тому же»[76].

Для позднейшей христианской жизни огромное значение имело также учение Кирилла о Евхаристии. Если Христос есть воплощенный Бог, значит, верующие имеют доступ к божественной жизни через тело и кровь Евхаристии. Хотя здесь еще не содержится средневековой западной идеи о пресуществлении святых даров, Кирилл подчеркивал, что хлеб и вино радикальным образом меняются. Причастие, которое мы принимаем, писал он, «не есть плоть освященного человека, связанного со Словом союзом своего достоинства, или того, в ком обитает Бог, но это дающая жизнь истина и плоть самого Слова. Будучи как Бог жизнью по своей природе, соединившись с плотью, он делает эту плоть жизнеподательной». Как это было у многих других богословов, поскольку Кирилл ставил Христа на недосягаемую высоту, он также ставил на высоту таинства и священнослужителей, которые их преподают[77].

Во всем этом была одна проблема: Кирилл гораздо сильнее, чем он сам замечал, опирался на радикальные доктрины одной природы, которые оказали огромное влияние на все его труды. На развитие его идей повлияла одна фраза, которую Кирилл приписывал своему крепкому в ортодоксии предшественнику Афанасию: Христос есть «одна Природа (*mia physis*) Логоса Бога воплощенного». Кирилл сделал это выражение опорой для возникающей ортодоксии. На самом же деле это выражение было подделкой и его источником был не Афанасий, но осужденный еретик Аполлинарий. Хотя антиохийские богословы пытались разоблачить этот подлог, вожди церкви мало прислушивались к их словам. Александрийская традиция, усвоив этот сомнительный текст, сделала еще один шаг в сторону идеи единой природы. Особенно странным было утверждение Кирилла о том, что «Слово Бога пострадало во плоти, и было распято во плоти, и вкусило смерть во плоти». С этой формулировкой горячо бы согласился и Аполлинарий. Так, через подложный текст, принятый Кириллом, учение Аполлинария оставило отпечаток на общепринятой христологии церкви, что заметно усилило тенденцию превозносить Христа и подчеркивать его божественность[78].

Антиохия

Другим интеллектуальным центром была Антиохия, которая не менее глубоко, чем Александрия, была связана с древним христианским наследием[79]. Особая и живая традиция мысли поддерживала в антиохийцах стремление понимать и объяснять головокружительную весть христианства. Павел Самосатский был антиохийским епископом, пока его не сместили после обвинения в ереси; даже Аполлинарий проповедовал в сирийской столице. Еще задолго до возникновения христианства Антиохия славилась своими школами риторики и философии, и христиане пользовались богатствами языческой традиции, приспосабливая их для своих целей. В то же время они продолжали вести диалог с многочисленными мест-

---

[76] Цитаты из Второго Послания Кирилла к Несторию приводятся по Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:175–177. John A. McGuckin, ed., *St. Cyril of Alexandria: On the Unity of Christ* (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1995); Steven A. McKinion, *Words, Imagery, and the Mystery of Christ* (Leiden: Brill, 2000).

[77] Третье Послание Кирилла цитируется по Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 284.

[78] О поддельном тексте см. Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 121.

[79] Brent, *Ignatius of Antioch*; Susan Ashbrook Harvey, «Syria and Mesopotamia», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 331–350.

ными иудеями. К IV веку Антиохия радикальным образом отличалась от Александрии в своем подходе к чтению и толкованию Писания. Чем больше читатель видит в Евангелиях исторический текст, чем больше стремится поставить отрывки в их контекст, тем ярче перед ним открывается образ человека Иисуса. Поэтому антиохийцы склонялись к христологии Слова-человека[80].

> Чем больше читатель видит в Евангелиях исторический текст, чем больше **стремится поставить отрывки в их контекст,** тем ярче перед ним открывается **образ человека** *Иисуса*

Эти факторы определили позицию Антиохии в спорах, последовавших за Никейским собором. Основателем великой богословской традиции здесь был Диодор из Тарса – родного города Павла. Он привлек к себе внимание всей церкви как ведущий противник Аполлинария, причем в спорах с оппонентом Диодор сформулировал идею двух природ, соответствующую его позиции.

Самым значимым преемником Диодора был Феодор Мопсуестийский (350–428), придерживавшийся спорных взглядов по многим вопросам. Подобно Диодору, он был универсалистом, то есть верил в то, что в итоге все будут спасены, а потому никто не обречен на вечные муки[81]. Что же касается природ Христа, Феодор считал, что человеческое и божественное соединились в одном *prosopon*, лице, но это было нечто вроде союза тела и души или союза мужчины и женщины: несмотря на единство, обе части сохраняют свои отличия. Присутствие Логоса во Христе подобно присутствию благодати в обычном человеке. Хотя присутствие Логоса во Христе не подлежит сомнению, оно не разрушало свободную волю. Союз между двумя природами укреплялся по мере того, как рос и созревал человек. Для Феодора был крайне важен человеческий компонент, и потому он открыто утверждал, что Христос был подвержен искушениям и страданию. Задолго до Нестория он критиковал обычай называть Марию *Theotokos*, поскольку этот термин предполагал недолжное смешение божественной и человеческой природ[82].

Антиохийские христиане твердо держались тех идей, что сформулировали Диодор и Феодор, даже когда эти идеи осуждались на соборах. И когда все клеймили Нестория, многие антиохийцы не спешили произносить положенные ритуальные проклятия. Вплоть до V века Феодорит Кирский хранил живую память об антиохийских версиях христологии двух природ. Хотя он признавал союз божественного и человеческого, он продолжал считать, что две эти природы существовали и после воплощения. Христос имел одно *prosopon*, но в этом едином лице продолжали существовать две природы.

> Не способные достичь согласия или мирно оставаться при своих мнениях, **две великие церкви Антиохии** и Александрии продолжали в течение многих **десятилетий вести** *войну на изнурение,* пытаясь устранить **дурные представления** противника

Неспособные достичь согласия или мирно оставаться при своих мнениях, две великие церкви Антиохии и Александрии продолжали в течение многих десятилетий вести войну на

---

[80] Frances M. Young, *From Nicaea to Chalcedon* (Philadelphia: Fortress, 1983); Robert C. Hill, *Reading the Old Testament in Antioch* (Leiden: Brill, 2005); Raffaella Cribiore, *The School of Libanius in Late Antique Antioch* (Princeton: Princeton Univ. Press, 2007); Isabella Sandwell, *Religious Identity in Late Antiquity* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007).

[81] Frederick G. McLeod, *The Image of God in the Antiochene Tradition* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 1999); Robert C. Hill, *Diodore of Tarsus: Commentary on Psalms 1—51* (Leiden: Brill, 2005); Clayton, *Christology of Theodoret*, 53–74.

[82] Theresa Urbainczyk, *Theodoret of Cyrrhus* (Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2002); Frederick G. McLeod, *The Roles of Christ's Humanity in Salvation* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2005); István Pásztori-Kupán, *Theodoret of Cyrus* (New York: Routledge, 2006).

изнурение, пытаясь устранить дурные представления противника. Если мы вспомним о том, что Несторий был тесно связан с Антиохией – считают, что он общался с Феодором незадолго до того, как стал епископом Константинополя, – мы поймем, почему все противники антиохийцев относились к нему столь недоброжелательно. Несторий лишился власти, его имя было заклеймено позором на все времена, но враги антиохийцев продолжали бороться с идеями представителей этой школы даже после их смерти. Хотя Диодор умер в 390 году, собор объявил его христологические взгляды ересью лишь столетие спустя, в 499 году. А в 550-х годах Пятый Вселенский собор собрался, чтобы осудить Феодора Мопсуестийского (умершего в 428 году) вместе с его антиохийскими единомышленниками. Это походило не столько на богословские споры, сколько на кровную месть, растянувшуюся на несколько поколений[83].

Лозунги и стереотипы

В спорах, разгоревшихся вокруг природы Христа, участники использовали специальную терминологию с тонкими смысловыми нюансами. Понимали ли простые люди на улицах или в селениях, чем *ousia* отличается от *hypostasis* или как использование этих терминов отражается на жизни церкви? Имели ли толпы, сражавшиеся за монофизитов или несториан, хоть малейшее представление о том, что именно они отстаивают с богословской точки зрения? Некоторые авторы предполагают, что люди это понимали. В 380-х годах Григорий Нисский был изумлен тем, что каждый константинопольский торговец принимал участие в богословских спорах:

> Весь город был наполнен подобными разговорами: улицы, рынки, площади, перекрестки. Об этом говорили торговцы платьем, денежные менялы, продавцы съестных припасов. Ты спросишь у менялы о курсе, а он ответит тебе диссертацией о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать качество и стоимость хлеба, а тебе отвечают: «Отец больше Сына, Сын подчинен Отцу». Справишься, готова ли вода в бане, а в ответ услышишь: «Сын произошел из не сущих»[84].

В V веке на улицах тоже обсуждали богословские вопросы, только теперь не о Троице, но о христологии.

Люди усвоили лозунги, но действительно ли они их понимали? На самом деле у нас есть все основания думать, что не только обычные верующие, но и многие церковные вожди не могли разобраться в этих богословских тонкостях. И их участие в спорах преподает нам некий печальный урок о подобных спорах в других религиях и в другие исторические периоды, включая наш собственный.

Историк Рамсей Мак-Мюллен справедливо отмечает, что богословским текстам той эпохи нередко свойственны «сложность мысли, причудливый словарь, растянутые доказательства, избыток оговорок и особых условий». Возьмем практически случайно выбранный пример – отрывок из Третьего Послания Кирилла Александрийского Несторию, критически важного документа в тех спорах, что повлекли за собой созыв Первого Эфесского собора:

> Что касается изречений нашего Спасителя, заключающихся в Евангелиях, то мы не относим их раздельно ни к двум *hypostases*, ни к двум лицам. Ибо един и единый только Христос, хотя и признается соединенным в нераздельное единство из двух (*ek duo*), и притом различных природ, не

[83] Frend, *Rise of Christianity.*

[84] Richard Lim, *Public Disputation, Power and Social Order in Late Antiquity* (Berkeley: Univ. of California Press, 1995), 149.

> таков; подобно как и человек признается состоящим из души и тела, однако же не двойным, но единым из той и другого… Итак, все заключающиеся в Евангелиях изречения должно относить к единому лицу, к единой ипостаси воплощенного Слова.

Это насыщенный текст и в переводе, который верно передает сложности строения греческого оригинала. И это отнюдь не самый крайний пример такого рода из возможных. Этот текст подобен минному полю для тогдашних читателей, которым нужно было стараться различать слова, обладающие близкими смыслами. В городах люди воевали за одну-единственную букву: единосущен Христос Отцу или только подобен существом, *homoousios* или *homoiousios*? Был он из двух природ *(ek duo*) или в двух природах *(en duo)*? [85]

> В городах люди воевали за одну-единственную букву: единосущен Христос **Отцу или только подобен существом,** homoousios или homoiousios? Был он из двух природ *(ek duo)* или в двух **природах (en** duo)?

Такой язык озадачивает большинство современных читателей, включая многих образованных христиан. Здесь используется так много специальных терминов, что он кажется непосвященному зашифрованным сообщением. Лицо? Ипостась? Природа? Правомерно сравнить прямые слова Иисуса, использовавшего повседневные примеры и образы – такие, как овцы и жатва, воробьи и полевые лилии, согрешивший брат и лепта вдовицы – с эзотерическим философским языком этих богословов. Иисус говорил о любви; его церковь говорила загадками. Возможно, сегодня не мне одному язык Халкидона – две, но не один – напоминает о фильме «Монти Пайтон и Священный Грааль». Здесь монах дает инструкции по использованию Священной Антиохийской Гранаты, и в его словах звучит пародия на Афанасьевский Символ веры:

> Во-первых, надлежит вытащить Священную Чеку, после сего следует досчитать до трех, не более того и того не менее. Три есть цифра, которую надлежит отсчитать, и надлежит тебе отсчитать до трех. Не следует тебе считать до четырех, ниже до двух, разве что от двух ты перейдешь к трем. Пять исключается.

Конечно, сложность древней христологии не означает, что богословы просто играли в словесные игры. Тогдашние мыслители пытались объяснить и сформулировать сложные и смелые идеи со всей возможной точностью, избегая любой неоднозначности, и результатом их деятельности могли стать лаконичные и яркие формулировки. Но их писания могли понимать лишь такие люди, как Кирилл, то есть они были недоступны большинству современников.

Хуже того, эти термины слишком быстро меняли свой смысл. Современный читатель может смущаться из-за того, что не понимает значения слова «ипостась», которое постоянно звучало в спорах V века, однако за сто лет до того это важнейшее слово не имело того значения, какое оно приобрело во времена Кирилла. В религиозных баталиях 320-х годов некоторые самые просвещенные мужи использовали слово *ousia* (существо) как синоним *hypostasis*. Сто лет спустя подобное смешение могло бы как минимум породить схватку между клириками или даже стать причиной официального преследования, по крайней мере в некоторых частях мира: латинский Запад был куда менее чувствителен к этим смысловым нюансам. Сам Блаженный Августин уверял, что не видит реального отличия *ousia* от *hypostasis*[86].

---

[85] MacMullen, *Voting About God*, 28–29. Послания Кирилла см. Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 9:201–205: данная цитата со с.204.

[86] Edward Pace, «Hypostatic Union», *Catholic Encyclopedia* (1910), vol.7, at http://www.newadvent.org/cathen/07610b.htm.

По ходу развития богословских сражений их участники создавали новые термины или придавали иной смысл старым для решения насущных задач, и это должно было еще больше запутать непосвященных. Если использовать аналогию из нынешней жизни, тогдашние богословы развивали свой язык подобно культурологам или литературоведам постмодернистского направления последних десятилетий, которые постоянно придумывают новые непонятные слова, такие, как *инаковость* и *внутрипромежуточность, фаллократия* и *скопофилия*. Озадаченные наблюдатели готовы посмеяться над языком постмодернизма, особенно когда ученые придумывают или переделывают термины для собственных загадочных целей, но этот процесс напоминает то, что делали величайшие отцы церкви в эпоху христологических споров.

Как современные неспециалисты находят эти термины темными, так и многие участники религиозных войн V века в лучшем случае имели весьма приблизительное представление о предметах споров. Это необходимо подчеркнуть, поскольку в противном случае мы подумаем, что христиане той эпохи обладали таким запредельным интеллектом или знанием философии, что они стояли на несколько порядков выше позднейших поколений. Нам не стоит быть такими пессимистами. Некоторые бойцы V века действительно обладали блестящим умом и прекрасно понимали значение того, за что они стояли, для жизни и вероучения церкви. Однако самые великие герои обеих сторон, как мы видим, нередко оказывались не на высоте. Даже дружелюбно настроенные критики считают, что Несторий не имел ни малейшего представления о том, в какое богословское болото он погружается, вступив в христологические споры, а его позднейшие труды ясно показывают, что он просто не был «несторианцем» в общепринятом смысле этого слова. Куда более глубоким мыслителем был папа Лев Великий, чей Томос сделал его полководцем Халкидона. Однако современные ученые полагают, что в момент Халкидонского собора он плохо понимал, за что стоит Несторий, и только через несколько лет действительно постиг суть тогдашних споров[87].

> Люди древности решительно не могли согласиться с тем или иным решением, **потому что они верили, что богословская** позиция влечет за собой конкретные **последствия для церкви** *и государства. Если* государство приняло **неправильную версию** христианства, **оно будет** наказано вторжением врагов, эпидемией чумы или голодом

Если даже епископы Рима и Константинополя могли ошибаться, что же говорить о рядовых клириках и тем более простых верующих? Как они могли оценить достоинства той или иной точки зрения? И невозможно себе представить, чтобы все эти споры завершились потому, что в итоге все бы согласились с безупречно правильным ответом, найденным церковью. Богословие никогда не было наукой в том смысле, чтобы формировать устойчивые гипотезы. Люди древности решительно не могли согласиться с тем или иным решением, потому что они верили, что богословская позиция влечет за собой конкретные последствия для церкви и государства. Если государство приняло неправильную версию христианства, оно будет наказано вторжением врагов, эпидемией чумы или голодом. Но если мы лишены подобной веры в провидение, мы просто не в силах судить о том, какой богословский подход позволяет лучше понять и выразить словами божественную реальность.

Если же люди не понимали сути споров, как они решали, какую сторону нужно поддерживать или на какой стороне они сражаются за Божье дело? Здесь играли важнейшую роль такие факторы, как идентичность и культура. Египтяне (например) следовали знакомой и привычной традиции своей церкви, которую выражали александрийские патриархи.

Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies,* 36.

[87] Green, *Soteriology of Leo the Great*; Susan Wessel, *Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome* (Leiden: Brill, 2008), 209–257.

Они не думали о последствиях той или иной богословской позиции, но ориентировались на людей и имена: существовала партия Кирилла или партия Диоскора. Богословские позиции часто выражались простыми фразами или лозунгами, а споры разгорались вокруг специальных терминов. Не будем разделять Христа! Бог Слово умер! Мария – *Theotokos*, носившая в себе Бога! Христос есть Бог! Вероятно, именно на таком уровне булочники и менялы вели свои споры.

Кроме того, участники споров вели себя в высшей степени театрально – в самом буквальном смысле этого слова. Хотя христиане презрительно и боязливо относились к драматическому искусству, они жили в обществе, где театр с его стилями и традициями был привычным явлением, и вели себя соответствующим образом. Епископы, обращаясь к народу, использовали драматическую риторику, а люди им аплодировали или свистели в зависимости от того, что они поддерживали. Не случайно две крупнейшие религиозные группировки, «синие» и «зеленые», действовали точно так же, как соперничающие театральные клики или болельщики в амфитеатре. Церковные споры превратились в дуэль лозунгов, на соборах и синодах спорщики выкрикивали заготовленные фразы или читали их на манер антифонов (как предтечи нынешних рэперов), чтобы заглушить оппонентов. Церковные сражения стали битвой лозунгов, символов и клише, а не сражением с помощью взвешенных интеллектуальных аргументов[88].

Но если христиане и не вполне ясно понимали богословскую сторону отстаиваемой позиции, они знали, с какой ненавистной ересью страстно борются. Они знали, *против* чего идут. Значительная часть споров того времени проходила таким образом: какой-то набор богословских представлений получал кличку по имени непопулярного деятеля церкви, так что верующие могли сплотиться в борьбе против презренного и бесовского лжеучения. Как только что-то превращалось в такое лжеучение, оно воспринималось как нелепое искажение доктрин церкви, а не как отражение подлинного христианства. Что бы он на самом деле ни говорил, Несторий стал вождем несторианства, богословского направления, которое, как полагали, разделяет природы Христа. Как только складывался такой стереотип, этот ярлык можно было использовать в полемике с любыми богословскими идеями, которые не нравились говорящему.

Так богословские споры стали игрой в обвинения с помощью ярлыков. Когда мы читаем документы того времени, в которых осуждается то или иное учение, нам следует помнить, что каждая группировка стремилась создать карикатуру на мнения своих противников. Когда Халкидон вынес дипломатичные и всесторонне взвешенные богословские выводы, некоторые его критики, вернувшись домой в Палестину, принесли сюда тревожную весть: несториане одержали победу, так что теперь верующим придется поклоняться двум Христам и у них будет два Сына. Разъяренные слушатели подняли кровавое восстание против победившей ереси двух природ, диофизитства. Другие же группы христиан помнили, что Аполлинарий учил о единой природе Христа, и им казалось, что любое богословие, подчеркивающее одну природу, связано с этим еретиком, как бы оно ни отличалось от осужденных в прошлом взглядов. Любое новое учение X обычно отвергали на том основании, что оно как-то связано с учением Y[89].

Если мы понимаем природу войны ярлыков, нам будет легче понять и тенденции развития богословия той эпохи, поскольку все великие движения здесь возникали как реакция – и часто чрезмерная реакция – на какое-то учение предшественников, которое было объявлено ересью. В IV веке ариане проповедовали не полностью божественного Христа, на

---

[88] Cameron, *Circus Factions*; MacMullen, *Voting About God*, 13.

[89] Patrick T. R. Gray, *The Defense of Chalcedon in the East (451–553)* (Leiden: Brill, 1979), 18; Cornelia B. Horn, *Asceticism and Christological Controversy in Fifth-Century Palestine* (New York: Oxford Univ. Press, 2006); Hagith Sivan, *Palestine in Late Antiquity* (New York: Oxford Univ. Press, 2008).

что отреагировал Аполлинарий, учивший о полном единстве Христа с Отцом. В свою очередь, в полемике с этой идеей Несторий стал говорить о разделении двух природ. Яростное отвержение Нестория усилило веру в преобладание божественной природы во Христе, а это учение многие осуждали как монофизитскую ересь. В каждом случае это была скорее реакция на расхожие стереотипные представления о позиции противника, чем трезвый анализ его представлений.

Нам хочется думать, что все эти споры завершились гармоничным и уравновешенным синтезом, который мы называем ортодоксией и о котором Халкидон оповестил весь мир. Однако для миллионов христиан сам Халкидон стал кошмарным ярлыком, символом насильственного введения ложного антихристианского учения с помощью злых секулярных властителей.

Приложение к главе 2
Некоторые древние учения о Христе

а протяжении нескольких первых веков истории христианства различные мыслители пытались объяснить роль Христа и то, как в нем соотносятся человеческая и божественная природы. Кто-то из них склонялся к учению о единой природе, подчеркивая божественность Христа. Другие настаивали на том, что несмотря на божественность Христос всегда оставался человеком: эту позицию можно отнести к учениям о двух природах. Вот некоторые важнейшие движения и мыслители в христологии:

Адопционисты

Учение о двух природах, согласно которому Христос был человеком, наполненным Духом Божиим, но божественные свойства он обрел лишь в какой-то момент во время или после своей земной жизни. Человеческая природа в нем отделена от божественной.

Аполлинарий

Епископ IV века Аполлинарий придавал такое огромное значение божественности Христа, что отрицал в нем наличие разумной человеческой души. По его мнению, Христос обладал одной божественной природой. Первый Константинопольский собор (381) осудил его взгляды как ересь.

Ариане

Ариане отрицали то, что Бог Сын равен Отцу, тем самым отказываясь от веры в Троицу.

Валентин

Египетский мыслитель II века Валентин был представителем классической христологии гностицизма. Он учил, что божественный Христос пришел искупить злой мир, но не обладал истинно человеческой природой, так что его тело было сверхъестественным, а не настоящим телом человека.

Василид

Гностический христианский мыслитель II века, действовавший в Египте. В его сложной мифологической системе Христос пришел освободить силы света от материального мира неведения и зла. Христос был Умом (*nous*) Бога, который сошел на Иисуса в момент крещения.

Гностики

Гностики считали Христа божественным существом, пришедшим искупить верующих от зла и избавить их от скверного материального мира. Подлинная идентичность или природа Христа всегда была божественной, а придя в земной мир, он принял сверхъестественное тело, принципиально отличавшееся от тела человека.

Докеты

Древние представления о том, что Христос был целиком божественным и носил лишь иллюзорный образ, но не обладал реальной человеческой природой. Страдания Христа на кресте были только иллюзией.

Евтихий

Монофизитский мыслитель, действовавший в 440-х годах. Евтихий видел во Христе смешение божественного и человеческого элементов, однако критики считали, что он почти не оставлял места для второго.

Керинф

Гностический христианский мыслитель (около 100 года), который учил, что духовное существо Христос сошло на человека Иисуса в момент его крещения в Иордане; это ранняя (и радикальная) форма христологии двух природ.

Манихеи

Движение, возникшее в III веке, которое затем стало самостоятельной мировой религией. Его основатель Мани учил о решительной и вечной войне сил света с силами тьмы. Освободитель Христос пришел, чтобы избавить элементы света от темницы материального мира. Таким образом, Христос был исключительно сверхъестественным или божественным существом, в котором все человеческие или материальные элементы носили лишь иллюзорный характер. Эти представления тесно пересекаются с идеями *гностиков* и *докетов*.

Маркион

(примерно 85—160 годы). Важный мыслитель, который стоял на том, что несовершенный Бог Ветхого Завета радикальным образом отличается от истинного Бога Нового Завета. Иисус Христос был Сыном и представителем этого более великого Бога, который послал его спасти мир от прежнего дурного духовного состояния. Маркион был осужден как еретик.

Мелкиты

Первоначально это было обидной кличкой для сторонников халкидонской ортодоксии, проживавших в регионах, где большинство составляли монофизиты. Поскольку они следовали религии царя или императора, их называли «людьми царя».

Миафизиты

Разновидность христологии одной природы, которую связывают особенно с Кириллом Александрийским и его преемниками. Согласно их представлениям воплощенный Христос обладал одной природой, хотя она включала в себя и божественный, и человеческий элементы и сохраняла черты обоих. Христос есть *из* двух природ.

Модалисты

См. Савеллий.

Монофелиты

В VII веке Римская империя предприняла попытку завершить длительную войну между сторонниками одной и двух природ Христа. Империя и церковь признала, что Христос обладал единой волей. Критики назвали это представление ересью монофелитства (одной воли), и в итоге церковь его осудила.

Монофизиты

Приверженцы христологии одной природы. Часто этот термин используется в широком смысле и включает в себя менее радикальные подходы, например миафизитство.

Несториане

Нестория обвинили в том, что он учил о двух природах во Христе, которые просто смешались, то есть не имели подлинного единения. Это значило, что Марию можно было считать Матерью Христа, но не Матерью Бога. Позднейшие ученые считают, что Несторий стоял гораздо ближе к ортодоксии, чем думали его оппоненты, и потому сам не был «несторианином».

Павел Самосатский

Антиохийский епископ III века Павел считал, что человек Иисус приобрел божественные свойства в момент крещения. Это было осуждено как разновидность ереси двух природ или адопционизм.

Савеллий

Савеллий действовал в Риме в начале III века. Он учил, что Христос обладал человеческим телом, но по природе был тождествен Богу: он не имел подлинной человеческой природы. По его мнению, Отец, Сын и Дух были не лицами, но формами одного Божества. Христос находился в таком глубоком единстве с Отцом, что на кресте страдал Отец. Это было крайней формой христологии одной природы.

Халкидонцы

Богословская позиция, признанная ортодоксальной большей частью церкви после Халкидонского собора (451). Это вера в две природы, соединенные в одном лице Христа без смешения, изменения или разделения. Христос существует *в* двух природах.

Христология

Слово-плоть

Богословские представления, согласно которым Божье Слово, *Logos*, стало плотью (*Sarx*), так что Слово управляло плотью или телом Христа. Обычно при этом Христос воспринимался скорее как представитель человечества, нежели как самостоятельный человек в полном смысле этого слова.

Христология

Слово-человек

Богословские представления, согласно которым Божье Слово, *Logos*, стало человеком в лице Иисуса Христа. Христос здесь воспринимался не как обобщенный представитель человечества, но как отдельный человек в полном смысле этого слова.

Эбиониты

Древнее иудеохристианское движение, видевшее во Христе человека, сына Иосифа и Марии, который был Мессией, но не обладал божественной природой.

3. Четыре всадника патриархи церкви

Александрийцы думают, что солнце восходит только для них.
Севир Антиохийский

Историю споров в церкви той эпохи можно кратко пересказать так: Сирия научила, Константинополь освятил, Александрия попыталась разрушить. Иными словами, сирийские школы передали христианам великую традицию антиохийской церкви, и представители этой традиции заняли высокое положение в Константинополе. Но из-за соперничества между престолами или подозрительного отношения к антиохийскому богословию александрийские патриархи сразу же начали яростно нападать на антиохийцев. В итоге в выигрыше оказался Рим.

За религиозными спорами стояли конфликты – причем не только между отдельными людьми, но и между разными частями уже огромного христианского мира. Патриархи и епископы сражались между собой за положение в церкви и за место церкви в быстро развивавшейся христианской империи. В этом конфликте политическое измерение играло ключевую роль.

Патриархи и папы

Мы можем видеть, что на соборах действовали некоторые облеченные властью люди, обычно патриархи или папы, занимавшие свои престолы: Лев Римский, Кирилл и Диоскор из Александрии или Ювенал Иерусалимский. Но в христологических спорах они говорили не только от своего имени, но и от имени многих поколений своих предшественников. Каждый из них был окружен облаком свидетелей[90].

Разумеется, у папы Льва или Диоскора были и свои личные интересы и склонности, но они также были представителями коллективных традиций своих престолов или патриархатов. Каждый престол по-своему понимал историю, как и секулярные монархии, опирающиеся на традиции своих выдающихся предков. Кирилл был великим патриархом Александрии с 412 по 444 год. Он с почтением относился к своим славным предшественникам, таким, как епископ Александр (начало IV века) и особенно Афанасий, игравшим важнейшие роли в жизни церкви в середине IV века. Хотя, в отличие от династии фараонов, престол не переходил по наследству от отца к сыну, патриархи воспитывали и готовили своих преемников. Афанасий был «вроде сына» Александру и служил его секретарем на Никейском соборе. Кирилл был племянником и секретарем своего непосредственного предшественника Феофила. Секретарем же Кирилла был Диоскор, который, в свою очередь, стал после него главой церкви Александрии. Хотя между патриархами обычно не существовало кровных или родственных связей, патриархаты походили на монархии по характеру преемственности и, подобно династиям, преследовали долговременные цели[91].

Великие патриархи также были долгожителями – особенно на фоне эпохи, когда средняя продолжительность жизни была намного короче, чем сегодня, – что делало их режимы устойчивыми и упорными в достижении целей. Так, между 328 и 444 годами престол александрийского патриарха занимало только трое: Афанасий (328–373), Феофил (385–412) и

---

[90] Brown, *Rise of Western Christendom*, 93—122; Chadwick, *Church in Ancient Society;* Claudia Rapp, *Holy Bishops in Late Antiquity* (Berkeley: Univ. of California Press, 2005).

[91] Об Афанасии и Александре см. Khaled Anatolios, *Athanasius* (New York: Routledge, 2004), 3. David Brakke, «Athanasius», in Esler, *Early Christian World*, 2:1102–1127; Davis, *Early Coptic Papacy*. Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:425–443.

Кирилл (412–444), за исключением двадцати лет (включая тот период, когда Афанасий был в ссылке). Когда Кирилл на 34 году стал патриархом, он, вероятно, не мог вспомнить того времени, когда патриарший престол не занимал его дядя.

Хотя Александрия особенно ярко напоминала династию, подобные процессы происходили и в других центрах. В Риме клирик мог служить архидиаконом или посланцем папы, а потом стать преемником последнего. При папе Целестине (422–432) диакон Лев занимал важные дипломатические посты, а в 440-м сам стал папой. При Льве архидиаконом служил Гиларий, который взошел на папский престол в 461 году. Как и в Александрии, многие епископы занимали свои посты удивительно долго. Иннокентий I оставался папой с 401 по 417 год, пережив все бедствия, связанные с разграблением Рима готами. Целестин занимал престол целое десятилетие, Лев – двадцать один год. Благодаря всему этому в каждом христианском центре развивалась коллективная память и корпоративная лояльность[92].

Люди верили в то, что такая преемственность связывает их церковь с апостольскими временами. Отцы, собравшиеся в Халкидоне в 451 году, восхваляли Томос папы Льва, и в зале постоянно звучали восклицания: «Сам Петр говорит через Льва!»[93] Это была не просто похвала в адрес папы Льва, которого сравнивали с апостолом, эти слова отражали теорию, которая стояла за многими религиозными и политическими делами той эпохи: епископы обладают авторитетом в силу того, что они суть духовные наследники выдающихся предков, среди которых некоторые пролили кровь за веру. И действительно, могилы и мощи этих древних христиан были как бы материальным источником даров и благословений, доступных верующим. Если бы кто-то спросил епископа, что дает ему право так или иначе судить о каком-то вопросе, тот бы ответил, что сам по себе он просто червь, но связан непрерывной преемственностью с духовными предками. Эта линия преемственности связывает его с апостолами, с теми, кто непосредственно слышал речи Христа. Великие престолы говорили о своих основателях из апостолов, что особенно ярко показывает случай церкви Рима, которая считала своими основателями и Петра, и Павла.

> Могилы и мощи этих древних христиан были как бы **материальным источником даров и благословений,** доступных верующим. Если бы кто-то спросил **епископа, что дает** *ему право* так или иначе **судить о каком-то вопросе,** тот бы **ответил, что сам** по себе он просто червь, но связан непрерывной **преемственностью с духовными предками**

Сегодня мы с большой осторожностью относимся к подобным претензиям, даже когда у нас нет оснований сомневаться в том, что данную церковь основал определенный апостол. Аргумент со ссылкой на апостолов не был таким древним или популярным, как того хотелось бы сторонникам папы Льва. Он куда сильнее убеждал христиан Запада, чем христиан Востока, которые знали, что апостолы посещали множество маленьких и ничем не выдающихся селений. Кроме того, даже беглый взгляд на прошлое позволял понять, что сила и высокий статус церквей, основанных (как считали) великими апостолами, никогда не были постоянными величинами, так что из-за превратностей политической жизни все могло измениться в одно мгновение. В течение IV и V веков ведущие церкви сражались за расширение своего влияния и одновременно искали новые юридические и политические основания для своих претензий на первенство, так что связь с апостолами была мощным оружием в их духовном арсенале. Рим особенно старательно изобретал и заново открывал подобные основания, что породило титулы и идеологию, давшую папам возможность господствовать в западном мире на протяжении многих столетий. Соборы V века были публичной – или

[92] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 21:5—15.

[93] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 2:24.

даже театральной – сценой, на которой звучали подобные претензии и где шли споры об их законности.

Восходящие и падающие звезды

На протяжении большей части V века самым большим престижем среди всех христиан и в империи обладали четыре церкви, и каждая из них активно участвовала в богословских спорах. Три из них – церкви Антиохии, Рима и Александрии – представляли собой как бы великий треугольник, лежавший в основе возникновения христианства, а четвертой была церковь Константинополя. И на всех соборах можно было видеть взаимодействие этих четырех духовных царств.

Во времена Константина некоторые престолы уже обладали особым статусом – благодаря их роли в истории христианства, но также в силу статуса и богатства городов, где они находились. В 325 году Никейский собор признал превосходство церквей Рима, Александрии и Антиохии. Когда в 381 году император Феодосий I признал христианство как официальную религию империи, он, естественно, должен был уточнить, какую именно версию этой веры следует считать правильной. Он решил этот вопрос так: это та вера, которой следуют в Риме и Александрии. Христианство Рима сложилось еще во времена апостола Петра, «а теперь его исповедуют [Римский] *pontifex* Дамас и Петр, епископ Александрии»[94].

Каждый великий престол был центром для большого региона из нескольких государственных провинций, в которых служили епископы, признававшие первенство местного епископа епископов. (Слово «патриарх» появилось лишь в начале V века.) Каждый патриархат был как бы региональной империей в рамках церкви со своими строго очерченными границами, о которых могли возникать споры с амбициозными соперниками. Это означало, что существующие патриархаты видели в новых набиравших силы епархиях потенциальных противников. В свою очередь новые соперники боролись против почтенных патриархатов, что вносило нестабильность в жизнь церкви. Любой тогдашний человек, хоть немного знакомый с историей, знал, что патриархаты набирают и теряют власть и что духовный центр, некогда обладавший высоким статусом, может с годами его утратить. В церкви могут появиться новые папы – этого просто следует ожидать. Подобные соображения подливали масла в огонь конфликтов между церквами, которые боролись за власть, но делали это в форме богословских споров.

Многие великие церкви потенциально могли обрести в будущем статус патриархатов вместе с уже существующими или даже вместо них. Карфаген уже повысил свой статус в Никее и стал бы патриархатом, если бы местную церковь не раздирали кровавые расколы. Можно было думать о славном будущем Милана или галльского престола в Арле. Столица Месопотамии Селевкия-Ктесифон претендовала на роль центра огромной церкви Востока за пределами Римской империи, и глава этой церкви действительно стал патриархом Востока в 498 году[95].

Но куда большее значение имело возникновение патриархата Константинополя, Нового Рима, который был заложен в 325, а освящен в 330 году. Город был призван стать двойником Рима со своими префектом, магистратами и сенатом из трехсот мужей. Что очень важно, его многочисленные, прекрасно построенные – начиная с 408 года – стены делали город почти неприступным. Что бы ни случилось с другими частями империи, Константинополь в ближайшем будущем должен был оставаться несокрушимым бастионом. Выгоды

---

[94] Цитата из Henry Bettenson, ed., *Documents of the Christian Church* (London: Oxford Univ. Press, 1943), 31.

[95] О состоянии епископата в Африке см. Erika Hermanowicz, *Possidius of Calama* (New York: Oxford Univ. Press, 2008); о патриархе Востока см. Jenkins, *Lost History of Christianity*.

его положения стали очевидны в период политических и военных кризисов. Что бы ни случилось с Римом или Антиохией, Константинополь устоит – и этот город действительно был христианским центром до 1453 года, когда турки наконец начали использовать тяжелую артиллерию.

Когда город превратился в столицу восточной империи, – а затем и всей империи, – он естественным образом стал пользоваться престижем в церкви. В 381 году Константинопольский собор торжественно провозгласил: «Епископ Константинополя должен быть вторым по чести после епископа Рима, потому что это есть Новый Рим». Фактически позднейшие соборы нередко употребляли такой лестный титул: «Константинополь – Новый Рим». Это вызывало протесты, причем не только со стороны римских пап, которые отказывались признавать эту привилегию. В конце концов, признание Константинополя вторым по чести вносило нестабильность в порядок, который и без того не был слишком устойчивым. Признание этого статуса автоматически умаляло значение других великих престолов – так что Александрия должна была занять третье место, а Антиохия четвертое. Кроме того, выражение «Новый Рим» предполагало, что существует «Старый Рим» – можно было это понимать как одряхлевший или приближающийся к закату[96].

Баланс власти великих престолов определял церковную политику в V веке. На заднем плане всегда не утихала борьба между Александрией и Антиохией, но кроме этого прочие престолы боролись с Константинополем. Город-выскочка всегда испытывал сопротивление Александрии и обычно нападения со стороны Рима: Рим с Александрией с легкостью вступали в союз против Константинополя. Собор 381 года стал началом войны этих трех городов, которая была завершена лишь в Халкидоне в 451 году. Трижды – в 401, 431 и 449 годах – под давлением александрийцев низвергались константинопольские епископы, и каждый раз это приводило к тяжелому кризису для всей империи. В 458 году недовольство Александрии вызвало беспорядки, повлекшие за собой убийство четвертого патриарха столицы империи.

Но у Константинополя были и другие враги. Подъем новой столицы с неприязнью воспринимали в Эфесе, где, как считалось, жили апостол Иоанн и Дева Мария. Благодаря этому славному прошлому Эфес в IV веке занимал важное положение в церкви и господствовал над западной частью Малой Азии – богатой территории, жизненно важной для империи. Но появление великого константинопольского патриарха означало, что теперь епископ столицы будет сам контролировать окружающие провинции, так что Эфес лишался былой власти. В начале V века константинопольский архиепископ Иоанн Златоуст свободно вмешивался в дела Эфеса, и с течением времени Эфес должен был неизбежно утратить свою власть под напором столицы империи. Но можно было ослабить позиции Константинополя, убедив церковь в том, что это гнездо еретиков. Когда в 431 году были выдвинуты обвинения против константинопольского епископа Нестория, тот факт, что Вселенский собор созывался в Эфесе, давал великое преимущество врагам обвиняемого[97].

Другим энергичным противником столицы был престол Иерусалима, слава которого была связана с самим рождением церкви. Никейский собор признал почетный статус Иерусалима, хотя административно оставил его под властью митрополита Кесарии. Позднее епископы Иерусалима боролись за то, чтобы этот высокий статус дал им в руки реальную власть. Важнейшую роль во всем этом играл Ювенал, возглавлявший церковь Иерусалима с 422 по 458 год, который постоянно принимал участие в интригах на соборах, где он всегда боролся за интересы своего престола. Возвышение Иерусалима означало бы, что под его

---

[96] Raymond Van Dam, *The Roman Revolution of Constantine* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007). For the First Council of Constantinople, see Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 12:161–190.

[97] J. N. D. Kelly, *Golden Mouth* (Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1995); Helmut Koester, ed., *Ephesos, Metropolis of Asia* (Valley Forge, PA: Trinity Press International, 1995). Об Иоанне Златоусте и Эфесе см. Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 2:403.

власть перейдут некоторые провинции, которыми управляет патриарх Антиохии, что умаляло бы силу последнего. Это заставляло Ювенала нападать на антиохийское богословие и на представителей этой школы, таких, как Несторий. На великом Эфесском соборе Ювенал в коалиции с епископом Эфеса Мемномом и александрийцами боролся против епископа Константинополя. В итоге Ювенал добился своего: в 451 году Иерусалим получил статус патриархата, и эта система пяти патриархатов сохранилась на несколько столетий[98].

Оружием для борьбы за региональные интересы могли становиться идеи. Это ярко демонстрирует пример Ювенала, но не он один среди вождей церкви боролся за власть и престиж, опираясь на любые официальные на данный момент доктрины богословия. Изучая поведение некоторых участников этих схваток, британские историки вспоминают образ викария из Брея. Это отрицательный персонаж из песни XVIII века – священнослужитель, переживший бесконечные смены режима и идеологий, поскольку он умело использовал их в своих интересах. Роялист? Республиканец? Пресвитерианин? Викарий готов поднять то знамя, которое нужно. Он прагматик до мозга костей с одним-единственным принципом – выжить. В песне он хвалится своими умениями так: «Какой бы король ни взошел на престол,/ я, господа, останусь викарием Брея». В V веке можно было найти немало предшественников викария из Брея. Современник так писал об одном тогдашнем епископе: «Он никогда не держался определенного мнения, но всегда вел двойную игру, меняя взгляды в соответствии с нуждами момента: то он предает анафеме синод Халкидона, то, отрекаясь от своих убеждений, целиком и полностью его одобряет»[99].

> В пестром христианском мире поздней античности каждый патриарх **в каком-то смысле жил в собственном мире** со своими особыми представлениями о политике **и географии и о том,** *кто его союзники* и противники

В пестром христианском мире поздней античности каждый патриарх в каком-то смысле жил в собственном мире со своими особыми представлениями о политике и географии и о том, кто его союзники и противники. Патриархи также по-разному взаимодействовали с империей. Со времен Константина церковь получила доступ к управлению государством, и по крайней мере двое патриархов – Рима и Александрии – обрели такую огромную власть на своих территориях, что почти напоминали самостоятельных монархов. Обретая все больше влияния, духовного и светского, они воскрешали древние традиции – не только традицию апостольского преемства, но и традиции монархии.

Император Рима

Хотя мы из истории знаем, что Рим сохранился, пережив великие бедствия, люди того времени терзались неуверенностью в его будущем. Римские папы стремились подражать императорам и усвоили множество традиций и обычаев, которые в прошлом скорее были свойственны не христианским епископам, но кесарям – тем не менее они чувствовали, что оказываются на обочине истории. Рим оказался открытой всем ветрам опасной точкой цивилизованного мира и все меньше и меньше играл роль центра культурной и интеллектуальной жизни. Все, что папы делали на соборах, следует воспринимать в контексте этого ощущения опасности: Рим отчаянно боролся за ускользающие из его рук власть и статус в церкви и империи.

---

[98] E. A. J. Honigmann, «Juvenal of Jerusalem», in *Dumbarton Oaks Papers*, no.5 (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1950), 209–279.

[99] Цитата из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 356.

Хотя папы считали себя прямыми наследниками Петра и Павла, институт папства не всегда имел ту централизованную структуру, которая появилась в нем в IV и V веках. Ко временам Никеи папство уже было установившейся традицией; его престиж увеличивался благодаря тому, что многие епископы Рима испытали на себе гонения или стали мучениками. Но только в течение нескольких десятилетий после 370 года оно сложилось как тот вызывавший благоговейный трепет институт, который мы знаем по позднейшим эпохам, с его особыми титулами и учреждениями, с его риторикой и с претензией на мировое господство. В 370 году епископ Рима был просто уважаемым служителем церкви, который в основном пользовался властью лишь в Италии. К 460 году этот епископ уже предъявлял претензии на мировое господство и считал, что гражданская власть не вправе его судить или ставить ему препятствия. Хотя вначале папы не могли навязывать свою волю секулярному миру, позднейшие политические события дали им огромную возможность расширить сферу своего влияния. Если вспомнить о том, как папы влияли на политику Европы – да и всего мира, можно по праву назвать это изменение идеологии истинной революцией. Там происходило формирование института, сыгравшего ключевую роль в жизни средневековой Европы[100].

> В течение нескольких десятилетий после 370 года папство сложилось **как тот вызывавший благоговейный трепет** институт, который мы знаем по позднейшим эпохам, *с его особыми* титулами и учреждениями, **с его риторикой** и с претензией **на мировое господство**

Между 370 и 430 годами церковью Рима правил ряд блестящих создателей папства, именно они заложили основания для прочной и экспансивной власти церкви, на которых позднее могли строить папа Лев и его преемники. Епископы Рима обрели авторитет и обосновали свои притязания, за эти годы они стали папами, наследниками Петра, приматами и понтификами, единовластно управлявшими апостольским престолом (см. Таблицу 3). Так созидалась церковь.

Таблица 3
РИМСКИЕ ПАПЫ 366–468

366—384 Дамас I
384—399 Сириций
399—401 Анастасий I
401—417 Иннокентий I
417—418 Зосима
418—422 Вонифатий I
422—432 Целестин I
432—44 °Сикст III
440—461 Лев I
461—468 Иларий

Дамаса I (366–384) было бы справедливо назвать первым великим папой. Он нашел обоснование власти Рима в словах самого Христа: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою». Он развивал идею *sedes apostolica*, апостольского престола, к которому обращаются со спорными вопросами менее важные церкви. От язычников Дамас унаследовал древний титул понтифика, верховного жреца, хотя должно было пройти несколько веков, чтобы папы стали пользоваться титулом *pontifex maximus* в полном его смысле, какой он имел в Римской империи. Он также навел порядок в папских архивах – и это имело значение

[100] О развитии института папства см. Jeffrey Richards, *The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages* (New York: Routledge, 1979); Eamon Duffy, *Saints and Sinners* (New Haven: Yale Univ. Press, 1997); Philippe Levillain, ed., *The Papacy: An Encyclopedia* (New York: Routledge, 2002); Wessel, *Leo the Great*; Roger Collins, *Keepers of the Keys of Heaven* (New York: Basic Books, 2009).

не только для ученых, изучающих древние рукописи. Эти архивы были его риторическим оружием: когда какой-либо царь или епископ высказывал хотя бы крупицы признания авторитета и престижа папы, соответствующий документ сразу же поступал в архивы, чтобы его можно было извлечь и предъявить в нужный момент – через год или через столетие. Там хранились и подлинные древние документы, и документы иного рода. К важным подделкам из папских архивов можно отнести Псевдоклиментины, собрание посланий, приписываемых автору I века Клименту, но на самом деле созданных около 220 года. Эти тексты давно привлекали внимание церкви Рима, потому что в них содержалось открытое признание первенства папы и говорилось о том, что епископы Рима унаследовали от Петра власть вязать и решить. К концу IV века их перевели на латинский, а риторика Климентин стала частью риторики пап[101].

Во времена Сириция (384–399), преемника Дамаса, титул *nana* стали прилагать исключительно к римскому понтифику, а не к епископам вообще. Желая продемонстрировать авторитет Рима, Сириций выпускал указы, которые по форме напоминали императорские эдикты. Хотя позже были придуманы поддельные «древние» декреталии такого рода, первый аутентичный пример – это эдикт времен правления Сириция, где содержатся подробные указания относительно жизни и курса развития церкви в Испании. Здесь Сириций надменно утверждает: «Мы несем на себе бремена всех угнетенных – точнее, не мы, но блаженный апостол Петр, который во всем хранит и защищает нас, наследников, как мы верим, его управления, носит их в нас». Подобные слова кажутся вполне типичными для пап последующих 1600 лет, но в 380-х они были потрясающим нововведением. Тогда епископ Рима заявил, что он занимает *cathedra Petri*, престол Петра[102].

Последующие папы продолжали борьбу за свое первенство. Папа Иннокентий I (401–417) уверенно издавал декреталии, регулировавшие жизнь церквей западной империи, и римские епископы утверждали, что их не могут судить прочие церкви. Иннокентий нашел еще одно важное обоснование первенства Рима. Он сослался на шестое каноническое правило Никейского собора, где говорится, что церковь Александрии должна иметь власть на своей территории, в Египте и Ливии, подобно тому, как Рим властвует над своими. Но что именно здесь говорилось о географии юрисдикции Рима? По контексту можно понять, что речь идет об Италии – о тех ее регионах, что прежде подчинялись Риму. Однако со времен Иннокентия папы стали утверждать, что Рим должен управлять всей церковью Запада. Поддельная латинская версия канонов идет еще дальше: здесь говорится, что *ecclesia Romana* всегда имела *primatum*, первенство, надо всей церковью. Позднее папы с гордостью ссылались на этот отрывок как на официальное признание вселенской власти Рима – и продолжали это делать даже после того, как восточные епископы справедливо указали на то, что подобных слов нет в официальном греческом оригинале.

* * *

Между 420 и 460 годами – в период христологических сражений – последующие папы продолжали строить здание папства на этих основаниях. В 431 году на Первом Эфесском соборе представитель папы Целестина I открыто ссылался на апостола Петра как на оправдание авторитета Рима. Когда же в 440 году папой стал Лев, он сознательно действовал как

[101] John R. Curran, *Pagan City and Christian Capital* (New York: Oxford Univ. Press, 1999); Dennis Trout, «Saints, Identity and the City», in Virginia Burrus, ed., *Late Ancient Christianity* (Minneapolis: Fortress, 2005), 164–187; о возникновении папства и возвышении Римской церкви см. Éamonn Ó Carragáin and Carol L. Neuman de Vegvar, eds., *Roma Felix* (Burlington, VT: Ashgate, 2007).

[102] «Мы несем…» цитируется по Klaus Schatz, *Papal Primacy* (Collegeville, MN: Liturgical Press, 1996), 30.

наместник Петра, как земной голос апостола: он, например, произнес такие слова: «Блаженный апостол Петр не перестал возглавлять свой престол**».** Папа Лев верил: когда он говорит, это говорит Петр, а оскорбление папы наносит прямое оскорбление апостолу. Когда Лев официально обращается к преемнику Кирилла Диоскору, он обращается не как Лев к Диоскору, но скорее как Петр к своему секретарю Марку. Разумеется, заявляет папа, наши церкви находятся в полном согласии относительно вероучения. И далее Лев с оптимизмом утверждает: «Было бы нечестием думать, что святой ученик [Петра] Марк, который стал первым главой церкви Александрии, мог бы отдавать распоряжения, полагаясь на какую-либо иную традицию»[103].

Папа Лев верил: когда он говорит, это **говорит Петр, а оскорбление папы** наносит прямое оскорбление апостолу

Папа Лев стремился превратить духовный авторитет Рима в настоящее первенство на уровне юрисдикции. Если он есть наследник Петра, то, согласно римскому праву, он наследует права и власть апостола, включая власть вязать и решить, создавать и нарушать законы. Он считал себя *indignus haeres beati Petri*, недостойным наследником блаженного Петра, и разумеется, самым важным словом здесь было – *наследник*. Лев отстаивал право пап действовать как принципат, то есть почти нести функцию имперской власти, и папы начали так понимать свою роль с 420-х годов.

Рим отступает

Эпоха «революции папства» – примерно от 370 до 460 годов – точно совпадает с периодом заката имперской власти Рима в Италии и на Западе, и разумеется, эти две вещи тесно связаны между собой. Чем слабее становилась власть императора в Италии, тем больше пространства для действий получала альтернативная власть – власть церкви – и тем острее была нужда в преемниках императоров. Связь Римской империи с ее древней столицей становилась все слабее. Уже с III века и далее императоры обычно избирали себе иные резиденции, обычно вблизи от военных центров, чтобы им было легче защищать свои границы. Милан, Трир (Германия) и Сирмий (в Сербии) выполняли роль столичных городов империи задолго до того, как Константин основал новый город на Босфоре, а позднее римские императоры облюбовали Равенну. Таким образом, папы обычно не жили в тени императоров с их дворами, а это позволяло институту папства развиваться без посторонних вмешательств или контроля.

С конца IV века власти Рима на Западе постоянно угрожали масштабные нашествия варваров, что нередко ставило под угрозу судьбу исторической столицы. В 378 году в Адрианопольской битве римляне потерпели эпохальное поражение от рук готов и других варваров, которые неуклонно продвигались на запад. В 406 году под продолжающимся натиском врагов Рим утратил способность контролировать свои границы на Рейне. В 410 году вестготы разграбили Рим и установили свои королевства в Галлии и Испании, а в то же время на территории Северной Африки постепенно устанавливался крепкий режим вандалов. Британия выпала из состава империи в 410 году. Дипломатическими усилиями Риму постепенно удалось склонить хотя бы часть варваров к сотрудничеству с империей, но такой новый порядок нес в себе угрозу церкви. И вандалы, и вестготы были арианами, то есть принадлежали к церкви, отвергнувшей официальную для империи доктрину Троицы, а в 420-х годах эти еретики начали создавать новые государства на территории, которой некогда управлял Рим. Но эти политические катаклизмы не привели к окончательному разрыву между папами и импе-

[103] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 7. Wessel, *Leo the Great*, 285–321.

рией. Принято считать, что Римская империя окончательно пала в 476 году, что стало великим поворотным моментом мировой истории. Но фактически это событие не было таким уж эпохальным, как принято думать; главное изменение состояло в том, что в 476 году император Константинополя – уже единственный – решил, что на Западе не нужен другой император. Имперская власть сохранилась на территории Италии, хотя церковь взяла на себя многие ее функции[104].

Папа Лев, находящийся вдали от императора и контроля его власти, во многом действовал как верховный правитель древнейших времен, и дошедшие до нас многочисленные документы периода его правления показывают, что церковь Рима считала себя наследницей императоров. В своих письмах папа Лев требует от адресатов безоговорочного послушания, обращается ли он при этом к епископам Италии и Галлии или утверждает свою власть над Испанией и Северной Африкой. Один позднейший издатель говорит о «диктаторском характере» этой переписки, мы также могли бы назвать ее автора «деспотичным» и «надменным». Он с напряженным вниманием приглядывался к малейшим признакам неповиновения, когда подчиненные ему церкви обретали новую силу или стремились повиноваться не Риму, а иным центрам. Он стремился не допустить того, чтобы церкви Иллирика (территория нынешних Хорватии и Албании) оказались в сфере влияния Константинополя. Однажды в Галлии произошел синод, собранный Иларием, епископом Арля, где епископ Келидоний был смещен со своего поста за нарушение канонов. Келидоний обратился с жалобой в Рим, из-за чего Иларию надлежало лично предстать перед папой, то есть совершить путешествие, которое не было безопасным и в лучшие времена, а в 440-х годах, в связи с тем, что на дорогах легко было наткнуться на варваров, стало смертельно опасным. Появление Илария не удовлетворило папу Льва. Он вернул Келидония на прежний пост, ограничив власть Илария, и продолжал вмешиваться в дела этой провинции. Фактически он вел себя так, как могущественный римский император мог бы вести себя с упрямой провинцией или как вели себя властные папы Средневековья[105].

Но какой бы властью папы ни обладали в Италии и в частях Галлии, жители большей части территорий былой Римской империи понимали, что с точки зрения демографии и культуры центр влияния смещается в восточном направлении. Сам Рим уже перестал быть несокрушимым оплотом цивилизации и оказался уязвимым сторожевым постом на западных границах империи. Население города уменьшалось: в IV веке в Риме обитало около 800 тысяч жителей, к 450 году – около 350 тысяч, а в 350-х их всего осталось около 60 тысяч[106].

Политические катаклизмы оставили неизгладимый отпечаток на культурной жизни. В 330 году центральная ось Римской империи находилась на линии, соединявшей Рим и Карфаген, а к 430-му она сместилась на восток и скорее лежала на линии между Константинополем и Александрией. Такого рода новая геополитическая ситуация была знакома Геродоту, жившему на девять столетий раньше, или Александру Великому. А в восточном мире в основном говорили на греческом. Разумеется, это был древнейший язык христианского мышления и литературы, который оставался главным языком церкви и после обращения

---

[104] Smith, *Europe after Rome*; Stephen Mitchell, *A History of the Later Roman Empire, a.d.284–641* (Oxford: Blackwell, 2007); John F. Drinkwater, *The Alamanni and Rome 213–496* (Oxford: Oxford Univ. Press, 2007); Michael Kulikowski, *Rome's Gothic Wars from the Third Century to Alaric* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007); Traina, *428 AD*.

[105] Leo the Great, «Letters and Sermons» in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*: о диктаторских замашках папы, 6; о Галии, 8—12; о Льве и Иллирике, 6. Johann Peter Kirsch, «Pope St. Leo I (the Great)», *Catholic Encyclopedia* (1910), vol.9, at http://www.newadvent.org/cathen/09154b.htm. Wessel, *Leo the Great*, 53—136; Paul-André Jacob, ed., *La Vie d'Hilaire d'Arles* (Paris: Editions du Cerf, 1995).

[106] Alan Cameron and Jacqueline Long, *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius* (Berkeley: Univ. of California Press, 1993); Bryan Ward-Perkins, *The Fall of Rome and the End of Civilization* (Oxford: Oxford Univ. Press 2005); Peter Heather, *The Fall of the Roman Empire* (New York: Oxford Univ. Press, 2006). О численности населения Рима см. Barry Cunliffe, *Europe Between the Oceans* (New Haven: Yale Univ. Press, 2008), 426.

империи. Поскольку центр тяжести империи сместился на восток, греческий постепенно стал и языком политики. Через какое-то время «римским языком» стали называть именно греческий, а не латынь.

Соответственно, латынь, которая некогда была великой объединяющей силой римского мира, стала терять свое былое значение. Теперь барьер языка отделял Рим от богословских споров Восточного Средиземноморья. Уже на соборах V века римские участники прибегали к услугам переводчиков, а папа Лев совершенно не знал греческого. Через восемнадцать месяцев после завершения Халкидонского собора он умолял дать ему латинский перевод его документов, говоря: «У нас нет точных сведений о деяниях собора… из-за различия в языках». Если бы они знали греческий, представители папы не осмелились бы ссылаться на подложные правила Никейского собора о первенстве Рима. Таким образом, римские клирики, мягко говоря, плохо представляли себе те богословские тонкости, о которых спорили антиохийцы или александрийцы. Когда восточные епископы настойчиво приглашали представителей папы на соборы, они делали это не потому, что западные христиане могут внести ценный вклад в богословие, но ради уважения к Риму и Петру[107].

> Когда восточные епископы настойчиво приглашали представителей папы **на соборы, они делали это** не потому, что западные христиане могут **внести ценный** *вклад в богословие,* но ради уважения **к Риму и Петру**

В свою очередь, труды латинских богословов были не слишком популярны на Востоке, где шли все эти интеллектуальные баталии. Запад считает, что начало V века было великой эпохой мысли благодаря трудам Блаженного Августина, но на протяжении нескольких веков его тексты практически никак не влияли на интеллектуальный мир говорящего по-гречески Востока. Даже труд «О граде Божием» не был известен грекоязычным современникам Августина. На Востоке также никто ничего не знал о живой христианской культуре тогдашней Галлии или об отважном епископе-миссионере, трудившемся в то время, который остался в памяти Запада как Патрик Ирландский. И напротив, малозначительные греческие памфлеты и эпиграммы быстро распространялись по всему эллинистическому миру, от Ливии до Месопотамии, и их широко обсуждали вскоре после их появления[108].

Церковь Рима оказалась в стороне от центра церковной политики и по другой причине. Все соборы, определившие характер церкви, начиная с IV века собирались в Восточной империи, обычно сравнительно неподалеку от Константинополя. Из семи первых великих соборов, признанных всей церковью, три проходили в самом Константинополе (381, 553, 680), два в Никее (325, 787), один в Халкидоне (451) и один в Эфесе (431). Спорный собор 449 года также прошел в Эфесе. Из всех этих мест самым удаленным от столицы был Эфес: примерно в 400 километрах от Константинополя. Эти места были удобны для придворных и для важнейших иерархов церкви. Из-за удаленности от нового центра церковной жизни папы могли только лишь реагировать на давно принятые решения, но не были в состоянии влиять на их принятие.

Рим был всего лишь одним из четырех или пяти важнейших участников борьбы за власть – причем отнюдь не самым сильным. Никто не знал, как долго Рим будет претендовать на первенство, которое уже начинало казаться анахронизмом. Папы использовали все свои скудные средства, чтобы сохранить власть. Им приходилось использовать соперничество церквей между собой и вступать в альянсы с другими центрами в борьбе за общие интересы.

---

[107] Цитата из Льва Великого по Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 83; Millar, *A Greek Roman Empire*, 1—38, 84—129.

[108] John Drinkwater and Hugh Elton, eds., *Fifth-Century Gaul* (New York: Cambridge Univ. Press, 1992). О росте западного христианства в ту эпоху см. R. A. Markus, *The End of Ancient Christianity* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991); Ivor Davidson, «Later Theologians of the West», in Esler, *Early Christian World*, 1:602–634.

Но более всего они использовали другие важнейшие карты – память о Петре и апостольскую традицию, которая была залогом верности Рима ортодоксии.

Александрийские фараоны

Если Рим отчаянно сражался с угрозой заката своей былой славы, церковь Александрии думала о том, не слишком ли она сдержанна в своих амбициях. В течение тридцати лет александрийский патриарх Кирилл решительно вмешивался во все богословские дебаты, а после его смерти в 444 году преемники энергично продолжали эту традицию. Они вели себя так активно и так шумно, что могло показаться, как будто именно Александрия была столицей христианского мира, а ее патриархи – верховными правителями всей церкви. В те годы патриархи отстаивали не только вопросы веры, но и интересы своего региона, и их политическая власть опиралась на шумную толпу сторонников и вооруженную свиту. И если недовольные современники говорили, что патриархи ведут себя как фараоны или эллинистические боги-цари, у них были все основания для такого сравнения[109].

Александрийская церковь считала себя наследницей ряда великих людей, первым из которых был евангелист Марк, но мы мало что знаем о древних ортодоксальных епископах до времен знаменитого богослова и философа Климента Александрийского (около 190 года). Возможно, отсутствие этих сведений объясняется редакторской работой позднейших церковных историков. Церковь Александрии действительно существовала с апостольских времен, но по большей части ее деятели, согласно позднейшим стандартам, принадлежали к явным еретикам, которые опирались на языческую философию и на иудаизм. Египет был родиной самых знаменитых древних гностиков Василида и Валентина и, возможно, других; до времен Климента ни один из христиан, не принадлежащий к гностикам, не пользовался той же славой в Александрии, что эти еретики. Лишь позднее, когда ортодоксальные христиане, не склонные к гностицизму, укрепили здесь свои позиции, они почувствовали потребность создать достойную родословную своей церкви – список подходящих ортодоксальных епископов[110].

Александрийские богословы обычно превозносили Христа как сверхъестественное существо. Тот факт, что все самые древние христианские манускрипты были найдены именно в Египте, можно объяснить тем, что древние документы лучше сохранялись в сухом климате, однако многие знаменитые тексты, канонические или еретические, вероятно, были созданы именно в этом месте взрывоопасного смешения культур. Александрия могла быть родиной Евангелия от Иоанна. Именно евангелист Иоанн говорит о Христе как о Логосе, творящем Слове Бога, используя мысли Филона, великого иудейского философа из Александрии. Египетские гностики с особой любовью относились к Иоанну[111].

> Многие знаменитые тексты, канонические или еретические, вероятно, были **созданы именно в Александрии, месте** взрывоопасного смешения культур

[109] Davis, *Early Coptic Papacy*; Roger S. Bagnall, *Egypt in Late Antiquity* (Princeton: Princeton Univ. Press, 1993). См. статьи в книге Bagnall, *Egypt in the Byzantine World, 300–700*, особенно Zsolt Kiss, «Alexandria in the Fourth to Seventh Centuries», 187–206.

[110] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 1. Walther Bauer, *Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity* (London: SCM, 1972); Pearson and Goehring, *Roots of Egyptian Christianity*; Birger A. Pearson, *Gnosticism and Roman and Coptic Egypt* (New York: T & T Clark, 2004); Birger A. Pearson, «Egypt», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 351–365.

[111] Colin H. Roberts, *Manuscript, Society, and Belief in Early Christian Egypt* (London: published for the British Academy by Oxford Univ. Press, 1979). C. Wilfred Griggs, *Early Egyptian Christianity* (Leiden: Brill, 1990).

Эти древние корни позволяют нам лучше понять установки церковных вождей V века. Кирилл и его современники гордились великим христианским прошлым Египта и, кроме того, египетской культурой, которая, как они полагали, была древнейшей и самой влиятельной в мире. Даже сегодня Коптская церковь Египта сохраняет древний язык, звучавший во времена фараонов и строителей пирамид, и ее календарь также восходит ко временам фараонов. Само слово «коптская» происходит от *Aigyptos*, «египетская»: эта церковь была надежно укоренена в египетской почве и речи. Коптская церковь все еще делит год на четыре сезона так, как это делали в древнем Египте, и смене этих сезонов соответствуют особые богослужения и благословения. Но в то же время александрийская культура испытывала влияние столь многих дохристианских или нехристианских идей, что составляла смесь культур и традиций и естественным образом тяготела к религиозному синкретизму[112].

Именно страх перед возможными отклонениями объясняет яростную нетерпимость вождей церкви Египта по отношению к другим религиям – к язычникам и иудеям. В 367 году Афанасий выразил столь решительное осуждение неканоническим евангелиям и писаниям, что многие из них были спрятаны или уничтожены. Возможно, именно в тот момент кто-то сохранил, чтобы их не уничтожили, знаменитые рукописи Наг-Хаммади. В конце IV века преемник Афанасия Феофил призывал толпы христиан повсеместно громить языческие храмы. Церковь не удовольствовалась разрушением статуй и зданий, но устроила публичную выставку, на которой можно было увидеть, как языческие жрецы совершают хитроумные «чудеса», чтобы внушить благоговейный страх простому народу. В 391 году Феофил возглавил разгром Александрийского Серапеума, одного из величайших языческих центров древнего мира. Подобные публичные акции усиливали влияние церкви, потому что они доказывали превосходство Бога христиан над языческими богами, которых так долго страшились люди. Подобное ритуальное разрушение объектов языческого культа способствует чрезвычайно быстрому росту христианства в нынешней Африке[113]. Это агрессивное отношение к иным верам также помогает понять, почему Кирилл и его последователи отчаянно сражались против любой версии христианского богословия, которая хоть немного напоминала о языческом многобожии. Египетские христиане в первую очередь стояли за единство природы Бога.

> Как только христианство получило законный статус и появилось множество **церквей, рядовые священники использовали** свои проповеди для того, чтобы мобилизовать весь *город на службу* своему патриархату

В церкви Кирилла существовала мощная традиция прямых силовых действий, и здесь действовало несколько разных групп людей, готовых избивать соперников. Сама Александрия была знаменита благодаря буйствам толпы. По словам историка церкви Сократа, «александрийская чернь радуется беспорядкам больше, чем население любых других мест: в любой момент она легко находит повод для того, чтобы переступать все дозволенные границы, поскольку она не успокаивается, пока не прольется кровь». Это неплохое краткое описание истории местной церкви. Как только христианство получило законный статус и появилось множество церквей, рядовые священники использовали свои проповеди для того, чтобы мобилизовать весь город на службу своему патриархату. Они могли натравить горожан на противников церкви – на язычников, иудеев или имперских чиновников. Проповеди,

---

[112] Christopher Haas, *Alexandria in Late Antiquity* (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1997). Goehring and Timbie, *World of Early Egyptian Christianity*.

[113] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 2:126–127; Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 2:385–386. Norman Russell, *Theophilus of Alexandria* (New York: Routledge, 2007); David Frankfurter «Christianity and Paganism I: Egypt», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 173–188.

крестные ходы и богослужения позволяли церкви манипулировать общественным мнением горожан. В нужном случае в ход могла пойти демагогия – и церковь находила благодарных слушателей. Афанасий иногда прибегал к помощи толпы, которая даже могла избивать или похищать людей. Так, в 361 году толпа линчевала соперничающего епископа, который претендовал на епархию Афанасия. И даже избрание Кирилла в 412 году произошло на фоне «буйства», когда его сторонникам удалось запугать соперничающую группировку, которую поддерживал римский военачальник[114].

Патриархи могли рассчитывать и на помощь еще более грозных сторонников, живших вне города. Уже в III веке, если не раньше, христианство распространилось по многим селениям Египта, где жители говорили на местном коптском, а не на городском греческом. Многие верующие из сельской местности массами примыкали к бурно растущему монашескому движению, которое возникло в Египте, а затем распространилось по всему христианскому миру, а особенно на территории Сирии и Месопотамии. Не в первый и не в последний раз Египет стал инкубатором изменения христианского мира.

Возникающее египетское христианство было удивительным феноменом. Его самой знаменитой фигурой был родоначальник монашества святой Антоний, который скончался в преклонных летах в 356 году и чья биография – написанная Афанасием – служила прекрасной рекламой египетской веры во всем христианском мире. Похоже, Антоний мыслил и писал исключительно на коптском. Его духовным преемником был внушавший благоговейный трепет авва Шенуда, умерший в 466 году (как принято думать, в возрасте 118 лет). Он возглавил Белый монастырь, огромную общину из нескольких тысяч монахов и монахинь. Его монастырь, как это бывало и со сравнительно меньшими обителями, стал центром жизни для окрестных селений. Миряне обращались к монахам за духовной поддержкой, но монастырь был также центром социальной помощи и образования и оказывал поддержку людям в случае стихийных бедствий. Шенуда оставил после себя немало трудов и писем, так что он стал одним из знаменитейших героев коптской литературы и веры. Он сделал коптский язык основанием новой христианской традиции и решительно противопоставлял его греческому, осквернённому язычеством и все в большей мере ересями[115]. И когда александрийским патриархам не хватало других ресурсов, они могли положиться на страстную веру этих местных христиан.

Теоретически монахи были *monachoi*, одиночками, отрешенными от мира, но многие из них с энтузиазмом участвовали в политических событиях, защищая ортодоксию. Самыми воинственными и активными были иноки Нитрийской пустыни, знаменитой священной пустыни, где располагались сотни домов и где сам Кирилл несколько лет проходил обучение. Египетские монахи были надежной армией церкви. Активнее прочих в политических делах участвовали *parabolani*, члены братства, призванные совершать дела милосердия, такие, как погребение умерших, и получившие в церкви особые привилегии. Однако в V веке они взяли на себя новую роль: стали чем-то вроде личных телохранителей епископов. В 416 году вышел имперский указ, который должен был ограничить численность этой армии до пятисот человек, однако патриархи всегда могли привлечь новые силы в случаях, когда

---

[114] Цитата из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 159–160. Александрия славилась конфликтами группировок и агрессивной непокорностью еще задолго до триумфа христианства: см. Andrew Harker, *Loyalty and Dissidence in Roman Egypt* (New York: Cambridge Univ. Press, 2008). О линчевании см. Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 60–61.

[115] Frend, *Rise of the Monophysite Movement,* 72; Rebecca Krawiec, *Shenoute and the Women of the White Monastery* (New York: Oxford Univ. Press, 2002); Caroline T. Schroeder, *Monastic Bodies* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2007). Об особенностях египетского христианства см. Alois Grillmeier, *Christ in Christian Tradition*, vol.2, *From the Council of Chalcedon (451) to Gregory the Great (590–604)*, part 4, *The Church of Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451* (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1996), 167–228; David Frankfurter, ed., *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt* (Leiden: Brill, 1998).

видели в том необходимость. Монахи поддерживали работу мощной политической машины, каковой была церковь Египта[116].

Египетские монахи были надежной армией церкви

Египетская церковь вступала в конфликты с гражданской властью в тех случаях, когда эта власть не желала осуществлять то, что считалось Божьей волей. Патриархи постоянно подчеркивали превосходство власти церкви, тем самым отстаивая теократию. В 414–415 годах произошла серия событий, которые ярко показывают политическую позицию церкви, которая была официально признана империей менее ста лет назад. Эти события стали также предвестниками тех столкновений, которые позже происходили на Великих соборах[117].

В те годы Кирилл был новым патриархом Александрии. Его главным противником стал римский префект Орест, христианин, который, в отличие от Кирилла, следовал традиционным римским представлениям о религиозном и этническом многообразии. Орест считал, что в целом следует терпимо относиться к религиозным практикам, если люди признают имперскую власть, соблюдают законы и платят налоги. Разумеется, терпимость не распространялась на бунтовщиков или тех, кто презирал законы, в этом случае Рим проявлял жестокость. Но если этого не было, римская власть не стремилась поддерживать одни религиозные группы и подавлять их соперников. Кирилл же хотел разгромить иноверцев и христиан иных направлений и готов был в случае необходимости использовать для этого силу. Орест с опасением наблюдал за тем, как растет власть церкви, подрывая власть империи, и у него были личные основания для таких опасений. Он знал, что Кирилл велел своим людям тайно наблюдать за ним и замечать, не отступит ли он хоть на шаг от ортодоксии или нет каких-то вещей, которые могли бы нанести ущерб репутации префекта[118].

И вот однажды между ними разгорелся острый конфликт. В Александрии давно существовала большая иудейская община, которая обратилась к властям с жалобой на одного христианского активиста, устроившего беспорядки во время традиционных танцев и театральных представлений иудеев. Римские власти согласились с тем, что возмутителя спокойствия, который «ревностно внимал проповедям Кирилла», следует призвать к порядку, и к нему даже применили пытки. Тем самым Орест дал понять Кириллу, где кончаются границы власти церкви, но этим дело не кончилось. Отношения между патриархом и иудеями становились все напряженнее, и это привело к погромам. Кирилл возглавил «бесчисленную толпу», которая грабила синагоги и выгоняла из домов иудеев, чьи предки поселились в городе еще семь столетий назад. Хотя Орест обратился с жалобой непосредственно к императору, он был бессилен против патриарха, взявшего власть в свои руки[119].

«Разумеется, ничего не стоит столь далеко от духа христианства, **как такое дозволение убийств, драк** и тому подобных вещей»

Тем временем в город прибыли семь сотен монахов из Нитрийской пустыни. Они восклицали, что Орест – язычник и идолопоклонник, преследующий их возлюбленного патриарха. Когда вооруженная охрана префекта разбежалась, монахи забросали Ореста камнями и ранили его. Это был вопиющий акт неповиновения, из-за которого в другом месте и в другую эпоху император мог бы стереть с лица земли целый город. Орест отдал приказание предать зачинщика мучительной смерти, но это также не испугало Кирилла. Вместо этого

---

[116] Patrick Healy, «Parabolani», *Catholic Encyclopedia* (1911), vol.11, at http://www.newadvent.org/cathen/11467a.htm. Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 158–159, 191–192.

[117] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 159–161. Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:430–443.

[118] См. Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 159–161.

[119] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 159–160.

он распорядился превратить убитого инока в мученика и мгновенно совершил его канонизацию – к недоумению многих христиан, в целом готовых поддержать своего духовного руководителя[120].

Затем пролилась кровь еще одной жертвы. Ею была женщина-философ Гипатия, знаменитая своей ученостью, которая пострадала из-за своей предполагаемой дружбы с Орестом (в недавно вышедшем фильме «Агора» она блещет не только умом, но и красотой). Толпа христиан выволокла ее на улицу и притащила в церковь, где ее избили и изуродовали до смерти, после чего ее тело расчленили и сожгли. Хотя не существует прямых доказательств причастности Кирилла к этому убийству, он не пытался остановить разъяренную толпу, что было его прямой обязанностью. Кирилла осуждают не только люди нашей эпохи, которые не могут принять нравственные стандарты прошлого. Один древний писатель, почти современник Кирилла, отозвался об этом инциденте такими словами: «Разумеется, ничего не стоит столь далеко от духа христианства, как такое дозволение убийств, драк и тому подобных вещей»[121].

Таким образом, во времена Кирилла александрийские патриархи опирались на монархическую по своему характеру традицию и были почти абсолютистами в своей готовности устранять всякую оппозицию. Кирилл правил огромной египетской церковью, где было не менее ста епископов в десяти митрополиях. Патриархи не отказывались и от имперских амбиций, поскольку они управляли церковной жизнью таких дальних стран Африки, как Эфиопия и Нубия, и в целом определяли вероучение и строй жизни этих церквей. Ни один прежний фараон не повелевал этими территориями на юге. И это еще более обостряло напряженные отношения патриархов Египта с Константинополем. Александрия, естественно, желала быть африканской империей, а тем временем имперская столица претендовала на право управлять всеми церквями, существующими за пределами границ[122].

Размышляя об александрийской церкви того времени, современный исследователь неизбежно задает себе вопрос: не носил ли энтузиазм, вдохновленный Афанасием и Кириллом, националистический характер, не сражались ли монахи и уличные толпы за египетскую идентичность, сопротивляясь Риму? Разумеется, Кирилл и его сторонники гордились славой своего города и региона и историей Египта как защитника ортодоксии. В то же время говорить о националистических стремлениях людей той эпохи было бы анахронизмом, и мы не видим в их поведении признаков сепаратизма. Скорее патриархи считали себя умелыми правителями Египта в рамках христианской империи и вовсе не стремились отсоединиться от империи – в этом у них не было необходимости, это желание показалось бы им ненормальным. Вместо этого они хотели, чтобы их родная земля стала тем надежным центром, откуда историческая истина Египта могла бы распространиться по всему христианскому миру. И опыт Никеи показал, что соборы церкви играют в этом важнейшую роль. Афанасий в целом распространил никейскую ортодоксию по всей империи, несмотря даже на серьезное противодействие со стороны императорской семьи.

Константинополь и Антиохия

Амбициозные стремления Александрии натыкались на два препятствия, которые, как оказалось, были связаны одно с другим. Во-первых, это был престол Антиохии с его апостольскими традициями. Именно здесь еще в апостольские времена впервые прозвучало

---

[120] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 160.

[121] Цитата из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 160; R. H. Charles, ed., *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu* (London: Williams & Norgate, 1916), 100–102; Michael A. B. Deakin, *Hypatia of Alexandria* (Amherst, NY: Prometheus, 2007).

[122] Harold G. Marcus, *A History of Ethiopia*, rev. ed. (Berkeley: Univ. of California Press, 2002).

слово «христиане» – возможно, оно было пренебрежительным или оскорбительным прозвищем, родившимся в иудейской общине. Этот город также считал своим первым епископом святого Петра, бывшего рыбака, перебравшегося в странный город далеко на западе. В последующие века Антиохия больше славилась как родина мученика Игнатия, епископа, занимавшего один из самых почетных патриарших престолов церкви. Кроме того, Антиохия, управлявшая богатыми землями Сирии, играла важную политическую роль в христианской империи. Как церковь Египта стремилась управлять лежащими от нее к югу территориями Африки, так Антиохия оказывала влияние на части Ближнего Востока, где говорили на сирийском, до Месопотамии и далее. Имперские стремления были свойственны Антиохии в не меньшей степени, чем Александрии[123].

В культурном смысле Антиохия была достойной соперницей Александрии, хотя идеи антиохийцев пугали или возмущали египтян. Императоры охотно ставили монахов и ученых из Антиохии епископами – и особенно епископами Константинополя. Уязвимым местом Антиохии было ее богословие. Александрийцы могли находить в Антиохии ересь – что она не воздает должное почтение божественности и славе Христа, – и это давало им сильное оружие. Константинопольский епископ, прошедший антиохийскую школу, находился в крайне опасном положении.

Константинополь находился под прямым покровительством императоров, что было и благословением, и проклятием для церкви. Сам константинопольский престол никогда бы не возник, если бы не присутствие императора, и уж тем более никогда бы не стал вторым по чести после Рима. Поскольку выбор епископа был делом тонкой дипломатии, ключевую роль в этом деле играли императоры и высокопоставленные придворные, так что, восходя на престол, епископ теоретически был должен пользоваться прямой поддержкой самых влиятельных лиц империи. Эти же влиятельные лица стремились повысить престиж столицы в христианском мире, а потому строили прекрасные церкви и снабжали их удивительным набором реликвий. Константинополь должен был стать особым священным городом империи, находящимся под покровительством Девы Марии. В отличие от других великих городов, этот город был создан христианами для христиан, так что ему не нужно было очищаться от грехов языческого прошлого. Чем город святее, тем выше престиж его епископа[124].

Но при всем при этом пост епископа Константинополя таил в себе особые опасности, поскольку внешние силы с легкостью могли создавать здесь свои фракции в императорской семье и при дворе и использовать их в своих интересах. На протяжении большей части V века александрийские патриархи имели в Константинополе достаточно большую и дееспособную сеть своих людей, которые отстаивали их интересы и собирали для них нужные сведения. Они подкрепляли эту работу обильными дарами и огромными взятками – патриархи могли себе позволить такую щедрую расточительность, поскольку Египет был богатой страной. Закулисные игры александрийцев накладывали отпечаток на религиозную политику империи.

К V веку Константинополь уже был неспокойным городом с долгой историей бунтов и гражданских беспорядков. Многие императоры убедились в том, что бесполезно контролировать границы империи, если ты не в состоянии поддержать порядок на улице рядом с дворцом. Поскольку религиозные вопросы играли важную роль в политике, епископы тоже становились мишенью толпы во время беспорядков. В Константинополе было немало престижных монастырей, на которые стремились оказывать влияние александрийцы. Их монахи легко превращались в воинствующих активистов или в опасных предводителей буй-

[123] Frend, *Rise of Christianity*.

[124] Vasiliki Limberis, *Divine Heiress* (New York: Routledge, 1994).

ной черни. Непопулярный епископ легко мог оказаться в таком положении, что его не мог бы защитить даже сочувствующий ему император[125].

Низвержение Иоанна Златоуста

Задолго до начала христологических баталий в Эфесе и Халкидоне из-за соперничества церквей был низвергнут один патриарх, причем в этом можно увидеть предзнаменование будущих событий. Главным героем этой драмы был Иоанн Златоуст, один из величайших святых древности и легендарный проповедник, за что он и получил свое прозвище. Каждый этап его карьеры свидетельствовал о славе Антиохии. Златоуст родился в Антиохии и учился у последних оставшихся языческих учителей, причем одним из его соучеников был Феодор Мопсуестийский. Он был одним из первых слушателей недавно открытой христианской школы, которой руководил Диодор из Тарса. Его рукоположили в священники в Антиохии. В 398 году, не без серьезных колебаний, он согласился стать архиепископом Константинополя[126].

Прошло пять лет – и карьера Златоуста трагически завершилась благодаря махинациям александрийского патриарха Феофила. Вступив в спор с некоторыми упрямыми египетскими монахами, Феофил решил применить стандартное оружие александрийских патриархов: он собрал вооруженных людей, которые разрушили кельи иноков и запугали их сторонников. Монахи стали протестовать против такого гонения, в результате чего Феофилу было велено явиться с объяснениями в Константинополь. Однако александрийский патриарх превратился из обвиняемого в обвинителя, представив и изгнанных монахов, и Иоанна Златоуста как сторонников известной ереси, основанной на трудах Оригена. Кроме того, Феофил обрел важную поддержку двора в лице императрицы Элии Евдоксии. Неизвестно, что она думала о богословских вопросах, но она видела в Златоусте своего личного врага. Иоанн с пуританским жаром обличал излишнюю роскошь и суетность женщин, а Евдоксия услышала в этих обличениях выпад против нее. Кроме того, она была недовольна еще одним выступлением Златоуста. Христианская империя, прославляя свой режим, нередко заимствовала обычаи из языческих ритуалов; однажды, когда во время празднеств была торжественно открыта статуя Евдоксии, Златоуст не побоялся публично выразить свое недовольство[127].

> Вот стандартное оружие александрийских патриархов: собрать вооруженных **людей, разрушить кельи иноков** и запугать их сторонников

Низвержение Златоуста, против которого боролись столь могущественные противники, стало неизбежным. В 402 году Феофил прибыл в Константинополь с внушительным отрядом из двадцати девяти подчиненных ему епископов, подкрепив свою позицию знаменитыми александрийскими щедрыми взятками. Такая демонстрация силы позволила Феофилу одержать победу над Златоустом, который был низложен местным собором, так называемым «Собором под дубом» (403). Фактически Иоанн вскоре снова занял свой пост.

---

[125] Brian Croke, «Justinian's Constantinople» in Michael Maas, ed., *The Cambridge Companion to the Age of Justinian* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005), 60–86.

[126] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 138–139; Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 399–401; Kelly, *Golden Mouth*; Chadwick, *Church in Ancient Society*, 479–498; Jaclyn L. Maxwell, *Christianization and Communication in Late Antiquity* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006).

[127] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 138–152; Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 402–418; Theodoret, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 151–156; J. N. D. Kelly, *Jerome: His Life, Writings, and Controversies* (New York: Harper & Row, 1975); Limberis, *Divine Heiress*; Russell, *Theophilus of Alexandria.*

Городская чернь его обожала, а свершившееся землетрясение заставило некоторых его врагов поверить в то, что они ополчились против человека, особо любимого Богом. Кроме того – и это также предвещает грядущие события – Златоуст заручился мощной поддержкой папы римского Иннокентия, который пытался собрать собор, чтобы восстановить в правах свергнутого патриарха. Сам Иоанн также не сдавался и в проповедях сравнивал императрицу с Иродиадой, которая требовала казни Иоанна Крестителя. На короткое время Златоуст вернулся на свою кафедру, но вскоре был снова осужден и умер на пути в ссылку в 407 году[128].

Каждый аспект этой истории в том или ином виде повторялся на позднейших соборах, которые, казалось бы, занимались христологией, а не вопросами церковного устройства. В эти позднейшие годы александрийские патриархи также играли роль «сторожевых псов» церкви и бесцеремонно вмешивались в дела других епархий. Они также опирались на поддержку многочисленных верных епископов и подкрепляли свою позицию щедрыми взятками и дарами. В данном случае секретарем Феофила был Кирилл, будущий патриарх, который усвоил здесь многие важные уроки политических игр в церкви и империи.

Таким образом, к 420-м годам Кирилл прекрасно знал, как добиваться своих целей. Он умел использовать насилие – реальное или его угрозу, – знал, как снискать благосклонность придворных, и понимал, как можно использовать соборы и синоды для получения нужных результатов. И прежде всего он усвоил главную вещь: самая тяжелая и неразрешимая проблема решается с помощью запугивания и хитрости.

> На протяжении V века исход церковных споров целиком и полностью **зависел от благосклонности императорской фамилии,** и особенно женщин

Кроме того, все патриархи прекрасно понимали еще одну важную вещь: какой бы независимостью они ни обладали, как бы они ни правили, подобно царькам или даже самым настоящим царям, они действуют в рамках все еще жизнеспособной империи, которая имеет достаточно власти, чтобы им противостоять. Если они забывали этот факт, они ставили под угрозу само существование своих патриархатов. На протяжении V века исход церковных споров целиком и полностью зависел от благосклонности императорской фамилии, и особенно женщин.

[128] J. W. H. G. Liebeschuetz, *Barbarians and Bishops* (Oxford: Clarendon, 1990).

4. Царицы, полководцы и императоры

В том, что в наши времена не распространяются новые ереси, мы особенно обязаны Пульхерии.
Созомен

Если патриархи действовали подобно царям, то императоры, в свою очередь, вели себя подобно папам. Во время христологических споров империя действовала как внутренняя сила церкви, а не просто как честный посредник, обеспечивающий справедливые условия игры для соперничающих сторон. Вожди церкви пытались склонить на свою сторону придворных или членов императорской семьи, но многие императрицы и княжны вступали в схватку, не дожидаясь особого приглашения. Государство интенсивно участвовало в церковных спорах на всех их этапах[129].

Не только императоры

Политику империи определял не только император, но целый сложный мир, куда входил двор, чиновничество и императорская семья. Римское правительство превращалось в военно-церковно-придворный комплекс и таковым оставалось на протяжении византийского периода[130].

Империя все больше приближалась к абсолютизму. С III века император перестал делать вид, что он есть всего-навсего первый гражданин, *princeps*, и его стали открыто называть господином, *dominus*, верховным монархом, которого не ограничивают республиканские институты. Звучание соответствующего греческого слова *despotes* знакомо современному человеку. Двор императора подражал двору абсолютистской Персии или ближневосточных богов-царей, и имперскую жизнь наполняли термины, которыми говорят о божестве. Главный казначей империи носил титул *Comes Sacrarum Largitionum*, Комит священных щедрот; старший официальный чиновник при императоре – аналог нынешнего генерального прокурора – назывался Квестором Священного дворца[131].

После Феодосия I (Великого), умершего в 395 году, его династия правила как Востоком, так и Западом. Тот факт, что его непосредственные преемники царствовали много лет, не означает, что это был период мира и стабильности. Два человека занимали западный престол на протяжении почти всего периода между 395 и 455 годом, то есть на протяжении целых шестидесяти лет. Один внук Феодосия I, Валентиниан III, правил Западной империей с 425 по 455 год, а другой, Феодосий II, царствовал на Востоке с 408 по 459 год. Однако это время никак нельзя назвать счастливой эпохой процветания, а постоянные варварские нашествия ставили под угрозу существование как Восточной, так и Западной империи. Продолжительность царствования монархов указывает скорее на то, что по крайней мере некоторые – хотя не все – из так называемых «деспотов» были лишь номинальными владыками и они настолько мало вмешивались в общественную жизнь, что ни у кого и не возникало

[129] Averil Cameron. *The Mediteranean World in Late Antiquity, a.d.395–600* (New York: Routledge, 1993); Chadwick, *Church in Ancient Society*; Webster and Brown, *Transformation of the Roman World a.d.400–900*.

[130] Liebeschuetz, *Barbarians and Bishops*; Averil Cameron, *The Later Roman Empire* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1993).

[131] Timothy D. Barnes, *The New Empire of Diocletian and Constantine* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1982); Matthew P. Canepa, *The Two Eyes of the Earth* (Berkeley: Univ. of California Press, 2009).

потребности их сменять. Валентиниан III был инфантильным и обидчивым императором и, возможно, страдал тяжелой психической болезнью[132].

Власть в империи распределили между собой другие люди – прежде всего военачальники, почти независимые полководцы, которые служили Римской империи, но при этом не забывали о своих целях. Это было радикальным отличием от прошлой системы, когда армия была неотъемлемой частью Римского государства. Но к IV веку сложилась практика вербовать и нанимать военных из других народов и племен, потому что они могли вести мобильные военные действия, что было необходимо в эпоху великого переселения варварских народов. Хотя каждая новая волна захватчиков порождала свои собственные проблемы, самой опасной силой были гунны, быстро перемещавшиеся конники, использующие новый тип страшных для римлян луков. В империи совершалась радикальная революция в области военного дела[133].

Римлянам удавалось превращать некоторых варваров в союзников и наемников, тогда как другие из них выходили из-под контроля и захватывали территории империи, чтобы владеть ими самостоятельно. Иные народы колебались между двумя этими линиями: они были то хищниками, то верными защитниками Рима. Некоторые же полководцы управляли императорами. Так, с 430 по 470 год Восточной империей фактически правил Аспар, происходивший из аланов, которые некогда обитали на востоке Европы за пределами римских границ. Поскольку Аспар носил титул *Magister Militum*, главнокомандующего, судьба империи зависела от него и от военачальников, поставленных им на высокие посты, включая пост императора. В это же время Западная империя зависела от наполовину варвара Аэция, который фактически был военным правителем империи с 433 по 450 год. Аэций возвысился благодаря тому, что хорошо знал племена гуннов и умело применял свои собственные стратегии для отражения атак этих страшных захватчиков[134].

> В этом мире закулисной политики сравнительно мало значения **имели происхождение, образование или даже** идеология, куда важнее был открытый доступ *к императору и членам* его семьи. **Возможность доступа** обычно **получали те,** кто мог дать самую крупную взятку

Представители старых и новых народов, управлявших империей, легко вступали в браки друг с другом. Хотя Римская империя никогда не стремилась соблюдать расовую чистоту, к V веку она превратилась в удивительную смесь культур и народов со всей Европы. На Западе правящие элиты представляли собой смешение латинских и германских народов, и именно эта элита продолжала затем господствовать на ее территории в течение последующего тысячелетия. Король вестготов Атаульф первоначально намеревался создать на месте Римской империи, Романии, новое германское царство Готию, но затем понял, что столь радикальный проект неосуществим, и решил вместо этого использовать энергию готов для восстановления Новой Романии. И в каком-то смысле этот замысел действительно был реализован. Повелители варваров – готов, франков и других – выдавали своих дочерей и сестер за представителей имперской элиты, так что, скажем, Аэций вполне мог надеяться, что его внук займет императорский престол. Даже предводитель вандалов Гейзерих, правивший королевством в Северной Африке, которое всерьез тревожило империю, женил своего сына на дочери западного императора Валентиниана. Варвары влияли на политику империи куда сильнее, чем нам может показаться, если мы просто будем изучать имена императоров или первых вельмож. С 457 года новый император носил безукоризненно греческое и напоми-

---

[132] Kate Cooper and Julia Hillner, eds., *Religion, Dynasty and Patronage in Early Christian Rome, 300–900* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007); Wessel, *Leo the Great*, 10–16.

[133] Cameron and Long, *Barbarians and Politics*; Penny MacGeorge, *Late Roman Warlords* (Oxford: Oxford Univ. Press, 2003).

[134] Millar, *Greek Roman Empire*, 39–83; Drinkwater and Elton, *Fifth-Century Gaul*.

навшее о философии имя Зенон, но ранее он носил свое настоящее имя – которое образованные греки почти не могли выговорить – Тарасикодисса. Он происходил из исаврийских нагорных племен Малой Азии, которые, возможно, были родственниками нынешних курдов.

Дворы императоров также были альтернативными центрами власти. Римские самодержцы давали огромную власть евнухам, поскольку считалось, что они не должны были захватывать власть ради интересов своих потомков, однако это не мешало высокопоставленным евнухам бороться за свое влияние. В этом мире закулисной политики сравнительно мало значения имели происхождение, образование или даже идеология, куда важнее был открытый доступ к императору и членам его семьи. Возможность доступа обычно получали те, кто мог дать самую крупную взятку. При дворе всегда были «свои» и «чужие», при этом «чужие» изо всех сил старались подорвать доверие к нынешним фаворитам и добиться их свержения, для чего они вступали в коалиции. В некоторых случаях придворные и вельможи так жестко контролировали доступ к императору и всю поступающую к нему информацию, что лидер господствующей группировки придворных становился кем-то вроде теневого императора[135].

Власть евнухов достигла непомерных высот во время продолжительного царствования Феодосия II (408–450). С 408 по 414-й, пока император был маленьким ребенком, империей правил его регент евнух Антиох. В последующие годы Феодосий II также «во всем находился под властью евнухов»[136]. В 440-х годах на первом месте среди придворных стоял высокопоставленный евнух Хрисафий, который использовал свое влияние, чтобы поддерживать учение монофизитов.

Государство как церковь, церковь как государство

Другой мощной новой силой была церковь, причем история конфликта между церковью и государством в Александрии показывает, что римская традиция государства не без трудностей интегрировала в себя новую религиозную реальность. Современному человеку трудно понять, насколько тонкими были границы между церковью и миром, между религиозной жизнью и обществом в эпоху поздней античности. Те вещи, которые мы сегодня отнесли бы к категории религии, использовались для достижения целей политического или экономического характера. Это позволяет нам лучше понять, почему обычные люди с такой горячностью участвовали в религиозных баталиях[137].

В то время как росла популярность церкви, власть и престиж государства падали. Западные историки, которые уже давно обсуждают причины заката и падения империи, избегая простых одномерных объяснений, указывают, что здесь действовало сочетание нескольких слабых пунктов и конфликтов. Некоторые современные историки переворачивают вопрос вверх ногами и предпочитают ставить его таким образом: что позволило империи, которой постоянно угрожали военные, социальные и экономические проблемы, просуществовать столь длительное время? Но, как бы мы ни оценивали значение различных угроз, у нас нет сомнений в том, что они стали особо острыми в эпоху Эфеса и Халкидона, которая одновременно была эпохой Аттилы и гуннов[138].

---

[135] Christopher Kelly, *Ruling the Later Roman Empire* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2004); Adrian Goldsworthy, *The Fall of the West* (London: Weidenfeld and Nicolson, 2009). Shaun Tougher, *The Eunuch in Byzantine History and Society* (New York: Routledge, 2008).

[136] Цитата из C. D. Gordon, ed., *The Age of Attila* (Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1960), 27–28.

[137] Millar, *Greek Roman Empire*, 130–167; Derek Krueger, «Christian Piety and Practice in the Sixth Century», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 291–315.

[138] Jaroslav Pelikan, *The Excellent Empire* (San Francisco: Harper & Row, 1987); Ward-Perkins, *Fall of Rome and the End of*

Кризис империи прямо отражался на жизни простых людей и рядовых христиан. В первую очередь он порождал финансовые проблемы, поскольку содержание империи становилось крайне дорогостоящим делом. В эти годы империи постоянно угрожали внешние враги – германские варвары, персы и гунны. Это вынуждало империю ради выживания тратить огромные ресурсы на поддержку военной машины, на содержание армии и флота, крепостей и гарнизонов, на задабривание враждебных варварских племен, на дань, позволяющую откупиться от опасных захватчиков. Сам имперский институт стал дороже с его расходами на роскошь обстановки и одежд императоров, на придворные церемонии и на содержание массивного бюрократического аппарата.

Даже и при более благоприятных обстоятельствах эти нужды опустошали бы казну и увеличили бы общее бремя налогов. Но в V веке территории империи, способные платить налоги и подати, постоянно сокращались, так целые провинции ускользали из-под власти или были разграблены. Хотя империя все еще сохраняла свою власть, скажем, над Балканами, постоянные набеги Аттилы привели к тому, что их жители были не в состоянии платить налоги. Финансовое бремя для оставшихся провинций и городов увеличилось, а это вызывало устойчивый рост недовольства по отношению к гражданской власти, ее солдатам и сборщикам налогов.

В то же время империя не могла сделать вид, что все находятся в равном положении и вместе страдают. В Галлии христианский пророк Сальвиан писал о том, что империя гибнет или испускает последний вздох, «задушенная удавкой налогов, как если бы ее душили грабители», но даже в такие времена «существует множество богачей, за которых бремя налогов несут бедные, то есть существуют крайне богатые люди, чьи налоги убивают бедняков». В одном знаменитом тексте греческий купец описывает это экономическое бремя и объясняет, почему он отверг империю и стал на стороне гуннов: «Налоги собирают с крайней жестокостью, и безнравственные люди причиняют ущерб другим, потому что перед законом не все классы равны. Нарушитель из богатых не получает наказания за сделанную несправедливость, тогда как бедный… наказывается законом». Государство и его аппарат стали казаться врагом в большей мере, чем когда-либо раньше. И естественно, это заставляло людей искать утешения в церкви[139].

К началу V века церкви уже пользовались давно признанным авторитетом в городах империи, символами светской власти, а во многих случаях – власти более сильной, чем светская. Империя признала достоинство и независимость церкви, позволив клирикам пользоваться своей системой правосудия и даровав им право судиться в своих судах. На Востоке это право распространялось только на епископов, но западные власти распространили его на все духовенство любого ранга. Епископы стали важными агентами правительства и активно участвовали не только в религиозных, но и в политических и экономических делах. По мере того как Римская империя разваливалась на Западе, города и регионы переходили под власть союза местных аристократов и епископов. Подобное положение вещей сохранялось в течение тысячелетия или даже больше. И на Востоке, и на Западе ставшее официальным институтом христианство демонстрировало свою власть с помощью зданий церкви и монастырей, которых при поддержке империи и светских магнатов строилось все больше и больше. К этому времени церкви стали достойными соперниками или даже победителями великих языческих храмов, которые часто разбирали, чтобы использовать их камни для нового строительства[140].

Civilization; Heather, *Fall of the Roman Empire*; Goldsworthy, *Fall of the West*.

[139] Цитата «Налоги собирают…» из J. B. Bury, *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene* (London: Macmillan, 1889), 219. Цитата из Сальвиана по Salvian, *On the Government of God*, ed., by Eva M. Sanford (New York: Columbia Univ. Press, 1930), 109. Goldsworthy, *Fall of the West.*

[140] Raymond Van Dam, «Bishops and Society», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 343–366; Rapp,

К началу V века церкви уже пользовались давно признанным **авторитетом в городах империи, символами** светской власти, а во многих случаях – **власти более** *сильной, чем светская.* Империя признала **достоинство и независимость** церкви, **позволив клирикам** пользоваться своей системой правосудия и даровав им **право судиться в своих судах**

Обширное социальное служение делало церковь популярной среди населения. В V веке богатые миряне щедро одаривали церковь и оставляли ей часть наследства, чтобы обеспечить свое благополучие в вечности. Люди давали деньги на помощь заключенным, для выкупа пленников (что было жизненно важно во время войн и набегов варваров), для облегчения существования бедняков и жертв эпидемий. Епископы распределяли эти деньги по своему усмотрению, и их благотворительность привлекала к ним сердца населения. Если государство постоянно требовало денег, то церковь постоянно их раздавала. Империя могла хвастаться своей священной щедростью, но только церковь демонстрировала ее на деле[141].

О том, насколько значительными были эти денежные потоки, свидетельствуют обвинения в коррумпированности, постоянно всплывавшие на поверхность в спорах внутри церкви, поскольку каждая группировка старалась продемонстрировать алчность своих противников. Для нас сейчас не так важен вопрос о справедливости этих обвинений, как масштаб упомянутых средств и оказываемой помощи. В 449 году Ива, епископ Эдессы, был обвинен в многочисленных преступлениях, преимущественно в том, что он передавал пожертвования на благотворительность членам своей семьи. Это были воистину роскошные пожертвования: «огромные денежные суммы», «завещания и приношения, вклады из всех источников, коллекция пожертвованных серебряных и золотых крестов». Его племянник, также епископ, как полагали, передавал все собранные деньги своей подруге, которая обогатилась, давая деньги в рост под огромные проценты. Церковь обладала силой помогать и вредить не только в духовном, но и материальном мире[142].

Церковь обладала силой помогать и вредить не только в духовном, **но и материальном мире**

Нам несложно понять, почему у вождей церкви было столько сторонников и почему вокруг постов в иерархии постоянно кипела борьба. Сами духовные лица участвовали в этих схватках, причем не только в Александрии. Духовенство Константинополя славилось «духом амбициозного соперничества», хуже того, оно всегда могло рассчитывать на поддержку уличной толпы. Когда в 434 году умер архиепископ столицы, император назначил его преемника почти мгновенно, и у него были на то весомые причины. В своем отчаянном стремлении «предотвратить беспорядки в церкви, которые обычно сопутствуют выборам епископа», он приказал всем епископам, оказавшимся на тот момент в городе, назначить новой главой церкви Прокла еще до того, как тело его предшественника было предано земле. Обычные христиане, как правило, демонстрировали свою преданность церкви с помощью беспорядков и мятежей[143].

Holy Bishops in Late Antiquity; Peter Brown, *Authority and the Sacred* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997).

[141] Susan R. Holman, *The Hungry Are Dying* (New York: Oxford Univ. Press, 2001); Peter Brown, *Poverty and Leadership in the Later Roman Empire* (Hanover, NH: Univ. Press of New England, 2002); Andrew T. Crislip, *From Monastery to Hospital* (Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2005); Wessel, *Leo the Great*, 179–207.

[142] Об обвинениях против Ибаса см. Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:285.

[143] Выражение «дух амбициозного соперничества» из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 169. Цитата «предотвратить беспорядки…» из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 175.

Божье воинство

Авторитет церкви основывался отнюдь не только на ее материальных ресурсах. Жители тогдашнего римского мира твердо верили в то, что на них нападают злые духовные силы, которым могут противостоять лишь выдающиеся герои духа. В первую очередь к последним относились многочисленные святые люди империи, аскеты и отшельники, монахи и столпники, решительно отвергшие мир, что позволяло им противостоять силам зла. К V веку зловещие политические события мира способствовали тому, что многие люди искали прибежища в духовной жизни, поскольку монашество предлагало им целостное альтернативное общество[144].

Люди того времени видели в монахах и аскетах священное воинство, постоянно участвовавшее в религиозной битве, или духовных атлетов. Именно в эту эпоху знаменитые святые начали жить на столпах, поднимая наверх пищу, которую им приносили верные ученики. Около 420 года Симеон Столпник вошел на колонну, где он провел тридцать невероятных лет. Для обычных христиан – и богатых, и бедных – такое радикальное благочестие доказывало, что люди, подобные Симеону, находятся в особой близости с Богом, и множество христиан обращалось к ним за советом[145].

Мощное народное почитание, окружившее подобных людей, свидетельствует о господстве подозрительного отношения к материальному миру, и особенно к сексуальности: истинная святость состоит в полном отказе от подобных соблазнов. Из этого следовало, что идеальный христианин должен не только жить в безбрачии, но также отказываться, насколько возможно, от любой формы материального комфорта, включая еду, кроме абсолютно необходимой для поддержания жизни в теле. Ему надлежит стать «мертвым телом без могилы», ходячим мертвецом. Харизматическая власть аскетов намного превосходила власть любого секулярного персонажа, так что миряне считали, что им следует изо всех сил подражать инокам. Если мы поразмыслим о таком идеале, мы начнем подозрительно относиться к распространенному сегодняшнему убеждению, что христианство тесно связано с семейными ценностями. В ту эпоху христианство звучало как призыв отказаться от семьи в той мере, в какой человек способен[146].

> Около 420 года Симеон Столпник вошел на колонну, **где он провел тридцать** невероятных лет

О том, насколько далеко может зайти такой отказ от мира, свидетельствует жизнь монаха Севира, одного из самых ярких персонажей VI века, ставшего основателем сирийской церкви монофизитов. В 512 году, когда он стал епископом Антиохии, Севир был потрясен той роскошью, в какой жили его предшественники. Первым делом он упразднил епископскую кухню и отказался от поваров, чтобы далее всегда питаться самым дешевым

---

[144] James E. Goehring, *Ascetics, Society, and the Desert* (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 1999); Columba Stewart, «Monasticism», in Esler, *Early Christian World*, 1:344–368; Philip Rousseau, «Monasticism», in Cameron, Ward-Perkins, and Whitby, *Cambridge Ancient History*, 14:745–780; David Brakke, *Demons and the Making of the Monk* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2006).

[145] Claudia Rapp, «Saints and Holy Men», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 548–566; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 272–275.

[146] Выражение «мертвое тело без могилы» из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church,* 284–287. Peter Brown, *Body and Society* (New York: Columbia Univ. Press, 1988); Peter Brown, *Society and the Holy in Late Antiquity* (Berkeley: Univ. of California Press, 1989); Susanna Elm, *Virgins of God* (New York: Oxford Univ. Press, 1994); Teresa M. Shaw, *The Burden of the Flesh* (Minneapolis: Fortress, 1998); Dale B. Martin and Patricia Cox Miller eds., *The Cultural Turn in Late Ancient Studies* (Durham, NC: Duke Univ. Press, 2005). David G. Hunter, «Sexuality, Marriage and the Family», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 585–600; см. В том же томе Samuel Rubenson «Asceticism And Monasticism», 637–668.

неприятным на вкус хлебом, который можно купить на рынке. Он также разрушил бани – его почитатели сравнивали это с акциями ветхозаветных царей, разрушавших храмы Ваала. Разве для христианской жизни нужна эта суетливая забота о гигиене тела? Чистота тела не ведет к благочестию. Он также ужаснулся, узнав, что его предшественники спали на *кроватях*, и изменил этот обычай. Вместо этого он «обычно возлежал на земле, отказывался мыться, совершал службы с продолжительным пением псалмов и питался овощами»[147].

Во время общего политического и социального кризиса подобные люди не от мира сего пользовались великим авторитетом и внушали уважение, поскольку они могли вести своих приверженцев к спасению. Тот факт, что Симеон Столпник поддержал Халкидонский собор, имел огромное значение для его победы. Рядовые монахи, не совершавшие столь героических подвигов, также пользовались благоговейным почитанием и любовью за аскетическое самоотречение, и потому они были потенциальной силой в таких городах, как Константинополь. Для политической истории имеет значение тот факт, что монашество куда сильнее развивалось в восточных частях империи, где оно и родилось, чем в западных. До VI века римские папы и западные епископы не сталкивались с необходимостью обуздывать легионы непокорных монахов, что было обычным делом в Сирии и Египте. На Западе также у вождей церкви не возникало искушения использовать иноков в борьбе против светских чиновников или соперников из духовенства[148].

> Монахов действительно слушали, причем не только беднейшее население **городов или селений. За столкновение с империей** в худшем случае ты расплачиваешься **жизнью или имуществом,** *но намеренное непослушание* монахам и аскетам **повлечет за собой** вечные **муки**

На Востоке святые мужи и жены радикально изменили политический мир и были потенциально дестабилизирующей силой. Хотя обычно они действовали в рамках закона, их харизматический авторитет давал им возможность противостоять курсу официальной политики, а также организовывать и направлять народное возмущение. Когда они высказывались о вопросах богословия или церковной жизни, их действительно слушали, причем не только беднейшее население городов или селений. За столкновение с империей в худшем случае ты расплачиваешься жизнью или имуществом, но намеренное непослушание монахам и аскетам повлечет за собой вечные муки. В любом конфликте между духовной и светской властями церковь обладала огромным преимуществом.

> Что касается религиозных дел, царственные женщины вмешивались в них **с таким пылом и столь активно** предпринимали все нужные меры, **что богословские споры** *выглядели не только* как соперничество патриархов, **но и как соревнование между** царевнами

Святые жены

В то время как церковь участвовала в политике, империя, несомненно, смотрела на себя с точки зрения религии. Вожди империи глубоко пропитались христианским мировоззрением и усвоили харизматическое представление о власти. Хотя патриархи начали венчать императоров на царство только с 450-х годов, идея священной империи, укорененной в хри-

[147] О Севире см. Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*, 14–15; Pauline Allen and Robert Hayward, *Severus of Antioch* (New York: Routledge 2004).

[148] Peter Brown, *The World of Late Antiquity* (London: Thames and Hudson, 1971).

стианской символике и мысли, родилась гораздо раньше. И когда политики говорили о христианской империи, это не было для них просто риторической словесной игрой[149].

Хотя императоры нередко были простыми марионетками, их родственники активно участвовали в политической и религиозной жизни государства, если же говорить о V веке, это в первую очередь относится к женщинам: к императрицам и царевнам, происходившим от знаменитого Феодосия I. Некоторые из них в совершенстве освоили политические игры и научились манипулировать важнейшими силами новой Римской империи – военачальниками, епископами и придворными. Их влияние было настолько сильным, что в какие-то годы империя выглядела как матриархат. И в некоторых случаях влиятельные царевны, потомки Феодосия, которые умело на протяжении многих лет управляли империей, были удивительно юными женщинами или девушками-тинейджерами, побеждавшими своих более зрелых современников благодаря тому авторитету, что давала им царская кровь. Императорское происхождение не только давало им возможность влиять на политику, но также делало их желанными невестами для амбициозных полководцев или придворных, которые мечтали стать императорами. Все дары потомков Феодосия присвоили себе исключительно женщины[150].

Что касается религиозных дел, эти царственные женщины вмешивались в них с таким пылом и столь активно предпринимали все нужные меры, что богословские споры выглядели не только как соперничество патриархов, но и как соревнование между царевнами. Подобные вмешательства начались очень рано в истории династии и продолжались более столетия. Феодосий I вступил в брак с женщиной испанского происхождения Флациллой, которая стойко боролась за никейское богословие против арианства и стала образцом для всех последующих влиятельных женщин при Феодосии и его потомках.

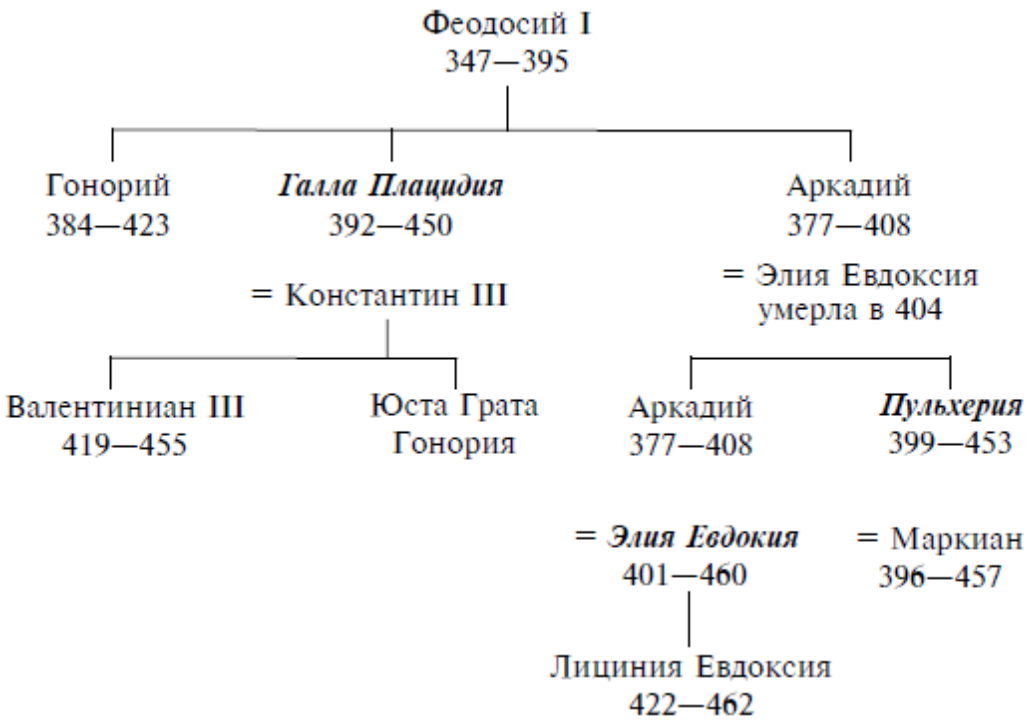
Флацилла родила императора Востока Аркадия и императора Запада Гонория. Аркадий взял в жены Элию Евдоксию, которая, несмотря на греческое имя, была дочерью варварского полководца, франка, служившего империи. Подобно Флацилле, она стояла за никейскую ортодоксию, а одновременно старалась придать священный характер Константинополю, для чего доставляла сюда множество реликвий. Она также участвовала в распределении важнейших постов. В 403 году она в союзе с александрийским епископом Феофилом низвергла Иоанна Златоуста на печально знаменитом «Соборе под дубом».

В истории соборов V века три императрицы, три августы, возвышаются над всеми прочими участниками как главные двигатели, игроки и манипуляторы: Галла Плацидия и Пульхерия, поддерживавшие кафоликов-ортодоксов, а также Элия Евдокия, стоявшая на стороне монофизитов.

---

[149] Peter Brown, *Power and Persuasion in Late Antiquity* (Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1992).

[150] Kenneth Holum, *Theodosian Empresses (*Berkeley: Univ. of California Press, 1982).



(Валентиниан III взял в жены свою кузину Луцинию Евдоксию)

Биографии некоторых из этих женщин просто невероятны. Возьмем для примера Галлу Плацидию (392–450), дочь Феодосия I от второго брака. Похищенная готами в момент падения Рима в 410 году, она оставалась пленницей, пока не завязала отношений с Атаульфом, братом короля варваров. Она вышла за него замуж и родила ему сына, что открывало перспективу для становления новой гото-римской династии. Однако ее муж вскоре умер – обычный поворот событий для военачальника варваров, – и она вернулась в Рим. Здесь она вышла замуж за выдающегося полководца, который использовал происхождение жены, чтобы стать императором Запада. Когда в 425 году он также умер молодым, тридцатидвухлетняя Галла Плацидия оказалась матерью нового царствующего императора Валентиниана, которому тогда было только шесть лет. Это означало, что она управляла Западной империей в течение десятилетия. Сотрудничая с полководцем Аэцием, она продолжала оказывать огромное влияние на политику Запада до своей смерти в 450 году[151].

При подобном совместном управлении империей личные религиозные взгляды августы и ее окружения имели великое значение, тем более что Галла Плацидия страстно интересовалась религией и богословием. Церкви и мозаики в Равенне, созданные по ее повелению, остаются величайшими сокровищами древнего христианского искусства. Она также решительно поддерживала ортодоксов-кафоликов и была противницей монофизитов. Когда монофизиты, казалось, получили огромную власть в Восточной империи, гонимые ортодоксы умоляли Галлу Плацидию и ее царственного сына заступиться за них перед их родственниками – императором и его семьей в Константинополе, – что мать с сыном и совершили. По другую сторону баррикад находилась главная царственная защитница монофизитов до и после Халкидона – Элия Евдокия, жена императора Востока Феодосия II[152].

У Галлы Плацидии была дочь Юста Грата Гонория, невероятная и яркая биография которой сравнима с биографией ее матери. Вместе со своим любовником Гонория строила планы убить своего брата Валентиниана и взять в свои руки власть над империей. Когда

[151] Stewart Irvin Oost, *Galla Placidia Augusta* (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968).

[152] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 164.

заговор был раскрыт, Гонорию сослали в монастырь, но ее пугала перспектива остаться здесь навсегда. Замыслив побег, она обратилась за помощью к своему новому потенциальному любовнику, который оставил по себе великую славу в политике, – к предводителю гуннов Аттиле. В письме Гонория пообещала Аттиле, что выйдет за него замуж, если будет им освобождена, и возведет его на престол Западной империи. Аттила использовал это письмо как оправдание своего нападения на Галлию, утверждая, что тем самым он пытается освободить свою невесту и получить полагающееся ему приданое[153].

Этот заговор смотрелся бы неправдоподобно даже во второсортном любовном романе, однако это произошло на самом деле. Но невероятные события на этом не останавливаются: Гонория не была единственной женщиной, связанной с династией Феодосия, которая была готова пригласить завоевателей на территорию своей империи по личным причинам и из-за семейных обид. Прошло всего три года после флирта Гонории с Аттилой, и примеру заговорщицы последовала ее кузина Лициния Евдоксия, предложившая королю вандалов Гейзериху вторгнуться в Италию. Последний с удовольствием принял это предложение и разграбил Рим в 455 году. Хотя в двух этих сериалах богословские вопросы не играли роли, они помогают нам понять бурный и независимый характер этих царственных женщин, их умение участвовать в политике и их глубокое убеждение, что с их мнениями следует считаться. Все эти характеристики мы можем наблюдать и в тех случаях, когда царственные женщины вмешивались в религиозные дела[154].

Эти женщины, подобно патриархам, хотя в ином стиле, могли представлять себе будущее римского мира не так, как то предполагали знакомые им традиции. Некогда мысль о том, что имперская столица переместится из Рима, показалась бы всем полным безумием, однако Константин совершил именно это. Что еще может произойти? Как будет выглядеть империя в течение одного-двух ближайших столетий? Может быть, она станет римско-готской или римско-гуннской? Или это будет теократическое государство с центром в Александрии или Антиохии? Или даже, если не бояться игры воображения, быть может, папы отдаленного Рима станут патронами новых правителей Западной империи из каких-либо германских племен или из франков? Казалось, будущее несет в себе безграничные возможности.

Пульхерия

Однако с точки зрения истории религии самой важной женщиной из династии Феодосия была Пульхерия (399–453), внучка Феодосия I и Флациллы. Ее матерью была Элия Евдоксия, уже знакомая нам противница Златоуста, сестра правящего восточного императора Феодосия II. Пульхерия также приходилась племянницей Галле Плацидии и кузиной ужасной Гонории. Если существуют гены богословия и заговоров, то Пульхерия унаследовала тот и другой[155].

Пульхерия с великим искусством манипулировала мужами, которые управляли империей, в частности военачальником Аспаром, причем в большинстве случаев она не пользовалась рычагами романтических отношений или брака. Вместо этого она постоянно опиралась на обет девства, принесенный ею в возрасте пятнадцати лет. Это был не просто личный выбор, но обязательство, публично принятое Пульхерией:

> Она прежде всего посвятила свое девство Богу и призывала своих сестер избрать такой же образ жизни. Чтобы избежать любого повода для

[153] Christopher Kelly, *Attila the Hun* (Oxford: Bodley Head, 2008).

[154] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 304–305.

[155] Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 419–421. Ada B. Teetgen, *The Life and Times of the Empress Pulcheria, a.d.339 – a.d.452* (London: Swan Sonnenschein, 1907).

> ревности и интриг, она не разрешала никакому мужчине входить в ее дворец. Она сделала свидетелями своего обета Бога, священников и всех подданных Римской империи.

В силу этого обета Пульхерию перестали воспринимать как желанную невесту царственных кровей, так что она могла участвовать в политической жизни как самостоятельный игрок. Более того, ее девство окружало Пульхерию в глазах современников ореолом святости и харизматической власти. Когда в 450 году она все-таки вступила в брак с Маркианом, «правой рукой» Аспара, она сделала это, чтобы сделать мужа достойным носить корону и укрепить свою позицию в богословских баталиях. Но прежде свадьбы она взяла с будущего мужа обещание, что тот будет уважать ее девство[156].

> В официальной истории церкви Пульхерию принято считать святой **амазонкой ортодоксии, насмерть разившей** ереси. Но в то же время она **говорила и делала** *такие вещи,* за которые в другие **времена и в других** местах **женщин сжигали** на кострах

Духовная жизнь Пульхерии сложилась под причудливым сочетанием самых разных влияний. В официальной истории церкви принято считать ее святой амазонкой ортодоксии, насмерть разившей ереси. Но в то же время она говорила и делала такие вещи, за которые в другие времена и в других местах женщин сжигали на кострах. Она особенно сильно почитала Деву Марию, в честь которой строила храмы и часовни. В 430-х годах Константинополь наполнился новооткрытыми святынями, связанными с Марией, такими, как ее риза, ее пояс и ее прижизненный образ, написанный святым Лукой, и каждую такую святыню помещали в новом роскошном здании. Такой горячий культ Марии был в то время новшеством, хотя соответствовал церковному благочестию – это было не отклонением, а скорее передовым явлением. Однако Пульхерия претендовала на удивительно высокий статус в церкви и отождествляла себя с Девой Марией, *Theotokos*, носившей Бога. Императрица принимала высокие титулы, такие, как Невеста Христова, и действовала в церкви и как «матриарх», и как августа. Она стала как бы верховным жрецом, или понтификом, необычного культа Марии, и вместе со своими последовательницами, девами и святыми женами, выделялась на торжественных богослужениях в церквях, которые уже тогда считались величайшими храмами христианского мира. Хотя Пульхерия демонстрировала верность учению церкви, ее собственное благочестие напоминало о поведении членов женских гностических сект, которые христианские церкви осудили еще два столетия назад[157].

Официально Пульхерия никогда не правила Восточной империей, но она оказывала такое сильное влияние на ее политику, что фактически с 414 по 440 год была ее единовластной правительницей. Она пользовалась статусом старшей сестры императора. Когда в 408 году умер ее отец Аркадий, ей было девять лет, а ее брату, новому правителю Феодосию II, – только семь. Она явно повзрослела быстрее брата, так что уже в пятнадцать лет начала оказывать влияние на религиозную политику империи. Она взяла власть в свои руки в 414 году, положив конец правлению евнухов. Вот как о ней отзывается ее поклонник и биограф Созомен:

> Она совершала все деяния от имени своего брата и с великим тщанием воспитывала его как престолонаследника, выбирая для него все самое

---

[156] Цитата «Она прежде всего посвятила…» из Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 419. См. также Horn, *Asceticism and Christological Controversy*. О женском христианском благочестии в античности см. Lynda L. Coon, *Sacred Fictions* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1997); Krawiec, *Shenoute and the Women of the White Monastery*; Nicola Frances Denzey, *The Bone Gatherers* (Boston: Beacon, 2007).

[157] Kate Cooper, «Empress and Theotokos», in Swanson, *Church and Mary*, 39–51; Limberis, *Divine Heiress*.

> лучшее и то, что соответствует его возрасту. Она пригласила самых умелых учителей, чтобы те учили его верховой езде, владению оружием и письму. Но и сама сестра постоянно учила его достойным и царственным манерам: она показывала, как он должен носить одежды, садиться и ходить, сдерживать смех, быть мягким или грозным, когда того требуют обстоятельства, и вежливо исследовать дела тех, кто обращается к нему с прошениями[158].

Она в буквальном смысле учила брата ходить и говорить. Некоторые биографы утверждают, что она даже выбрала и подготовила для него невесту – Евдокию. Если это правда, Пульхерия должна была об этом пожалеть, поскольку Евдокия стала ее отчаянным врагом.

Кроме того, Пульхерия желала, чтобы ее брат вел строго благочестивый образ жизни. «Она учила его часто посещать церковь и оказывать уважение дому молитвы, давая ему дары и сокровища, она также внушила ему благоговейное отношение к священникам и другим достойным мужам»[159]. Ее усилия увенчались полным успехом. Феодосий II регулярно постился, особенно по средам и пятницам.

> Он превратил свой дворец в подобие монастыря: он вместе со своими сестрами вставал рано утром и читал молитвы и гимны, прославляющие Бога. Благодаря этому он выучил Священное Писание наизусть, и часто он рассуждал о Писании с епископами так, как будто сам давно был священнослужителем.

Монофизиты сохранили историю о том, как Феодосий II написал знаменитым египетским инокам письмо, в котором жаловался на то, что не может родить наследника. Иноки ответили ему, что это соответствует воле Божией, поскольку после его смерти религиозная жизнь придет в страшный беспорядок и Бог не желает, чтобы у императора родился сын, который бы участвовал в этих порочных делах. Император поговорил с супругой, и они решили с этого дня жить целомудренно[160].

Феодосий II и его сестры выделялись не только личным благочестием, но и стремлением вводить ортодоксию с помощью силы, что напоминало Испанию при королеве Изабелле в 1490 году. По иронии судьбы, семья Феодосия имела испанские корни: Феодосий I вырос в Испании, а его жена Флацилла была испанкой. Если воспользоваться термином из более поздней истории, можно сказать, что Пульхерия по своему складу тяготела к Крестовым походам. В самых разных культурах встречаются юные девушки, которых сильно привлекает религия, и некоторые из них желают стать монахинями или посвятить свою жизнь добрым делам. Таковой была и Пульхерия, только в ее распоряжении была вся военная мощь империи. Еще в 414 году, когда ей было только пятнадцать лет, Пульхерия внушила своему брату мысль очистить бюрократический аппарат государства от последних оставшихся там чиновников, которые сохранили верность язычеству. В 421 году она вынудила империю объявить войну Персии, другой сверхдержаве той эпохи, из-за того, что в Персии шли преследования христиан[161].

---

[158] Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 419.

[159] Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 419.

[160] Цитата «Он превратил свой дворец…» из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 164–165. О девственности императора см. Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu,* 105.

[161] Об Испании см. Michael Kulikowski, *Late Roman Spain and Its Cities* (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2004). О христианстве в Персии см. Elizabeth Key Fowden, *The Barbarian Plain* (Berkeley: Univ. of California Press, 1999); Joel Thomas Walker, *The Legend of Mar Qardagh* (Berkeley: Univ. of California Press, 2006).

Эпоха нетерпимости

Пульхерия в большей мере, чем ее современники, мечтала о создании не просто христианской империи, но империи, которая воюет за истину и стремится к единообразию веры, то есть за такой режим, который применяет всю свою силу, чтобы установить повсеместное царство ортодоксии. Можно по праву назвать августу предтечей самых воинственных средневековых представлений о христианском мире. Сходство станет еще сильнее, если мы вспомним, что в ее представлении Римская империя должна была сражаться с врагами под знаменами Девы Марии.

Больше всего от такого нового порядка пострадали евреи. Конфликт между христианством и иудаизмом становился все острее в конце IV века, и в 380-х годах Иоанн Златоуст обрушился на иудеев и на иудеохристиан с такими обвинениями, которые на протяжении последующих веков принесли самые злые плоды. Иоанн обвинил иудеев в убийстве Бога: поскольку они повинны в распятии Христа, они виновны в страшном преступлении против Бога. Позднее эту тему развивал папа Лев. Разумеется, это обвинение было тесно связано с тогдашними спорами о природе и личности Христа: слова об убийстве Бога ярко свидетельствовали о понимании идентичности того, кто умер на Голгофе. Один инцидент той эпохи показывает, как изменился религиозный климат. В 388 году в Месопотамии епископ города Каллинике возглавил толпу, разгромившую синагогу. Император Феодосий I велел бунтарям восстановить ее за свой счет, даже если для этого придется использовать средства церкви. Это возмутило иерархов, так что великий святой епископ Милана Амвросий написал яростный протест против такого богохульства – под последним он понимал не осквернение синагоги, но ее восстановление. В том же году император запретил браки между христианами и иудеями под страхом смертной казни[162].

> Иоанн Златоуст обрушился на иудеев и на иудеохристиан с такими обвинениями, **которые на протяжении последующих веков** принесли самые злые плоды

Его потомки продолжали развивать эту традицию. В 415 году Феодосий II отнял у иудейских общин их привилегии, а в 425 году его правительство предало казни последнего нази, то есть главу иудейского синедриона, представителя древнего рода, который столетиями сохранял эти традиции. Политика Феодосия II – или, правильнее сказать, Пульхерии – привела к разрушению константинопольских синагог и изгнанию еврейского населения города[163]. В 439 году Феодосий II издал закон, запрещавший иудеям и самарянам служить чиновниками и лишавший их гражданских прав, а также запретил строить новые синагоги или ремонтировать старые, которые уже разваливаются. Обращение христианина в иудаизм грозило смертью и конфискацией имущества для участвовавшего в этом еврея. В эти годы стала популярной версия о кровавом навете, что отражает климат эпохи. В Сирии группу иудеев обвинили в том, что они ради насмешки распяли христианского мальчика, который от этого скончался. Сам император распорядился сурово наказать преступников. О том, как дурно обстояли дела в империи, свидетельствует и инцидент в 480-х годах, когда антиохийские христиане громили синагоги и выкапывали тела мертвецов из могил, чтобы жечь их на

---

[162] Robert Louis Wilken, *John Chrysostom and the Jews* (Berkeley: Univ. of California Press, 1983); Charlotte Elisheva Fonrobert, «Jewish Christians, Judaizers, and Christian anti-Judaism», in Burrus, *Late Ancient Christianity*, 234–254. Об инциденте в Каллинике см. Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 137–138, 158. О критике нетерпимости той эпохи см. Paula Frederiksen, *Augustine and the Jews* (New York: Doubleday, 2008).

[163] См. Scott Bradbury, *Severus of Minorca* (New York: Oxford Univ. Press, 1996).

кладбищах. Это повергло в ужас императора Зенона. Если они на такое способны, спрашивал он, почему они не жгли живых иудеев вместе с мертвыми?[164]

Во времена Феодосия II жестокость репрессий смягчалась лишь благодаря тому, что при дворе присутствовал еще один важный и более мирный влиятельный игрок – императрица Евдокия. Дочь софиста или учителя риторики, Евдокия продолжала вести диалог с языческими мыслителями и пыталась, как могла, защитить и язычников, и иудеев. Эти разные подходы к религиозной политике привели к тому, что двор разделился на сторонников Евдокии и сторонников Пульхерии, и эта домашняя война повлекла за собой рост влияния монофизитов в 440-х годах. Соперничество придворных окрашивало собой тогдашние богословские споры[165].

> В эти годы стала популярной версия о кровавом навете, **что отражает климат эпохи. В Сирии** группу иудеев обвинили в том, **что они ради** *насмешки распяли* христианского мальчика, **который от этого** скончался. **Сам император** распорядился сурово наказать преступников

Истинные и ложные христиане

Подобная религиозная политика наряду с тенденцией «защищать веру» отдельных епископов Александрии и других мест оборачивалась невиданной ранее нетерпимостью по отношению к религиозным меньшинствам. Это обостряло христологические споры, повышая ставки, потому что все понимали, что проигравшие станут противниками правительства и законов. Богословские споры стали игрой с нулевой суммой, исход которой накладывает неизгладимый отпечаток на весь мир.

Тот факт, что новая христианская империя была готова обрушить гонения на альтернативные христианские секты, требует объяснения. Отдельные ревнители из христиан могли с крайней нетерпимостью относиться к иным верованиям, однако имперские власти не нуждались в таком фанатизме, тем более что он порождал практические проблемы при управлении обширной и неоднородной империей. Однако положение дел изменилось к концу IV века. В 360-х годах неудача последней попытки возродить язычество, предпринятой императором Юлианом Отступником, показала, насколько глубоко христианство укоренилось в империи, что усилило стремление к поддержанию единства веры на официальном уровне. Церковь стала важнейшим фактором имперской политики, а не просто смиренной служанкой, которая с благодарностью принимает милости государства[166].

Поворотным моментом здесь стало правление Феодосия I, ученика Амвросия из Милана. Этот император пришел к власти на фоне кризиса после битвы при Адрианополе в 378 году, когда казалось, что римский мир уже обречен умереть. Хотя Феодосию удалось снова установить власть Рима, он всегда ощущал, что империя нуждается в божественной защите и что, если долготерпение Божие истощится, ее ожидают ужасающие бедствия[167].

---

[164] О законах против иудеев см. Jacob Rader Marcus, ed., *The Jew in the Medieval World* (Cincinnati, OH: Hebrew Union College Press, 1999), 5–6. Millar, *Greek Roman Empire*, 84—129. О распятии в насмешку см. Socrates, «Ecclesiastical History», 161; Elliott Horowitz, *Reckless Rites* (Princeton: Princeton Univ. Press, 2006), 215–217; Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu,* 102–103. О погромах в Антиохии см. Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*, 2–3; Walter de Lange, «Jews in the Age of Justinian», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 510–534.

[165] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 282–283; M. D. Usher, *Homeric Stitchings* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1998).

[166] Stuart George Hall, «Ecclesiology Forged in the Wake of Persecution», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 470–484.

[167] Stephen Williams and Gerard Friell, *Theodosius* (New Haven: Yale Univ. Press, 1994); Neil B. McLynn, *Ambrose of Milan* (Berkeley: Univ. of California Press, 1994); Bill Leadbetter, «From Constantine to Theodosius», in Esler, *Early Christian World*, 1:258–292.

К концу десятилетия в империи сложилась система официальных расследований **и применения санкций на местном уровне,** которую можно считать предтечей **будущей инквизиции**

Феодосий I сделал христианство официальной государственной религией империи и стремился поддерживать единообразие веры с помощью политических мер. Он ценил не просто христианство в целом, но веру в ее ортодоксальной никейской форме и ненавидел соперников ариан, отрицавших полное равенство Бога Отца Богу Сыну. Он систематически искоренял всех сторонников арианства даже в Константинополе, где они были особенно сильны. С 380 года епископы, склонные к арианству, должны были покинуть свои посты либо признать ортодоксию, а рядовым верующим из ариан запретили собираться в церквях. Неортодоксальным группам, включая последователей Аполлинария, запретили называть своих предводителей епископами или священнослужителями, а места, где они собираются, называть церквями. К концу десятилетия в империи сложилась система официальных расследований и применения санкций на местном уровне, которую можно считать предтечей будущей инквизиции. Некоторые группы понесли куда более тяжелые потери. Так, в 382 году Феодосий распорядился предать смертной казни монахов, исповедовавших манихейство[168].

Феодосий I передал свою традицию использования власти церковным иерархам V века, которые участвовали в войне, охватившей всю церковь. Они могли вспомнить, какой угрозой было арианство до тех пор, пока в битву не вступил сильный и решительный император, и как через несколько десятилетий на фоне гонений ариане стали незначительным – по крайней мере, в масштабах империи – меньшинством. Это стало ободряющим примером того, как можно искоренять новые ереси. Кроме того, подобно своему предшественнику Константину, Феодосий использовал для своей борьбы за ортодоксию такое средство, как Великий вселенский собор, прошедший в Константинополе в 381 году[169].

Кроме того в 380-х годах христианская церковь впервые стала свидетелем события, предвещавшего мрачное будущее, – официальной казни еретика. Один епископ по имени Присциллиан – также испанского происхождения – основал пуританскую и строго аскетическую секту, члены которой подозрительно относились к браку и материальному миру. Он навлек на себя гнев военачальника, который соперничал за престол с Феодосием I и желал показать свою приверженность ортодоксальной вере. По приказу военачальника Присциллиан был обезглавлен. В данном случае в казни нельзя обвинить ни Феодосия I, ни церковь. Самые выдающиеся и окруженные почетом иерархи Запада – включая папу Сириция, Амвросия Медиоланского и святого Мартина Турского – осудили как этот судебный процесс, так и казнь. Кроме того, формально Присциллиан был казнен по обвинению не в ереси, но в колдовстве – это было обычным уголовным преступлением по римским законам. Но так возник прецедент: государство убило еретика. В перспективе будущих религиозных споров это событие стало знаковым[170].

В 380 – х годах христианская церковь впервые стала свидетелем **события, предвещавшего мрачное будущее, –** официальной казни еретика

В 390 году власть церкви неимоверно усилилась, поскольку Феодосий I продемонстрировал готовность ей повиноваться, так что это скорее напоминало Средневековье в период

---

[168] Freeman, *a.d.381*; R. P. C. Hanson, *The Search for the Christian Doctrine of God* (Edinburgh: T. & T. Clark, 1988); Ferguson, *Past Is Prologue*. О ранних законах против манихеев см. Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 95. Об отношении Феодосия к последователям Аполлинария см. Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 95–96.

[169] Rubenstein, *When Jesus Became God*, 211–231; Freeman, *a.d.381*; Chadwick, *Church in Ancient Society, 415–432.*

[170] Virginia Burrus, *The Making of a Heretic* (Berkeley: Univ. of California Press, 1995); Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 151–155. О последователях Присциллиана в V веке см. Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 12:20–26.

расцвета папской власти. Когда в Фессалониках бунтовщики убили римского полководца, Феодосий в соответствии с римскими традициями дал приказ своим войскам разграбить город. Возмущенный такими насильственными действиями Амвросий, епископ Милана, закрыл перед императором дверь церкви и отказал ему в причастии, призвав Феодосия подчиниться Богу и принести покаяние. Как пишет историк Феодорит, «воспитанный в Слове Божием, Феодосий ясно понимал, что принадлежит иереям, а что царям. Потому он, преклонив голову, выслушал упрек Амвросия и со стенанием и слезами возвратился в свой дворец». На протяжении веков христиане вспоминали эту историю как яркий пример ситуации, где светская власть понимает свое место в божественном порядке, а художники изображали ее на своих полотнах. Современному же наблюдателю – включая многих христиан – может показаться, что здесь церковь агрессивно присваивает себе власть государства. После публичного покаяния Феодосий был снова допущен в церковь. Вскоре после этого он выпустил новые законы против языческих обрядов и одобрил разрушение языческих храмов, первоначально в городах. Приказ о разрушении сельских храмов вышел несколько лет спустя[171].

Эта суровая традиция Феодосия была воспринята следующим веком. Кроме новых жестоких мер, направленных против язычников и иудеев, государство начало регулировать жизнь соперничающих христианских общин, вступив в борьбу не только с ересями, но и с расколами. К раскольникам относились христиане, в целом верные ортодоксии, но откололовшиеся от официальной церкви из-за какого-либо несогласия. Эти несогласия могли сводиться к личным отношениям или к конфликтующим интересам групп либо касались каких-то отдельных доктринальных положений. В церкви нередко возникали расколы, и разумные иерархи церкви понимали, что такие вещи случаются и проходят. В течение IV века не менее четырех раз появлялись какие-то альтернативные кандидаты на престол Антиохии. Обычно раскольников на время отлучали от причастия в надежде, что через какое-то время добрые отношения будут восстановлены[172].

> Теперь даже тот факт, что ты христианин, не спасал **тебя от санкций государства. Необходимо** было исповедовать определенную правильную версию веры, *которую определили* церковь и империя

Однако в V веке положение вещей стало постепенно изменяться: отлученных от общения с официальной церковью людей стали все больше воспринимать не как принципиальных оппонентов, но как злостных врагов истинной веры, заслуживающих суровых кар. Это произошло в случае новатиан – ортодоксальной группы христиан, которая создала у себя самостоятельную иерархию. В 430-х годах в Риме, Александрии и других местах сторонники ортодоксии начали отнимать у новатиан церкви, что вынудило последних уйти в подполье. Теперь даже тот факт, что ты христианин, не спасал тебя от санкций государства. Необходимо было исповедовать определенную правильную версию веры, которую определили церковь и империя, – если, конечно, мы вправе думать, что первую можно было отделить от второй[173].

---

[171] Об Амвросии см. Theodoret, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 3:143; Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 140–142; McLynn, *Ambrose of Milan*. О разрушении храмов см. Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 261; Sozomen, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 393–394; John Moorhead, *Ambrose* (New York: Longman, 1999); Freeman, *a.d.381*.

[172] J. Rebecca Lyman, «Heresiology», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 296–314; W. H. C. Frend, *The Donatist Church* (Oxford: Clarendon, 1985).

[173] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 158.

Истоки ненависти

Религиозный мир стал куда более холодным местом, но нельзя в этом винить исключительно Феодосия и его суровых потомков или отдельных людей, таких, как Пульхерия. Императорская семья, несомненно, определяла религиозную политику, но она бы не смогла оставить такой глубокий отпечаток на эпохе, если бы эти меры не соответствовали расхожим представлениям и тенденциям тогдашней культуры. Более того, некоторые императоры отнюдь не разжигали нетерпимость, но старались утихомирить агрессивных иерархов, жаждавших устроить гонения. Даже если бы династия Феодосия не стояла у власти, имперским правителям было бы нелегко противостоять стремлению церкви участвовать в политике и растущей враждебности по отношению к иным верам и догматам[174].

Необыкновенный накал споров между христианами, которые приобретали как бы космическое значение, нам поможет понять богословие. Согласно представлениям той эпохи, некоторые вопросы были столь важными, что любое неверное их понимание было не просто ошибкой, но сознательным отвержением христианства. Когда инакомыслящие совершали ошибки и оказывались в одной компании с язычниками или иудеями, они тем самым переходили на службу дьяволу – а христианское общество никак не может мириться с кознями сатаны! Ветхий Завет также явно призывал к нетерпимости. Опираясь на эти священные тексты, пророки и священники видели свой долг в том, чтобы постоянно сражаться против лжерелигий, опираясь на помощь государства, которое должно было поддерживать истину. Праведный царь должен был искоренять ошибочные мнения. Те же тексты содержали угрозы тем верным, которые проявляют чрезмерную терпимость.

> Ментальность людей Античности или Средневековья радикальнее всего **отличалась от нашей тем,** что, как верили древние **люди, земные** *ошибки влекут* за собой **космические последствия**

Несмотря на обращение империи, у христиан сохранился их традиционный дух битвы против мира. И даже в эпоху не виданной ранее политической безопасности христиане продолжали думать о насилии и гонениях и о верных до смерти мучениках. Когда префект Орест выразил недовольство (вполне обоснованное, как мы помним) поведением Кирилла Александрийского, монахи сразу же стали воспринимать его как языческого гонителя веры, в соответствии с привычными схемами трех-четырех предшествовавших тысячелетий. Почему же еще кто-либо будет выступать против святого епископа христиан? Распространенный культ мучеников усиливал такое подозрительное отношение к гражданским властям[175].

Кроме того, христиане все еще жили в мире, где язычество оставалось повседневной реальностью, а ощущение опасности внешней и внутренней всегда усиливает религиозную нетерпимость. Рамсей Мак-Мюллен считает, что к 400 году «весь Левант, от южной части Евфрата до Египта, был обращен не более чем наполовину». Язычество с его роскошными храмами и тайными ритуалами все еще процветало. А в 541 году император послал знаменитого епископа Иоанна Эфесского бороться с язычеством на западе Малой Азии – на территории, которая одна из первых услышала христианскую проповедь еще во времена апо-

---

[174] Freeman, *a.d.381*.

[175] W. H. C. Frend, «Martyrdom and Political Oppression» in Esler, *Early Christian World*, 2:815–839; Elizabeth A. Castelli, *Martyrdom and Memory* (New York: Columbia Univ. Press, 2004); Virginia Burrus, *Saving Shame* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2007).

стола Павла. Несмотря на все усилия христиан в течение пяти прошедших веков, Иоанну удалось найти и обратить семьдесят тысяч язычников[176].

Около 430 года множество христиан оставались обращенными в первом или втором поколении, так что они боялись вернуться к своим прошлым верам. При этом лидеры церкви пытались установить практические повседневные рамки и границы допустимого для веры. Они постоянно спорили о том, какие элементы этих древних вер и обычаев может перенять церковь. (Как это часто бывает, эти споры V века напоминают то, что происходит в современной Африке.) Иногда, чтобы нанести сокрушающий удар по противнику, его оппоненты говорили: в данном богословском положении нет ничего христианского, это просто языческие или иудейские учения, контрабандой протащенные в церковь. В ходе богословских дебатов V века постоянно слышались обвинения в попытке возродить язычество.

Ментальность людей Античности или Средневековья радикальнее всего отличалась от нашей тем, что, как верили древние люди, земные ошибки влекут за собой космические последствия. Современный человек задается вопросом: почему церковь не могла терпимо относиться к разным представлениям и доктринам, дав возможность представителям разных школ вступить в соревнование, чтобы в итоге восторжествовала истина. Такая либеральная доктрина, в конце концов, находит подтверждение в Писании. В Деяниях иудейский мудрец Гамалиил предупреждает соотечественников: не надо преследовать христиан, поскольку, если их идеи ложные, они будут забыты, а если истинные, им не следует противостоять. Но, придя к власти, церковь начала давать иной ответ на вопрос «Чем и кому это повредит?». Если, думали христиане, ошибки проистекают из греховной гордыни или по внушению дьявола, тогда терпимое отношение к ним влечет за собой гнев Божий в форме различных мировых катастроф: голода, засухи, поветрий, потопов, землетрясений или поражений в битвах. В Древнем мире было несложно указать на событие такого рода в каком-то месте, а в V веке катастрофы сыпались на империю в таком изобилии, что бойцом мог бы себя почувствовать даже самый умеренный проповедник.

Режим, который терпит ереси, распущенность нравов и ошибочные мнения, обречен на бедствия, и тогда уже никто не вправе упрекать Бога в несправедливости. Но борьба с подобными отклонениями ведет к процветанию и победам и империю, и ее население. Как заявил представитель императора в 449 году на Втором Эфесском соборе: «Дьявол, родоначальник всякого зла, никогда не прекращает свою войну против святых церквей. Благочестивейший император всегда противостоял его неправедным нападениям, справедливо понимая, что если он сам возьмет оружие в битве за веру, у его империи появится заступник». Сам Несторий, обращаясь к императору, просил: «Господин, дайте мне землю, очищенную от еретиков, и взамен я дам вам небо. Помогите мне разгромить еретиков, и я помогу вам покорить персов»[177]. Косвенно из этих слов вытекает и такой отрицательный вывод: при терпимом отношении к еретикам Бог даст победу персам или гуннам. Быть христианским императором – великая привилегия, но на нем лежала ужасная ответственность.

---

[176] Об Иоанне Эфесском см. Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*, 72. О сохранении язычества см. MacMullen, *Christianizing the Roman Empire a.d.100–400*, 83; Ramsay MacMullen, *Christianity and Paganism in the Fourth to Eighth Centuries* (New Haven: Yale Univ. Press, 1999). Raymond Van Dam, *Becoming Christian* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2003). О медленных темпах массового обращения см. Ramsay MacMullen, *The Second Church* (Atlanta, GA: Society of Biblical Literature, 2009).

[177] Цитата «Дьявол, родоначальник…» из Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 2:150. Парафразированные слова Нестория из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 169.

2. Соборы в хаосе

Я склонен избегать любых собраний епископов, потому что ни разу не видел, чтобы собор имел благое окончание или нашел бы лекарство от какого зла. Напротив, он обычно усиливает зло.
Григорий Назианзин

5. Не Матерь Бога?

Кирилл председательствовал, Кирилл был обвинителем, Кирилл судил! Кирилл был епископом Рима! Кирилл был всем!
Несторий

Имя Нестория связано с самыми яркими страницами истории христианства. На протяжении Средних веков великая многоязычная церковь осуществляла миссионерскую деятельность на огромных территориях Азии, и ученые называют эту церковь «несторианской». Многие восточные христиане почитают Нестория как блестящего учителя, ставшего жертвой ужасной несправедливости со стороны Римской империи. Даже сегодня Ассирийская церковь востока – прямая наследница великой несторианской церкви – служит литургию освящения, носящую имя Нестория. Однако сам Несторий был и величественнее, и скромнее, чем его легендарный образ. На самом деле он не был ересиархом, который разделил как Христа, так и его церковь, и, несомненно, он оказался жертвой закулисных игр и интриг. В то же время он сам был жестким и нетерпимым человеком, из-за чего его трудно представить себе невинной жертвой, последовавшей за Христом на крест: он также был готов приносить в жертву других[178].

Несторий – яркий пример человека, оказавшегося не на своем месте **и не в своем времени**

Несторий – яркий пример человека, оказавшегося не на своем месте и не в своем времени. Учитывая религиозную обстановку эпохи, о которой мы говорили, здесь трудно себе представить другой исход, кроме катастрофы. Став епископом Константинополя в 428 году, Несторий оказался в положении вора, вошедшего в хранилище банка, где в любой момент должна заработать та или иная система сигнализации – вопрос лишь в том, какая из них активируется первой и будет звучать громче других. Он был представителем антиохийской школы в то время, когда ее идеи навлекали на себя атаки церкви Александрии. Он настороженно относился к культу Девы Марии в тот момент, когда любое подобное сомнение неизбежно вызывало гнев императрицы Пульхерии, не говоря уже о ярости многих монахов и простых верующих. И все это происходило в Константинополе, где всего лишь за одно поколение до Нестория императрица вступила в союз с египтянами, чтобы низложить сирийского епископа. Все это делало ситуацию взрывоопасной. Можно было смело предположить, что падение Нестория – это лишь дело времени.

Труднее было предсказать отдаленные последствия события. Междоусобицы в Константинополе породили серию все более шумных богословских войн, в которых в итоге пали и многие враги Нестория, и многие его союзники[179].

---

[178] Ian Gillman and Hans-Joachim Klimkeit, *Christians in Asia before 1500* (Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1999); Jenkins, *Lost History of Christianity*.

[179] Millar, *Greek Roman Empire*, 157–167; Traina, *428 AD*.

Патриарх

Сириец Несторий родился на юге той территории, что сегодня зовется Турцией. Выдающийся слушатель школы Феодора Мопсуестийского, он прославился своими яркими проповедями. Благодаря общим корням в Сирийской церкви он подружился с Иоанном, новым патриархом Антиохии. Его перемещение в Константинополь свидетельствует о том, что он пользовался благорасположением со стороны императорской семьи, а в частности старшей сестры императора Пульхерии[180].

Нестория избрали в надежде, что он как человек посторонний сможет стоять выше отчаянного спора между отдельными группировками в столице, но он не оправдал этих ожиданий. С первых дней он начал принимать суровые меры, призванные устранить из столицы нехристиан и еретиков, что должно было нравиться его царственным покровителям. Уже через пять дней после своего рукоположения он распорядился разрушить арианскую часовню, что вызвало возмущение, сопровождавшееся рядом поджогов. В течение нескольких месяцев он занимался преимущественно борьбой с «неправильными» христианами – с новатианами, квартодециманами, последователями Македония, оставшимися приверженцами давно осужденных ересей или раскольниками. Несторий закрывал их церкви и запрещал им совершать богослужение. Он искренне верил, что богохульных соперников следует заставить замолчать, но у него были и другие скрытые мотивы. Он был чужаком в огромном городе, где многие священнослужители вовсе не были ему рады, и чтобы упрочить свое положение, он демонстрировал свою силу[181].

Кризис

По иронии судьбы, вскоре сам Несторий превратился в ересиарха. Все началось со споров о том, как следует обращаться к Деве Марии. С одной стороны, многие сильные люди в Константинополе стояли за титул *Theotokos*, Богородица или Матерь Божья, который уже использовался, возможно, два столетия, но теперь стал распространенным обращением. За это обращение стояли сама Пульхерия и важные духовные лица, такие, как Василий и Ипатий, бывшие архимандритами – то есть настоятелями над несколькими монастырями. Их поддерживали некоторые епископы, близкие к Пульхерии, такие, как Евсевий Дорилейский и Прокл Кизический. Напряженность положения усиливало то обстоятельство, что Прокл был кандидатом на константинопольский престол, но, к его разочарованию, архиепископом столицы выбрали Нестория[182].

Этот титул Марии вызывал опасения у служившего при Нестории священника Анастасия и у других клириков, которых Несторий привез с собой из Антиохии. Казалось, с богословской точки зрения титул *Theotokos* безупречен: если Иисус был Христос, а Христос был Богом, Мать Иисуса была фактически Матерью Бога. Но столь прямое отождествление Иисуса с Богом воспринималось как новая версия учения Аполлинария и противоре-

[180] E. B. Pusey, preface to E. B. Pusey and P. E. Pusey, eds., *St. Cyril of Alexandria: Five Tomes Against Nestorius* (Oxford: James Parker, 1881), xl – xliv; John Chapman, «Nestorius and Nestorianism», *Catholic Encyclopedia* (1911), vol.10, at http://www.newadvent.org/cathen/10755a.htm; Friedrich Loofs, *Nestorius and his Place in the History of Christian Doctrine* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1914).

[181] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 169–170; Traina, *428 AD*, 7–9, 34–38.

[182] О Прокле см. Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 169; D. F. Wright, «From 'God-Bearer' to 'Mother of God' in the Later Fathers», in Swanson, *Church and Mary*, 22–30. О Пульхерии см. Holum, *Theodosian Empresses*.

чило учению антиохийцев[183]. Критика такого обращения к Марии для Нестория была прямым продолжением его борьбы с сохранившимися ересями. Но в этот раз он атаковал более зловредного врага – представления Аполлинария, которые все еще пользовались популярностью в Константинополе.

В ноябре 428 года Анастасий произнес проповедь, содержавшую такое грозное предупреждение: «Да не дерзнет никто называть Марию *Theotokos*, ибо она была просто женщиной, а Богу невозможно родиться от женщины». Эти слова вызвали бурную реакцию. Если Мария не родила Бога, кого она родила? Не хотел ли Анастасий сказать, что Мария родила обыкновенного ребенка, которого нельзя считать подлинно божественным? Или Иисус был обычным человеком, который позже стал Богом? Сторонники Анастасия теперь восклицали: «Анафема да будет тот, кто называет святую Марию *Theotokos*». Это так напугало молящихся, что некоторые выбежали из церкви, а многие – включая монахов и светских благотворителей – не стали причащаться[184].

Несторий оказался перед неразрешимой дилеммой. Он мог публично отречься от Анастасия и его сторонников и тем самым избежать богословской бури, но этим он показал бы слабость своей власти и неспособность набирать команду подчиненных. Либо он мог вступиться за Анастасия, рискуя услышать обвинение в ереси уже в свой адрес. Он выбрал второй путь и произнес ряд бесед, где осуждал тех, кто неспособен отличить человеческое от божественного. По мнению Нестория, во Христе божественная и человеческая природа не достигали полного единения (*henosis*), но вступали в менее совершенный союз типа соприкосновения (*sunapheia*). Сочетание двух природ создавало одно лицо, *prosopon*, но это было нечто меньшее, чем ипостасное единение, за которое стоял Кирилл. Обращаясь к папе римскому Целестину, Несторий жаловался на то, что люди, говорящие о *Theotokos*, страдают тяжелым богословским недугом, «сродни зловонной язве Аполлинария и Ария. Ибо они сводят союз Господа с человеком к своего рода смешению»[185].

Матерь Божья

Критикуя термин *Theotokos*, Несторий прикоснулся к самой сердцевине христианского парадокса. Сегодня нас не шокирует это слово, поскольку молитва «Радуйся, Мария…» сделала выражение «Матерь Божья» привычным в западном мире на большинстве его языков. Однако из этого термина следовало, что юная девушка из отдаленного селения на окраине Средиземноморья была матерью Бога, сотворившего мир из ничего, создавшего солнце и звезды, заключившего завет с Авраамом и Моисеем, являвшегося в огне и дыме на Синае. Это возмущало тех, кто привык логически мыслить.

И особенно тревожились христиане, которые выросли в мире, наполненном образами великой и ужасной матери богини, предшественницы прочих богов, царствовавшей вместе с ними, – скажем, египетской богини Изиды или Кибелы, которую почитали в Малой Азии. Не означало ли это, что Матерь Бога – самостоятельная богиня, которая своим величием даже затмевает собственного сына? «Есть ли у Бога мать?» – вопрошал в проповеди Несторий. Как же мы сможем тогда обвинять язычников в том, что они придумали всех этих матерей для своих богов? Нет, утверждал он: «Творение не носило во чреве Творца, но она родила человека, орудие божества»[186].

---

[183] Young, *Nicaea to Chalcedon*; Wessel, *Cyril of Alexandria*.

[184] Цитата из Анастасия из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 170–171; «Анафема да будет…» из Pusey and Pusey, preface to *St. Cyril of Alexandria: Five Tomes* (hereafter referred to as Pusey, «Preface»), li; об отказе от причастия см. Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 258.

[185] Цитируется по Pusey, «Preface», xx, liv – lv.

[186] Цитируется по Pusey, «Preface», li.

Несторий не желал видеть христианское учение осквернённым чужеродными элементами, особенно когда их туда вносит народное благочестие, которое часто заимствует что-то у язычников. В те времена почитание Девы Марии становилось все более популярным, так что Мария превращалась в божественное существо, подобное Христу. Уже во II веке апокрифические евангелия распространяли представление о превознесенной Марии, вечной деве, чья жизнь походила на жизнь ее сына. К IV веку появилась идея о том, что она не умерла обычной смертью, но была вознесена на небеса. Образы Девы с Младенцем – иконы и статуи – стали самым распространенным сюжетом религиозного искусства, причем они походили на древние языческие образы богини с божественным сыном – Изиды и Гора. Епископ IV века Епифаний в своих трудах призывал четко отличать поклонение (*latreia*), подобающее Богу, от почитания (*proskunesis*), которое справедливо воздается Марии. Тот факт, что ему пришлось коснуться данного вопроса, указывает на то, что некоторые христиане эту границу нарушали[187].

> Несторий не желал видеть христианское учение осквернённым чужеродными **элементами, особенно когда их туда** вносит народное благочестие, которое **часто заимствует** *что-то у язычников*

Как бы то ни было, проповеди Нестория разъярили его слушателей, которые увидели в нем откровенного ересиарха. Усугубило его положение и то, что он произносил эти проповеди около Рождества, праздника в честь рождения Христа. Казалось, Несторий умаляет значение Христа и Марии – а тем самым, согласно популярным представлениям, задевает честь слушателей. К достоинству Христа с особой ревностью относились монахи, считавшие себя небесными воинами на передовой линии духовной битвы против сил зла. В этой битве им постоянно нужно было подкреплять себя Евхаристией, Телом Христовым, но доктрина двух природ умаляла святость и божественность таинства, придавая ему характер символического воспоминания. Теория двух природ лишала их оружия, необходимого для духовной битвы[188].

Чем больше противники Нестория размышляли над его идеями, тем опаснее им представлялись их последствия. Если Христос действительно обладал двумя природами, обе они достойны поклонения: как Иисус, так и Христос, – и в результате божество начинало казаться чем-то вроде собрания богов на горе Олимп. Или, быть может, Несторий предлагает нам верить в собрание или ассоциацию божественных лиц, что напоминает представления гностиков о божественной *pleroma*, Полноте. Историк VI века Евагрий видел в Нестории в буквальном смысле участника дьявольского заговора по разрушению церкви. Архиепископ должен также быть иудействующим, который видит во Христе великого пророка, наподобие Моисея, но не воздает должного его божественному статусу. В Нестории вернулась к жизни ересь эбионитов, древних иудеохристиан[189].

Несторий оказался без почвы под ногами и не знал, что делать. Он предложил называть Марию *Christotokos*, Христородицей или Матерью Христа, но этот компромисс ему мало помог, потому что это можно было понять так: «Мать, родившая ребенка, который в какой-то момент стал Христом» (а когда именно это произошло?). И идея рождения ставила новые богословские проблемы. Как учит Евангелие от Иоанна, Логос существовал прежде начала

---

[187] Price, «Marian Piety and the Nestorian Controversy», in Swanson, *Church and Mary*, 31–38; Jaroslav Pelikan, *Mary through the Centuries* (New Haven: Yale Univ. Press, 1996); Luigi Gambero, *Mary and the Fathers of the Church* (San Francisco: Ignatius, 1999); Stephen J. Shoemaker, *The Ancient Traditions of the Virgin Mary's Dormition and Assumption* (New York: Oxford Univ. Press, 2006); Rubin, *Mother of God*.

[188] Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 141; Douglas Burton-Christie, *The Word in the Desert* (New York: Oxford Univ. Press, 1993).

[189] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 257–258.

времен, но слова Нестория предполагали, что он родился снова, когда вышел из утробы. Во время одной из проповедей Нестория его прервал епископ Евсевий, сказав, что если Несторий прав, «предвечное Слово получило второе рождение». Неужели Несторий думает, что творение совершилось дважды?[190]

На самом деле взгляды Нестория были далеки от приписываемых ему радикальных мнений. Позднейшие историки куда мягче относились к патриарху и пришли к выводу, что он оставался в рамках обычных представлений антиохийцев и был не так далек от того понимания догматов, что одержало победу в Халкидоне. Хотя он порой пользовался неудачными формулировками, фактически Несторий достойно сражался за сохранение человеческого образа Христа, за то, чтобы ноги Христа не оторвались от земли. В позднейшие века Несторием восхищались протестанты, которые считали, что он протестовал против суеверного поклонения Марии и стал предтечей позднейшего рационализма и научного исследования. Эта похвала столь же беспочвенна, что и критика современников Нестория, тем не менее, обороняющийся патриарх ставил перед церковью важные вопросы.

> Хотя он порой пользовался неудачными формулировками, фактически **Несторий достойно сражался за сохранение** человеческого образа Христа, за то, чтобы ноги *Христа не оторвались* от земли

Он не замечал, что ходит по минному полю. Слова, сказанные историком Сократом в защиту Нестория, обладают особой убедительностью, поскольку в целом Сократ относится к патриарху враждебно. Сократ говорит, что Несторий был глуп и опрометчив, но, несмотря на это, он не виновен в тех ересях, которые ему приписывали. Он, в отличие от Павла Самосатского, явно не полагал, что божественность сошла на Иисуса, когда тот вошел в воды Иордана. По мнению Сократа, в целом Несторий придерживался ортодоксальных взглядов и главным его недостатком было лишь плохое знание Писания и отцов церкви. Несторий вовсе не отрицал божественность Христа, он просто неправильно понял смысл загадочного слова *Theotokos*, которое его напугало, «как если бы оно было каким-то ужасным призраком»[191].

Враги

Духовенство Константинополя единодушно встало на защиту Матери Божьей. Епископ Прокл произнес торжественную проповедь, в которой оправдывал титул *Theotokos*, и его слова стали классическим текстом о почитании Марии, который изучали много веков спустя. Никакая похвала не воздаст должного Матери Бога. Мария была «нетронутым сосудом девства, раем духовным второго Адама, мастерской союза двух природ, рынком, где заключают договор о спасении, брачным чертогом, где Слово вступило в союз с плотью… рабой и матерью, девой и небом, единственным мостом для человечества». Такое понимание Марии у Прокла было тесно связано с его возвышенным представлением о Воплощении. «Мы не проповедуем обожествленного человека, – продолжал он. – Мы исповедуем воплощенного Бога». Такие эмоциональные речи понравились публике, все еще напуганной Анастасием. Кроме того, Прокл был учеником любимого народом Златоуста, все еще почитаемого в городе, где тот был архиепископом, – и это усиливало эффект его речи. Он также был тесно связан с Пульхерией. За несколько лет до того он восславил ее благочестие в таких хвалебных стихах, которые могли показаться молитвенным обращением к самой императрице[192].

---

[190] Относительно спора о термине *Christotokos* см. Pusey, «Preface», xlix; lv-lvi for Eusebius; xxi.

[191] Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 170–171.

[192] Проповедь Прокла цитируется по Maurice Wiles and Mark Santer, eds., *Documents in Early Christian Thought* (New York: Cambridge Univ. Press, 1975), 61–63. О прочих трудах Прокла см. Limberis, *Divine Heiress*; Nicholas Constas, *Proclus*

Константинопольские монахи и рядовое духовенство сообща выступали против своего патриарха. Они говорили, что еретик Несторий недостоин епископского сана, а иногда вслух противоречили ему во время церковного богослужения. Когда однажды монах пытался помешать Несторию войти в храм во время литургии, патриарх отдал его в руки светских властей: того избили и провели по городу, а затем Несторий распорядился о его ссылке[193].

Несторий использовал свои привычные тактики борьбы с еретиками и соперниками. Пользующийся всеобщим уважением архимандрит Василий, ставший одной из жертв Нестория, описал принятые против него меры в прошении императору: «Он немедленно приказал нас связать, затем нас избивало множество стражей порядка, нас повлекли в тюрьму, где раздели догола как узников, ожидающих наказания, привязывали нас к столбам, швыряли на землю и пинали ногами». Подобное обращение казалось особенно ужасным потому, что духовенство пользовалось неприкосновенностью в гражданских судах или отделывалось легкими наказаниями, но Несторий не признавал таких ограничений. «Измученные, голодные, мы долгое время оставались под стражей… В тяжелых оковах нас снова отвели в тюрьму, а затем привели в преторию тем же путем в узах. Поскольку обвинитель не явился, нас снова повели в тюрьму, где он опять распорядился избить нас, глядя нам в лицо с улыбкой».

Если мы вспомним о склонности местных монахов к бунту и о том, что они пользовались популярностью в народе, можно понять, что недовольство масс всерьез встревожило императорский двор. Василий даже сообщил императору, что Несторий устраивает такие бесчинства потому, что за ним стоят высокие покровители. Патриарх «полагается на свой гнев и на мощь некоторых подкупленных лиц, а также (дерзну сказать) на Ваше Величество». Это предел того, что мог себе позволить подданный империи, оставаясь без наказания, когда он обвиняет императора в том, что тот позволяет своим подчиненным творить великую несправедливость[194].

Но самыми грозными врагами Нестория были царственные женщины. Он уже навлек на себя гнев Пульхерии, не разрешив ей принимать причастие в алтаре вместе с императором. Хотя это право принадлежало исключительно императору, Пульхерия ранее добилась этой привилегии для себя, сославшись на свой обет девства и особенно на свой священный статус. Несторий также нападал на окружавшее ее женское благочестие. Он распорядился удалить изображение Пульхерии с почетного места над алтарем великой церкви и пытался ограничить участие женщин в ночных богослужениях, видя в этом оправдание безнравственному поведению. Позже он также говорил, что всеми превозносимое девство Пульхерии было обманом[195].

Когда Несторий выступил против обращения *Theotokos*, чаша терпения Пульхерии переполнилась: она увидела в этой хуле на Деву Марию личный выпад против себя самой. В своей автобиографии Несторий объясняет, что Пульхерия была источником многих его проблем. Здесь он не называет имени той, кого обвиняет:

> …Вздорная женщина, царевна, молодая девушка, которая сражалась против меня, потому что я не поддался ее внушению и не стал сравнивать женщину, осквернённую мужчинами, с Невестой Христовой. Я так поступил, имея жалость к ее душе и чтобы не становиться главным

of Constantinople and the Cult of the Virgin in Late Antiquity (Leiden: Brill, 2003).

[193] Pusey, «Preface», liii; for Dalmatius, lxxxviii.

[194] О том, как Несторий расправлялся с противниками, см. Pusey, «Preface», lii – liv. Цитаты «Он немедленно приказал…» из Pusey, «Peface», lii; «Измученные, голодные…» из Pusey, «Preface», liii.

[195] Limberis, *Divine Heiress*, 59.

служителем алтаря среди тех, кого она неправедно выбрала. Я просто упоминаю ее, потому что она была моим другом, и потому я умолчу и скрою все о ее маленькой душе, понимая, что она была просто юной девицей. Вот почему она сражалась со мной[196].

Из Египта

Проповеди Нестория быстро распространялись по всей империи. Вскоре Кирилл Александрийский написал: «Нет такого города или селения, где бы не обсуждались эти вопросы, где бы люди не спрашивали: «Что за новое учение появилось в церквях?» К началу 429 года эти проповеди читали и обсуждали в египетских монастырях. Встревоженный распространением лжеучения о столь важном предмете Кирилл Александрийский быстро разослал монашеским общинам письма, в которых излагал свой взгляд на ортодоксальную доктрину. Он был искренне возмущен идеями Нестория, которые, казалось, приводят к идее о двух богах в одном лице и близки к политеизму. Либо, думал он, Несторий видит в Иисусе просто пророка, которому, тем не менее, следует поклоняться, как прежде язычники поклонялись героям-богам. Это было не менее опасным заблуждением, чем первое, хотя на самом деле Несторий не имел в виду ни первого, ни второго[197].

В то время Кирилла занимали и другие проблемы: он участвовал в решительном сражении внутри своей церкви. В частности, в тот момент группа египетских епископов, которых он пытался приструнить, обратилась за поддержкой к императору. Кирилл протестовал, утверждая, что это явно дурные люди: один из них, по его словам, обманул слепого, второй обнаженным мечом угрожал собственной матери. Однако Несторий не согласился на просьбу Кирилла оставить это дело без рассмотрения. Это усилило возмущение Кирилла, и у него появилась причина устроить новый суд, который отвлек бы внимание от его собственных дел. Точно таким же образом началось сражение египтян со Златоустом за тридцать лет до того[198].

Подрыв доверия к Несторию служил долговременным интересам Александрии в ее борьбе с Константинополем. С юридической точки зрения Кирилл находился в невыгодном положении, поскольку по новым законам и обычаям даже самые почетные епископы утратили право вмешиваться в дела чужих юрисдикций, так что Александрия не имела никакой власти над Константинополем. Подобное вмешательство можно было оправдать только экстремальной ситуацией, требующей неотложного решения, – скажем, случаем, когда почтенный епископ внезапно начинает провозглашать ереси, угрожающие сохранению ортодоксии в христианском мире. Кириллу было важно показать, как страшны ошибки Нестория. Хотя Александрия находится вдалеке от императорского двора, теперь Кирилл может показать, что она куда лучше защищает ортодоксальную веру. Кроме того, низложение Нестория позволило бы нанести удар по его родной церкви в Антиохии, так что этот ход позволял Кириллу бороться с двумя соперниками сразу. Кампания александрийского патриарха против Нестория была отчасти направлена и против более знаменитых антиохийцев – учеников Феодора Мопсуестийского[199].

---

[196] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 96.

[197] Цитата из Кирилла по Pusey, «Preface», lxiv; см. также lviii. *St. Cyril of Alexandria: Letters,* trans., John I. McEnerney, 2 vols. (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 1987). Об александрийских представлениях самого Кирилла см. Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:432–434.

[198] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 12:197–198.

[199] Grillmeier, *Apostolic Age to Chalcedon*, 451–488.

Что бы он ни думал в тот момент, позже Несторий в течение долгих лет размышлял о своем падении. Оглядываясь на прошлое, он жаловался на то, что Кирилл создал себе мощную партию в Константинополе и, с помощью сети агентов и посланников (мы бы их назвали лоббистами), подрывал доверие к Несторию в церкви и при дворе. И фактически, говорит Несторий, Кирилл боролся просто за свое личное влияние. Он также обвинял Кирилла в том, что тот сопротивлялся любой попытке достичь компромиссного соглашения:

> И вот клирики Александрии, стоящие за него, убедили константинопольских, обманув их, что им не следует принимать выражение «Матерь Христа», и те возмутились и устроили шум, ходя по всем местам и призывая всех им помочь; потому что его клирики извещали его обо всем этом[200].

Несторий считал, что Кирилл искал повода напасть на него только потому, что Константинополь не смог дать ему достаточно взяток, дабы предотвратить буйство. На самом деле Кирилл вымогал деньги, угрожая тем, что в противном случае события будут развиваться так же, как то было в случае Златоуста, и, когда деньги не поступили, разгорелся пожар.

Кирилл против Нестория

Конфликт усилился, когда Несторий прочитал обращение Кирилла к монахам, содержавшее прямую атаку на взгляды константинопольского патриарха. Несторий ему возразил, и Кирилл ответил – от имени собрата или сослужителя, который пытается исправить ошибку, но при этом достаточно резко. Несторий отвечал в том же духе. Он начинает один из ответов так: «Я не стану обращать внимания на оскорбление в наш адрес, содержащееся в твоем необыкновенном письме». Разговаривая же об этом со своими друзьями, Несторий постоянно называет соперника «египтянином», как будто ему невыносимо произнести само имя Кирилла. С середины 429 года между ними завязалась переписка, которая имеет огромное значение для христианской мысли позднейших времен[201].

Подробнее всего Кирилл изложил свои соображения в своем втором письме, которое приобрело высокий авторитет, сравнимый с авторитетом великих соборов. Здесь он развивает свое учение об ипостасном союзе и с силой утверждает идею воплощения, которая, как он показывает, оправдывает использование слова *Theotokos*.

> Выражение: «Слово стало плотью» – означает только то одно, что Слово приняло нашу плоть и кровь; наше тело Оно усвоило Себе, и от Жены произошел человек, не перестав быть Богом, рожденным от Бога Отца, и при восприятии плоти пребыв тем, чем Он был.

Нам следует называть Марию Божьей Матерью «не потому, что естество Слова или божество его началось от Святой Девы, но потому, что от нее родилось святое тело, имеющее разумную душу, с которым Слово соединилось ипостасно, то есть родилось по плоти»[202].

Несторий возражал ему прямо в посланиях, которые, по мнению сторонников Кирилла, были «исполнены богохульства», хотя нынешние исследователи, как правило, их таковыми не считают. В первую очередь Несторий отрицал то, что «единосущное божество способно страдать или что тот, кто совечен Отцу, может в какой-то момент родиться либо воскреснуть». Но помимо философской аргументации Несторий ставил важный вопрос о том, как

---

[200] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 100, 349–351, парафразировано.

[201] Pusey, «Preface», lviii – lx.

[202] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 12:197–198.

люди познают Бога. И здесь его взгляды покажутся современному читателю более близкими по духу, чем взгляды Кирилла с его ссылкой на авторитет и особенно с его подходом к интерпретации Писания[203].

Несторий стремился опираться на библейские тексты, и, как добрый антиохиец, он читал Новый Завет исторически – как текст, укорененный во времени, а не как энциклопедию мистических символов. И прежде всего он подчеркивал, что Новый Завет «говорит о рождении и страдании не божества, но *человечества* Христа, так что Пресвятую Деву правильнее называть матерью Христа, чем Матерью Божией»[204]. Евангельские тексты явно указывают на Марию как на мать Иисуса, а не Христа. Такие позднейшие богословские термины, как Матерь Божья или Логос, были бы здесь анахронизмом. Евангелия говорят: «и была там мать Иисуса», «Мария, мать Иисуса».

По его мнению, идея Кирилла об ипостасном союзе упраздняла человеческую сторону Христа. Если читать Библию, мы действительно увидим в ней именно эту сторону Христа и его страдания, как бы читатель ни стремился понимать все это «в духовном смысле». Это история о:

> …человеческом страхе и предательстве… о распятии, забивании гвоздей, о поданной ему желчи, о других невзгодах, о том, как он предал свой дух Отцу, преклонив главу, как его сняли с креста, умастили благовониями и погребли, о том, как он воскрес на третий день, о виде его тела, о его словах, о том, как он учил их не думать, что он кажущееся тело, но истинное тело, плоть[205].

Докеты и другие еретики считали, что и тело, и человеческая природа Христа были иллюзией, и Несторий полагал, что Кирилл подобным образом умаляет значение Христа как человека. Как нелепо мнение о том, что Несторий «превращает Христа в простого человека, тогда как в самом начале моего посвящения я издал закон против тех, кто считает Христа просто человеком, и против других еретиков»[206].

Кирилл в ответ приводит цитаты из Нового Завета, но можно видеть, что он предпочитает тексты мистического и потустороннего содержания. Он оказывает явное предпочтение двум книгам: Евангелию от Иоанна, а также весьма платоническому и наполненному символами Посланию к Евреям. Естественно, он выделяет два ключевых стиха из Иоанна: «Кто видел Меня, видел Отца» и «Я и Отец – одно». Использование Кириллом Писания в других его трудах озадачивает современных читателей. Подобно всем другим христианам древности, Кирилл смело обращается к ветхозаветным отрывкам, в которых принято было видеть пророчества о Христе. Но в силу приверженности александрийской школе он явно перегибает палку, находя здесь взаимосвязи и параллели. Он особенно любит так называемый анагогический метод толкования, позволяющий увидеть в случайных упомянутых в тексте материальных предметах символ духовной реальности или то, что на нее указывает. В своем трактате «Схолии о воплощении», написанном примерно в те годы, Кирилл подтверждает свое учение с помощью ряда ветхозаветных отрывков, в том числе из Пятикнижия и Псалтыри. В Пятикнижии говорится о том, как Бог в пустыне повелел сделать ковчег из дерева, покрыв его чистым золотом, и этот текст, думает он, помогает нам понять воплоще-

---

[203] Выражение «исполнены богохульства» из Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:433–434; послание Нестория к Кириллу можно найти на сайте http://www.monachos.net/library/Nestorius_of_Constantinople,_Second_Epistle_to_ Cyril_of_Alexandria.

[204] Цитата из второго послания Нестория, приведена на сайте http://www.tertullian.org/fathers/cyril_against_nestorius_00_intro.htm.

[205] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 92.

[206] Pusey, «Preface», xxi – xxii.

ние. «Бог Слово соединен со святой Плотью… Ибо золото, покрывавшее ковчег, осталось таким, каким было, а дерево получило богатство славы золота, но не перестало быть деревом». «Множество доказательств» указывало на то, что ковчег был прототипом (образом или предзнаменованием) Христа[207].

Кирилл находил множество свидетельств о божественности Христа в Книге пророка Исайи, которую христиане изучали так внимательно, что она почти обрела статус пятого евангелия. В одном отрывке здесь говорится о том, как ангел взял горящий уголь с алтаря и вложил его в уста пророка. Вот оно, говорит Кирилл, «можно увидеть в угле образ Слова Бога, соединенного с человеческой природой, причем Слово не утратило свое существо, но скорее преобразило то, что восприняло или с чем соединилось, в свою славу и свое действие». Огонь охватил дерево, но не изменил природы дерева – так надлежит думать и о Христе[208]. Быть может, этот текст полон мистики и благочестия, но как библейское основание для христологии Кирилла он далеко не убедителен.

Несторий беспокоился – и не без разумных оснований, – что Кирилл в своей попытке защитить божественность Христа заходит слишком далеко. Читая сегодня послания Кирилла, мы спрашиваем себя: осталось ли здесь хоть что-то от Иисуса человека или чем Бог, умерший на кресте, отличается от Отца, Создателя вселенной? Один из величайших современных исследователей этого спора Френд пишет: «Христос Кирилла остается абстракцией, его человеческая сторона настолько поглощена божественным, что ее просто невозможно различить… Его мышление не опирается на Писание, несмотря на все оставленные им комментарии к библейским книгам»[209]. В своем неутомимом стремлении показать, что Христос не был просто человеком, Кирилл настолько без всякой меры выпячивал божественность Иисуса, что приближался – как считал Несторий – к доктринам Аполлинария.

Кирилл, как беспокоился Несторий, не только был неправ в своем главном аргументе, но и рисковал впасть в более серьезные ереси, включая дуализм, который отделяет материальный мир от духовного. Он призывал Кирилла подумать, не обманут ли тот скрытыми еретиками из Александрии или Константинополя, включая осужденных и изгнанных манихеев. Кирилл стоит на опасном пути: он может начать видеть во Христе лишь божественного гостя, постороннего наблюдателя на земле. Сторонник Нестория Ива Эдесский отмечал, что Кирилл «пошел по неверному пути и оказался в той яме, где находится учение Аполлинария». Евангелия, напоминал Ива, говорят о теле Христа как о храме, предполагая, что божественное в нем отлично от человеческой формы. Но Кирилл этого не может понять. Подобно Аполлинарию, Кирилл «писал, что сам Бог Слово стал человеком таким образом, что невозможно отличить храм от того, кто в нем обитает»[210].

> Ненавидимый Кириллом и его единомышленниками Несторий был не реальным **человеком, но воображаемым злодеем, созданным** из слов, которые вырваны из контекста

Несторий также отмечал, с каким цинизмом Кирилл и его последователи перевирали его слова, чтобы его очернить. Ненавидимый ими Несторий был не реальным человеком, но воображаемым злодеем, созданным из слов, которые вырваны из контекста. В одной из своих проповедей Несторий провозгласил: «Мария, друзья мои, родила не Божество; она родила

---

[207] Евангельские цитаты из Ин 14:9 и Ин 10:30 приведены в третьем послании Кирилла, см. Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 201–205. Цитата о ковчеге из P. E. Pusey, ed., *Cyril of Alexandria: Scholia on the Incarnation of the Only-Begotten* (Oxford: James Parker, 1881), 196.

[208] Pusey, *Cyril of Alexandria: Scholia*, 194.

[209] Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 125.

[210] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:295–296.

человека, орудие Божества, неотделимое от него». Кирилл цитировал Нестория так: «Мария, друзья мои, родила не Бога». Несторий на это возражал: «Если здесь заменить Божество на Бога, смысл сказанного сильно меняется». И это полная правда[211].

Крестовый поход Кирилла

Как это часто бывает в подобных полемических перепалках, каждая сторона могла думать, что одержала победу, но Кириллу было недостаточно победить оппонента в споре. Он принимал меры к тому, чтобы свергнуть и уничтожить противника, ощущая себя крестоносцем. В истории Александрийского патриархата говорится: «Кирилл прибег к оружию своих отцов, Александра и Афанасия, надел броню веры своих предшественников, которые передали ее церкви святого евангелиста Марка, и вышел на войну, подобно Давиду, с сердцем крепким во Христе, который есть Бог».

Он созвал епископов Египта, которые заявили, что нынешняя ситуация необыкновенно опасна – настолько опасна, что здесь требуются чрезвычайные меры: вмешательство в дела другой провинции. Они сравнивали Нестория с самыми печально известными ересиархами двух предшествовавших столетий: «Хотя Арий с его последователями, и Павел [Самосатский], и Мани, и прочие еретики не были патриархами, они сбили с истинного пути множество людей. Как может такой человек оставаться патриархом Константинополя?»[212]

Кирилл искал поддержки у всех других епископов, кого только он мог уговорить, и среди прочих его сторонником стал папа Целестин, что сыграло решающую роль в дальнейшем развитии событий. Для египтян Римский престол имел огромные преимущества, поскольку наследники Петра пользовались огромным авторитетом, а также потому, что Рим стоял вдалеке от традиционной борьбы за власть между церквами Востока. В начале 430 года Кирилл разослал подборку свежих текстов и писем главам различных церквей, включая папу Целестина. У папы в этом деле были свои интересы. Он не претендовал на роль глубокого богослова (Несторий считал, что он слишком доверчив и прост, а потому не сможет поддерживать Кирилла), однако Кириллу удалось убедить папу в том, что эта ситуация опасна для церкви. Кроме того, в Риме настороженно относились к растущему влиянию константинопольского престола, и здесь можно было преподать ему важный урок. Среди прочего, Несторий вызывал недовольство Целестина тем, что в письмах обращался к нему как к равному по статусу, как брат к брату, как бы показывая, что слава Нового Рима не уступает славе Старого[213].

Целестин поручил своему диакону Льву исследовать, насколько справедливы опасения Кирилла. После проведения местного собора в августе 430 года папа представил Несторию ультиматум с жесткими сроками. Несторию надлежит в течение десяти дней «с помощью открытого исповедания в письменной форме отказаться от безбожного новшества, которое ведет к разделению того, что соединяет Священное Писание», и учить о Христе именно так, как это делают церкви Рима и Александрии и как раньше делал Константинополь. В противном случае его ждет отлучение[214].

В ноябре того же года Кирилл, зная, что Рим на его стороне, написал Несторию третье послание, где он излагал свои взгляды резче и грубее, чем раньше. Тем самым Кирилл объявил Несторию войну:

---

[211] Pusey, «Preface», xxii.

[212] Цитата «Кирилл прибег к оружию…» из Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:437; «Хотя Арий…» – из Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:433.

[213] Pusey, «Preface», xxi.

[214] Pusey, «Preface», lxvi; Wessel, *Leo the Great*, 209–257.

> Кто поможет нам в День судный или чем мы оправдаем то, что так долго хранили молчание относительно твоей хулы на [Христа]? Если бы ты вредил лишь самому себе тем, что учишь таким вещам и веришь в них, это было бы не таким важным делом, но ты сеешь соблазн по всей церкви и распространяешь среди людей закваску странной и новой ереси[215].

В этом третьем послании, которое часто цитируют, Кирилл требует, чтобы все христиане признали его учение об ипостасном союзе, отказавшись проводить разделение между человеческим и божественным. К письму прилагались двенадцать анафематизмов, каждый из них описывал определенное богословское заблуждение и завершался предупреждением: кто в это верит, да будет предан анафеме. (См. приложение к данной главе «Двенадцать анафематизмов».) Эти анафематизмы использовались как формула ортодоксии на протяжении последующих десятилетий, так что они повлияли на развитие официальной христологии церкви. Но их можно было интерпретировать по-разному. Кирилл столь решительно противостоял Несторию, что в созданных им формулировках легко было увидеть поддержку теории одной природы. Особенно это касается двенадцатого анафематизма, где проклинается тот, кто «не исповедует Бога Слова пострадавшим плотью, распятым плотью, принявшим смерть плотью». Это было лобовой атакой не только на Нестория, но и на все антиохийское богословие[216].

Вместе с другими епископами Кирилл обратился к императору с просьбой созвать собор для исследования убеждений и поведения Нестория. Это было непростым делом, поскольку здесь косвенно предполагалось, что Феодосий II выбрал дурного архиепископа. При этом нельзя было сказать, что Несторий вначале был прекрасной кандидатурой, а потом, став главой церкви, постепенно соскользнул в ересь. Он занимал свой пост лишь два года, и Феодосий в какой-то мере нес ответственность за убеждения Нестория. Но Кирилл умело сыграл на знаменитом благочестии Феодосия, считавшего себя защитником церкви. Кириллу помогал его посланник при дворе императора архимандрит Виктор, которого Феодосий глубоко уважал за святость и аскетизм. Кроме того, Феодосий знал, что в столице легко возникают беспорядки, так что он вынужден был принять какие-то решительные меры. В ноябре 430 года император распорядился о проведении собора в древнем городе Эфесе, на западе Малой Азии. Собор был должен открыться 7 июня 431 года, в день Пятидесятницы – праздник сошествия Святого Духа на апостолов. Кроме того, эта дата была знаменательна и тем, что ровно за пятьдесят лет до того Феодосий I созвал другой великий собор в Константинополе, что напоминало о славе императоров[217].

Однако было неясно, согласится ли Феодосий II превратить собор в суровый суд, как того требовал Кирилл. Хотя Несторий вызвал недовольство двора, Кирилл также оттолкнул от себя императора тем, что устроил этот шумный скандал. Феодосий написал Кириллу письмо, которое можно вольно пересказать примерно так: «Ты должен был знать, что я забочусь об этих религиозных предметах. Что же заставило тебя действовать здесь самостоятельно? Это наполняет смущением всю церковь и вызывает беспорядки. Где же твои осторожность, мудрость, сдержанность, здравый смысл? Знай же: что бы ни произошло, ты будешь за это отвечать»[218]. Император также осудил Кирилла за то, что тот искал поддержку у двора и членов императорской семьи. Когда начнется собор, Кирилл должен туда своевременно явиться и не проявлять самовластия или не говорить того, чего ему не позволено.

---

[215] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 201–205, парафраз.

[216] См. подробный разбор анафематизмов у Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 206–218.

[217] Millar, *Greek Roman Empire*.

[218] Pusey, «Preface», lxix – lxxi, парафраз.

Когда мы сегодня читаем это письмо, может показаться, что Феодосий готовит собор, чтобы окончательно разгромить Кирилла, так что можно предположить, что он ожидал наступления этого события в страхе и трепете.

Несторий же, как ни странно, был рад такому повороту событий – вероятно, он думал, что тем лучше докажет свою невиновность. Он сам просил собрать ученых и богословов, чтобы обсудить предмет спора, но Вселенский собор также не был для него неприятной неожиданностью. Фактически, он надеялся, что собор осудит Кирилла, а не его, поскольку (как он думал) Кирилл высказывает идеи, которые слишком напоминают учение Аполлинария. Папу Целестина удивила радость Нестория ввиду предстоящей битвы. Несторий мог рассчитывать на благожелательное отношение Феодосия, а также имел сильных сторонников, в частности Иоанна, епископа Антиохии. Намечалось великое столкновение: Александрия вместе с Римом выступали против Константинополя вместе с Антиохией. Иоанна беспокоила мощь сил, ополчившихся против Нестория, и он советовал своему другу сделать необходимые уступки. Обращение *Theotokos*, как считал Иоанн, не было столь уж неприемлемым, поскольку многие отцы ранее его употребляли. Но Несторий рвался в битву[219].

Горячее лето в Эфесе

Нам известен весь ход событий собора, мы знаем все его отвратительные подробности и грязные дела участников так же хорошо, как знаем, например, о закулисной политике США столетней давности. В V веке так же создавались подробные отчеты о ходе соборов, поскольку их участники были склонны к легализму и знали, что эти записи наверняка будут использоваться в позднейших спорах[220].

Предполагалось, что в работе собора примут участие представители разных восточных церквей, а также церквей Африки и Запада. В каком-то смысле Эфес был удобным местом для встречи, поскольку сюда было несложно добраться и морским, и сухопутным путями. Однако традиции этого города работали не в пользу Нестория. Эфес гордился тем, что связан с апостольским веком. Было принято думать, что святой Иоанн привез сюда Деву Марию после распятия Христа, так что это было не лучшее место для обсуждения вопроса о статусе Девы на небесах. Кроме того, епископ Эфеса Мемнон испытывал неприязненное отношение к Константинополю и потому имел причины радоваться низложению Нестория, так что с точки зрения церковной политики это также было невыгодно последнему[221].

Слыша выражение «Эфесский собор», мы думаем о хорошей структуре и организации, но в реальности ничего подобного не было. Прежде всего, мы представляем себе духовенство, собравшееся в определенный день в определенном здании, которое ведет дебаты и голосует. На практике труднее всего было собрать всех участников в определенный день – это стоило жизней в буквальном смысле слова. Одни группы прибывали на несколько недель раньше других, что во многом объясняется сложностями путешествия. Кто-то оказался на месте уже на Пасху, но многие другие все еще были в пути и на Пятидесятницу, семь недель спустя. Кирилл прибыл с гигантским отрядом из пятидесяти епископов, тогда как с Несторием их было только шестнадцать, другие епископы также приехали с подкреплением: Ювеналий Иерусалимский с духовенством Палестины, Флавиан из Филипп с македонцами[222].

---

[219] О предостережениях Иоанна см. Pusey, «Preface», xlvii – xlviii, lxvii; о реакции Целестина см. Pusey, «Preface», lxix.

[220] Millar, *Greek Roman Empire*, 235–248; Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 172. John Chapman, «Council of Ephesus», *Catholic Encyclopedia* (1909), vol.5 на сайте http://www.newadvent.org/cathen/05491a.htm.

[221] Stefan Karwiese, «The Church of Mary and the Temple of Hadrian Olympios» in Koester, *Ephesos, Metropolis of Asia*, 311–320; Vasiliki Limberis, «The Council of Ephesos» in Koester, *Ephesos, Metropolis of Asia*, 321–340.

[222] О ходе собора см. Wessel, *Cyril of Alexandria,* 138–190; McGuckin, *St. Cyril of Alexandria: The Christological*

Слыша выражение «Эфесский собор», мы думаем о хорошей **структуре и организации, но в реальности ничего** подобного не было

К концу заседаний на соборе собралось около 250 епископов, каждый в сопровождении двух священников и диакона. Это означает, что всего собралось около тысячи человек, если не считать слуг, работников, телохранителей и всевозможных иждивенцев, а также светских стражей порядка. Надо полагать, что тем летом город, куда приехало несколько тысяч человек, был переполнен. Это можно сравнить с нынешним грандиозным съездом в большом городе, хотя, вероятно, в Эфесе было куда сложнее обеспечить проживание прибывших.

Разновременный приезд участников объясняется не только трудностями путешествия. Епископы не без оснований боялись, что их могут подстерегать разные неприятности – что они могут сделать политически неверные шаги или навлечь на себя немилость властных группировок придворных. Иные из них справедливо опасались за свою жизнь и безопасность. Все слышали, как Кирилл с помощью толпы расправлялся с врагами в Египте, а он привез с собой свирепых египетских монахов, ревностных последователей аввы Шенуды. Угрозы насилия ярко отражены в официальной летописи Александрийского патриархата, что не с лучшей стороны характеризует Кирилла. Несторий, как известно из документов, выражал свои опасения императору: «Епископов много, и я боюсь, что они меня убьют». (В 449 году на соборе именно это произошло с Флавианом, преемником Нестория по константинопольскому престолу.) Противники Нестория клялись защищать ортодоксию до смерти, если это необходимо[223].

Феодосий II нашел опасения Нестория небезосновательными и послал с ним патриция Кандидиана, а также влиятельного чиновника комита Иринея с вооруженными стражами порядка, архиепископ же пригласил с собой «великую толпу своих приверженцев». Кандидиан играл на соборе противоречивую роль. Он действовал по приказу императора и должен был строго соблюдать нейтралитет, но некоторые источники описывают его как друга и защитника Нестория, который всегда стоял за его интересы. Его солдаты не слишком уважительно относились к епископам, сопровождавшим Кирилла и Мемнона. Фактически самые спорные решения Кандидиана можно объяснить стремлением сохранить нейтралитет, поскольку он пытался сделать все возможное, чтобы собор не превратился в шумный спектакль, поставленный египтянами. Александрийцы же видели в нем знакомый тип чиновника, который пытается приструнить церковь, но в итоге должен будет сдаться, если столкнется с серьезным сопротивлением. Они вспоминали префекта Ореста, которого Кирилл успешно поставил на место за несколько лет до того. Они были искренне изумлены, увидев, что Кандидиан не уступает, и стали воспринимать его как слугу дьявола. Это отозвалось на судьбе позднейших соборов, куда египтяне стали приезжать со своими вооруженными сторонниками, думая, что это необходимо для самозащиты[224].

Но куда более важной фигурой из оппозиции египтянам был Иоанн из Антиохии, и ожидание его приезда стало главной темой переживаний собравшихся в Эфесе. 6 июня он послал весть, что прибудет через пять, в крайнем случае шесть дней, но он еще не приехал и 21 июня, как и большинство его епископов, и его отсутствие много для всех значило. Оно давало Несторию прекрасную возможность отложить начало слушаний: как может собор считать себя голосом церкви, если на нем не присутствуют важнейшие представители Сирии

Controversy, 1—107. Leo Donald Davis, *The First Seven Ecumenical Councils* (Wilmington, DE: Glazier, 1983).

[223] Слова Нестория приводятся по Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:438. Janet A. Timbie, «Reading and Rereading Shenoute's 'I Am Amazed'», in Goehring and Timbie, *World of Early Egyptian Christianity*.

[224] Millar, *Greek Roman Empire*, 168–191; Pusey, «Preface», lxxiii; Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 106. Относительно мнения египтян о Кандидиане см. Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:438–439. Слова «великая толпа…» из Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 172.

и Востока? Кандидиан согласился с тем, что собор без представителей важнейших восточных епархий незаконен, так что надо отложить его открытие[225].

Однако многим епископам не нравилась перспектива жить в Эфесе в неопределенности, вдали от своих родных мест, пользуясь незнакомой и негигиеничной пищей и водой. Это была территория нынешней юго-западной Турции в самый разгар жары, так что епископы стали вымирать в буквальном смысле этого слова. Следует также вспомнить, что в ту эпоху римский мир с его многочисленными банями и благовониями уступил место аскетическому христианству, самые святые и ревностные приверженцы которого из благочестия отказывались мыться. Монахи, особенно собранные в большом количестве, должны были пахнуть так сильно, что современный западный человек не мог бы этого перенести. Сторонники и противники Нестория смотрели друг на друга, задавая себе один вопрос: какая сторона сломается первой? Участникам стало казаться, что Иоанн прибудет в неопределенном будущем – как будто речь шла о Втором пришествии Христа.

> Перспектива жить в Эфесе в неопределенности, вдали от своих родных **мест, пользуясь незнакомой и негигиеничной** пищей и водой, не нравилась многим **епископам. В самый** *разгар жары* они стали **вымирать в буквальном** смысле **этого слова**

Наконец, силы противников Нестория одержали победу, так что 22 июня собор был открыт, несмотря на отсутствие Иоанна. В нем участвовало 155 епископов, тогда как 68 прочих подписали прошение к Кириллу с просьбой не начинать без участия Антиохии. Однако большинство взяло верх. Они собрались в зале, где на главном почетном месте лежало Евангелие как знак присутствия Христа. Но практически собрание возглавил Кирилл, который действовал как от своего имени, так и от имени папы, который официально одобрил расследование дела Нестория. Как обычно, для укрепления своей позиции Кирилл щедро одарил всех нужных действующих лиц[226].

Однако законность заседаний собора вызывала сомнения, и дело было не только в том, что на нем не присутствовало большинство епископов Сирии. С одной стороны, папа передал собравшимся определенные полномочия, но с другой – действовал порядок, предписанный императором, и даже самые амбициозные церковные деятели признавали, что император весомее папы. Нельзя также было сказать, что здесь было сохранено равновесие между партиями противников и сторонников Нестория. Это не был честный поединок двух соперников, где каждый обладал законным статусом и где они могли бы открыто защищать свои позиции. Формально Несторий был уже отлучен от церкви, поскольку он не выполнил условия ультиматума, присланного ему папой в прошлом году. Следовательно, его слова ничего не значили и (во всяком случае, при жестком следовании правилам) он вообще не должен бы был заседать на соборе. Епископ Эфеса Мемнон уже закрыл свои церкви для сторонников Нестория, которые утратили статус добрых христиан[227].

Однако законность процедуры требовала присутствия Нестория и его сторонников, но он отказался явиться. По большей части Несторий и его друзья не участвовали в заседаниях собора, отказываясь признать его легитимность, поскольку на нем не было духовенства Антиохии и некоторых представителей церквей Запада. Они пытались представить собор как чистую самодеятельность отдельных епископов. Кандидиан также заявил свой протест и отослал жалобу императору.

---

[225] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 259–261; Pusey, «Preface», lxxix; Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 113–116.

[226] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 350.

[227] Wessel, *Cyril of Alexandria.*

Некоторое время борьба партий продолжалась в такой форме. Несторий сидел у себя дома со своими союзниками, куда к нему постоянно приезжали делегации от собора. Критики говорили, что он прячется за крепкими стенами под защитой вооруженных людей Кандидиана, как если бы Несторий вел войну с собором и со всем миром, но ситуацию можно было понимать по-разному, в зависимости от того, к какой партии ты принадлежишь. Сам Несторий уверял, что солдаты присутствуют не для запугивания заседавших епископов, но для его защиты. «Вокруг моего дома пришлось поставить солдат для охраны, чтобы они не могли применить ко мне насилие и лишить меня жизни!»[228]

Поскольку Несторий самоустранился, собором дирижировал Кирилл. Несторий сетовал: «Разве не ясно даже глупцу, что он вмешивался во все?» Кириллу помогали Мемнон, а также Ювеналий Иерусалимский, причем последний исполнял функцию заместителя главы собора. Это был рискованный ход, поскольку Ювеналий, хотя он и был патриархом, должен был подчиняться митрополиту Кесарии и антиохийскому патриарху. Однако он действовал на равных с «настоящими» патриархами. По иронии судьбы, в прошлом сам Кирилл спорил с Ювеналием, считая, что последний высказывает чрезмерные претензии на почетный статус Иерусалимского престола. Но в данном случае Кирилл имел в его лице ценного союзника[229].

Поскольку всем заправляли люди Кирилла, результат собора был предопределен. Секретарь Кирилла зачитал собору ряд обвинений, в том числе переписку александрийского патриарха с Несторием. Собор должен был решить, кто из них верен учению церкви, отраженному в писании и в решениях предыдущих соборов. Естественно, в данных условиях все поддержали Кирилла, после чего раздались крики: «Анафема Несторию!» Двое людей, которых считали друзьями Нестория, доложили о своих недавних беседах с ним. Первый, епископ Акакий, вызвал потрясение собрания, пересказав слова Нестория о том, что ребенка двух-трех месяцев от роду не следует называть Богом. Затем были зачитаны соответствующие отрывки из Писания и отцов церкви, которые подкрепляли точку зрения александрийцев[230].

Затем собор одобрил письмо папы об отлучении Нестория. Кроме того, собравшиеся отметили, что Несторий не принял их приглашения прийти и «не принял святейших богобоязненных епископов, которых мы к нему послали». Мы были вынуждены, продолжали они, исследовать его нечестивые мысли в его отсутствие. И, основываясь на всем этом, мы, «со многими слезами», поняли, что не можем не согласиться с приговором об отлучении. Несторий был лишен епископского сана. Под решением стояли подписи двухсот епископов (включая подписи за отсутствующих по доверенности). Нестория известили об этом письмом, где его фамильярно называли «новым Иудой»[231].

Поиск выхода

Когда 26 июня в Эфес прибыл Иоанн Антиохийский с восточными епископами, создалась еще более странная ситуация. Кандидиан сообщил ему обо всем, что происходило на соборе, сказав, что он пытался сделать все возможное, чтобы собравшиеся не спешили выносить окончательное решение. Иоанн пришел в ужас от случившегося и винил во всем происшедшем Кирилла. В качестве ответной меры он собрал другой собор из сорока трех епис-

---

[228] Парафраз из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 135. О заседаниях собора см. Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 191–242.

[229] Слова Нестория из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 133.

[230] См. Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 135–140.

[231] Цитата «Не принял…» по Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 237–239; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 261; Chapman, «Council of Ephesus», *Catholic Encyclopedia.*

копов, на котором были низложены Кирилл и Мемнон. Иоанн совершил это не столько ради верности Несторию или его идеям, сколько из-за того, что прошедшие заседания собора показались ему насмешкой над тем, что должно быть. Сирийцы также – не без оснований – заявили, что на ход собора повлияло золото Кирилла. Однако они обсуждали не только его поведение, но и его богословие. Сирийцы потребовали от собора отречься от двенадцати анафематизмов Кирилла, которые с такой силой подчеркивали единство Христа с Богом. Как, вопрошали они, Кирилл может утверждать, что «Слово Бога» было распято во плоти? Феодорит Кирский заявил, что анафематизмы Кирилла сами содержат ересь – осужденные мнения Аполлинария и Ария. Ива Эдесский также пришел к выводу, что двенадцать анафематизмов «исполнены всякого нечестия… и противоречат истинной вере». Этот альтернативный собор не нравился жителям Эфеса, хранившим верность Мемнону: однажды, когда сирийские епископы шли в церковь, толпа забросала их камнями. Напряженность ситуации достигла наивысшей точки. Епископ Ива с горечью описывал эти дни такими словами: «Никто не осмеливался путешествовать из города в город или из одного края в другой, но каждый сражался со своим ближним, как если бы тот был врагом»[232].

Теперь уже обе партии обращались с прошениями к императору, который понял, что вместо достойного обсуждения проблем собор стал потенциальным источником ужасного раскола. «В горьком сожалении» Несторий заявил: «Пусть Мария зовется *Theotokos*, если вы так хотите, только давайте закончим эти споры!» Но он опоздал с этим заявлением на один год.

Император настаивал на примирении, и потому 11 июля собор был созван снова. Жара в это время стала еще невыносимее, а епископы все больше сердились и отчаянно мечтали уехать из Эфеса. Собор докладывал папе, что «многие, как епископы, так и клирики, страдали и от болезней, и от непосильных расходов, а некоторые из них даже скончались». Епископы сетовали: «Нас убивает горячий тяжелый воздух, и кого-то из нас хоронят почти каждый день; все слуги отосланы домой, а все епископы остаются в том же положении»[233].

Только приезд свежих папских легатов давал надежду на выход из тупика. Их приняли с удивительным восторгом, так что, когда были зачитаны их верительные грамоты от папы Целестина, епископы приветствовали их восклицаниями, которые на вкус современной аудитории отдают чем-то вроде девизов сталинской эпохи: «Вот справедливый суд! Слава Целестину – новому Павлу! Новому Павлу – Кириллу – слава! Да здравствует Целестин – хранитель веры! Слава Целестину, единодушному с Собором! Собор благодарит Кирилла! Целестин и Кирилл едины!» Именно свое чувство облегчения епископы выразили в таких напыщенных восклицаниях, прославлявших Рим; позднее сторонники папства цитировали эти слова в спорах о первенстве папы. За Кириллом стоял святой Петр, его посланники подтвердили справедливость приговора, вынесенного Несторию[234].

> Когда были зачитаны их верительные грамоты от папы Целестина, **епископы приветствовали их восклицаниями, которые** на вкус современной аудитории отдают чем&то вроде девизов *сталинской эпохи*

Тем не менее на соборе оставался нерешенным вопрос об обвинениях в адрес Кирилла со стороны сирийцев. В свою очередь, Кирилл с Мемноном убедили большинство участни-

---

[232] Pusey, «Preface», lxxx, lxxxi – lxxxiv; Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 226–229; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 261. О беспорядках в Эфесе см. Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 266–268. Мнение Ивы об анафематизмах см. Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:296–297; здесь же содержится замечание Ивы «Никто не осмеливался…». До нас дошло также несколько обстоятельных писем Феодорита, где он описывает эти события, см. Theodoret, «Letters», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 3:323–342; Clayton, *Christology of Theodoret*, 135–166.

[233] Pusey, «Preface», xxix.

[234] Chapman, «Council of Ephesus», *Catholic Encyclopedia*.

ков собора выступить за низложение Иоанна и тридцати трех его сторонников. Так церкви Востока вступили в открытую войну.

На Константинополь

Хотя партия большинства подписала суровый приговор Несторию, надлежало его вручить, подобно современной повестке о вызове в суд, и придать ему официальный статус, то есть довести его до сведения двора императора. Несторий сопротивлялся на обоих фронтах и не желал принимать послание собора. Тем временем Кандидиан разгонял демонстрации в поддержку собора и распорядился срывать со стен наклеенные копии послания. По версии александрийцев, он арестовал Кирилла, хотя здесь трудно восстановить хронологию событий. Солдаты Кандидиана арестовали Кирилла ночью, что, разумеется, напоминало александрийцам об аресте Христа и указывало на его мессианскую роль[235].

Хотя Кандидиан был вынужден освободить Кирилла, он жестко контролировал весь город и обмен информацией с ним. Дороги, ведущие из Эфеса, были под его наблюдением, так что никто не мог отослать послание в Константинополь, пока один переодетый епископ не вынес его, спрятав документ в своем посохе. Он передал его двум монахам, противникам Нестория, один из которых, по имени Евтихий, принимал участие в последующих богословских битвах. Тем временем Несторий и Кандидиан отослали свои послания, отражавшие другую сторону конфликта и содержавшие обвинения против Кирилла и Мемнона[236].

Хотя противники Нестория в Константинополе теперь располагали посланием собора, им еще предстояло склонить на свою сторону упрямого Феодосия. И здесь критически важную роль сыграл архимандрит Далматий, вступившийся за Кирилла. Далматий, в прошлом воин, жил затворником в монашеской келье, которую он никогда не покидал, и его почитали за суровую святость и аскетизм. Его ходатайство в 431 году было еще удивительнее тем, что ранее Далматий отказался покинуть свою келью даже тогда, когда император попросил его отслужить молебен о прекращении землетрясений. Но в этот раз «глас с неба повелел ему выйти. Ибо Бог не хотел, чтобы его стадо окончательно погибло». Город может выдержать землетрясения, но не Нестория[237].

Сам Несторий – конечно, не как бесстрастный наблюдатель – оставил описание волнений в Константинополе в том мучительно жарком июле. «Собрания священников и толпы монахов» проклинали его. Большинство из них обычно не могли терпеть друг друга, но здесь все прочие разногласия были забыты ради одной великой цели – низвержения их архиепископа. Они выводили на улицы огромные толпы своих сторонников, носивших на себе всевозможные символы героического благочестия и харизматической духовной власти:

> И они избрали себе особого руководителя и вождя, чтобы потрясенный император пошел на уступки: архимандрита Далматия, который много лет не покидал своего монастыря. В городе его окружало множество монахов, распевавших песнопения, чтобы весь город собрался к ним и они бы вместе предстали перед императором, помешав тому осуществить свой замысел. Ибо они заготовили все это заранее, чтобы им ничто не препятствовало, и явились с пением молитв к самому императору[238].

Быть может, другой император, глядя на эту толпу, остался бы тверд в своем решении, но только не Феодосий, которым управляли священники.

---

[235] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexndria*, 2:438–439; Pusey, «Preface», lxxxv.

[236] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexndria*, 2:440; Pusey, «Preface», lxxxvii – lxxxviii.

[237] Цитируется по Pusey, «Preface», lxxxviii.

[238] Все цитаты из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 272–273, парафраз.

Когда Несторий передает разговор императора с Далматием, он явно хочет напомнить читателю о суде над Христом, причем здесь сам Несторий занимает место Иисуса. Тут – более, чем в каком-либо другом месте повествования Нестория, – мы можем с уверенностью сказать, что он сочиняет легенду. Далматий играет роль иудейских священников и настаивает на наказании, после чего добрый Феодосий умывает руки. И как иудеи во время суда над Иисусом восклицают: «Кровь его на нас и на детях наших!» – так и Далматий якобы предлагает взять на себя вечное проклятие за все зло и нечестие, причиненное Несторию. И как только Феодосий получает для себя такое оправдание, он соглашается с Далматием и утверждает приговор[239].

Тем временем толпа ходит по всему городу – такой всплеск народных страстей в других обстоятельствах легко мог бы перерасти в бунт, который угрожал бы самой империи.

> Среди них был Далматий, возлежащий на одре, накрытом покрывалом; мулы носили его по всем улицам города, чтобы каждый узнал об их победе: они добились своего вопреки желанию императора. Их окружали толпы народа и монахов, все танцевали, хлопали в ладоши и восклицали хулы против того, кто был несправедливо низложен.

Вероятно – на этот раз мы можем верить повествователю – вместе со всеми здесь ликовали старые враги Нестория, в том числе еретики и раскольники, с которыми он так жестоко обращался, когда был при власти. Влившись в толпу, они хлопали в ладоши и без конца выкрикивали девиз того дня, напоминавший о единстве лиц во Христе: «Бог Слово умер! Бог Слово умер!»[240]

В конце июля собор снова утвердил свои решения против Нестория и на этом завершился. Теперь императору нужно было как-то навести порядок в отношениях между восточными церквами. Сначала он намеревался признать решения обоих соперничавших соборов, то есть, кроме Нестория, низложить также Иоанна, Кирилла и Мемнона. Такая «чистка» наивысших постов должна была казаться очень удобным выходом из сложившихся обстоятельств. Но в итоге император восстановил всех епископов, кроме Нестория. После кратковременного правления другого епископа престол Константинополя достался Проклу, верному стороннику Кирилла и любимцу Пульхерии. После всех этих событий Пульхерия обрела еще больше власти и еще энергичнее делала из Константинополя столицу великой империи, посвященную *Theotokos*.

Далее нужно было примирить Александрию с Антиохией. После долгих переговоров в 433 году, под сильным давлением императора, Кирилл и Иоанн признали патриархаты друг друга. Они также достигли исторического соглашения в доктринах, приняв Согласительное исповедание, что можно считать просто чудом, поскольку оно отражало общую богословскую почву для двух непримиримых городов. Это соглашение – вероятно, окончательную форму ему придал Феодорит – стало важным шагом к той формулировке, которая должна была одержать победу в Халкидоне: «неслиянное единение двух природ». Об Иисусе Христе там говорилось так:

> …Совершенный Бог и совершенный человек с разумной душой и телом, рожденный прежде веков от Отца в отношении божества, но подобным образом в последние дни ради нас и нашего ради спасения рожденный от Марии Девы по человечеству, единосущный Отцу по божеству и в то же время единосущный нам по человечеству. Ибо произошло единение [*henosis*] двух природ.

---

[239] Все цитаты из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 273–277.

[240] Все цитаты из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 277–278, парафраз.

Епископ Ива с удовлетворением отмечает, что это исповедание признает две природы: «и храм, и того, кто в нем обитает»[241].

Слова о двух природах были явной уступкой Антиохии, но александрийцы одержали свою победу: антиохийцы отреклись от Нестория и официально признали термин *Theotokos*:

> Сообразно с этой мыслию о неслиянном единении мы исповедуем Святую Деву как *Theotokos*, потому что божественное Слово воплотилось и вочеловечилось и с самого зачатия соединило с собой воспринятый от Нее храм.

Обе церкви признали, что их богословы по-разному интерпретируют положения Писания и отцов относительно этих предметов. Они «принимают одни объединяющими как относящимися к одному лицу [*prosopon*], а другие разделяющими как относящимися к двум природам»[242].

Это было великое достижение – и политическое, и богословское. Кирилл объявил о примирении, используя торжественные слова: «Да радуются небеса и да веселится земля!»

Последствия

Свергнутый с константинопольского престола Несторий удалился в комфортабельную ссылку в монастыре неподалеку от своего старого дома в Антиохии, где ему «оказывали всяческое почтение и подносили в знак уважения дары». Но его врагов беспокоило то, что он находится слишком близко к миру интеллектуальных споров. Они желали, чтобы Нестория сослали куда-нибудь подальше, где бы он лишился возможности распространять свои ереси. В 435 году император пожизненно выслал его в Аравию – это примерно то, что сегодня мы называем Иорданией или восточной Сирией. Затем приговор изменили, и Несторий отправился в Верхний Египет. Это место ссылки должно было особенно оскорбить Нестория, поскольку Египет был родиной самых яростных его врагов. Кроме того, в том же 435 году император запретил несторианам именоваться христианами[243].

> Если бы Несторий был типичным злодеем из благочестивой легенды, **он должен был бы прожить** остаток дней в муках и унижении, **после чего** *его бы ждал* страшный конец – **скажем, его** внутренности **выпали бы или бы** он умер в окружении ядовитых змей

Если бы Несторий был типичным злодеем из благочестивой легенды, он должен был бы прожить остаток дней в муках и унижении, после чего его бы ждал страшный конец – скажем, его внутренности выпали бы или бы он умер в окружении ядовитых змей. Некоторые повествования действительно склоняются к такой легенде, но реальность была куда сложнее. В частности, об этом рассказывает историк Евагрий, который с возмущением описывает «Нестория, дерзающего бранить Бога, этот второй совет Каиафы, эту мастерскую богохульства»[244]. Дикие кочевники, повествует Евагрий, захватили дом Нестория и невольно навлекли на него великое бедствие – они его освободили и перевезли в другой город. Хотя само по себе это событие не кажется слишком страшным, оно имело ужасающие последствия. Дело заключалось не в лишениях и трудностях пути, но в том, что из-за них Несторий

---

[241] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:298; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 262.

[242] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:178–183.

[243] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 271–272; Pusey, «Preface», lxxviii – lxxix.

[244] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 257.

нарушил императорский приказ и покинул место своей ссылки. Оправдываясь, он подробно описывает эту ситуацию:

> Варварские воины привели меня из Панополя в Элефантин, селение на краю провинции Фиваиды, куда вышесказанные приволокли меня силой; и затем, совершенно измученный, уже совершив большую часть пути, я получил устное распоряжение вернуться в Панополь. Затем, потрепанный из-за всяких неприятностей путешествия, пораженный болезнями и утомленный моим возрастом, с искалеченной рукой и боком, я прибыл в Панополь в крайнем истощении сил и все еще мучимый невыносимой болью, я, по вашему письменному приказу, получил письменный приказ от вас, из-за которого мне нужно было срочно перебраться на соседнюю территорию. Я полагал, что теперь такого рода распоряжения относительно меня закончились, полагая, что наши славные властители отнесутся ко мне с уважением, но здесь вышел очередной немилосердный приказ о моей четвертой высылке.

В то время Несторию было уже за пятьдесят, то есть по нормам той эпохи он уже достиг глубокой старости. Как злорадно заканчивает свой рассказ Евагрий, «затем черви объели его язык, и он отправился на самый великий и вечный суд, его ожидавший»[245].

Но Евагрий ошибался. Несторий дожил до семидесяти с чем-то лет, вероятно, где-то до 452 года, так что он успел услышать новости о Халкидонском соборе и невзгодах своих бывших врагов. Хотя он и не был оправдан, его длинная жизнь должна была в какой-то мере стать источником его удовлетворения, не говоря уже о том, что он вполне мог постичь преходящий характер человеческих дел. Несторий не просто прожил двадцать лет после своего свержения в 431 году, но успел написать свои откровенные комментарии, которые буквально указывают нам на то, где и кем спрятаны мертвые тела. Его обширные мемуары «Базар Гераклита», в которых он оправдывает себя и обвиняет своих врагов, хотя их редактировали, внося туда изменения, на протяжении веков, ясно отражают его собственную позицию. Сирийский перевод этого труда сохранился в монастыре на территории нынешнего Курдистана, где его обнаружили европейские ученые в конце XIX века. В 1925 году вышел его английский перевод.

Что бы мы ни думали о его богословских взглядах, нам несложно увидеть в Нестории немало хорошего. Он был заносчив и нетерпимо относился к иным представлениям, в том числе христианским, и оказался никудышным политиком. Но мы можем восхищаться его непреклонностью: он не желал сдаваться даже в самых ужасных обстоятельствах. Ему было не так сложно это делать под защитой вооруженных воинов, но он остался таким же и в ссылке, когда уже потерял надежду на возвращение к прошлой жизни.

Рассказывают, как однажды императорский служащий сопровождал его на место ссылки в Египте. В какой-то момент Несторий попросил дать ему отдохнуть, но чиновник сказал: «Господь тоже уставал, когда ходил до шестого часа, а ведь он был Богом. Что ты на это скажешь?» Несторий ответил: «Две сотни епископов собрались, чтобы заставить меня признать, что Иисус есть Бог воплощенный, но я этого не сделал. Должен ли я теперь согласиться с *тобой*, что Бог уставал?» Быть может, служащий погрузился в молчание, размышляя над мучительным вопросом: уставал ли Бог? Соответствует ли это его природе?[246]

---

[245] Все цитаты из Евагрия отсюда: Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 263–267. Письмо цитируется по стр.266.

[246] См. Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:441.

Приложение к главе 5
Двенадцать анафематизмов, предложенных Кириллом и принятых Эфесским собором (431)

1. Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и посему Святую Деву Богородицею, так как Она по плоти родила Слово, сущее от Бога, ставшее плотью, да будет анафема.

2. Кто не исповедует, что Слово, сущее от Бога Отца, соединилось с плотью ипостасно и что посему Христос един с своею плотью, то есть один и тот же есть Бог и вместе человек, – анафема.

3. Кто в едином Христе, после соединения (естеств), разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть в воле или в силе, а не, лучше, союзом, состоящим в единении естеств, – анафема.

4. Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребленные святыми ли о Христе или Им самим о Себе, относит раздельно к двум лицам или ипостасям и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Божия, а другие, как богоприличные, к одному только Слову Бога Отца, – анафема.

5. Кто дерзает называть Христа человеком богоносным, а не, лучше, Богом истинным, как Сына единого (со Отцом) по естеству, так как Слово стало плотью и приблизилось к нам, восприяв нашу плоть и кровь, – анафема.

6. Кто дерзает говорить, что Слово Бога Отца есть Бог или Владыка Христа, а не исповедует, лучше, Его же Самого Богом и вместе человеком, так как, по Писаниям, Слово стало плотью, – анафема.

7. Кто говорит, что Иисус как человек был орудием действий Бога Слова и окружен славою Единородного как существующий отдельно от Него, – анафема.

8. Кто дерзает говорить, что воспринятому (Богом) человеку должно поклоняться вместе с Богом Словом, должно его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом (ибо так думать заставляет и постоянно прибавляемая частица συν – вместе с), а не чтит Еммануила единым поклонением и не воссылает Ему единого славословия, так как Слово стало плотью, – анафема.

9. Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался чрез Него как бы чуждою силою и от Него получил силу побеждать нечистых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает собственным Его Духом, чрез которого Он совершал чудеса, – анафема.

10. Божественное Писание говорит, что Христос был Первосвященником и ходатаем нашего исповедания, что Он принес Себя за нас в приятное благоухание Богу и Отцу. Итак, если кто говорит, что Первосвященником и ходатаем нашим был не сам Бог Слово, когда стал плотью и подобным нам человеком, а как бы другой и некто отличный от Него человек, происшедший от жены; или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за Самого Себя, а не за нас только одних, так как, не зная греха, Он не имел нужды в приношении (за Себя), – анафема.

11. Кто не исповедует плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею Самому Слову Бога Отца, но принадлежащею как бы другому кому, отличному от Него, и соединенному с Ним по достоинству, то есть приобретшему только божественное (в себе) обитание, а не исповедует, как мы сказали, плоти Его животворящею, так как она стала собственною Слову, могущему все животворить, – анафема.

12. Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотью, распятым плотью, принявшим смерть плотью и, наконец, ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящ как Бог, – анафема.

ИСТОЧНИК: E. B. Pusey, preface to E. B. Pusey and P. E. Pusey, eds., *St. Cyril of Alexandria: Five Tomes Against Nestorius* (Oxford: James Parker, 1881), xi – xiii. [Русский перевод по: Святитель Кирилл Александрийский, «Двенадцать глав против тех, которые дерзают защищать мнения Нестория как правые» в кн.: *Восточные отцы и учители Церкви V века*. М.: Издательство МФТИ, 2000. С. 61–90.]

6. Смерть Бога

Существует много несториев.
Диоскор Александрийский

В августе 449 года в Эфесе произошло нечто вроде повторения предыдущего собора. Снова александрийский патриарх привез сюда своих сторонников, готовых громить ереси любыми доступными средствами. Снова здесь оказались победители и проигравшие. Константинопольский патриарх снова был низложен, а собор выдвинул новые богословские формулировки. Но с точки зрения его значения для будущего церкви этот собор был сборищем теней или призраков. Большинство историков церкви, которые с огромным почтением относятся, скажем, к предшествовавшему собранию в Никее, молчат о Втором Эфесском соборе. Несмотря на количество и славу собравшихся там епископов и на важные вопросы для обсуждения, Второй Эфесский – или «Разбойничий» – собор стал Собором, которого не было[247].

> Второй Эфесский – или «Разбойничий» – собор стал Собором, которого **не было**

Но в тот момент всем казалось, что происходит почти революционное событие, которое основано на победах 431 года и решительно ведет христианский мир дальше. В тот момент влияние александрийцев на церковь было сильным, как никогда раньше. В те годы также казалось, что любые версии учения о двух природах скоро будут забыты по всей империи, как раньше было искоренено учение ариан. Это бы значило, что сама основа будущей христианской ортодоксии была бы осуждена как ересь.

Последние римляне?

В 440-х годах сменились ключевые фигуры из тех, кто участвовал в спорах вокруг Нестория. В Риме в 440 году папой стал Лев, а в Александрии в 444 году Кирилла сменил Диоскор. Однако в обоих случаях преемники долго учились у своих предшественников и хорошо помнили события недавнего прошлого. Как Кирилл сопровождал Феофила, когда в 403 году тот свергал Иоанна Златоуста, так Диоскор был свидетелем падения Нестория в 431 году. Подающий надежды юный клирик получил идеальную подготовку на рабочем месте: он мог наблюдать, как его учитель низвергает патриарха.

В других местах также произошли подобные изменения. В 440 году епископом Антиохии стал Домн, сменивший своего дядю Иоанна. Обладавший мирным характером Домн мечтал о тихой жизни и не был готов сражаться с теми врагами, с которыми он скоро столкнулся, а потому он оказался в трудном положении. Самым явным источником опасности был Константинополь, где (также в 440 году) на смену архимандриту Далматию, который сыграл ключевую роль, когда надо было повлиять на императора, пришел Евтихий. Оба они были яростными противниками Нестория и оба были готовы, если нужно, устраивать решительные политические акции.

Самая значимая перемена властителей произошла в императорском дворце, где августа Пульхерия утратила свое былое влияние и удалилась из общественной жизни. Отчасти это было результатом длительной вражды между Пульхерией и ее невесткой Евдокией, которая сама была отправлена в священную ссылку в Иерусалим. Это означало, что Феодосий порой

---

[247] Chadwick, *Church in Ancient Society*, 515–591; Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 3 vols. (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2007).

мог действовать самостоятельно, однако его фаворитом здесь же сделался евнух Хрисафий. В данном случае перемена власти повлекла за собой существенное изменение политики и идеологии[248].

На характер религиозных споров влияли также внешнеполитические события, поскольку над империей теперь нависли серьезные угрозы. Во время Первого Эфесского собора в 431 году римский мир наслаждался кратким периодом относительной стабильности. Тогда империя постепенно приходила в себя после шока от нашествия варваров, которые опустошили целые провинции, и училась жить в новой политической ситуации. Но в 440-х годах положение стало куда более опасным, так что можно было даже думать, что один из центров власти, Рим или Константинополь, падет под натиском врагов – и люди гадали, какой город придется уступить первым[249].

Постоянная опасность вторжения оказывала влияние на споры в церкви, поскольку путешествия и обмен информацией стали куда менее надежными, и некоторым епископам было трудно приехать на большое собрание. Но это критическое положение также означало, что ставки игроков, участников споров, повысились. Каждый месяц, казалось, приносил новые доказательства того, что римская власть слабеет и терпит поражения, христиан убивают и никейское христианство исчезает. Все это свидетельствовало о гневе Божием на людей, которые страдают маловерием и впадают в ереси. Только церковь может исправить эту ошибку и дать империи мирную жизнь.

Во многих частях прежней империи воцарился хаос. В Британии в 440-х годах восстание варваров положило конец романизированному режиму, старая цивилизация – *Romanitas* – исчезала и около других границ, в провинциях возле Дуная и Рейна. Галлию раздирала классовая война, поскольку богатые здесь пользовались системой налогов таким образом, что простые люди разорялись. И тогда появились отряды крестьянских повстанцев, *Bagaudae*, опустошавшие сельскую местность. Но еще опаснее, чем кризис власти, было то, что римское правление сменял новый варварский режим, режим нового типа, не менее жестокий, чем старый. В стереотипных представлениях наших современников варвары совершают набеги, быть может, все опустошают, но затем уходят. Однако самым ужасным кошмаром Римской империи в 440-х годах были два врага, которые явно не собирались уходить. Оба они были королями или самостоятельными императорами и оба могли установить свои стабильные царства на обширных территориях, отнятых у Рима[250].

Первым таким врагом был Гейзерих, король вандалов, который правил своими подданными – если учитывать особенности того жестокого времени – необычайно долго: с 428 по 477 год. Десятилетиями грабители из вандалов опустошали Средиземноморье, делая неработоспособными торговые пути и средства коммуникации. Но Гейзерих не довольствовался грабежом, он создал огромное королевство вандалов в Северной Африке. В момент смерти Блаженного Августина в 430 году его родной город Гиппон осаждали вандалы, а вскоре после его взятия он стал столицей Гейзериха. Только в 439 году, когда силы Гейзериха взяли Карфаген, у его царства появилась новая столица. Карфаген, который всегда был важнейшим центром Римской империи, не говоря уже о том, что этот город снабжал Рим хлебом, теперь оказался под пятой ариан, противников учения о Троице, которые преследовали кафоликов, бывших подданных империи. Все знали, что Гейзерих подумывал о захвате Рима, чтобы создать гигантскую империю вандалов на западном Средиземноморье – с арианством как

---

[248] О Евдокии см. Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 284; Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 178; Holum, *Theodosian Empresses*. Об отстранении Пульхерии см. Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu* (London: Williams & Norgate, 1916), 106–108.

[249] Ward-Perkins, *Fall of Rome and the End of Civilization*; Heather, *Fall of the Roman Empire*.

[250] О социальном кризисе вследствие угнетения со стороны властей см. Salvian, *On the Government of God*, 143–146. Wickham, *Framing the Early Middle Ages*; Wickham, *Inheritance of Rome*.

официальной религией. И это не казалось чем-то невозможным. Египтяне же полагали, что вскоре Гейзерих пошлет отряды вандалов в поход на Александрию[251].

Вторым кошмаром для империи был предводитель гуннов Аттила. В 440-х годах гунны угрожали как Восточной, так и Западной империи; положение было еще опаснее в силу того, что гунны не были христианами вообще – хотя бы еретиками, – но откровенными язычниками. Гунны несли в себе и расовую угрозу. Хотя с ними вместе воевали германские племена, сами гунны происходили из Центральной Азии, и римские авторы часто описывали их как жестоких обитателей Востока с косыми глазами и неправильными чертами лица, которых трудно назвать людьми. В 441 году гунны захватили балканские провинции и опустошили их в такой мере, что это вызывало изумление даже в ту эпоху жестоких войн. Так, великий город Аквилея ранее был одной из жемчужин Италии позднего римского периода, когда же в 452 году оттуда ушли воины Аттилы, он в буквальном смысле слова исчез с лица земли – осталась лишь горстка напуганных местных жителей, которые устремились на поиски нового защищенного места и обосновались там, где позже возникла Венеция[252].

> Любой разумный человек должен был сделать вывод, **церковь на своючто Бог гневается** и что истинные христиане должны выявить **и устранить ошибки,** *которые ставят* под угрозу само **существование римлян**

Аттила был настолько опасен, что римляне совершили нечто неслыханное ранее. В 442 году Восточная империя официально признала независимое королевство гуннов, а с 443-го начала регулярно выплачивать Аттиле огромные суммы золотом, чтобы купить с их помощью мир и жизнь. В 447 году Восточная империя пережила катастрофу, которая потенциально могла бы изменить ход истории: землетрясение разрушило легендарные неприступные стены Константинополя. Окажись Аттила со своими войсками неподалеку, история христианской Византии закончилась бы на тысячу лет раньше. Лишь с помощью неимоверных усилий всего населения города – солдат, духовенства, болельщиков амфитеатра и уличных шаек – удалось восстановить стены, чтобы можно было отразить возможные нападения. Хотя кризис миновал, люди как в Восточной, так и в Западной империи понимали, что Аттила просто собирает силы, чтобы нанести свой новый удар[253].

К концу 440-х Римская империя уже потеряла счет своим врагам. Как отмечал историк Приск, кроме Аттилы:

> …они также опасались парфян, которые как раз в то время вели подготовку к войне; вандалов, буйствовавших на побережье; исаврийцев, занимавшихся грабежом; сарацин, опустошавших восточную часть империи, и союза эфиопских племен[254].

Подобное сочетание войн и природных катастроф приводило в ужас. Как отмечает Несторий:

> …Поветрия и голод, бездождие и град, жара и странные землетрясения, плен, страх и сражения, всевозможные болезни терзали их, но они не могли понять, чем это вызвано… а укрыться от бедствий было негде. Двойная угроза от варваров и скифов [гуннов], которые все опустошали и всех

[251] A. H. Merrills, ed., *Vandals, Romans and Berbers* (Burlington, VT: Ashgate, 2004).

[252] Kelly, *Attila the Hun*; Millar, *Greek Roman Empire*, 39–83.

[253] Brian Croke, *Count Marcellinus and His Chronicle* (New York: Oxford Univ. Press, 2001).

[254] Цитируется по Brian Croke, «The Context and Date of Priscus», *Classical Philology* 78, no.4 (1983): 297–308.

> забирали в плен, пугала их, и уже не оставалось надежды спастись, но и здесь они не могли понять, что за всем этим стоят не просто земные причины[255].

В самый разгар богословских баталий 447–448 годов, разделивших весь город, произошло великое землетрясение:

> Иные явления можно было видеть в одной части города, иные в другой, и все сотрясло не простое землетрясение, но сие случилось, дабы люди поняли, что Тот, Кто совершает эти вещи, бессмертен и имеет власть над ними[256].

Любой разумный человек должен был сделать вывод, что Бог гневается на свою церковь и что истинные христиане должны выявить и устранить ошибки, которые ставят под угрозу само существование римлян.

Евтихий

На таком фоне разгорелся новый религиозный конфликт, который, как и в 431 году, начался в самом Константинополе. Споры о Нестории вызвали реакцию, в результате которой идея единой природы получила дальнейшее развитие и обрела столь радикальную форму, что стала выглядеть крайностью даже на фоне представлений александрийцев. Главным сторонником этой идеи был архимандрит Евтихий, который считал, что Кирилл сделал слишком много уступок ради примирения с Антиохией в 433 году. Евтихий не соглашался ни в какой форме отделять Сына Божия от человека, сына Марии. По его пониманию, после воплощения Христос обладал одной природой, одной *physis*, в одном лице. Как считал Евтихий, «Бог родился; Бог страдал; Бог воскрес». Что же тогда стало с человеческой стороной Христа? По мнению Евтихия, после соединения божественного с человеческим у Христа не было иной *ousia* [сущности], кроме божественной. И он не мог согласиться с тем, что «наш Господь и Бог единосущен нам, но он единосущен Отцу по божеству». Что бы нам ни говорили Евангелия, Христос не мог испытывать человеческой боли и искушений, голода или жажды. Бог явно *не* был одним из нас[257].

Если бы Евтихий был тихим священнослужителем, его идеи не привлекали бы к себе внимания, но он таковым не был. Евтихий занимал важный пост в церкви, и его влияние существенно усилилось, когда при дворе обрел силу его крестник и ученик Хрисафий. Последний также придерживался теории единой природы, и в тот момент точно так же мыслил и император. Авторы той эпохи считают, что роковую роль во всем здесь сыграл Хрисафий, но мы вправе усомниться в справедливости этого мнения. Можно предположить, что Феодосий II сильно поспособствовал распространению идеи единой природы, в чем боялись признаться его современники, тем более что в этом случае император оказывался среди побежденных[258].

Формально церковью Константинополя правил Флавиан, ставший архиепископом города в 446 году, но Евтихий обладал скрытой властью, так что на самом деле Флавиан ему во всем подчинялся. Положение архиепископа было трудным. Флавиан никогда не был оратором, и потому архимандрит как бы был его представителем в обществе. Он посто-

---

[255] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 363, парафраз.

[256] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 364.

[257] Цитируется по Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 339; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 267; John Chapman, «Monophysites and Monophysitism», *Catholic Encyclopedia* (1911), vol.10, на сайте http://www.newadvent.org/cathen/10489b.htm; John Chapman, «Eutychianism.» *Catholic Encyclopedia* (1909), vol.5, на сайте http://www.newadvent.org/cathen/05633a.htm.

[258] Millar, *Greek Roman Empire*.

янно совершал ошибки, сталкиваясь со светской властью. Лишь только заняв свой пост, он совершил ужасающую ошибку, когда отказался дать Хрисафию существенную взятку или щедрый дар. Флавиан был слишком благочестивым или, быть может, слишком наивным, чтобы понять, насколько важно заручиться поддержкой влиятельного фаворита среди придворных. И в тот момент он не мог обратиться за поддержкой к Пульхерии, поскольку та сама утратила силу. Положение Флавиана было крайне опасным, и, что еще хуже, сам он об этом не догадывался[259].

Подобно Далматию, его предшественнику, Евтихий пользовался огромным влиянием среди насельников городских монастырей, которые могли оказать ему мощную политическую поддержку. Как показало жаркое лето 431 года, вышедшие на улицу монахи способны были заставить императора пойти на уступки. Возможно, Евтихий с завистью думал о Кирилле, который с помощью своих монахов держал в страхе гражданскую власть Александрии и установил господство церкви в огромном городе. Несомненно, между Константинополем и Александрией существовали тесные связи и шел регулярный обмен информацией.

Переход в наступление

Евтихий отчасти был знаменит благодаря своему красноречию, но эта способность приносила ему не только благословения. Кроме того, он предпочитал не идти на компромиссы в спорах, отличался резкостью и был склонен видеть во всех оппонентах пороки или даже действие бесовских сил. Он обладал еще одной чертой, свойственной многим ученым: доводить свои аргументы до логического заключения, к каким бы последствиям это ни вело. И потому, чем больше Евтихий говорил и писал, тем больше настораживали его мнения других вождей церкви, которые видели в его идеях опасное новое учение.

Самым опасным противником Евтихия стал человек, который ранее вместе с ним сражался против Нестория – епископ Евсевий, осудивший ошибочность представлений о двух природах. Однако Евсевий был сторонником Пульхерии и не любил экстремизма ни той, ни другой стороны. Поговорив с Евтихием, Евсевий насторожился. Что следует из этого учения? Неужели Евтихий действительно осмеливается отрицать человеческую природу Христа? И если так, в каком смысле Христос не единосущен нам, то есть не имеет той же сущности? «Сама *ousia* [сущность] плоти тем самым устраняется». Как можно вести разумную дискуссию, когда спор превратился в обмен обидными прозвищами? Евтихий сказал, что Евсевий лжец, нечестивец и лицемер, а еще добавил, что «всех лицемеров следует истребить»! Но Евсевия это не испугало. Он обладал властью и хорошими связями, его жалобы имели вес, и потому он созвал специальный собор для исследования учения Евтихия[260].

Был напуган и Флавиан. Он знал, что «церковь снова смущают эти вещи, монастыри разделены и все иноки встают на ту или иную сторону, и огонь уже распространился по всему миру силами тех, кто ездит туда и сюда и проповедует исполненные нечестия учения»[261]. Но даже такой робкий протест Флавиана возмутил Евтихия. Несомненно, он вспоминал Нестория и думал, что еретик не должен занимать эту великую кафедру в святом городе христианской империи Константина. Флавиан должен уйти, а в этом случае Евтихий был его естественным преемником.

> «Они уводили людей – кого-то с корабля, других с улицы, иных **из домов, иных из церкви, где** те молились, и преследовали убежавших;

[259] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 336–341; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 290.

[260] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 337–338. Слова «всех лицемеров…» из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 339. О Евтихии см. Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:23–30.

[261] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 336–337.

> с ревностью они *выискивали и выкапывали* тех, кто прятался **в пещерах и пропастях** земных. **И люди боялись** великим страхом»

Евтихий с помощью монахов стал бороться против всех своих оппонентов, и он действовал примерно теми же методами, которые ранее применял Кирилл в Александрии. К 447–448 годам в Константинополе воцарилась атмосфера полицейского государства.

> Они уводили людей – кого-то с корабля, других с улицы, иных из домов, иных из церкви, где те молились, и преследовали убежавших; с ревностью они выискивали и выкапывали тех, кто прятался в пещерах и пропастях земных. И люди боялись великим страхом как опасности общаться со сторонниками Флавиана из-за тех, кто пребывал в соседних домах и сторожил, наблюдая, кто входит к Флавиану[262].

Это напоминало «службу безопасности» Кирилла в Александрии.

Всемирная война

Но у Евтихия было и множество других врагов, особенно в Сирии и на Востоке, и именно там произошли события, которые превратили местный спор в предмет обсуждения всей церкви. На Востоке не забывали о прежней кампании против Нестория, и многие христиане здесь продолжали считать, что бывший патриарх придерживался в целом ортодоксальных взглядов. Но теперь Евтихий проповедовал куда более очевидную и опасную ересь, и похоже, чувствовал себя защищенным благодаря своим связям с двором императора. Потому «весь Восток возмутился этим, и не было такого места, где бы не бушевал гнев по этому поводу»[263].

В свою очередь, терпимое отношение христиан Востока к идеям Нестория вызывало гнев у сторонников одной природы в Константинополе и других местах. Теоретически согласительная формулировка 433 года должна была примирить Антиохию с Александрией, однако между ними возникали новые конфликты. Разделавшись с Несторием, последователи Кирилла обрушили свой гнев на его учителей – уже умерших богословов, сформировавших его образ мыслей. Их мишенью стали овеянные славой антиохийские учителя Диодор Тарсийский и Феодор Мопсуестийский, которых александрийцы желали предать анафеме. Но подобные меры грозили лишь увеличить беспорядок. Чтобы поставить под вопрос законность восточных церквей, они пожелали судить людей, которые не способны защитить себя. Борьба с несторианством превратилась в крестовый поход против антиохийской школы[264].

Война против наследия Феодора вспыхнула вскоре после создания Согласительного исповедания. Первый бой произошел в Эдессе, где епископ Равула призывал осудить Феодора, что вызвало разделения в его епархии. Его преемник Ива, напротив, считал, что идеи самого Кирилла куда разрушительнее любых идей Феодора, так что Кирилла следовало бы осудить вместе с Несторием. В 437 году Прокл Константинопольский осудил ряд положений, связанных с именем Феодора, но в его документе не упоминались имена никаких конкретных еретиков[265].

---

[262] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 352.

[263] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 336.

[264] Clayton, *Christology of Theodoret*.

[265] О Прокле см. Socrates, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 175–176. Об Эдессе см. Robert Doran, *Stewards of the Poor* (Collegeville, MN: Liturgical Press, 2006); о глубоких корнях христианства здесь см. Judah B. Segal, *Edessa 'The Blessed City'* (Oxford: Clarendon, 1970); Steven K. Ross, *Roman Edessa* (London: Routledge, 2001).

> Разделавшись с Несторием, последователи Кирилла обрушили свой гнев **на его учителей – уже умерших** богословов, сформировавших его образ мыслей

В 440-х годах александрийцы начали борьбу за открытое осуждение Феодора. Как и во времена Первого Эфесского собора, главными злодеями для египтян были люди с Востока, то есть из восточных регионов империи, из церквей, связанных с Антиохией. Иоанн Антиохийский не пожелал с этим соглашаться, подобным образом (хотя осторожнее) вел себя и его преемник Домн. Последний также поддерживал или защищал епископов, вызывавших ярость у александрийцев. В первую очередь предметом их ярости был Ива Эдесский, но не только он один. Например, во время Первого Эфесского собора светский чиновник Ириней помогал поддерживать порядок, александрийцам же казалось, что он слишком благоволит к Несторию. Несмотря на эту связь с еретиком, в 447 году Иринея поставили епископом Тира. Хотя Восток на самом деле не оправдал Нестория, сирийцы явно осуждали его не с таким жаром, с каким подобало[266].

Наиболее влиятельным мыслителем антиохийской церкви был Феодорит Кирский, который был главным богословским советником ряда патриархов. Его было нелегко запугать, и это было важным качеством при борьбе с Диоскором и александрийцами. Обычно мы можем предположить, что Домн советовался с Феодоритом, судя по поведению антиохийского патриарха, который в такие моменты становился смелее и независимее. В одном письме, авторство которого обоснованно приписывают Феодориту, мы видим его реакцию на смерть Кирилла в преклонном возрасте. Случай Кирилла, писал Феодорит к Домну, доказывает справедливость мнения, что добрые люди умирают молодыми. «Наконец, не без мучений, этот злодей ушел». Главная опасность, продолжал Феодорит, заключается в следующем: обитатели преисподней настолько возмутятся присутствием среди них Кирилла, что пошлют его назад, вернув к жизни. Следовало бы положить на его могилу надгробие потяжелее, чтобы он оставался в земле[267].

Феодорит никогда не сомневался в божественной природе Христа. Но он, возражая Евтихию, утверждал, что во Христе после воплощения остаются две природы, соединенные в одном божественном лице (*prosopon*). В 447 году Феодорит представил свои идеи в трактате *Eranistes* – что примерно означает «пирушка попрошайки». Это название указывает на интеллектуального попрошайку или старьевщика, который делает себе одежду из кусочков того, что мог отыскать, – из лоскутков забытых ересей, отрицавших человеческую сторону Христа. Современникам было нетрудно догадаться, что речь здесь идет о Евтихии. Это значило, что Феодорит называет могущественного архимандрита великим еретиком, собравшим ошибки всех гностиков, живших в прошлых столетиях.

> [Представление о том, что] Бог Слово ничего не взял от природы Девы, украдена у [гностиков] Валентина и Вардесана и тех, кто верил их басням. Называть божество и человечество Господа Христа одной природой – заблуждение, позаимствованное из безумств Аполлинария. Также и мысль о том, что божество Христа способно страдать, сворована из богохульств Ария и Евномия.

---

[266] Davis, *First Seven Ecumenical Councils*, 170–205.

[267] Цитируется по Theodoret, «Letters», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 3:346; Grillmeier, *Apostolic Age to Chalcedon*, 488–520.

Упоминание Валентина здесь делало сразу два дела: он был не только известным еретиком, но также и египтянином, так что его имя позволяло подорвать доверие к александрийской школе мысли[268].

В начале 448 года эти споры уже охватили всю церковь. Ириней, епископ Тира, был низложен. В то же время Диоскор обвинял Феодорита в том, что он следует Несторию. Сначала Диоскор спорил с самим Феодоритом, а затем обратился с жалобой на него к Домну как начальнику Феодорита. Человек, знакомый с историей – а большинство вождей церкви той эпохи держали в памяти важные прецеденты, – прочитав переписку Диоскора с Домном, вспомнил бы о роковой переписке Кирилла с Несторием за двадцать лет до того. И все хорошо помнили, чем тогда кончилось дело[269].

Евтихий наносит ответный удар

Теперь вопрос заключался лишь в том, кто же из них первым предстанет как обвиняемый перед собором. Евтихий, перед которым тогда стояли и другие проблемы, попытался заручиться поддержкой Рима против своих врагов. Он написал папе Льву письмо о том, что его беспокоит возрождение учения Нестория. Ответ папы был вежливым, но осторожным. Возлюбленный сын, писал он, как радостно было услышать о твоей бдительности и о том, что тебя беспокоит возрождение мерзкой ереси несторианства с ее пагубным учением о двух природах! «*Когда мы сможем точнее понять, чья именно порочность здесь всему причиной*, мы примем должные меры, с помощью Божьей, для полного искоренения этого ядовитого учения, которое уже давно было осуждено». От внимательного читателя не должно ускользнуть одно критически важное замечание: я приму меры, когда произведу собственное расследование. Я не намерен слепо верить твоим словам[270].

В ноябре 448 года архиепископ Константинополя Флавиан созвал Поместный собор, чтобы рассмотреть некоторые вопросы, о которых спорили в восточных церквах. Это было достаточно внушительное собрание более тридцати епископов и восемнадцати архимандритов. Среди прочего собор должен был заслушать обвинение против Евтихия, выдвинутое Евсевием. Евтихий, следуя примеру Нестория, отказался присутствовать на большинстве заседаний, когда же он наконец явился, его сопровождала толпа монахов и солдат. Он также привел с собой влиятельного союзника, патриция по имени Флорентий, который представлял на соборе императора, а если точнее – Хрисафия[271].

Но несмотря на всю эту мощную поддержку Евтихий оставался Евтихием, что не пошло ему на пользу. В процессе расследования он открыто говорил о своих представлениях: он верил, что Христос после воплощения обладал одной природой, и из его слов даже было неясно, произошло ли здесь воплощение божества. «Господь Иисус Христос, – заявил он, – от двух природ, но после их соединения я утверждаю одну природу»[272]. После этого Евтихий, подобно Несторию ранее, был осужден. Флавиан назвал его последователем Аполлинария и гностика Валентина.

Но Евтихий не думал сдаваться, он обратился за помощью ко всей церкви – к епископам Рима, Александрии и Иерусалима. Он, хрупкий и старый человек, якобы стал несправедливой жертвой и страдает за защиту христианской ортодоксии. Он обратился к папе Льву,

---

[268] Theodoret, «Dialogues», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 3:160–244; цитата из Феодорита по Theodoret, «Dialogues», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 160. Сравни Clayton, *Christology of Theodoret of Cyrus,* 215–282.

[269] Bright, *Age of the Fathers*, 2:427–430.

[270] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 12:32 (курсив мой).

[271] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:24–30.

[272] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:224.

называя его «защитником веры, ненавидящим разделения». Разумеется, папы, которые в прошлом осуждали мерзких еретиков, могут понять его правоту. Вместе с ними он предал анафеме «Аполлинария, Валентина, Мани, Нестория и тех, кто утверждает, что плоть Господа нашего Иисуса Христа и Спасителя снизошла с небес, а не произошла от Духа Святого и Святой Девы, и все прочие ереси вплоть до Симона Волхва. Но ныне моя жизнь в опасности, поскольку меня самого обвиняют в ереси». И, независимо от его богословских взглядов, у Евтихия были формальные причины для протеста, поскольку процесс документирования деяний собора не соответствовал обязательным стандартам, и на этом основании в апреле 449 года он получил что-то вроде оправдания[273].

Однако этим дело не завершилось. Хрисафий убедил императора послать письмо к папе Льву с просьбой о поддержке, а в то же время Диоскор обратился к Феодосию с предложением созвать вселенский собор. В марте Феодосий согласился с этим предложением. Новый собор был назначен на август, местом его проведения снова был выбран Эфес.

Снова в Эфесе

Чего же ожидали разные стороны от этой встречи и какие уроки им преподал предыдущий собор? Сам Феодосий должен был опасаться грядущего события, вспоминая о том, какие ненужные разделения и какую жестокость породил предыдущий собор. Однако в 448 году он с глубокой симпатией относился к Евтихию и стал на его сторону против Флавиана и Евсевия. Как считает Несторий, Феодосий охотно предоставил Евтихию возможность использовать всю силу империи для борьбы с личными врагами. Он поддерживал отход духовенства от Флавиана и даже использовал для этого финансовое давление. Император снова стал собирать налоги и поборы с церквей, от чего в лучшие времена церковь была освобождена, и сурово настаивал на полной их выплате, включая долги.

> Почтенных священнослужителей принародно арестовывали и поносили, были схвачены все епископы, не стоящие за Евтихия; он обложил налогами все имущество церкви, чего ранее не делали ни он, ни предшествовавшие ему императоры, включая налоги за все прежние годы, требуя выплатить все сразу… По его распоряжению месть обрушилась на Евсевия, обвинявшего Евтихия, и он не знал жалости.

Используя «угрозы голода и плена, а также ростовщичество… он поставил на колени и вынудил рыдать достойнейших римлян». Даже когда Флавиан распростерся перед императором ниц на пасхальной службе, умоляя о примирении, Феодосий подверг его язвительным насмешкам. Император стал яростным фанатиком, желавшим собрать собор, чтобы низложить Флавиана и оправдать Евтихия. Как писал Несторий, который знал это на своем опыте, «Эфес должен стать местом, где низлагают константинопольских епископов»[274].

Диоскор надеялся на более полную победу: несомненно, он жаждал низложить Флавиана, а также хотел видеть унижение Константинополя (в третий раз за последние полвека). Но, кроме того, он хотел показать всем, что Александрия играет ведущую роль как центр, определяющий собой мышление и веру христиан. Он хотел создать такой мир, в котором Александрия решает, как должны мыслить все христиане, а Рим, опираясь на авторитет Петра, санкционирует решения, принятые египтянами. Кроме того, прошлый опыт Эфеса не прошел даром для Диоскора, в частности. Он понял, какую важную роль там играет светская власть. Александрийцы с горечью вспоминали, как им мешал там Кандидиан со своими

---

[273] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 32–34.

[274] «Почтенных священнослужителей…» и «угрозы голода…» из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 341; «Эфес должен стать…» из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 345. О Флавиане и императоре см. Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 341–342.

вооруженными воинами. Ожидая худшего, они ко всему подготовились и решили прихватить с собой головорезов *parabolani*, готовых, в случае надобности, запугивать и избивать врагов.

Думая о стремлениях Диоскора, мы можем ошибиться, если попытаемся исходить лишь из его опыта или разумных интересов. Подобно всем политическим махинаторам, он хотел помочь своим друзьям и разгромить врагов, но обычно такие политики обладают чувством меры и понимают, что им по силам, а что нет. Они также понимают, что любые поверженные враги, если они не уничтожены полностью, могут обратиться к обладающим властью друзьям и нанести ответный удар. Объявлять тотальную войну всем врагам сразу, как правило, невыгодно, но Диоскор на Втором Эфесском соборе сделал именно это. Он как будто намеренно старался рассердить или оттолкнуть от себя буквально всех прочих вождей церкви, которым он как бы предлагал признать себя пораженными и подчиниться[275].

> Диоскор хотел создать такой мир, в котором Александрия **решает, как должны мыслить все** христиане, а Рим, опираясь на авторитет **Петра, санкционирует** *решения, принятые* египтянами

Чем объяснить такое поведение? Почти с полной уверенностью можно сказать, что Диоскор слишком сильно полагался на поддержку императора, который обладал властью внушить страх любым его оппонентам. Или это объясняется тем, что он был александрийцем, принадлежал к церкви, которая на протяжении последних ста с лишним лет сокрушала всех противников с помощью запугивания, игры на благочестии и призывов к мученичеству. На международной арене Александрийский патриархат также успешно добивался практически всего, чего желал, побеждая врагов и оказывая влияние на всю империю. Как отмечал Несторий, «Диоскор получил от Кирилла первенство, а также традицию ненависти к епископу Константинополя»[276]. Диоскор видел, чего удалось достичь Кириллу, и мог думать, что надо приложить еще немного усилий – и вся империя станет перед ним столь же уступчивой и послушной, как удаленные от центра регионы Египта. Но он не принял во внимание ту сложную политику придворных игр и создания коалиций, которой пользовался Кирилл, а до него применяли Феофил и Афанасий.

Однако есть и еще одно последнее объяснение, которое не стоит сбрасывать со счетов: возможно, Диоскор страдал личностным расстройством, из-за чего испытывал приступы паранойи и неконтролируемого гнева. Историки не любят ставить психиатрические диагнозы давно умершим людям, и это справедливо, хотя бы потому, что подобные исследования не дают ценных результатов, но мы не вправе забывать о таком варианте. Современные психологи занимаются таким феноменом, как «травля», – именно травля была постоянным орудием Диоскора.

Лев Римский

Опыт Первого Эфесского собора вряд ли научил Диоскора уважительно относиться к римским первосвященникам, однако новый папа Лев разительно отличался от своих предшественников. Подобно большинству из них, Лев желал, чтобы Константинополь знал свое место, но в то же время он настаивал на законном ведении дел в соответствии с традициями, без быстрых расправ 431 года. Лев, «последний римлянин», придавал большое значение процедурам и надлежащей коммуникации, и ему не нравилось, что Евтихий действует за спиной своего законно поставленного начальника Флавиана. В то же время он понимал высо-

[275] Stephen J. Davis, *The Early Coptic Papacy* (Cairo: American Univ. in Cairo Press, 2005).

[276] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 351.

кое достоинство своего престола, которому угрожала изоляция от церквей Востока, живших единой жизнью благодаря налаженным каналам общения.

Проблемы коммуникации заключались в том, что о произошедшем в Константинополе он прежде всего узнал от императора и Евтихия, а не от Флавиана, который обязан был его об этом известить. Потому в первом ответном послании Льва звучит симпатия к Евтихию и досада на Флавиана. Когда же он получил полную запись отчетов о Константинопольском поместном соборе, он начал относиться к Евтихию отрицательно. В июне 449 года он отразил свои суждения в важном послании, которое принято называть Томосом Льва. Там папа не просто выражает свое недовольство Евтихием (он «очень неосмотрителен и крайне невежествен»), но и категорически отвергает его идеи. Его ответы собору представляют собой «высшую степень глупости и богохульства»[277].

Томос стал классической формулировкой ортодоксального понимания Христа, а в то же время он сыграл критически важную роль в истории папства. Хотя долгое время было принято считать автором Томоса папу Льва, справедливость требует признать, что в основном это работа его секретаря, который многое – некоторые даже называют это плагиатом – позаимствовал из трудов других богословов, включая Августина[278]. Но вопрос авторства для нас менее важен, чем тот факт, что папа Лев был готов его подписать и сделать этот документ опорой своей безопасности и будущего своего престола. Ставки в этой игре были безмерно велики.

Папа Лев ожидал, что предстоящий собор сыграет важнейшую роль – вынесет смертный приговор вредной идее, которая ставит под вопрос реальность Христа и христианской доктрины. По его словам, Евтихий выказал полное незнание христианского учения, представленного в Библии и в символах веры. Он должен был прислушаться ко «всему собранию верных, исповедующих веру в Бога Отца всемогущего и в Иисуса Христа, его единственного Сына, Господа нашего, родившегося от Святого Духа и Девы Марии. Эти три положения разоряют хитрости почти всех еретиков». Папа подробно демонстрирует, как эти три положения можно использовать для доказательства теории двух природ[279].

> Следует прислушаться ко «всему собранию верных, исповедующих веру **в Бога Отца всемогущего и в Иисуса** Христа, его единственного Сына, **Господа нашего,** *родившегося от Святого* Духа и Девы **Марии. Эти** три **положения разоряют** хитрости почти всех еретиков»

Хотя Томосу можно было бы посвятить отдельную книгу – что и делали на протяжении многих столетий, – мы приведем лишь пару примеров, чтобы дать представление о его содержании. Здесь используется множество текстов, которые ясно указывают на человеческое происхождение и природу Христа. Разве двое евангелистов не начинают свои труды с родословных, подчеркивая его человеческое происхождение? А Новый Завет следует понимать как исполнение Ветхого Завета, особенно пророчеств Исайи. Папа Лев опровергает аргументы сторонников одной природы. Разберем, например, слова ангела, обращенные к Марии: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим». Не говорится ли здесь о том, что она будет носить во чреве сына Божия и что божественная природа преодолеет или уничтожит человеческую? Отнюдь нет, говорит папа Лев:

---

[277] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 32–38.

[278] О Томосе см. Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 39–43; Henry Chadwick, *The Early Church* (London: Penguin, 1967), 201n.

[279] Томос также цитируется по Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 2:14–24.

> Хотя способность родить Деве дарована Духом Святым, но истинное тело заимствовано от ее тела. И когда «Премудрость созидала себе дом», «Слово стало плотью и пребывало с нами», то есть в той плоти, которую Оно заимствовало у человека и которую одушевило духом жизни разумной[280].

Папа Лев постоянно подчеркивал важность равновесия и гармонии, предполагая, что смещение центра тяжести в любую сторону – божественную или человеческую – приведет к неразумному и даже абсурдному пониманию Христа. В нем произошла встреча человеческого и божественного: «каждое из двух естеств в соединении с другим действует так, как ему свойственно – Слово делает свойственное Слову, а плоть исполняет свойственное плоти. Одно из них сияет чудесами, другое подлежит страданию. И как Слово не отпало от равенства в славе с Отцом, так и плоть не утратила естества нашего рода»[281].

Томос папы Льва обладает многими достоинствами: прежде всего, это большое собрание библейских ссылок и здравая ясная логика всего документа. Подобно умелому римскому ритору, папа Лев не только доказывает свои положения, но и опровергает раз и навсегда все возможные возражения и демонстрирует их неубедительность. Имея Томос в своих руках, любой оппонент теории одной природы может оперировать убедительными ссылками на Писание и аргументами, которые можно сразу же начать развивать. И еще важнее, разумеется, было то, что этот документ исходил от престола святого Петра.

Позднее папа Лев еще резче выступал с осуждением Евтихия. Его последователи на самом деле вместе с манихеями отрицают воплощение: подобно манихеям, они «утверждают, что все его телесные деяния только лишь ложно казались таковыми». Папа Лев повторяет то же обвинение в иной форме. Евтихий, пишет он, «пришел к безумствам Мани и Маркиона и верит, что человек Иисус Христос, посредник между Богом и людьми, все совершал не в истинном смысле и не обладал человеческим телом, но был как бы явлением призрака в глазах зрителей». Евтихий возвращал к жизни ереси, которые должны были умереть сто и более лет назад[282].

Вскоре после выхода Томоса папы Льва прозвучал один интересный отзыв на это событие. Несторий, изгнанный еретик, написал следующее: «Когда я получил и прочел это послание, я возблагодарил Бога за то, что Церковь Рима держится правильного и безошибочного исповедания, хотя она и боролась против меня». Хотя несторианство продолжали считать ужасной ересью, большинство представлений самого Нестория теперь можно было бы публично признать верными[283].

Разбойники

Второй Эфесский собор открылся в августе 449 года, опять в знойные дни, что не способствовало умиротворению участников. Сегодня температура в этом регионе приближается в эти дни к сорока градусам, а до изобретения кондиционеров оставалось еще полтора тысячелетия. Там собралось 127 епископов – намного меньше, чем в Никее (считается, что их там было 318) или на Первом Эфессом соборе (всего около 250). И снова они собрались в церкви Богородицы, чтобы идея о *Theotokos* никогда не покидала их сознание.

---

[280] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 39.

[281] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 40.

[282] Сравнение с манихеями см. Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 58. Об отношении Льва к манихейству см. Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 6–7; «пришел к безумствам…» из Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 92. Samuel N. C. Lieu, «Christianity and Manichaeism», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 279–294.

[283] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 340.

Диоскор, как то делал Кирилл на прошлом соборе, председательствовал, только в этот раз представители папы не могли призывать собравшихся к порядку. Епископ, возглавлявший римскую делегацию, скончался, а остальные плохо понимали греческий, и потому на них почти не обращали внимания. Хотя Рим прислал своего официального легата, собор отказался включить его в число председательствующих. Присутствие же Диоскора было всем заметно, поскольку его сопровождала масса египтян, включая десятерых влиятельных митрополитов. В этот раз александрийцы могли не опасаться силового вмешательства со стороны светской власти. Епископы, которые могли помнить о том, какую роль играл Кандидиан во время Первого Эфесского собора, должно быть, с сожалением думали, что эта встреча не будет столь мирной, как та, что происходила под его наблюдением. Как бы там ни было, в этот раз император не пожелал вмешиваться в ход событий[284].

Когда 8 августа открылся собор, Диоскор как его председатель обладал всей полнотой власти, чтобы достигать своих целей и защитить Евтихия. Теоретически перед собором стоял лишь один вопрос: справедливо ли был низложен Евтихий в прошлом ноябре за отказ признать две природы? Но практически это означало, что епископы, вынесшие такое решение, исключались из обсуждений, а потому с собора удалили Флавиана и шестерых других епископов, бывших противниками Александрии. Сирийские епископы позднее вспоминали: «Флавиан вошел с таким видом, как будто его уже осудили»[285]. Кроме того, император запретил Феодориту являться на собор, что лишило сирийцев самой могущественной интеллектуальной поддержки.

Значимые представители Рима отсутствовали, Диоскор же постарался включить в число участников архимандрита Варсуму, крайне враждебно относящегося ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало о Нестории, – даже по меркам тех времен он выглядел настоящим фанатиком. Монах Варсума был неподходящим участником по многим причинам, начиная с того, что он плохо владел греческим и предпочитал изъясняться на своем родном сирийском языке. Кроме того, он не был епископом, так что его участие в соборе было делом необычным. Но его пригласили не из-за красноречия или личного обаяния. Он был в первую очередь важен тем, что мог обеспечить вооруженных людей и был готов использовать их силу без особых сомнений. Епископы, оказавшиеся его врагами, жаловались, что «он взбаламутил всю Сирию и поднял против нас тысячи монахов». И хотя он был приглашен Диоскором, никто не знал, способен ли патриарх – или кто-либо еще – управлять действиями Варсумы[286].

Исход событий был предрешен, так что собор вскоре приступил к решению главного вопроса. Здесь следовало зачитать соответствующие документы, но Диоскор позаботился выбрать лишь те, что служили его интересам. Представители Рима, естественно, желали огласить Томос папы Льва, содержавший однозначное мнение западной церкви по теме обсуждения, но им этого не позволили. Диоскор проигнорировал представителей Рима и папского авторитета.

Если верить официальным отчетам, слушание шло гладко и логично – но эти документы были плодом запугивания и отражали лишь версию определенной партии. Евтихий заявил о своей верности ортодоксальному учению и принципам Никеи и Первого Эфесского собора. Он быстро добился поддержки большинства из 114 епископов, включая тех, кто ранее его осудил. После оправдания Евтихия речь зашла о защите его доктрин и о борьбе с любыми теориями двух природ, то есть идеями Нестория (периодически собравшиеся

---

[284] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, vol.1; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 268–269, 290.

[285] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:144; Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 345–349.

[286] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 2:156; «взбаламутил всю Сирию…» оттуда же.

восклицали хором: «Сжечь Нестория!»). Поскольку собор принял официальное решение о правильной доктрине, из этого следовало, что ее противники заблуждаются, а потому недостойны занимать высокие посты в церкви[287].

> Монах Варсума не был епископом, так что его участие **в соборе было делом необычным.** Но его пригласили не из-за красноречия или личного **обаяния. Он** *был в первую* очередь важен **тем, что мог** обеспечить **вооруженных людей** и был готов использовать их силу без особых сомнений

Так что здесь же речь зашла о противниках Евтихия – о Евсевии и Флавиане. Здесь Диоскор применил блестящий парламентский маневр. Сначала он предложил утвердить каноны Первого Эфесского собора, где говорится о том, что проповедник нового учения, противоречащего никейскому, подлежит осуждению. Когда все с этим согласились, Диоскор заявил, что Флавиан и Евсевий нарушили это правило и должны быть низложены. Услышав возражения, Диоскор, «исполненный буйства, громко воскликнул: «Помолчите; давайте выслушаем и других богохульников. Почему мы виним одного только Нестория? Существует много несториев»[288].

Ни Флавиану, ни Евсевию не дали возможности говорить в свою защиту, а сторонники Евтихия жестко контролировали ведение официальной документации. Когда два года спустя епископы вспоминали об этих событиях, они приходили в недоумение относительно того, как они были переданы. «Во время чтения благочестивейшие восточные епископы и их спутники восклицали: «мы этого не говорили. Кто это сказал? Пусть [Диоскор] приведет своих писцов, поскольку он изгнал всех прочих нотариев и велел записывать только своим». Диоскор и Ювеналий отрицали свою вину, и тогда Стефан Эфесский рассказал о том, что его сторонники вели заметки, «но писцы благочестивейшего епископа Диоскора стерли их записи с табличек и чуть не переломали им пальцы, пытаясь отнять у них писчие трости»[289]. Так они могли себя вести с епископом одного из старейших и самых великих престолов. Именно такой жесткой цензурой объясняется тот факт, что в официальных записях собор выглядит столь пристойно и почему на нем все прославляют возлюбленного председателя Диоскора. Если верить официальным записям, на соборе царило мессианское настроение и епископы постоянно выкрикивали: «Да здравствует архиепископ Диоскор, великий защитник веры!» Когда этот великий человек открывал рот, собравшиеся восклицали: «Это говорит сам Святой Дух… Отцы живы в тебе. Слава защитнику веры!»[290]

> Когда два года спустя епископы вспоминали об этих **событиях, они приходили в недоумение** относительно того, как они были переданы

По этим лозунгам трудно судить о том, что на самом деле пугало и волновало участников собора. Атака на Флавиана была возмутительным и почти революционным деянием. Нанеся оскорбление папе римскому, александрийский диктатор напугал даже тех епископов, которые готовы были следовать его желаниям буквально во всем. Собрание стало хаотичным, а Диоскор использовал запугивание ко всем участникам. Вероятно, за низложение Флавиана был подан 101 голос, но затем под угрозой насилия документ подписали еще около тридцати епископов. Быть может, им дали на подпись чистый лист бумаги, который был заполнен позже. Вспоминая об этом событии, «епископы Востока, Понта, Азии и Фракии восклицали: «Мы подписали чистые листы. Нас били, и мы подписывали… нам угрожали

---

[287] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, vol.1.

[288] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 354.

[289] Все цитаты из Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:152–153.

[290] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:155.

низложением. Нас пугали ссылкой. Рядом с нами стояли воины с дубинками и мечами»[291]. Другие епископы вспоминали, что их морили в церкви на протяжении всего знойного дня, не позволяя оттуда выходить ни по какой причине – читая между строк, можно понять, что их не выпускали и в уборную[292]. Но, даже подписав бумагу, епископы продолжали терзаться сомнениями. Некоторые из них опускались на колени и просили помиловать Флавиана.

Здесь стоит заметить, что епископы, описывавшие муки, которым их подвергли, старались себя обелить в новой политической обстановке, объясняя, что заставило их поставить подписи под несправедливым решением. Так что у них были причины сгущать краски, описывая атмосферу запугивания на Втором Эфесском соборе; подобные объяснения можно было услышать и после других, более почтенных, соборов. Но сумма свидетельств о насилии и угрозах 449 года дает необычную и слишком убедительную картину. Например, епископ Аттик, который подписал решение об осуждении Евтихия в Константинополе, здесь был подвергнут суровому перекрестному допросу, где Диоскор обращался с ним как с непослушным ребенком. Ему приходилось отвечать на вопросы типа «Ты уже перестал бить свою жену?» – точнее: «Оставил ли ты ту гнусную ересь, которой ранее придерживался?» В итоге запуганный Аттик сдался перед Диоскором, отрекся от своего прежнего решения и облегчил возможность продолжать суд над Флавианом. Это был триумф того, что Несторий называл «порочностью и уловками египтян»[293].

> «Мы подписали чистые листы. Нас били, и мы **подписывали… нам угрожали низложением.** Нас пугали ссылкой. Рядом **с нами стояли** *воины с дубинками* и мечами»

И в какой-то момент произошло физическое нападение на Флавиана. Одни источники говорят, что это было сделано по прямому указанию Диоскора и Варсумы, что вполне вероятно, хотя не менее вероятно, что здесь виноват кто-то еще из александрийцев или монахов Варсумы. Позднейшие источники вкладывают в уста Варсумы слова: «Убить его!»[294] Быть может, ему лучше было бы умереть сразу.

> [После низложения Флавиана] его мучили так, как если бы на него напали стаи медведей и львов… Он был в одиночестве, его терзали, и уныл в нем дух его. И его передали в руки солдат, велев им скорее его увести подальше от святых мест. Его увели и, обессиленного, бросили в темницу. Он не успел прийти в себя, ожить, подышав свежим чистым воздухом, подкрепившись пищей, которая бы вернула ему силы, как его уже передали командиру, избитого и израненного, и угрожали отправить в ссылку. А он не мог перенести тяжестей пути[295].

Флавиан скончался три дня спустя. Ортодоксальные церкви считают его мучеником и святым.

В тот день заседание стало совершенно хаотичным, и здесь папский легат Иларий выкрикнул единственное слово: *Contradicitur*. Это был протест от лица Рима против осуждения Флавиана[296]. Но в тот момент казалось, что этот поступок ровно ничего не значит, в частности потому, что он провозгласил это страшное слово на латыни, которой здесь почти никто не понимал. С таким же успехом он мог бы произнести его в какой-нибудь церкви США

---

[291] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:134, 141.

[292] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:153–154.

[293] Все цитаты из Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 355–357.

[294] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 2:156.

[295] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 361–362.

[296] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:344.

сегодня. Немногие эрудированные участники собора поняли, что он сказал, но остальные просто посмотрели на него с недоумением. Но этот шаг имел важные юридические последствия. Считалось, что собор не может быть признан вселенским, если на нем не присутствует какой-то представитель папы. Но Диоскор решил, что он может не соблюдать этого правила. Сразу после своего отважного выступления Иларий, переодевшись, скрылся.

Восточный фронт

Хотя, казалось, собор уже принес достаточно разрушений, на его второй сессии 22 августа работа продолжалась и принимались новые решения. Собор низложил некоторых важнейших восточных епископов – это было стремление избавиться от всех тех, кто недостаточно возмущался Несторием. Так, были низложены Домн Антиохийский, а также Феодорит Кирский, Ива Эдесский и Ириней Тирский. А затем собор занялся друзьями и родственниками Иринея и прочими врагами, которых обвиняли в чародействе, ереси, двоеженстве и во всем, что мог породить воспаленный ум знойным средиземноморским днем. Снова были торжественно приняты «Двенадцать анафематизмов» Кирилла, решительно осуждавшие любой уклон в сторону двух природ. Были поставлены новые люди, которые должны были вводить новый александрийский порядок. Преемником Флавиана в Константинополе стал Анатолий, который никогда бы не получил этого поста, если бы не устраивал Диоскора и Евтихия. Александриец по рождению, Анатолий исполнял роль *apocrisarius* Диоскора, то есть его посланника при дворе. Затем Анатолий (незаконно) поставил одного из константинопольских клириков епископом Антиохии[297].

> Затем собор занялся друзьями и родственниками Иринея и прочими **врагами, которых обвиняли в чародействе,** ереси, двоеженстве и во всем, что мог **породить воспаленный** *ум знойным* средиземноморским днем

Кроме атаки на Константинополь собор нанес удар по престолу Дорилея, так что Евсевий был низложен и заключен в тюрьму. Ему удалось оттуда убежать и добраться до Рима, где он присоединился к растущей коалиции противников собора, которую возглавлял папа Лев. Кроме того, собор повел войну против Антиохии и Эдессы, Тира и Харрана, Библа и Теллы – это звучит как заголовки справочника по историческим церквам и местам восточной части империи. В одну только епархию Кира входило восемьсот приходов. Затем Диоскор – точнее, собор, которым он командовал, – разослал свои постановления восточным церквам, требуя, чтобы они их подписали, если не хотят сделаться очередной жертвой. На Востоке эта чистка не затронула только Ювеналия Иерусалимского, который поддерживал Диоскора и был готов пойти на все, чтобы его любимая кафедра обрела статус патриархата. Второй Эфесский собор пожаловал ему этот статус, а также позволил отобрать часть территории у Антиохийской церкви[298].

Чистка среди восточных епископов не была таким безумным делом, как это может показаться. При большинстве восточных престолов существовали мощные фракции сторонников единой природы, которые на протяжении ближайшего пятидесятилетия будут доминировать в этих регионах, включая саму Антиохию. У Диоскора здесь было немало союзников, которые могли обеспечить дальнейший рост этого направления. Проблема заключалась только в средствах, которыми он пользовался вместе со своими подручными, откровенно попирая законность и чувство справедливости.

---

[297] Theodoret, «Letters», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 323–324.

[298] Honigmann, «Juvenal of Jerusalem», 209–279.

Современные американцы называют «маккартизмом» и куда менее значительные вещи в политике, а здесь данный термин точно соответствует происходящему. На Втором Эфесском соборе о конкретных епископах вспоминали на том основании, что они дружили с только что низложенным епископом N, а потому сами должны быть низложены, даже если они и не подозревали, что их в чем-либо обвиняют. Феодорит жаловался папе Льву:

> Также и меня [Диоскор] убил своей писчей тростью заочно, не вызвав меня на суд, не предъявив мне обвинений лично, не спрашивая меня, как я понимаю воплощение нашего Бога и Спасителя. Даже когда судят убийц, осквернителей могил и прелюбодеев, судьи не выносят приговора, пока не услышат признания обвиняемого либо пока их не убедят в его вине другие. Но нас, находящихся на расстоянии тридцати пяти дней путешествия, он, хотя и наставленный в божественных законах, осудил по своему произволению[299].

Суд над Ивой ярко демонстрирует удивительную злобу судей и их дух, который в нашем сознании ассоциируется с инквизицией или охотой на ведьм. В предыдущие годы в процессе богословских споров Иву обвиняли в различных преступлениях, в основном – финансового характера, хотя ему ставили в вину и несторианство. Домн отстаивал его невиновность. Затем его противники потребовали у императора назначить новый суд, который снова вынес решение в его пользу[300]. Поэтому собор в Эфесе должен был обвинять его с утроенной силой. После чтения отчета епископы продемонстрировали хорошо подготовленную волну протеста. Во время чтения послания Ивы епископы начали возмущенно восклицать: «Это пачкает наши уши… Кирилл бессмертен… Сжечь Иву публично в Антиохии… Ссылка не поможет. Сожжем Иву вместе с Несторием!» Где-то на протяжении последнего десятилетия идея сожжения еретиков вошла в мысли людей[301].

После этого бурного месяца Диоскору предстояло разрушить еще один мост, и он это совершил, пока вместе со своими египетскими клириками торжественной процессией приближался к Константинополю в 451 году. Остановившись в Никее, городе, имевшем глубокий символический смысл, он вместе со своими египетскими митрополитами осудил и отлучил от общения папу Льва.

Сам же папа был глубоко возмущен всеми этими событиями, тем более что они были для него полной неожиданностью. Перед собором он, обращаясь к Флавиану, просил его проявить милосердие в том случае, если Евтихий признает свои ошибки и покается. И вот новый ересиарх разгромил своих противников, опираясь на могущественную поддержку империи. И он использовал самые недостойные средства, что особенно возмущало Рим. Теперь папа Лев мог услышать отчеты своих посланников, которые «[убежали] от жестокости александрийского епископа, захватившего всю власть». Под давлением Евтихия многие вынуждены были подписаться под несправедливым решением, «зная, что их будут терзать, если они не послушаются его повелений… он же, нападая на одного человека, изливал свою ярость на всю церковь». Папские делегаты никогда не согласятся с положениями собора, «ибо они полностью разрушают всю тайну христианской веры… пока это омерзительное нечестие, превосходящее все богохульства прошлого, не будет устранено»[302].

---

[299] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 55–57; Theodoret, «Letters», in Schaff and Wace, Fathers of the Christian Church, 312–316, 323–324.

[300] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 2:272–299.

[301] Chapman, «Robber Council of Ephesus».

[302] См. Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 52–58 относительно ответа Льва собору. «Зная, что их будут терзать…» из Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 53; «[Убежали] от жестокости…» из Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers*

Папа Лев справедливо осудил *Latrocinium*, собор разбойников и бандитов. Если бы он знал, что Флавиан уже умер, он отвечал бы еще резче, но ужасная весть о его смерти дошла до Запада лишь несколько месяцев спустя. Он представил общую картину всех тех злодеяний в своем письме к Пульхерии:

> В Эфесе собрались не судьи, но разбойники; главари собора не пожалели ни тех братьев, что им противостояли, ни тех, что их одобряли, но ради разрушения кафолической веры и укрепления мерзкой ереси они лишили одних их законного положения, а других вынудили осквернить себя участием в неправом деле[303].

По мнению папы Льва, сторонники Диоскора хуже поступили с теми, кого принудили встать на свою сторону, чем с теми, кого они избивали и преследовали. Когда они нападали на Флавиана и Евсевия, эти их жертвы хотя бы сподобились славы пострадать за веру. Куда печальнее было положение тех, кто из-за страха или денег пошел на компромисс в своей вере и «расстался с невинностью»[304].

Папа Лев призывал Феодосия провести новый собор в надежном удаленном месте, где бы не было места заговорам и лукавству. Пусть епископы соберутся в Италии, где можно будет избежать подобных беспорядков. Туда смогут приехать все восточные епископы, где они смогут примириться с церковью, если это возможно, а если нет, подвергнутся отлучению. Затем с подобной просьбой папа обратился к царственным женщинам – Пульхерии и Галле Плацидии[305].

К концу 449 года сторонники одной природы успешно совершили переворот, который изменил лицо всего христианского мира. Собор объявил их учение непререкаемой основой правой веры, более того, им удалось устранить всех тех епископов, которые мешали им господствовать единовластно. В тот момент сторонниками единой природы стали епископы Антиохии и Константинополя. Евтихий был оправдан, Диоскор всеми верховодил, а папе Льву пришлось спешно организовывать сопротивление, сражаясь при этом со сторонниками монофизитства в самом Риме. Не было бы великим преувеличением сказать, что Рим оставался последним оплотом не желавшего сдаваться меньшинства в христианском мире, которым правили монофизиты и где постоянно росла власть Александрии. Даже если такая радикальная перемена возмущала церкви Италии или Сицилии, они ничего не могли с этим сделать, пока у власти оставался этот император и пока во дворе верховодили сторонники монофизитства.

Можно вообразить себе такую альтернативную версию истории христианства после конца 449 года. Христиане прославляют великий Второй Эфесский вселенский собор. Знаменитые живописцы изображают святых Диоскора и Евтихия, одержавших судьбоносную победу над ересью диофизитов; рядом, в обличье бесов, мы видим злодеев Флавиана и Льва с раздвоенными языками, символизирующими злосчастную доктрину двух природ. Вероятно, самое знаменитое изображение такого рода находится в Александрии во дворце патриарха, верховного епископа христианского мира. Конечно, мы здесь исходим из предпосылки, что в том альтернативном мире изображать человеческую фигуру не воспрещается.

---

of the Christian Church, 54.

[303] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 70–71. О Льве и Пульхерии см. также 44, 64–65.

[304] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 71. Wessel, *Leo the Great*, 259–283.

[305] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 52–58.

7. Халкидон

Споры о правильной христианской вере прекратились… Да исчезнут перебранки нечестивых!
Император Маркиан

Однако император скончался. В июле 450 года лошадь, на которой сидел Феодосий II, споткнулась, и император упал с нее крайне неудачно. Он умер 28 июля, не оставив наследника. Пульхерия вполне могла бы его заменить, поскольку она правила империей столь же долго, как ее брат, и не менее успешно, но женщины не должны были занимать царский престол. Ради блага династии и ради защиты христианского мира Пульхерия, которой тогда был пятьдесят один год, оставила свой пожизненный обет и согласилась вступить в брак с бравым воином Маркианом на том условии, что он должен будет уважать ее девственность. Так Маркиан взошел на трон, а империя получила в его лице одного из лучших и самых активных императоров из всех, бывших после Феодосия I[306].

Это событие потрясло сторонников теории одной природы. Коптский историк Иоанн Никиусский описывает это событие как зловещий переворот, когда на место прекрасного и благочестивого Феодосия II села его сестра, стоявшая за две природы. В конце концов, Пульхерия не согласовала свои действия ни с западным императором Валентинианом, ни с большинством сенаторов или важнейших государственных сановников. Как бы там ни было, политический мир изменился. Вожди церкви ждали перемен. В этом достойный наследник святого Петра папа Лев был, разумеется, крепок как скала. И здесь он нашел поддержку со стороны Анатолия Константинопольского, который занял свой пост благодаря Диоскору Александрийскому. Анатолий понимал, что Пульхерия куда более мощный союзник, к тому же обитающий рядом, а как враг она гораздо опаснее. Он также понимал, что религиозный переворот может навсегда укрепить позицию его патриархата, который станет вторым после Рима.

Прямым результатом всего этого стал Халкидонский собор, одно из самых представительных и важных собраний вождей церкви во всей истории христианства. Но это событие, вопреки опасениям его врагов, не стало очевидной победой определенной стороны или фракции над другой. Скорее он сразу повлек за собой политические перемены, ослабив тиранию александрийцев в церкви, но его богословские результаты не были столь однозначными.

Многие поколения христиан привыкли думать, что Халкидон был переломным пунктом в истории формирования христианской доктрины. Обычно студенты могли узнать примерно следующее: «Эфес, 431, отказ от разделения между человеческим и божественным во Христе; Халкидон, 451, учение о двух природах в единстве и победа над монофизитами. Этот мудрый компромисс положил конец христологическим спорам». Однако в те времена Халкидон скорее выглядел как попытка достичь равновесия между двумя позициями, где сторонники одной природы продолжали иметь огромное влияние. Значение собора, вызвавшего столь ужасные разделения, связано с его последствиями, которые в целом стали ясны только спустя много лет[307].

---

[306] Evagrius, «History of the Church, in Walford, *History of the Church*, 287–290; Holum, *Theodosian Empresses*; Millar, *Greek Roman Empire*.

[307] Francis Schaefer, «Council of Chalcedon», *Catholic Encyclopedia* (1908), vol.3, на сайте http://www.newadvent.org/cathen/03555a.htm; Sellers, *Council of Chalcedon*; M. Whitby, «The Church Historians and Chalcedon», in *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*, ed. Gabriele Marasco (Leiden: Brill, 2003).

Контрреволюция

Новый император столкнулся с кошмарной ситуацией, в какой не пожелал бы оказаться никто из его предшественников. Под угрозой стояло само существование империи. В первую очередь Маркиан прекратил выплачивать дань Аттиле, а это значило, что гунны неизбежно попытаются захватить часть империи – Восточной или Западной. Аттила действительно перешел Рейн в начале 451 года. Он собрал большие силы и намеревался по меньшей мере разграбить Галлию или даже сделать ее своей территорией. В то же время Гейзерих мог в любой момент повести свои войска на Рим. Ситуация была крайне опасной, и мы можем удивляться тому, что в этот самый момент власть могла посвятить столько сил религиозным спорам, но на самом деле это было приоритетом для императора.

Отчасти за этим стояли вполне практические соображения, поскольку беспокойные и бунтующие города и селения было трудно усмирить, а они не желали поставлять мужчин в армию и платить налоги. Здесь нужно было как можно скорее достичь какого-то согласия о вопросах веры. Не менее важную роль играло и представление о том, что империя сможет выжить только с помощью Божией, а недавние поражения и катастрофы ясно указывают на полную утрату благоволения Бога. Чтобы спасти христианский мир, следует немедленно и во всей полноте восстановить ортодоксию. И монофизиты, и несториане одинаково верили в божественное провидение, они только по-разному понимали то, какие группы и отдельные люди представляют правую веру. Но император вдруг перестал обращать внимание на их взгляды. Теперь двор стал интересоваться мнением папы Льва и Флавиана. Зеленая партия монофизитов исчезла, ей на смену пришла голубая партия кафоликов[308].

> Сторонники одной природы были всерьез обеспокоены изменениями **во взглядах императора и полагали, что Бог** на небесах обеспокоен этим не менее, **чем они**

Сторонники одной природы были всерьез обеспокоены этими изменениями и полагали, что Бог на небесах обеспокоен этим не менее, чем они. Иоанн Никиусский, который уже мог видеть последствия этого переворота – и Халкидона, – описывал события так:

> В день восшествия Маркиана на престол тьма покрыла всю землю с часа дня до вечера. Эта тьма была подобна тому, что случилось в Египте во дни Моисея, начальника пророков. И были великий страх и смятение на всех жителях Константинополя. Они рыдали и плакали, стенали и восклицали громкими голосами, думая, что наступает конец мира. Весь сенат, чиновники, солдаты, вся армия, все малые и великие, бывшие в городе, исполнились тревоги и восклицали: «Никогда мы не слышали и не видели при всех прежних императорах подобных вещей». И они роптали между собой, но не говорили о том открыто[309].

Первой жертвой переворота стал евнух Хрисафий, который умер в 451 году. Существуют разные версии его смерти. Возможно, он попытался устроить восстание «зеленых». Либо его казнил Маркиан, либо Пульхерия сняла с себя задачу его устранения, передав ненавистного евнуха в руки кого-то из его многочисленных врагов. Или же его убила толпа, протестующая против повышения налогов. Вместе с бывшим фаворитом утратили власть его приверженцы при дворе и в церкви. Евтихий последовал за Несторием в ссылку, но прожил в ней недолго и не мог надеяться на оправдание. Был также отдан приказ о возвращении

[308] Cameron, *Circus Factions*.

[309] Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, 108.

сосланного духовенства. Умерший Флавиан также вернулся: его останки с великими почестями перенесли в Константинополь, где устроили погребение, достойное погребения мученика[310].

Собор

Хотя всем были ясны религиозные симпатии империи, по логике вещей она должна была официально заявить о своем вероисповедании на очередном соборе. Организация собора была не такой простой вещью, как может показаться, из-за постоянной угрозы набегов со стороны гуннов. И сам Маркиан не мог уделять время собору, поскольку ему нужно было быстро отправляться на фронт, как только его позовут. Папа Лев считал, что в соборе нет необходимости, поскольку все прежние проблемы связаны с двумя злодеями: Диоскором и Ювеналием, – так что достаточно применить к ним должные меры, и ситуация наладится. Но реалисты понимали, что нельзя оставлять последнее слово в вопросах основ христианской веры за Вторым Эфесским собором, а потому новый собор был неизбежен. Пульхерия прежде всего желала публичного провозглашения вероучения, чтобы ортодоксия была официально оправдана, и собирала те силы, которые должны были определить ход нового собрания[311].

Маркиан и Пульхерия распорядились об открытии нового собора в сентябре 451 года на священной почве Никеи, и началась подготовка. Однако из-за вторжений врагов даже это место, достаточно близкое к столице, не казалось надежным, так что он распорядился перенести собрание в Халкидон, пригород Константинополя. Это позволяет понять, почему там оказалось столько участников: официально в нем участвовало около пятисот епископов, хотя некоторых из них представляли доверенные лица. Вероятно, физически их присутствовало около трехсот – если не считать их секретарей и свиты. И стоит отметить еще одну деталь, важную для хода собора: значительное количество участников – не менее ста – оставили свои подписи под решениями Второго Эфесского собора, так что им приходилось оправдываться и объяснять, почему они переменили свои мнения.

Новый собор открылся 8 октября, когда было не так жарко, как во время двух предыдущих. Устроители усвоили и другие уроки. В этот раз порядок обеспечивали воины императора, ограждавшие участников от воздействия со стороны буйных «фанатов». Это было просто заседание епископов без групп возмущенных монахов или мирян.

> В этот раз порядок обеспечивали воины императора, ограждавшие **участников от воздействия со стороны буйных** «фанатов». Это было просто заседание епископов *без групп возмущенных* монахов или мирян

Халкидон был выбран не случайно. Кроме того, что место встречи находилось в удобной близости от столицы, оно было овеяно собственной славой. Встреча должна была проходить в церкви мученицы Евфимии, то есть, как это понимали в то время, в ее непосредственном присутствии. После ее мученической смерти в начале IV века гробница Евфимии стала местом почитания и здесь совершались чудеса. Ее особо чтила императорская семья, сюда также приходили паломники из окрестных городов и селений. Люди отмечали, что гробницу Евфимии окружает атмосфера святости, святая творила и особые чудеса. Иногда она являлась в сновидениях епископам и другим почитателям и предлагала им собрать ее священную кровь. В сопровождении архиепископа Константинополя почетные паломники

---

[310] John Robert Martindale, *The Prosopography of the Later Roman Empire* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971) 2:295–296.

[311] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 64–71; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 290–291; Wessel, *Leo the Great*, 259–283.

могли прикоснуться к мощам святой губкой, прикрепленной к железному пруту. Вынутая губка была «полна крови и кровяных сгустков». Затем эту кровь раздавали верным[312]. Епископы совещались в присутствии святыни: несомненно, на этом месте присутствовал Бог. Но кровь нельзя было собирать в любой момент, когда пожелаешь. Появление крови было знаком того, что святая довольна и желает передать людям свое благословение, так что здесь можно было проверить, что о них думает Бог. И циник мог бы добавить: если организаторы хотели санкционировать определенную доктрину с помощью чуда или видения, у них были для того прекрасные условия.

Халкидонский собор ставил перед собой две задачи: аннулировать решения Второго Эфесского собора и устранить его политические последствия, а также осудить ложные учения как Нестория, так и Евтихия. В первый день на соборе решения прошлого собора были в основном отменены, при этом собравшиеся нападали в первую очередь на Диоскора. Представители папы дали понять, что они не будут заседать на соборе, если там будет сидеть Диоскор[313].

В начале все вспоминали ужасы прошлого собора и преступления Диоскора. Евсевий Дорилейский заявил: «Диоскор навредил мне. Он навредил вере. Епископ Флавиан был убит и, вместе со мной, незаконно низложен»[314]. Обращаясь к императору, Евсевий говорил о прошлом соборе: «Лучше бы он никогда не собирался, тогда бы он не наполнил мир бедами и раздорами!» Он вспоминал, как Диоскор:

> …собрав беспорядочную толпу и упрочив свое влияние взятками, начал разорять, насколько мог, благочестивую правую веру и вводить ошибочное учение инока Евтихия, которое уже издавна отвергли святые отцы… его злоба на веру христианскую и на нас была немаловажна[315].

Были зачитаны официальные протоколы Второго Эфесского собора, и по ходу дела многие его участники рассказывали о запугивании и нарушениях, сопровождавших создание этого документа. Флавиан был оправдан. Несмотря на многочисленные преступления Диоскора, в первую очередь ему вменили в вину то, что он оскорбил честь святого Петра, когда воспрепятствовал чтению вслух Томоса папы Льва. Позднее участники собора пришли к выводу, что эти грехи можно объяснить лишь тем, что Диоскор поддался внушениям сатаны: «Искуситель был бы подобен дикому зверю, ходящему около овчарни, который рычит, но не может причинить ущерб стаду, если бы последний епископ Александрии не дал ему себя сожрать»[316].

Хотя это не имело прямого отношения к учению или представлениям Диоскора, собор дал возможность многим врагам патриарха рассказать о том, как он их притеснял и какие несправедливости они претерпели от его рук. Список зверств Диоскора показывает, что он чувствовал себя скорее эллинистическим божественным царем, чем христианским пастырем. Выяснилось, что Диоскор силой отнимал земли и имущество у своих противников, грабил их и злодейски вырубал их деревья. Когда император послал зерно в голодающую Ливию, Диоскор забрал его себе и продал ради своей выгоды. Он также пользовался тем, что надзирал за дарами на благотворительность и социальными службами для собственного обогащения. Диоскор, как мы узнаем, тратил деньги, оставленные по завещаниям на благие

---

[312] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 291–293.

[313] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* vol.1; Price and Whitby, *Chalcedon in Context*; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 290–301, 317–338.

[314] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 294.

[315] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 318. Сравни Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:131.

[316] «Искуситель…» из Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 72.

дела, чтобы предаваться развратной жизни, на азартные игры и женщин: «Откровенно бесчестные женщины все время слонялись по епископскому дворцу и его баням». «По наущению этого чудесного проповедника происходили даже и убийства»[317].

В своем донесении к Маркиану собор приводил следующее заключение: «Исследовав на заседании причину той бури, что потрясла весь мир, мы пришли к выводу, что ее начал Диоскор, бывший епископ Александрии»[318]. Диоскор был низложен вместе со своими последователями и союзниками. Хотя некоторые из его бывших сторонников – в том числе Анатолий Константинопольский и Максим Антиохийский – успели быстро приспособиться к новому порядку. Особенно умело здесь действовал Ювеналий, который на протяжении двадцати лет был союзником александрийцев, но внезапно решил, что он решительно меняет свои прежние богословские представления. Ему удалось остаться патриархом.

Празднуя победу, епископы в конце первой сессии во внезапном порыве запели *Trisagion*, трисвятую песнь Богу[319]:

> Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас.
> Hagios o Theos, hagios ischyros, hagios athanatos, eleison himas.

Этот гимн, связанный в умах с Халкидоном, позже стал одним из самых популярных и значимых в традиции Византии и Православной церкви, и его часто поют на богослужении христиане Востока. Даже сегодня исполнение его потрясает слушателей любой христианской традиции или тех, кто лишен религиозных убеждений. Но Халкидон выбрал именно это песнопение не случайно. Само оно древнего происхождения, но стало популярным во время землетрясения в Константинополе: принято думать, что этим словам научил людей мальчик, который вскоре умер. Трисвятая песнь провозглашает полное доверие Богу, окруженному всем великолепием небесной славы, но также напоминает о божественном вмешательстве в эту жизнь, о чудесном избавлении от бедствия – скажем, о спасении христианской империи от сатанинского заговора.

Поиск формулы веры

На следующей неделе собравшиеся главным образом занимались поиском вероучительного определения. Для его формулировки было недостаточно просто осудить учение об одной природе. Разумеется, надлежало отказаться от учения Евтихия, однако большинство участников также не могли принять ничего такого, что напоминало бы о Нестории, то есть опасались чрезмерно подчеркивать две природы. Не раз на соборе все начинали гневно осуждать Нестория, и это не было просто неумелой попыткой достичь равновесия. Это не было также хитроумным ходом, позволявшим отвлечь участников от важнейшей задачи борьбы с монофизитством. Большинство епископов, заседавших в Халкидоне, решительно отвергало Диоскора, но с благоговением относилось к его предшественнику Кириллу. Кроме того, многих епископов пугала сама попытка сформулировать новые положения веры относительно Никеи и Первого Эфесского собора именно потому, что прежние положения было несложно истолковать как учение об одной природе[320].

О том, насколько враждебно епископы относились к несторианству, красноречиво свидетельствует следующая сцена. Когда антиохийский богослов Феодорит вошел в собрание, «благочестивейшие епископы Египта, Иллирика и Палестины начали восклицать: «Помилуйте нас, это разрушение веры! Каноны запрещают ему появляться! Гоните его вон! Изго-

---

[317] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:55.

[318] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:111.

[319] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:364.

[320] Gray, *Defense of Chalcedon in the East*.

ните учителя Нестория!» Египтяне (как обычно) были еще резче. «Не зовите его епископом! – восклицали они. – Это не епископ! Изгоните врага Божия! Изгоните иудея!» (В данном контексте «иудей» было не просто ругательством, но, называя так Феодорита, епископы хотели сказать, что он стоит за человеческую природу Христа, что делает его эбионитом, «иудействующим».) «Если мы примем Феодорита, мы изгоним Кирилла!» – продолжали они. В ответ восточные епископы начали проклинать Диоскора как убийцу – достойно внимания, что здесь они осуждали его злодеяния, но не доктрины[321].

До нас дошли отчеты об этой конференции, состоявшейся полтора тысячелетия назад, где в малейших деталях отражены все хитроумные отговорки и споры участников. И на этот раз секретари работали добросовестно и никто не ломал им пальцы, пытаясь отнять писчие трости. Чтобы лучше понять атмосферу тех споров, рассмотрим один эпизод из четвертого заседания 17 октября, когда собор решительно требовал от египтян, чтобы те отделились от Диоскора[322]. Большее число египетских епископов подписало документ, который выглядел достаточно ортодоксально, но не мог удовлетворить отцов, которые жаловались на то, что здесь нет прямого отвержения Евтихия или согласия с Томосом папы Льва. Создалась крайне напряженная ситуация. Египтяне изо всех сил старались не подписывать документ, который вызовет недовольство в Египте. С другой стороны, в Халкидоне они находились во власти представителей императора, которые требовали решительного отречения ото всего, связанного с именем Диоскора или предыдущим собором.

Им оставалось только тянуть время. Когда от египтян потребовали, чтобы они яснее высказались о доктринальных положениях, их предводитель отказался что-либо делать, сославшись на процессуальные сложности. Никейский собор, заявил он, постановил, что египетское духовенство должно следовать патриарху Александрии, но низложение Диоскора оставило их без главы. Мы просим вашего позволения дождаться появления нового патриарха, чтобы мы могли узнать его мнение, и тогда выразим нашу позицию. Обстановка накалялась, тем более что другие участники не могли забыть о том, как Диоскор их терзал в Эфесе.

> Евсевий Дорилейский: Они лгут!
>
> Флорентий Сардийский: Пускай докажут свои слова.
>
> Все епископы: Если они не держатся ортодоксальной веры, как они могут избирать епископа?
>
> Кекропий: Они сами не знают, во что веруют. Не желают ли они поучиться?
>
> Акакий Ариарофийский: Как в Эфесе они создали суматоху и вызвали соблазн по всему миру, так и теперь они хотят нарушить ход этого святого и великого собора! [323]

Египтяне буквально пали ниц на землю и умоляли, чтобы их не заставляли подписываться под Томосом Льва. Они говорили – и естественно, они знали египетские обычаи лучше, чем прочие епископы: «Тогда мы не сможем жить в этой провинции… Нас убьют. Пожалейте нас». Они не преувеличивали.

В такой обстановке было крайне трудно найти единую формулировку, поскольку та или иная фракция отвергала любые предложения. Нужно было создать текст, отражавший мысли Кирилла, но без тех крайностей, которые у него появились на поздних стадиях борьбы с Несторием. Любой компромиссный вариант предполагал отдание дани памяти

---

[321] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 1:134–135.

[322] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:149–151.

[323] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:149–151.

Кирилла и прославление его трудов, оставляя на совесть читателя решение, какие части его переписки имеются в виду. В итоге собор создал общий документ на основе умеренных посланий Кирилла к Несторию, Примирительного соглашения Кирилла с Антиохией 433 года и Томоса папы Льва. На заседании, состоявшемся 17 октября, собор принял «Правило веры, содержащееся в Символе веры Никеи, подтвержденное Константинопольским собором, изложенное в Эфесе Кириллом и изъясненное в Послании папы Льва, когда он осудил ереси Нестория и Евтихия»[324].

Двадцать второго октября открылось пятое заседание собора, наиважнейший момент всего, что происходило в Халкидоне, где возникли споры о значимых предметах веры. Сначала был зачитан черновик с формулировкой доктрины, и эту часть заседания намеренно не вносили в протоколы. Отцы собора понимали, что им предстоит большая работа, чтобы снять возражения недовольных и в итоге достичь консенсуса, не устраивая споров о каждом этапе подготовительного процесса. Черновик оказался несовершенным. Удивительно, что в нем не упоминалась *Theotokos*, Богородица, – а это был символ идей Кирилла и того, что собор не идет ни на какие компромиссы с несторианами. Поскольку многие того пожелали, термин был включен в документ при всеобщем одобрении[325].

Но куда более сложной частью дискуссии был другой вопрос: был ли Христос *из* [*ek duo physeon*] двух природ или *в* [*en*] двух природах. Почти наверняка в черновике использовался предлог «из», что можно было истолковывать по-разному – и это составляло как сильную, так и слабую сторону формулировки. Убежденный монофизит охотно бы согласился с тем, что Христос появился из двух природ, которые, соединившись, стали одной – именно так думал Евтихий. Но выражение «*в* двух природах» не содержало такой лазейки, оно ясно давало понять, что две природы сохранились и после их соединения. Так учили папа Лев и западные христиане, так мыслила и антиохийская школа, и потому именно представители Рима и Антиохии настаивали на том, чтобы «из» исправили на «в».

Это вызвало ярость большинства епископов, которые начали проклинать «богоборцев» несториан. Представители Рима сказали, что, если понадобится, они могут созвать новый собор в Италии, на что епископы ответили криками, которые можно передать так: «Отправляйтесь в свою Италию! Нам здесь не нужны несториане». Другие зафиксированные шумные возгласы – или «восклицания», как их называли, – демонстрируют нам ненависть собравшихся ко всему, что хоть отдаленно напоминает о Нестории. «Августа изгнала Нестория!» – кричали одни, то есть: помните, что Пульхерия возглавила борьбу с Несторием, и нам ни в каком виде не следует его возвращать. «Изгнать еретиков! Дева Мария – Богородица… Изгнать несториан! Христос – Бог!»[326]

Вопрос о предлогах *ek* и *en* грозил завести в тупик собрание, которое ранее очевидно шло к успешному завершению. Единство было сохранено только благодаря вмешательству имперских чиновников, которые не желали видеть расколов в церкви в тот момент, когда империя из последних сил защищала свои границы. Они также ожидали, что собор опубликует официальное постановление – это бы соответствовало претензии Маркиана на роль нового Константина. Если Константин даровал миру Никейский Символ веры, Маркиан заслуживает сопоставимого по масштабу памятника – хотя бы в виде Халкидонского определения, если не полноценного Символа веры. Чиновники настаивали на компромиссе и сформировали комитет по подготовке окончательного документа, причем сделали так, чтобы туда вошли сильные представители Сирии и Рима. По ходу его работы чиновники напоминали епископам, что те уже согласились на формулировку «в двух природах». Кроме того,

[324] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:117–163.

[325] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:183–205.

[326] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:198–200; Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 3.

говорили они, разве упоминание *Theotokos* в исправленном тексте не доказывает, что в нем нет никакого несторианства?[327]

Наконец епископы – многие крайне неохотно – достигли согласия. Документ подписали 452 епископа – это было куда больше, чем в Никее и на обоих соборах в Эфесе, кроме того, здесь были хорошо представлены разные части христианского мира, что вполне оправдывало притязания собора на статус вселенского[328]. Такая широкая поддержка придавала особый вес вероопределению, созданному собором.

Провозглашение веры

Сначала собор кратко повторяет учение трех первых соборов. Эти положения, говорят отцы, достаточно ясны, но дьявол все время пытается разрушить церковь[329]. После того получили хождение всяческие нелепицы, подобные учению Нестория, но более важной и безотлагательной проблемой стало учение об одной природе Евтихия и других. Их порок состоит в том, что они «вводят смешение и слияние и ошибочно полагают, что природа плоти и божества есть одно, и верят, что божественная природа Единородного через смешение способна к страданию»[330]. Вместо этих заблуждений собор признает авторитетность трудов Кирилла и Льва. Томос восхваляется:

Ибо он противостоит тем, кто разрывает тайну промысла и создает двух Сынов; он отлучает от священного собрания тех, кто дерзает говорить, что божество единородного доступно страданию; он противится тем, кто мыслит о смешении или слиянии двух природ Христа; он изгоняет тех, кто представляет себе, что его образ раба образован небесной или какой-то еще сущностью, но не взятой от нас; и он предает анафеме тех, кто безумно говорит о двух природах Господа нашего до их соединения, полагая, что после соединения осталась только одна[331].

Собор исповедует:

> …одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха, Рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения, от Марии Девы Богородицы [*Theotokos*] – по человечеству…

Далее исповедание касается вопроса о природах (естествах):

> …Одного и того же Христа, Сына, Господа, Единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, – так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и они соединяются в Одно Лицо и Одну Ипостась; – не на два лица рассекаемого или разделяемого,

[327] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:182–199.

[328] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:217–233.

[329] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 263.

[330] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 264.

[331] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 264; сравни Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:203–204.

> но Одного и Того же Сына и Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа…[332]

Собравшиеся епископы восклицали: «Сие есть вера отцов… сие есть вера апостолов: на том мы все стоим, так мы веруем». Затем послание возложили на алтарь над гробом Евфимии, откуда оно, как думали, было взято на небо. В отчете собора папе Льву говорилось:

> Ибо действующим был Бог, а увенчавшею в чертоге собрание – добропобедная Евфимия, которая, принявши от нас определение веры, представила его, как собственное исповедание, своему Жениху чрез благочестивейшего императора и христолюбивую императрицу, утишивши всякое волнение противников, укрепивши исповедание веры как достолюбезное…[333]

Определения веры

Но что именно одобрила Евфимия? Это положение по какой-то причине стало настолько важным, что оно сохранилось фактически до наших дней. Если история на этом не кончалась, здесь было заложено прочное основание для дальнейшего развития учения. Хотя этот текст кажется слишком замысловатым, он достоин внимательного изучения. Пристальное чтение позволит нам оценить всю силу содержащихся в нем идей при его удивительной лаконичности. Его можно сопоставить с американской Декларацией независимости, где также мы находим богатство мысли при сжатом объеме. И, подобно Декларации, Определение Халкидона представляет собой сжатый комментарий к продолжительной предшествующей истории, на которую документ лишь мимоходом указывает. Греческий текст Определения содержит всего лишь около двухсот слов.

Определение извлекает из истории двух прошедших веков несколько альтернативных положений и говорит им «нет», часто с кратким комментарием, дающим понять, почему эта идея отклоняется от ортодоксии. Возьмем, например, фразу «из души разумной», *psyches logikes*. Что это значит? Неужели кто-либо оспаривал существование разумной души у Иисуса? Да, это так. Фактически, Аполлинарий утверждал, что при воплощении неразумная животная душа (*psyche alogos*) облеклась в тело человека, наполненное божественным Логосом.

Текст Определения нападает и на Нестория – или, по крайней мере, на идеи несторианства в том карикатурном виде, в каком они были представлены в Эфесе. Это исповедание веры в «Господа нашего Иисуса Христа», бывшего полностью Богом и полностью человеком:

> …Совершенного в Божестве и совершенного в человечестве,
> истинно Бога и истинно человека,
> единосущного *(homoousion)* Отцу по Божеству
> и того же единосущного *(homoousion)* нам по человечеству,
> во всем подобного нам, кроме греха,
> Рожденного прежде веков от Отца по Божеству…

Но что мы можем сказать о титуле *Theotokos*, Богородица? Не абсурдна ли сама идея Бога как малого ребенка? В словах «…Рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в

---

[332] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 264; сравни Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:204; Kelly, *Early Christian Creeds*; John H. Leith, *Creeds of the Churches,* 3rd ed. (Atlanta: John Knox, 1982); Pelikan and Hotchkiss, *Creeds and Confessions of Faith*.

[333] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 72–73.

последние дни ради нас и ради нашего спасения, от Марии Девы Богородицы – *по человечеству* (*kata ten anthropoteta*)…» – критически важную роль играет заключительная фраза. Вот что об этом пишет Филип Скэфф: «Мария была матерью не просто человеческой *природы* Иисуса из Назарета, но матерью богочеловеческого *лица* Иисуса Христа, хотя не его предвечного божества… матерью его воплощенной личности, Логоса, соединенного с человечеством»[334].

Далее Определение объясняет, как надо понимать две природы, словами, которые становятся однозначным осуждением Евтихия. Халкидонские отцы исповедают два естества, которые существуют:

> …неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно, – *(asyngchytos, atreptos, adiairetos, achoristos)* так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств (*physeon*), но тем более сохраняется свойство каждого естества и они соединяются в Одно Лицо (*prosopon)* и Одну Ипостась (*hypostasin*), не на два лица (*prosopa*) рассекаемого или разделяемого, но Одного и Того же Сына и Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа[335].

Четыре термина «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» могут звучать как заклинание или песнопение, но они полны значения, потому что исключают определенные альтернативные смыслы. Эти слова никак не позволяют видеть во Христе смешение Бога с человеком, где плоть уже перестает быть реальной плотью. В то же время две природы невозможно разделить на «двух Христов»[336].

Два Рима: Новый и Старый

Собору предстояло решить и некоторые другие вопросы, включая восстановление Феодорита и Ивы, что вызывало сильное недовольство у большинства участников. Федориту также пришлось пойти на крайне существенные уступки, чтобы вернуться на свое прежнее место. Хотя он прекрасно понимал, что политическая ситуация требует от него предать анафеме Нестория, он мог произнести нужные слова только под сильным давлением. Тем не менее, он сказал, что требовалось, и был восстановлен. Реабилитация Домна, низложенного на Втором Эфесском соборе, чуть ли не вызвала еще один кризис. Преемником Домна на антиохийской кафедре был Максим, причем его рукоположение было вполне законным. Существование двух равно достойных претендентов на один престол могло оказаться кошмаром. Не породит ли их соперничество нового раскола? К счастью, Домн, как всегда, стремился избегать столкновений и неприятностей, а потому он был рад пенсии и почетной отставке[337].

Еще более спорными в долговременной перспективе оказались решения, касающиеся ранга и статуса других великих престолов, включая Иерусалимский, уже ставший патриархатом. 26 октября Ювеналий и Максим Антиохийский объявили о достигнутом ими соглашении, согласно которому Иерусалим будет управлять тремя провинциями Палестины. Антиохия сохранила за собой территории, которые сегодня мы называем Ливаном и Иорданией[338].

---

[334] Schaff, *Creeds of Christendom*, 2:62–63.

[335] Schaff, *Creeds of Christendom*, 2:62–63.

[336] Grillmeier, *Apostolic Age to Chalcedon,* 543–558.

[337] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 2:310–312.

[338] Honigmann, «Juvenal of Jerusalem», 209–279.

Каноны собора повысили статус Константинополя, который получил особые привилегии как город императора, сопоставимый в этом отношении с Римом. На соборе вспомнили, как ранее епископы, собранные в 381 году в Константинополе, «справедливо признали преимущества Рима, потому что он был городом царя». Но те же епископы «признали равные преимущества [*isa presbeia*] за святейшим престолом Нового Рима, справедливо рассудив, что город, получивший честь быть городом верховной власти и сената и имеющий равные преимущества со старым царственным Римом, должен и в церковных делах возвеличиться подобно тому и быть второму после него». Халкидон объявил Константинополь вторым по чести патриархатом, к которому должны обращаться за решением спорных вопросов поместные соборы провинций. Патриархат также получил власть назначать митрополитов в соседние области – Понт, Азию и Фракию – и, что потенциально было еще важнее, епископов для епархий, находящихся «среди варваров». В период расцвета миссионерской деятельности на территориях востока Европы и запада Азии это положение делало Константинополь центром обширной церковной империи[339].

Папа Лев был недоволен этим решением и безуспешно пытался добиться отмены нового канона о статусе Константинополя. Рим всегда беспокоили любые попытки возвысить другой престол до такой степени, что он по статусу приблизился бы к уровню престола святого Петра. Кто знает, не решит ли очередной собор через несколько десятилетий, что имперская столица стоит не ниже Рима или даже выше его? Кроме того, возвышение Константинополя означало снижение статуса других древних престолов, таких, как Антиохия и Александрия. Папа Лев подтвердил справедливость претензий каждого престола, независимо от проступков отдельных епископов. Да, Диоскор делал отвратительные вещи, но, несмотря на это, «престол Александрии не должен терять своего достоинства, основанного на добродетели святого Марка, евангелиста и ученика Блаженного Петра, и славу столь великой церкви не должны затмевать никакие тучи… потому что престол не зависит от того, кто его занимает». В равной мере не следует умалять честь Антиохии. Именно здесь «после проповеди блаженного апостола Петра христиане получили свое имя», а папа Лев не терпит неуважения к Петру. Антиохия никогда не должна по чести стоять ниже третьего места. «Никогда», разумеется, слишком сильное слово; если понимать папу буквально, эта честь остается за Антиохией – или самим Римом – даже тогда, когда он превращается в безлюдную пустошь с развалинами старинных зданий[340].

Папа Лев также заявил, что христианский епископ не должен искать почестей и славы так жадно, как это делал Анатолий Константинопольский, тем более что его биография далеко не идеальна. В конце концов, Анатолий встал на ортодоксальную позицию после долгих лет непростительных компромиссов под давлением прошлого режима. Он занял свой пост лишь потому, что был убит святой Флавиан. «Пусть он осознает, – предупреждал папа Лев, – какого человека он сменил, и полностью освободится от духа гордыни. Пусть он станет подражателем веры Флавиана, умеренности Флавиана, смирения Флавиана, которые придали ему славу исповедника». В силу многих причин Константинополь должен вести себя гораздо смиреннее[341].

---

[339] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 3:75–76; Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 287–290.

[340] Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 74–79; цитата «престол Александрии не должен…» из Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 79.

[341] «Пусть он осознает» из Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 77; Wessel, *Leo the Great*, 323–344.

После Халкидона

Халкидонский собор завершился большим заседанием 1 ноября, где присутствовали Маркиан и Пульхерия. Настроение участников было восторженное. Они прославляли Маркиана как «второго Константина». Хотя в истории этот собор пользуется особым почетом, в тот момент он воспринимался скорее как этап пути, но не его завершение. Вскоре его участники, каждый на своем месте, столкнулись с самыми разными проблемами[342].

Для двора императора Халкидон был лишь временной передышкой. В семье императора не было согласия, поскольку Евдокия, невестка Пульхерии, решительно стояла на стороне монофизитов и презирала тех, кто принял новый порядок. Позднейшие почитатели видели в ней почти святую. Когда она умерла, египтянин Иоанн Никиусский написал о ней такие слова:

> Императрица Евдокия ушла на покой в святой Иерусалим, исполненная добрых дел и чистой веры. Она отказывалась общаться с Ювеналием, епископом иерусалимским, и с мужами, заседавшими в Халкидоне, ибо она понимала, что эти люди переменили истинную веру наших святых Отцов и правоверных императоров.

Тот же Иоанн презрительно отзывался о смерти Маркиана и испытывал неподобающую радость, говоря о его гангрене («его нога омертвела, и он умер»). Пульхерия же скончалась в 453 году[343].

Незадолго до смерти Маркиана Рим был в очередной раз разграблен, теперь вандалами (455), так что Западная империя стала значительно слабее. Династия Феодосия сходила на нет, и потому избранием императоров занимался исключительно военачальник Аспар, который по меньшей мере был способен разглядеть компетентных людей. Преемником Маркиана на Востоке стал Лев, талантливый военный, которому удавалось защищать большую часть территорий Восточной империи от варваров.

Мы можем предположить, что в ту пору римских императоров не интересовало ничего, кроме выживания, однако на протяжении тридцати лет после Халкидона многие правители Востока занимались, среди прочего, и богословскими спорами. Ближний Восток яростно протестовал против собора. Нас может удивить столь сильная реакция – в конце концов, Халкидон во многом опирался на богословие Кирилла, – но в том мире даже малая уступка ошибочным представлениям в столь существенных вопросах была равносильна предательству самой сути христианской истины. Кроме того, приверженцы теории одной природы были глубоко разочарованы. Совсем недавно, еще только в 450 году, они могли думать, что получили абсолютное господство и в церкви, и в империи, но внезапно увидели, что их склоняют к компромиссу – заставляют согласиться с формулировкой «в двух природах». С точки зрения монофизитов, ортодоксия Халкидона была христианской только по названию и внешнему виду, так что для них халкидонцы ничем не отличались от несториан. Империя, согласившись с Халкидоном, перестала быть христианской, и это доказывали постоянные гонения на истинных верующих, приверженцев одной природы[344].

> В эпоху Халкидона даже малая уступка ошибочным представлениям **в столь существенных вопросах была** равносильна предательству самой сути **христианской истины**

---

[342] Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon,* 3:111–320.

[343] Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu,* 108–109.

[344] О реакции на Халкидон см. Grillmeier, *Chalcedon from 451 to the Beginning of the Reign of Justinian*.

Многие христиане Египта и Ближнего Востока относились к Халкидону с таким же отвращением, с каким кафолики-ортодоксы относились к «Разбойничьему собору» в Эфесе. Из-за такого возмущения во многих церквах началась гражданская война, поскольку простое духовенство и особенно монастыри взбунтовались против своих епископов, пошедших на уступки. Житие Петра Ивера кратко описывает эти волнения такими словами:

> И тогда отступничество всех этих раскольничьих епископов, нашедших поддержку в безбожном Томосе папы Льва и услужливо принявших соблазнительное учение Нестория, привело к тому, что Диоскор, глава епископов Египта и ревностный борец за правду, был изгнан, тогда как Ювеналий, епископ Иерусалима, подписал акт отступничества и тем самым сделался как бы предателем Иудой[345].

Некоторые монахи, присутствовавшие на Халкидонском соборе, вернулись в Палестину и Египет с решительным намерением сопротивляться. Ювеналию удалось примириться с новым режимом, но, когда он отправился в Константинополь, его противники устроили переворот в Иерусалиме и назначили своего епископа Феодосия. Решительно несогласные с Халкидоном люди, такие, как Петр Ивер, заняли другие кафедры Палестины. Маркиан, испугавшись возникновения раскола, тотчас же послал Ювеналия назад наводить порядок[346]. По мнению же биографа Петра Ивера, все дело здесь было в сатане, «сем князе изменников и старшем советнике отступников», который не мог смириться с тем, что церковь стала на правильный путь.

> И потому он вошел в монарха, который теперь держал бразды правления, в императора Маркиана, готового слушать указания дьявола, и внушил ему издать указ о низложении праведных епископов, поставленных над городами Палестины святейшим патриархом Феодосием. В случае сопротивления епископов изгоняли силой и убивали, патриарх же Феодосий был приговорен к смерти[347].

Маркиан – или сатана, если нам так больше нравится, – успешно восстановил контроль над Палестиной, но ценой резкого нарушения общественного спокойствия.

Александрия в огне

Сильнее и разрушительнее всего Халкидон повлиял на Египет, где низложение Диоскора положило конец режиму епископов, подобных фараонам, который так старательно строился на протяжении последних 150 лет. Константинополь стал вторым по чести патриархатом, и дело заключалось не только в почетном титуле: столица империи начала господствовать над Александрией, и ее влияние росло на протяжении последующих десятилетий.

В Александрии начались беспорядки, затронувшие и церковь, и все общество. Даже просто перечень патриархов указывает на то, что закончилась стабильность старой эпохи, когда епископы уверенно занимали свои посты десятилетиями, способные справиться со

---

[345] Цитата из D. M. Lang, ed., «Biography of the Holy Peter the Iberian», at http://www.angelfire.com/ga/Georgian/iber.html. См. также Cornelia B. Horn and Robert R. Phenix Jr., *John Rufus: The Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem, and the Monk Romanus* (Leiden: Brill, 2008). Относительно Льва и Ювеналия см. Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 97–98.

[346] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 302–303. О реакции Льва на события в Палестине см. Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 81–82, 91–95. Jan-Eric Steppa, *John Rufus and the World Vision of Anti-Chalcedonian Culture* (Piscataway, NJ: Gorgias, 2002); Cornelia B. Horn, *Asceticism and Christological Controversy In Fifth-Century Palestine* (New York: Oxford Univ. Press, 2006); Brouria Bitton-Ashkelony and Aryeh Kofsky, *The Monastic School of Gaza* (Leiden: Brill, 2006); Sivan, *Palestine in Late Antiquity*.

[347] Lang, «Holy Peter the Iberian».

всеми неприятностями. Теперь же история Александрийского патриархата стала совсем иной: это длинный ряд низложений, мятежей, ссылок и восстановлений, и такая нестабильность сохранялась до конца века. Единственной устойчивой величиной оставалась война между халкидонскими представлениями империи и ее агентов и верой в одну природу, которой придерживалось большинство египтян.

Обострение конфликта описывает «История патриархов Коптской церкви Александрии», составленная коптами. Согласно ее официальным записям, преемником «святого патриарха» Кирилла стал Диоскор, который:

> …претерпел тяжелые гонения за правую веру от рук правителя Маркиана и его жены. С помощью пристрастного собора в Халкидоне, готового угождать пожеланиям правителя и его жены, его низложили. Потому членов того собора и всех последователей их порочного учения называют мелкитами, ибо они во всем следовали мнениям правителя и его жены и провозгласили обновленное учение Нестория[348].

Диоскор умер в ссылке в Пафлагонии (Малая Азия) в 454 году, но его сторонники – коптская или египетская партия – не оставляли надежд. Некоторые египетские епископы в Халкидоне перешли на сторону императора, а теперь они пытались поставить патриархом халкидонца по имени Протерий. Но эти сторонники императора составляли меньшинство, а выборы патриарха выглядели как стремление навязать церкви непопулярного постороннего епископа. Вследствие этого возникло «великое и невыносимое возмущение», где Александрия явила свои наихудшие качества[349]. Одно из волнений началось в театре, где люди начали выкрикивать: «За Диоскора и правую веру! Сжечь кости Протерия! Изгоним Иуду!» Толпа людей начала требовать возвращения благочестивого Диоскора из несправедливой ссылки и изгнания хищного волка и антихриста Протерия, нового Каиафы. Солдаты, пытаясь навести порядок, убили многих людей в давке[350].

Один очевидец оставил описание другой сцены, отражающей попытку египтян защитить саму суть христианской веры. «Он увидел, как огромная толпа народа идет к префектуре, и, когда отряд войска хотел остановить возмущение, мятежники стали бросать в воинов камнями и обратили их в бегство. Бежавшее войско заперлось было в храме, посвященном некогда Серапису, но было осаждено и заживо сожжено мятежниками»[351]. В ответ на это император послал туда две тысячи солдат – немалое число, если учитывать, что в то время было крайне важно оборонять границы империи. Но это только усилило беспорядки, поскольку воины вели себя как завоеватели в покоренном городе, обладавшие правом безнаказанно насиловать всех женщин. Военные установили крайне жесткий режим, ограничили доставку в город пропитания и запретили посещать бани и представления, которые были основой социальной жизни. Со временем осадное положение стало менее суровым, но недовольство населения сохранилось[352].

С 454 года у коптов появился отдельный патриархат и параллельная иерархия, избравшая своей главой монаха Тимофея. Это был маленький человек, которому дали кличку Элур, что означает «кот», хотя в данном случае скорее указывает на его ловкость и значит что-то вроде «проныра». Он был рукоположен Кириллом и сопровождал Диоскора на Второй Эфесский собор, так что был прочно укоренен в александрийской традиции. Однако «Проныра» был и сам по себе удивительной личностью: его влияние не ограничивалось рамками Еги-

---

[348] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:443–444.

[349] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 301.

[350] Lang, «Holy Peter the Iberian».

[351] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 301.

[352] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 301–303.

пта, и он создал основы для создания независимой монофизитской церкви. В иных обстоятельствах он, несомненно, пользовался бы в христианском мире не меньшей славой, чем его предшественники[353].

Когда в 457 году умер Маркиан, александрийцы взбунтовались против Протерия, поскольку «богобоязненный народ начал снова дышать и вознес благодарение искупителю нашему Христу». Некоторые епископы провозгласили Тимофея Элура патриархом, когда военные не могли поддерживать порядок. Затем силы императора окружили церковь, служившую штаб-квартирой для оппозиции, где они «убили многих мирян, монахов и монахинь. Поскольку народ не мог этого переносить, люди, охваченные жаждой мученичества, ежедневно сопротивлялись воинам в этой кровавой гражданской войне»[354]. В этот раз силы императора не смогли помешать Протерию обрести мученический венец:

> …Некоторые александрийцы, будучи подучены Тимофеем… напали на Протерия и умертвили его, пронзив ему чрево мечом в минуту его бегства в святую крестильню; потом обвязали его веревкой и, повесив на так называемом четверостолпии, всем показывали с насмешками и воплями «убит Протерий!»; и, наконец, влачив его тело по всему городу, предали огню, и даже, подобно диким зверям, не усомнились пожирать его внутренности.

Согласно другой версии, «они оставили его лежать на дороге, словно свинью или собаку, которых он напоминал своими обычаями и своей свирепостью»[355].

Халкилдонцев потрясло и время (Пасха), и место этого убийства. Даже варвары и дикари, писали они, с уважением относятся к крестильне. Хотя язычники не понимают богословия крещения, они признают его духовную силу. Корни этого преступления отыскать нетрудно. «Во всех этих событиях виноват Тимофей, опытный строитель козней». Папа Лев никогда не мог простить Тимофею это убийство. Он сравнивал Элура с Каином и называл его *parricida*, отцеубийцей, который был *sacrilegus* или *impius* – оба эти термина для римлян указывали на высшую меру вины, заслуживающую смертной казни[356]. В памяти коптов, разумеется, эти события выглядят совершенно иначе: копты прославляют Элура как доблестного страдальца за веру. По одной из их версий, правитель, притеснявший Тимофея, «был изъеден червями и умер» – эта фраза напоминает о смерти царя Ирода. Вот что происходит с земными властителями, когда те устраивают гонения на Божьих апостолов[357].

Вопрос о том, как далеко был готов зайти «Проныра» Тимофей, остается спорным, тем не менее, в 458 году – год спустя после убийства Протерия – Анатолий Константинопольский погиб насильственной смертью, возможно, от рук радикально настроенных сторонников Диоскора и Тимофея. Александрийцы ненавидели Анатолия как своего уроженца, который предал родную церковь. Более того, Тимофей в одном месте называет его «братом», что говорит не о кровном родстве, но о том, что до раскола между ними существовали тесные взаимоотношения. Анатолий предал их общего отца Диоскора. Был ли Тимофей на самом

---

[353] Alois Grillmeier, *Christ in Christian Tradition*, vol.2, *From the Council of Chalcedon (451) to Gregory the Great (590–604)*, part 4, *The Church of Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451* (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1996), 7—35.

[354] Lang, «Holy Peter the Iberian».

[355] «Некоторые александрийцы…» из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 306–307, alt.; «они оставили его…» из Lang, «Holy Peter the Iberian».

[356] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 306–307. О реакции Льва см. Grillmeier, *Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451*, 10–12; Leo the Great, «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 101; Wessel, *Leo the Great*, 323–344.

[357] «Был изъеден…» из Charles, ed., *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, 111.

деле повинен в этом убийстве или нет, он не сожалел о случившемся. Кровная месть александрийцев не знала ни географических границ, ни сроков осуществления возмездия[358].

Вопрос о том, как далеко был готов зайти «Проныра» **Тимофей, остается спорным**

Новый император Лев низложил «Проныру» и поставил вместо него другого, ортодоксального, Тимофея, который занимал этот пост, с некоторыми перерывами, до 481 года. Однако новый патриарх-халкидонец никогда не забывал о шаткости своего положения. Его прозвище *Салофакиол* означает нечто вроде «ненадежно сидящая шляпа»: он на своем посту был подобен шапке неподходящего размера. Его пронырливый коптский соперник Тимофей всегда выжидал момента, когда он, «тайный патриарх», сможет выйти на сцену[359].

Рим

Соборы разрушили престол святого Марка, а одновременно высоко вознесли престол святого Петра. Немногие люди поздней античности жили такой деятельной жизнью, как папа Лев, оказавшийся участником многим важнейших событий. В октябре 451 года он одержал великую политическую победу, но это еще не было вершиной его достижений. Как бы ни были ужасны Диоскор и Евтихий, их трудно сравнить с Аттилой, который мог в любой момент оказаться в Риме. Незадолго до Халкидона (о чем не знали участники собора) римляне с их союзниками разбили войска Аттилы в битве на Каталонских полях – возможно, это место нынешнего города Шалон во Франции. Эта битва оказалась уникальной в истории еще и потому, что здесь впервые силы христиан сражались с языческим завоевателем. В легендах эта битва стала чем-то вроде предшественницы средневековых Крестовых походов, где великий полководец Аэций играл роль защитника христианской цивилизации. Но Аттила не был окончательно разбит, и на следующий год он повел варваров на Италию, ссылаясь в качестве оправдания на Гонорию, которая предложила ему свою руку[360].

Маркиан попросил папу Льва присоединиться к делегации, которая должна была просить Аттилу пощадить Рим. По какой-то причине Аттила увел свои войска. В воспоминаниях и искусстве это событие объясняется чудесным вмешательством высших сил, которое связано с именем папы. В эпоху Возрождения Рафаэль запечатлел эту сцену на полотне как память о величайшем моменте в истории папства. Говорили, что «Аттила был настолько поражен появлением первосвященника, что отдал приказ своим войскам прекратить сражения и, обещав хранить мир, удалился за Дунай». Нам не обязательно верить в чудеса, достаточно представить себе, какое впечатление могли произвести отвага папы Льва и его решимость защищать город и церковь в самых ужасных обстоятельствах. Хотя в переговорах участвовали и другие люди, в памяти веков остался именно Лев как спаситель города[361].

Рим мог радоваться избавлению от страшной беды ровно три года. К сожалению, папа Лев никогда не исполнял обязанностей императора Запада, хотя он бы прекрасно справился с этой задачей. В то время империей правил жалкий Валентиниан III, режим которого держался только на верных военачальниках вроде Аэция. Однако у последнего были противники при дворе, и один из них, фаворит Максим, внушил императору, что Аэций становится слишком популярным и это опасно. Послушав его, Валентиниан собственноручно зарубил

---

[358] Thomas Campbell, «St. Anatolius», *Catholic Encyclopedia*, vol.1.

[359] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 312. Grillmeier, *Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451*, 36–52.

[360] Christopher Kelly, *Attila the Hun* (Oxford: Bodley Head, 2008).

[361] Цитата из Проспера Аквитанского приводится по J. H. Robinson, ed., *Readings in European History* (Boston: Ginn, 1905), 49–51.

своего лучшего полководца мечом. Один придворный осмелился выразить упрек императору в таких словах: «Государь, я не знаю, что заставило вас так поступить, но знаю, что вы левой рукой отсекли свою правую»[362].

Это убийство положило начало цепи событий, о которых стоит упомянуть хотя бы потому, что они отражают глубокий политический хаос в тогдашней Италии, на фоне которого папа Лев возвышался своей святостью. Сам Максим убил Валентиниана и вступил в брак с его вдовой Евдоксией (дочерью восточного императора Феодосия III). Максим царствовал всего около двух месяцев, стараясь победить других претендентов на престол, пока те его не убьют. Между тем Евдоксия из мести предложила Гейзериху завоевать Италию, на что тот радостно согласился (здесь играли роль и семейные связи: дочь Лицинии Евдоксии была обручена с сыном Гейзериха). Как и в былые времена, разочарованная императрица оказывала неоценимую услугу амбициозному варвару. Римляне снова умоляли папу Льва спасти город, и он сделал, что было в его силах. Однако в этот раз, в 455 году, ему удалось лишь договориться об относительно мирном и гуманном разграблении города: варвары не трогали церкви и убежища для населения, но занимались лишь одним – старались собрать все ценное, что еще оставалось в вечном и слабом городе. Несколько лет спустя император Востока повел свои корабли и сухопутные войска на Карфаген, чтобы наказать Гейзериха, и здесь римляне пережили одно из самых ужасных военных поражений во всей истории древнего мира[363].

Несторий торжествовал. Хотя он в целом одобрял богословие папы Льва, он не мог простить, что тот не оправдал его вместе с Флавианом и другими жертвами козней египтян. Лев, писал он, «воистину держится правой веры, но он одобрял несправедливости, которые совершили в отношении меня без расследования дела и суда». Несторий (или его позднейший редактор) видел во втором разграблении Рима Божье наказание за эту несправедливость. Он облек свой рассказ о судьбе города в форму пророчества:

> Однако вскоре совершится второе нашествие варваров на Рим, во время которого Лев… собственными руками передаст варварам священные сосуды из алтаря и своими глазами увидит, как дочерей императора, царствующего в то время, уводят в плен[364].

Однако престиж папы Льва не пострадал из-за этой неудачи: все понимали, что надеяться на два чуда подряд – это было бы уже слишком. Напротив, он продолжал пользоваться авторитетом – верховным – в церкви гибнущего римского мира до дня своей смерти в 461 году. Он оставил по себе удивительное наследие в виде доброго имени церкви Рима, а ряд его преемников вошел в историю папства, так что на протяжении последующего тысячелетия с лишним на них ссылались, желая обосновать верховную власть Рима над всеми церквами. Иларий, преемник Льва, не снизил планку римских амбиций и не стеснялся говорить о них вслух. Это был тот самый человек, который на Втором Эфесском соборе тщетно пытался утихомирить бушующую толпу противников Флавиана и которому пришлось спасаться оттуда, прибегнув к переодеванию. Несмотря на все унижения и скандалы Рима эпохи Темных веков память о Льве и Иларии сохранилась и стала надежным основанием будущего папства.

---

[362] Цитируется по C. D. Gordon, ed., *The Age of Attila* (Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1960), 52.

[363] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 304–305.

[364] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 379.

3. Потерянная вселенная

Ни один сын римского императора не будет садиться на престол отца, пока секта халкидонцев правит миром.
Севир Антиохийский

8. Как церковь потеряла полмира

Если кто-либо из них признает истинность Халкидонского собора, его можно отпустить; того же, кто говорит, что собор ошибочен и ложен, утопите в море.
Император Ираклий, ок. [635].

В 653 году солдаты римского императора Константа II штурмом взяли Латеранский дворец в Риме. Они арестовали тогдашнего папу Мартина I и Максима, одного из величайших богословов и мистиков той эпохи. Обоих пленников отправили в ссылку, оба они пострадали от жестокого обращения властей как противники императора. Палачи отрубили Максиму правую руку и вырвали язык. Мартин умер два года спустя в ссылке в Крыму, Максим – несколькими годами позже в Грузии. Ортодоксально-кафолические церкви считают обоих этих защитников истины, готовых отдать за нее жизнь, мучениками: они почитают их как святого папу Мартина и Максима Исповедника[365].

Эти двое пострадали потому, что не могли согласиться с императором по самому важному и самому спорному вопросу его царствования: относительно монофелитства (учения о единой воле). Прошло уже *две сотни лет* после Халкидона, еще два века тому назад Маркиан призывал положить конец «перебранкам нечестивых», но империю продолжали раздирать споры[366]. Церковь и придворные искали какого-то решения, которое бы удовлетворило обе стороны, примирило бы сторонников одной и двух природ. В 630-х, казалось бы, такое решение было найдено: обладал ли Христос одной природой или двумя, его воля была единой. Разве это не может стать основой для соглашения между Египтом и Сирией, Африкой и Западом? Но, как показывает атака императора на Латеранский дворец, попытка не увенчалась успехом. Мартин и Максим пострадали за свою верность Халкидону.

> Достижения Халкидона были относительными. По прошествии многих лет **после 451 года мы все** еще не видим следов торжества Халкидона

Нас не должны удивлять жестокости имперской власти, но здесь следует обратить внимание на дату – столь поздний срок указывает на то, что достижения Халкидона были относительными. По прошествии многих лет после 451 года мы все еще не видим следов торжества Халкидона. В течение 150 лет после собора в иные периоды «голубая» ортодоксия царила в императорском дворце, но были и другие периоды – иногда тянувшиеся десятилетиями без перерыва, – когда режим терпимо относился к монофизитству или даже стоял на его стороне. В такие годы императоры поддерживали тех патриархов и епископов, кото-

[365] Pauline Allen and Bronwen Neil, eds., *Maximus the Confessor and his Companions* (New York: Oxford Univ. Press, 2003); Demetrios Bathrellos, *The Byzantine Christ* (New York: Oxford Univ. Press, 2004); Melchisedec Toronen, *Union and Distinction in the Thought of St. Maximus the Confessor* (New York: Oxford Univ. Press, 2007); Andrew J. Ekonomou, *Byzantine Rome and the Greek Popes* (Lanham, MD: Lexington Books, 2007); Cyril Hovorun, *Will, Action and Freedom* (Leiden: Brill, 2008).

[366] Выражение «перебранки нечестивых» из Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 341.

рые распространяли и вводили учение об одной природе. Христиане могли извлечь ценные уроки из истории недавних лет. Если сам Халкидон был контрреволюцией против переворота, устроенного на Втором Эфесском соборе, значит, положение дел может измениться снова. Около 510 года стало казаться, что Халкидон останется просто маловажным эпизодом далекого прошлого. Лишь в VI веке халкидонцы могли уверенно праздновать свою победу[367].

После политической победы Халкидона христиане продолжали спорить о все тех же вопросах, такие споры возникали в новых формах снова и снова. Конфликты между крупными регионами и юрисдикциями стали казаться почти нормальным явлением, даже раскол между Римом и Константинополем. В церкви постоянно происходили низложения епископов и чистки, а насилие и волнение разделяло возмущенные города и провинции. В итоге несогласные церкви пошли на немыслимый шаг – они создали альтернативные параллельные структуры[368]. Таблица 8-1. демонстрирует взлеты и падения халкидонцев по ходу истории.

Таблица 8-1.

КОЛЕБАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО РАВНОВЕСИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ МЕЖДУ 470-ми И 650-ми ГОДАМИ

470—518 Преобладание монофизитских или близких к монофизитам режимов

480—550 Возникновение самостоятельной несторианской церкви

510—600 Возникновение самостоятельных монофизитских церквей

518—630 Империя решительно вводит учение Халкидона

630—650 Христианская Римская империя теряет контроль над Египтом и Ближним Востоком

Хотя имперская власть не желала того признавать, к началу VII века христианский мир был разделен на несколько больших межнациональных церквей, каждая из которых претендовала на обладание абсолютной истиной. Это положение казалось невыносимым для тех, кто видел в церкви цельнотканое единое тело Христово. Пока христианская империя властвовала Египтом и Востоком, она так и не могла найти приемлемого решения для этого богословского кризиса. Две природы никак не сочетались с одной[369].

Враги Халкидона

Халкидон выжил благодаря тому, что пустил корни в ряде важнейших и хорошо организованных центров, которые пользовались престижем и одновременно обладали политической властью. Халкидонское учение крепко укоренилось в Малой Азии и на Балканах – этих ключевых территориях империи – и в самом Константинополе. Оно также было популярно в западных провинциях. Таким образом, Рим был надежным его бастионом. В монастырях обитали самые крепкие сторонники официальной ортодоксии[370].

Но Халкидон продолжал возмущать христиан Восточной империи на многих больших ее территориях. К VI веку отрицательное отношение к Халкидону стало почти нормой во многих частях христианского мира Востока, где в основном кипели споры между сторонниками разных версий теории одной природы: между миафизитами и твердыми последователями Евтихия. Халкидонских епископов здесь обычно травили и изгоняли. И даже если епископ хранил верность Халкидону, его духовенство и монашество хранили свою веру, а

---

[367] Frend, *Rise of the Monophysite Movement*; Johannes Oort and Johannes Roldanus, eds., *Chalkedon: Geschichte und Aktualitдt* (Leuven, Belgium: Peeters, 1997); Chadwick, *Church in Ancient Society*, 592–627; Stephen Mitchell, *A History of the Later Roman Empire, a.d.284–641* (Oxford: Blackwell, 2007).

[368] Gray, *Defense of Chalcedon in the East*.

[369] Lamin Sanneh, *Disciples of All Nations* (New York: Oxford Univ. Press, 2007).

[370] Gray, *Defense of Chalcedon in the East*.

их аскетизм, святая жизнь и слухи о сделанных ими чудесах делали эту веру популярной. Одним из таких монофизитских подвижников был святой монах и епископ Петр Ивер, который много путешествовал по Палестине и соседним землям. Он рукополагал священников и наставлял верных, «просвещая многих других и приводя их в стадо ортодоксальной [антихалкидонской] церкви»[371].

Египет, разумеется, совершенно не желал ничего прощать или забывать. Патриархат раздирали страшные расколы, так что с 451 по 482-й там, как правило, существовали параллельные и конкурирующие структуры. Хотя для нас не так важны детали, Таблица 8-2. поможет нам себе представить, сколь хаотичной была жизнь Александрийского патриархата в то время.

Таблица 8-2.
АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПАТРИАРХИ ПОСЛЕ ХАЛКИДОНА

Протерий	халкидонец	451—457	убит
Элур Тимофей	противник Халкидона	454—460	изгнан
Тимофей II Салофакиол	халкидонец	460—475	изгнан
Тимофей Элур, повторно	противник Халкидона	475—477	умер на посту
Петр III Монг	противник Халкидона	477	изгнан
Тимофей II, повторно	халкидонец	477—482	умер на посту
Иоанн I	халкидонец	482	изгнан
Петр III Монг, повторно	противник Халкидона	482—490	умер на посту

Тимофей Элур заложил прочное основание для Коптской церкви, способной выжить в условиях гонений со стороны империи. С 477 года церковь снова разделилась на две фракции, главой коптов стал Петр Монг Заика, бывший диакон Тимофея. Он не желал идти ни на какие компромиссы и даже распорядился осквернить могилы тех своих предшественников, которые стояли за Халкидон[372].

В официальной «Истории Коптской церкви Александрии» сетования на Халкидон встречаются так часто, что они становятся почти обязательным элементом для введения в житие каждого очередного патриарха:

---

[371] Цитата из Lang, «Holy Peter the Iberian».

[372] Grillmeier, *Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451,* 37–45, 60–88; Aziz S. Atiya, ed., *The Coptic Encyclopedia*, 8 vols. (New York: Macmillan, 1991).

> Но Римская империя продолжала опираться на вечно возобновляемую традицию нечистого Халкидонского собора, ибо не стояла она на прочной скале, принадлежащей Богу Слову, Который есть Иисус Христос[373].

Здесь постоянно встречается такая характеристика: такой-то был «римлянином, богохульным халкидонцем»[374]. В середине VII века Египет попал под власть арабов-мусульман. Можно было подумать, что это стало великим испытанием для церкви, но и здесь египтяне все еще носили в себе старую ненависть к Халкидону:

> Патриарх авва Михаил собрал своих епископов и написал послание… рассказав о создании церкви святого мученика Мины и о гонениях и ссылках, которым были подвергнуты наши отцы, патриархи, от халкидонцев, и о том, как римские властители отбирали у них церкви[375].

Для любой богословской битвы самое мучительное время – это первые тысяча лет.

Египет имел огромное значение для империи, но важно было и то, что египтяне распространяли свои представления по соседним царствам, которые видели в Александрии свою духовную столицу. Древнейшие церкви Нубии и Эфиопии стали монофизитскими и хранили эту веру столетиями – нубийцы до своего исчезновения в конце Средневековья, а эфиопы до наших дней. Эфиопская церковь и сегодня с гордостью носит титул *Tawahedo* – Единство[376].

Но представления о единой природе получили распространение и в тех местах, где не чувствовалось влияние Египта. Хотя Сирия некогда была родиной антиохийского богословия двух природ, в эпоху споров, наступившую после Халкидона, здесь образовалась мощная монофизитская партия. В 469 году Петр Фулон (Сукновал) поднял городскую чернь против халкидонского патриарха Антиохии и смог занять его место. Он правил церковью как решительный монофизит и воспитал целые поколения будущих священнослужителей в этом же духе. Он также изобрел лакмусовую бумажку для проверки исповедания, изменив Трисвятое и добавив туда слова о Святом Боге, «распятом за нас» (*ho staurotheis di hemas*). Хотя его дважды изгоняли из его епархии, после него Антиохия навсегда стала носить печать монофизитства. Это радикальным образом изменило политическую географию империи[377].

> Для любой богословской битвы самое мучительное время – это **первые тысяча лет**

Эта перемена богословской ориентации стала еще заметнее в самом начале VI века, и ее последствия отразились на последующей истории. В Сирии халкидонцев стали считать еретиками, отщепенцами и предателями, как то было раньше в Александрии. Монофизитский историк Иоанн Эфесский повествует о некоем Флавиане, ставшем патриархом Антиохии в начале VI века, говоря, что «его склонили к ереси двух природ» – то есть к воззрениям Халкидона, – а потому он был низложен. Позже престол занял противник монофизитов, который «оказался несторианином и также был низложен и выслан». Религиозные взгляды Антиохии играли огромную роль, потому что этот город обладал необычайно широкой системой связей. В I веке Антиохия была главным центром для распространения христианства на Востоке; четыре столетия спустя она стала подобным центром распространения монофизитства[378].

---

[373] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:445–446.

[374] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 3:66.

[375] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 3:121.

[376] Grillmeier, *Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451*, 263–389; Sir Laurence Kirwin, *Studies on the History of Late Antique and Christian Nubia* (Burlington, VT: Ashgate Variorum, 2002).

[377] Gray, *Defense of Chalcedon in the East.*

[378] Цитаты из Smith, *John Bishop of Ephesus*, 78; John Chapman, «Monophysites and Monophysitism», *Catholic*

Но даже карта с отмеченными «несогласными» районами Ближнего Востока не даст нам полной картины тех религиозных раздоров, что возникли в империи. Сам Константинополь был разделен, и в VI веке стычки между «зеленой» и «голубой» партиями стали особенно интенсивными. Опасность этих «банд Нового Рима» особенно ярко отражают события 532 года, когда обе стороны, объединенные общими интересами, подняли восстание, угрожавшее жизни империи. Прежде чем был восстановлен порядок, были убиты тысячи людей[379].

Империя монофизитства

Продолжающиеся битвы за Иисуса были кошмаром для каждого очередного императора. Некоторые из них пытались найти компромиссное решение, чтобы соединить всех христиан, но все эти попытки – как и монофелитство в VII веке – оканчивались неудачами. Хотя сама проблема выглядела просто. Империи могли подавить ереси и в прошлом умело справлялись с этой задачей. Но теперь ереси получили такое распространение, что стали нормой для христиан на больших территориях империи – более того, это были богатые и населенные территории, жизненно важные для поддержки работы государственной машины[380].

Особо опасная угроза нависла над новым порядком после переворота 475 года. Полководец Василиск восстал против Зенона, изгнал законного императора и занял его место. Как это часто бывало в ту эпоху, политическая борьба была здесь тесно связана с семейными раздорами. Василиск был шурином императора не самых благородных кровей. Он также не отличался талантами полководца, и его главным деянием была потеря большей части римского флота при неудачной попытке захватить Карфаген. Историки продолжают спорить о том, объясняется ли это поражение его крайне неумелыми действиями или же тем, что он брал взятки со своего врага Гейзериха. Как бы там ни было, Василиск был шурином предыдущего императора Льва, а его племянница была женой Зенона, так что он считал, что может претендовать на престол. (См. Таблицу 8-3.)

Таблица 8-3.

РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ ВОСТОКА (ПОСЛЕ 476 ГОДА – ЕДИНОВЛАСТНЫЕ ИМПЕРАТОРЫ)

Лев I 457—474
Зенон 474—491
(Василиск 475–476, узурпатор)
Анастасий 491—518
Юстин I 518—527
Юстиниан 527—565
Юстин II 565—578
Тиберий II 578—582
Маврикий 582—602
Фока 602—610
Ираклий 610—641
Констант II 641—668
Константин IV 668—685

ПРИМЕЧАНИЕ: опущены императоры, правившие кратковременно, и большинство претендентов на престол.

Encyclopedia, vol.10. Ernst Honigmann, *Évêques et Évêchés Monophysites d'Asie Antérieure au Vèe Siucle* (Louvain, Belgium: L. Durbecq, 1951).

[379] Procopius, *History of the Wars*, I, xxiv, trans. H. B. Dewing (New York: Macmillan, 1914), 219–230.

[380] О реакции на Халкидон см. Grillmeier, *Chalcedon from 451 to the Beginning of the Reign of Justinian*.

Василиск пытался совершить контрреволюцию и передать власть монофизитам. После смерти Льва в 474 году александрийские монахи устремились в Константинополь и потребовали отречения от Халкидона. Новый узурпатор отнесся к ним с пониманием. Василиск восстановил патриархов из сторонников монофизитства, таких, как Петр Фулон и Тимофей Элур, в то же время константинопольский патриарх Акакий сам симпатизировал учению об одной природе. Затем Василиск обратился к Тимофею с решительным посланием, затрагивающим широкие темы. Здесь он осудил «те решения, что нарушили единство и порядок в святых церквах Божиих и мир во всей вселенной, а именно – так называемый Томос Льва и все, что говорилось и делалось в Халкидоне в нарушение священного Символа веры Никеи». Следует отказаться от этих ужасных постановлений, предать их анафеме и сжечь все соответствующие документы. Вместо этого следует видеть в Никейском и Первом Эфесском соборах окончательное и твердое выражение веры[381].

Каждый епископ в империи должен был подписать эту энциклику, что многие и сделали. Возможно, это было следствие синдрома Викария из Брея – они любой ценой хотели сохранить свои посты. Позже многие из них жаловались, что поставили свои подписи «не добровольно, но по необходимости, дав свое согласие на бумаге, но не в сердце». Как бы там ни было, такое массовое изменничество показывает, насколько хрупки были достижения Халкидона. Документ подписал патриарх Иерусалима, а также пятьсот епископов – куда больше по количеству, чем число тех, кто одобрил Халкидон в 451 году. Если в Александрии, Антиохии и Иерусалиме господствовали монофизиты, то какие представления о природе Христа доминировали в церкви в целом?[382]

И здесь можно сказать, что Египет снова грозил распространить свое влияние на императорский дворец в Константинополе. Тимофей «Проныра» вел себя так, как если бы он был религиозным вождем империи, и он рукополагал и восстанавливал своих единомышленников. Он в единоличном порядке восстановил патриархат в Эфесе и поставил там патриархом своего человека. Он даже председательствовал на очередном соборе в Эфесе, где епископы Азии полностью поддержали декларацию Василиска. Они не без угрозы заявили, что если кто-то захочет изменить эту декларацию, «весь мир перевернется вверх ногами и даже злые последствия Халкидонского собора, которые вызвали бесчисленные бойни, в которых несправедливо и беззаконно проливалась кровь верных, покажутся пустяком по сравнению с тем, что будет»[383].

Но это торжество монофизитов продолжалось недолго, поскольку надменный Тимофей настроил против себя многих других епископов – неужели египтян ничему не научил 449 год? После некоторых колебаний константинопольский патриарх Акакий начал решительно защищать халкидонскую ортодоксию. Готовясь вступить в противоборство с императором, он приготовил самое сильное оружие из всех возможных – заручился поддержкой признанного героя духа Даниила Столпника. Как показали события 431 года, святые и чудотворцы воздействуют на императоров сильнее всего. Акакий убедил Даниила покинуть свой столп, на котором тот провел много лет, являясь в мир лишь для того, чтобы изрекать пророчества, исцелять больных и изгонять бесов, и выступить против новой энциклики. Появление Даниила перед Василиском было своего рода религиозным терроризмом, император был здесь просто обязан как-то отреагировать (а по пути во дворец Даниил остановился, чтобы исцелить прокаженного). Василиск стал приносить свои извинения, а в это время констан-

---

[381] Послание цитируется по Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 340–348; Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu,* 111–114. О Василиске и его происхождении см. Priscus quoted in R. C. Blockley, ed., *The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire* (Liverpool: Cairns, 1983), 2:361–369; and Malchus, quoted in 417–419.

[382] Цитата «Не добровольно…» из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 349.

[383] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 345.

тинопольская чернь восклицала: «Император держит правую веру! Сожжем врагов ортодоксии живьем!» В тот момент Василиск и Акакий «лежали на полу у ног святого [Даниила]». Василиск издал новую энциклику, отменявшую прежнюю, но уже не мог умиротворить этим своих противников. Зенон вернул себе престол в 476 году, убив своего соперника. Он выполнил обещание не проливать крови Василиска и его родных, но это не помешало ему уморить Василиска голодом[384].

В своей отчаянной борьбе друг с другом Зенон и Василиск не нашли свободного времени, чтобы сохранить Западную империю, центром которой считался Рим, и она тихо исчезла в злосчастном 475 году. А тогдашние историки с таким пристальным вниманием наблюдали за ходом религиозных сражений, что лишь изредка отмечали иные события, происходившие на границах империи. Победа или поражение Халкидона имели куда более важное политическое значение, чем конец царствования, начавшегося со времен Августа. Историки знают, что достойно их внимания.

Но на самом деле и конец Западной империи также имел религиозные последствия, поскольку теперь на Западе власть Рима не распространялась на территории за пределами Италии. В 476 году вандалы все еще правили Северной Африкой под руководством Гейзериха, вестготы создали могучее королевство на территории Галлии и Испании, тогда как другие варвары господствовали в Италии. Все эти режимы исповедовали арианство и не зависели ни от Римской империи, ни от кафолической церкви. Вандалы насильственно присоединяли кафоликов к арианству через повторное крещение[385]. Глядя на карту с ее меняющимися границами, любой римский император мог понять, что в первую очередь ему нужно наладить добрые отношения с восточным Средиземноморьем. Поскольку Галлия, Африка и Испания исчезли с его политической карты, Египет приобретал куда более важное значение. Присоединение монофизитов Востока к единому стаду верных значило куда больше, чем благожелательное отношение кафоликов Запада.

В новой политической ситуации власть была вынуждена позаботиться о том, чтобы завоевать доверие монофизитов, особенно в Египте. В 482 году Зенон попытался раз и навсегда положить конец затянувшемуся религиозному спору. Его Генотикон, то есть акт объединения, утверждал вероучение Никеи и Первого Эфесского собора. Он содержал в себе осуждение как Нестория, так и Евтихия, а в то же время снова приводил анафематизмы Кирилла. Более спорной была попытка Зенона найти такие христологические формулировки, которые бы были приемлемы для обеих сторон. Там не упоминались такие опасные термины, как *природа* и *лицо*. Халкидон там упоминался лишь мимоходом и достаточно пренебрежительно:

> Кто же мыслил или мыслит что-либо другое, теперь или в иное время, на Халкидонском или на ином каком соборе, того анафематствуем, а особенно Нестория и Евтихия с их единомышленниками[386].

Генотикон был попыткой найти богословский компромисс, что соответствовало нуждам империи, и на первых порах он действовал благотворно. Что бы христиане ни думали об одной или двух природах, одних из них «пленяло искусство составления этого указа, другие же отнеслись к нему благосклонно, потому что хотели мира». В 482 году даже такой твердолобый монофизит, как Петр Монг в Александрии, согласился на уступки и под-

---

[384] О Даниле Столпнике см. Norman H. Baynes, ed., *Three Byzantine Saints* (Oxford: Blackwell, 1948): цитаты – 52–59. Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 346–348.

[385] Yitzhak Hen, *Roman Barbarians* (New York: Palgrave Macmillan, 2007); Peter S. Wells, *Barbarians to Angels* (New York: Norton, 2008). Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 397–398.

[386] Цитируется по Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 350–354.

писал этот документ. Совершилось нечто невероятное: несмотря на прежние конфликты, Петр восстановил общение с Константинополем[387].

Разумеется, нашлись и противники такого компромисса. Крайние монофизиты покинули коптских патриархов и стали анархичными *acephali*, «безглавыми», отвергавшими и императоров, и епископов, и эта радикальная группировка продолжала существовать в течение нескольких столетий. Но куда серьезнее была реакция на Генотикон сторонников Халкидона. Петр Монг подписал этот документ, а его халкидонский соперник в Александрии обратился к папе римскому с мольбой о спасении ортодоксии на Востоке. В ответ папа отлучил от церкви не только Петра, но также и Акакия Константинопольского. Монахи из сторонников Халкидона прикалывали постановление папы к одеяниям Акакия, когда тот служил Литургию, – чтобы это увидело как можно больше людей. Это свидетельствует о глубоком разделении в церкви, такая ситуация вполне сравнима с положением вещей за год-два до Второго Эфесского и Халкидонского соборов, только этот кризис был куда продолжительнее. С 481 по 519 год акакианская схизма отделила церкви Востока от церквей Запада, так что папы остались в стороне от событий и должны были считаться с властью готов, исповедовавших арианство. Когда в 490-х годах очередной константинопольский патриарх попытался уладить эту ссору и снова утвердить решения Халкидона, император сначала хотел его убить, но затем просто низложил его, обвинив в несторианстве[388].

Оказавшись в изоляции от великих церквей Востока, папы все меньше надеялись вернуть себе былое влияние. Об их отчаянии свидетельствует то, что они все откровеннее говорили о своих претензиях на господство, чего не стали бы делать, если бы находились ближе к политической реальности. В 494 году папа Геласий написал необычное послание, в котором он выразил идеи будущей так называемой теории двух мечей. В словах Христа о двух мечах Геласий увидел указание на две власти в мире: священническую и царскую. Как папа объяснял императору, религиозная власть всегда стоит выше светской, так что короли должны угождать священникам, а особенно папам. Несколько столетий спустя это послание обрело великую важность, оно стало основанием для папской власти над секулярным миром. Это в очередной раз показывает нам, как конфликт V века создавал основы для западной церкви Средневековья. Между 1070 и 1320 годами папы, опираясь на эту доктрину, низложили нескольких императоров и королей и вынуждали многих других униженно подчиняться власти церкви. Однако в 490-х эти необычайно дерзкие претензии указывали лишь на то, как далеко находился Рим от реальной власти или влияния на двор императоров. В ту пору доктрина Геласия выглядела не как мудрое предвидение будущего, но скорее как иллюзорное восприятие настоящего[389].

Власть монофизитов достигла апогея около 511–512 годов, когда **ключевые посты в церкви заняли** решительные противники Халкидона

Империя оставалась в руках «зеленых» на протяжении десятилетий, поскольку Генотикон удовлетворял монофизитов, но возмущал кафоликов. Анастасий, преемник Зенона (491–518), получил прекрасное богословское образование, так что он был кандидатом на престол патриарха Антиохии (это показывает, что граница между церковью и государством в те времена была очень тонка). Сам он придерживался монофизитских представлений, но не любил гонений и беспорядков. Поэтому он использовал мягкие меры, пытаясь привести две враж-

---

[387] Цитата «пленяло искусство…» из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 367. Об успехе Генотикона см. Gray, *Defense of Chalcedon in the East*, 29–31. О переписке Петра Монга с Акакием Константинопольским см. Frederick C. Conybeare, «*Anecdota Monophysitarum*», *American Journal of Theology* 9, no.4 (1905): 719–740.

[388] Cornelius Clifford, «Acacius», in *Catholic Encyclopedia* (1907), vol.1, at http://www.newadvent.org/cathen/01457d.htm.

[389] Цитата из Геласия по J. H. Robinson, ed., *Readings in European History* (Boston: Ginn, 1905), 72–73. Richards, *Popes and the Papacy*.

дебные группировки к равновесию, и прибегал к ссылке и чисткам лишь в крайних случаях, когда кто-то злостно нарушал то, что мы сегодня называем социальными нормами. Он низлагал епископов лишь тогда, когда те «призывали к решительным переменам, скажем, когда они отстаивали Халкидон либо придавали его анафеме и когда это противоречило обычаям их окружения». Но, конечно, современники видели в этой умеренности опасное потакание еретикам. Позднее ортодоксы даже обвиняли императора в том, что он был тайным манихеем, то есть отрицал материальную реальность Христа[390].

Власть монофизитов достигла апогея около 511–512 годов, когда ключевые посты в церкви заняли решительные противники Халкидона: Тимофей стал патриархом Константинополя, Севир занял престол в Антиохии. Упрямые копты Египта могли видеть, что их представления начинают господствовать в церкви. Севир в послании уверял александрийского патриарха Иоанна в том, что он сам держится «той же веры папы Кирилла и папы Диоскора». Александрийские богословы верили в то, что Бог «воздвиг для церкви и царство, и священство: царство в лице благочестивого властителя Анастасия, священство в лице святейшего патриарха Севира на антиохийском престоле, облеченного в свет, который соделался рогом спасения для церкви, держащейся правой веры». Антиохийцы требовали от Севира, чтобы он сделал еще один шаг и открыто предал проклятию Халкидон. «Уже долгое время, – взывали они, – мы хотели стать участниками этого священнодействия. Освободи наш город от Халкидонского собора! Предай ныне анафеме этот собор, перевернувший всю вселенную! Да будет проклят Томос Льва! Тот, кто этого не сделает, тот волк, а не пастырь»[391].

Хотя даже Константинополь было слишком сложно контролировать. Когда Анастасий попытался добавить к Трисвятому слова «распятый за нас», в столице начались беспорядки с кровопролитием, что свидетельствовало о популярности Халкидона. Во главе бунтовщиков стояли монахи *Akoimetai*, «неусыпающие», у которых богослужение в течение суток, днем и ночью, не прерывалось. И не в первый раз недовольные обратились за помощью к женщине из рода Феодосия – к Аниции Юлиане, внучке западного императора Валентиниана III. Выкликая смертельно опасный лозунг «Риму – нового императора!», противники монофизитов стремились поставить на престол ее мужа вместо Анастасия, но тот благоразумно отказался от этого поста. Неудивительно, что за этим последовали крайне жестокие репрессии, поскольку ситуация была чрезвычайной, а режиму некуда было отступать. «Многие скончались под пытками, многих бросили в море»[392].

К самому началу VI века в церквах царило глубокое смятение, **людям казалось, что настала сатанинская** анархия

К самому началу VI века в церквах царило глубокое смятение, подобное тому, что сегодня происходит среди деноминаций в Америке, только мы уже к этому привыкли, а тогда людям казалось, что настала сатанинская анархия. Вот как ту эпоху описывает историк церкви Евагрий:

> Халкидонский Собор в то время не был ни явно признаваем в святейших церквах, ни вовсе отвергаем, – и каждый из предстоятелей

---

[390] Цитата «призывали к решительным переменам…» из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 367. О правлении Анастасия см. Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu,* 121–132; A. D. Lee, «The Eastern Empire», in Cameron, Ward-Perkins, and Whitby, *Cambridge Ancient History*, 34–62; Grillmeier, *Christ in Christian Tradition*, vol.2*, From the Council of Chalcedon (451) to Gregory the Great (590–604),* part 2, *The Church of Constantinople in the Sixth Century* (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1995).

[391] Цитата «воздвиг для церкви…» из Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:449; «Уже долгое время…» – парафраз из Witakowski, *Pseudo– Dionysius of Tell-Mahre*, 13–14; Grillmeier, *Constantinople in the Sixth Century*; Honigmann, *Évêques et Évêchés Monophysites d'Asie Antérieure au Vèe Siucle.*

[392] Лозунг бунтовщиков взят из Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*, 9; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 386; Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, 126–128.

> распоряжался так, как ему заблагорассудилось. Только некоторые из них весьма мужественно отстаивали, что было изложено на том Соборе, и не дозволяли ни выбросить какой-нибудь слог из его определений, ни допустить в них перемену хотя бы одной буквы, и с великой горячностью волнуясь, никак не принимали в общение тех, которые отвергали его постановления. Другие же не только не признавали Халкидонского собора и его определений, но и предавали анафеме как самый Собор, так и Томос Льва[393].

Христианский мир разделяли суровые акты взаимного отлучения:

> …Ни восточные епископы не имели единения с западными и ливийскими, ни те – взаимно с восточными. Дело дошло до величайшего беспорядка; ибо как восточные предстоятели не входили в общение между собой, так и распоряжавшиеся престолами в Европе и Ливии не благоприятствовали ни взаимному единению, ни единению с предстоятелями вне их границ[394].

Вспышки насилия на почве веры могли возникнуть в любом месте в любое время. Чтобы лучше представить себе атмосферу того времени, обратимся за примером к Сирии. Около 512 года антиохийский патриарх Флавиан подвергся столь жесткому давлению со стороны монофизитов, что в итоге Анастасий вынужден был его низложить и отправить в ссылку. Подстрекателем в этом конфликте стал монофизитский епископ Филоксен, старый ученик Петра Фулона. Филоксен призвал монахов всех окрестностей Антиохии устремиться на штурм города. Они, «собравшись вместе, в большом смятении и беспорядке ворвались в город и стали насильно требовать от Флавиана, чтобы он предал анафеме Халкидонский Собор и Томос Льва». Но это возмутило горожан, которые либо стояли за Флавиана, либо просто не желали терпеть столь грубого вмешательства в их жизнь. «Городская чернь поднялась и перебила множество монахов, так что они в огромном числе нашли себе гроб в Оронте, и их трупы погребены были в волнах его». Мы не знаем, что в данном контексте следует понимать под «множеством», но, вероятно, речь здесь идет, как минимум, о десятках погибших[395].

Казалось, уже ничто не может спасти учение Халкидона, но здесь опять положение изменилось в силу превратностей политической жизни. В 518 году после смерти Анастасия его преемником стал неграмотный полководец Юстин. Поскольку Юстин симпатизировал Халкидону, режим начал свою привычную игру: низложение епископов, отказывающихся принять новый порядок, и назначение или восстановление сторонников Халкидона. Юстин также восстановил общение между Римом и Константинополем. В памяти монофизитов он остался как Юстин Ужасный.

Спасение Халкидона

В тот момент перемены 518 года воспринимались как очередной этап игры, которая никогда не завершится. Казалось, что и дальше ортодоксальные и монофизитские импера-

---

[393] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 367.

[394] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 367.

[395] Цитаты из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 371. Roberta C. Chesnut, *Three Monophysite Christologies* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1976); Sebastian Brock, M. A. Mathai Remban, et al., *Philoxenus of Mabbug* (Kottayam, India: St. Ephrem Ecumenical Research Institute, 1989); A. A. Vaschalde, *Three Letters of Philoxenus Bishop of Mabbôgh (485–519)* (Rome: Tip. della R. Accademia dei Lincei, 1902) at http://www.tertullian.org/fathers/philoxenus_three_02_part1.htm.

торы будут сменять один другого в случайном порядке на протяжении столетий, и любой верующий, оказавшийся в опале при одном режиме, знал, что ему лучше всего терпеливо ждать, пока двор не переменит своей ориентации. Лишь много лет спустя после воцарения Юстина стало понятно, что с ним родилась новая династия, благосклонная к Халкидону. Династия Юстиниана находилась у власти достаточно долго, с 518 по 602 год, – и она настойчиво внедряла принципы Халкидона, так что в итоге все привыкли думать, что имперская власть поддерживает именно эту версию ортодоксии.

Кроме того, новый режим для укрепления своей позиции применял репрессии в невиданных ранее масштабах. В первую очередь нужно было сделать надежными войска, так что солдаты должны были согласиться с Халкидоном, иначе им не выдавали паек. Затем настала очередь церкви. Только в Сирии и Малой Азии более пятидесяти епископов были низложены или высланы, включая тех, что занимали самые почетные престолы. В Сирии гонения на противников Халкидона происходили в 519, 532 и 536 годах, так что населению дали понять, что это в любой момент может повториться. Монофизитские авторы отметили зловещее появление кометы в 519 году; это космическое знамение предсказывало будущие ужасные события. Гнев Божий на гонителей веры еще более явно показало великое землетрясение 526 года, в результате которого в Антиохии погибли, как принято думать, сотни тысяч людей. Тот, кто не видел в этих знамениях и событиях Божьего гнева, просто не может понять принципов научного понимания мира[396].

> В Амиде, крупном городе Востока, новый епископ Авраам **сжигал и распинал своих противников** и с помощью солдат вкладывал причастие **в уста сопротивляющихся.** *Один священник,* с которым воинам **ничего не удалось** сделать, **остался в памяти** людей как Кир Плеватель – хотя вскоре его **и сожгли живьем**

Павел Еврей, преемник Севира на патриаршем престоле в Антиохии, был знаменитым гонителем монофизитов. Сторонников одной природы «вынуждали покидать монастыри, их грабили, хватали, заковывали в железо, бросали в тюрьмы, влекли на суд и подвергали различным пыткам». Им приходилось скрываться в сельской местности, скрываться на холмах и в пещерах и всегда опасаться, что их настигнут преследователи[397]. Другие епископы действовали еще грубее, так что их методы напоминали о будущих погромах или преследованиях еретиков в эпоху Высокого Средневековья. В Амиде, крупном городе Востока, новый епископ Авраам сжигал и распинал своих противников и с помощью солдат вкладывал причастие в уста сопротивляющихся. Один священник, с которым воинам ничего не удалось сделать, остался в памяти людей как Кир Плеватель – хотя вскоре его и сожгли живьем[398].

Великие расколы

Монофизиты, которые постоянно претерпевали гонения, поняли, что их окончательно исключили из жизни церкви, и начали приспосабливаться к новой ситуации. К середине VI века огромные части ранее единого христианского мира откололись от церкви, заключившей союз с империей. Христианский мир стал пестрым набором соперничающих церквей, каждая из которых считала только саму себя подлинным телом Христовым.

Первой группой, обретшей самостоятельность, стала Церковь Востока, обычно называемая несторианской церковью, которая отказалась принимать решения Первого Эфесского

---

[396] Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*; Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 390–391; Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, 135–136.

[397] Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*, 22–24.

[398] Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*, 35–36. См. также Harvey, *Asceticism and Society*.

собора. Церковь Востока сохранила верность Несторию, считая его оклеветанным учителем и святым отцом. Один позднейший несторианец вспоминал своего учителя такими словами:

> Итак, ты предпринял долгое и трудное путешествие с Востока на Запад, чтобы принести свет душам, погруженным во тьму египетских заблуждений и живущим в дыму богохульства Аполлинария. Но люди возлюбили тьму более, нежели свет, потому что очи их ума были ослеплены личными пристрастиями[399].

Эта церковь сохранила ученые труды, которые вызывали подозрение у христиан Римской империи.

Несториане пользовались достаточно большой свободой в силу того, что важнейшие их центры располагались на востоке Сирии, в Месопотамии и Персии. Эти регионы в целом были независимы от римского контроля или, в худшем случае, подпадали под влияние империи лишь иногда. Когда римский мир стал с еще большим подозрением относиться к богословию антиохийцев, книжники и богословы начали перемещаться на восток, в частности в Эдессу, где Ива открыл знаменитую школу. Однако в 489 году император Зенон, пытаясь снискать расположение монофизитов, совершил попытку разгромить это движение. Тогда богословская школа переместилась из Эдессы в древний месопотамский город Нисибис. Здесь последователи антиохийцев оказались под властью Персидской империи, тогдашней соперничающей с Римом сверхдержавы, где в конце V века к ним относились достаточно терпимо. В 498 году глава церкви был официально провозглашен патриархом Вавилона, хотя на самом деле его резиденцией была столица Персидской империи Селевкия-Ктесифон. В начале VII века великий богослов и мистик Мар Бабай благодаря своей независимости от Рима мог заново систематизировать богословие двух природ, параллельно занимаясь реорганизацией церковных структур. Бабая Великого как мыслителя по праву можно поставить рядом с любыми другими знаменитыми отцами церкви[400].

Хотя несториане оставались меньшинством в империи, официальной религией которой был зороастризм, персидский контекст позволил этой церкви широко распространиться по миру: ее миссионеры действовали на территории Средней Азии – на территориях Киргизии, Туркмении и Афганистана. К началу VII века несториане уже добрались до Китая, а иные миссионеры отправлялись морским путем в Индию и Шри-Ланку[401].

Но не только несториане освободились от власти Константинополя и Рима. Появились новые расколы, которые воплощали в себе наихудшие опасения эпохи Эфеса и Халкидона. Египет неофициально уже стал независимым, а его примеру готовы были последовать церкви западной Сирии, где монофизитское духовенство, поставленное Анастасием, оставило глубокий след на сознании христиан. И хотя длительный период, когда империя симпатизировала монофизитству, завершился в 518 году, эта богословская школа не исчезла, но начала приспосабливаться к новым обстоятельствам[402].

На тот момент самой важной фигурой нового движения был Севир, занимавший пост антиохийского патриарха с 512 по 518 год, который стал святым покровителем монофизитства. Историк Френд справедливо называет его «одним из величайших героев религиоз-

---

[399] Nestorius, *Bazaar of Heracleides*, 3.

[400] Stephen Gero, *Barˑsauma of Nisibis and Persian Christianity in the Fifth Century* (Louvain: Peeters, 1981); G. J. Reinink, *Syriac Christianity under Late Sasanian and Early Islamic Rule* (Aldershot, UK: Ashgate, 2005); Adam H. Becker, *Fear of God and the Beginning of Wisdom* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2006); Sebastian Brock, *Fire from Heaven* (Farnham, UK: Ashgate, 2006).

[401] Adrian Fortescue, *The Lesser Eastern Churches* (London: Catholic Truth Society, 1913); Donald Attwater, *The Christian Churches of the East* 2 vols. (Milwaukee: Bruce Publishing, 1947–1948).

[402] Grillmeier, *Constantinople in the Sixth Century*.

ной истории восточного Средиземноморья», что звучит величественно, если вспомнить, с какими фигурами здесь его сравнивают. Он был славен тем, что отказался от любых мирских утешений, в том числе от постели или яств, приятных для рта. Севир не только был в высшей степени предан учению монофизитов, но и создал альтернативные структуры церкви. Уроженец Писидии, города в Малой Азии, он стал монахом около Газы, в самой сердцевине территории, находящейся под влиянием Петра Ивера. Севир поселился в обители, которую основали и которой управляли самые строгие последователи Евтихия и учения об одной природе[403]. Севир отказывался от любых компромиссов, а потому отверг Генотикон и осудил александрийского патриарха Петра Монга, который согласился принять этот документ. Обычно там, где оказывался Севир, проливалась кровь – сначала в Александрии, где он участвовал в стычках монофизитов с ортодоксами, а затем в Константинополе. Став патриархом Антиохии, он систематически убеждал или принуждал подчиненное ему духовенство следовать его линии. Севир создал еще один прецедент: он требовал строгости (*akribeia*), в том смысле, что его последователи не должны принимать причастие из рук халкидонских священнослужителей[404].

Когда в 518 году Юстин пришел к власти, Севир покинул Антиохию, чтобы избежать ареста или чего похуже: Юстин распорядился вырвать ему язык за подстрекательство к бунту. Важно, что последователи продолжали считать его законным патриархом до дня его смерти около 538 года, что породило еще один раскол в огромной юрисдикции. Его влияние было так сильно, что был даже издан особый указ: тот, кто хранит у себя труды Севира, должен их немедленно сжечь, иначе ему отрубят правую руку. Позднее Севир стал духовным вождем разных народов, подобно папе, с мнением которого считаются разные кафолические церкви. Во многом именно благодаря Севиру к 530-м годам монофизиты в разных землях и говорящие на разных языках начали действовать согласованно. Они постепенно стали походить на альтернативную вселенскую церковь[405].

В последние годы правления Анастасия Египет стал «свободной зоной» для приверженцев учения об одной природе, и естественно, что Севир должен был бежать именно туда. Важное событие произошло в 516 году, когда император, склонный к монофизитству, поставил своего единомышленника патриархом Александрии, – однако население отвергало его потому, что он был представителем порочных *archontes*, властителей. В данном контексте это слово указывает на носителей власти Римской империи, хотя оно же может обозначать демонические силы, господствующие в материальном мире. Казалось, между императором и дьяволом разница не столь уж велика. События 516 года привели к тому, что египетская церковь почти открыто заявила о своей независимости и приняла монофизитство как свою национальную веру[406].

---

[403] Цитата из Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 201. Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 372–374. О Севире см. Iain R. Torrance, *Christology after Chalcedon* (Norwich, UK: Canterbury, 1988); E. W. Brooks, ed., *A Collection of Letters of Severus of Antioch* 2 vols. (Turnhout, Belgium: Brepols, 1985–2003); Allen and Hayward, *Severus of Antioch*; Youhanna Nessim Youssef, ed., *The Arabic Life of Severus of Antioch Attributed to Athanasius of Antioch* (Turnhout, Belgium: Brepols, 2004). О Газе см. Brouria Bitton-Ashkelony and Aryeh Kofsky, eds., *Christian Gaza in Late Antiquity* (Leiden: Brill, 2004).

[404] Frend, *Rise of the Monophysite Movement,* 62. Об ответной борьбе халкидонцев с Севиром см. see Patrick T. R. Gray, ed., *Leontius of Jerusalem* (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

[405] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 389. For Justin and Severus, see Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, 133–134. Lucas van Rompay «Society and Community in the Christian East», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 239–266.

[406] Frend, *Rise of the Monophysite Movement,* 72–74.

Юстиниан

В 527 году Юстина сменил его племянник Юстиниан, царствовавший на протяжении почти сорока лет. В начале правления он пытался смягчить вражду между сторонниками и противниками Халкидона и потому в какой-то мере поддерживал монофизитское духовенство. Однако в середине 530-х он явно стал поддерживать халкидонцев. Отчасти это было можно объяснить тем, что ему удалось отвоевать большие территории бывшей Западной империи – Италию, Северную Африку и даже юг Испании – и установить над ними римскую власть, так что империи следовало считаться с мнением Запада. Под давлением римского папы Юстиниан низложил константинопольского патриарха Анфима, сторонника монофизитства. За этим последовала чистка великих престолов, «и с той поры Халкидонский собор открыто признавался во всех церквах и никто не дерзал предавать его анафеме; если же кто-то был с этим несогласен, его принуждали покориться разными способами»[407].

Действия Юстиниана в Александрии показали, что наступил поворотный момент в истории. Со времен Петра Монга единый александрийский патриархат возглавляли монофизиты, которые правили и сторонниками, и противниками Халкидона. Последним патриархом единой церкви был Феодосий, но он был низложен Юстинианом в 536 году и затем провел несколько десятилетий в заточении в Константинополе. После этого момента появились два независимых патриархата: коптский и халкидонский, – и им уже никогда не было суждено соединиться. Так появились две соперничающие церкви, каждая со своей иерархической структурой[408].

Но Юстиниан находился в куда более сложном положении, чем может показаться, и опять же важнейшую роль во всем здесь играли придворные женщины. Если Юстиниан решительно стоял за Халкидон, его жена Феодора с не меньшим энтузиазмом защищала монофизитов. Это было немаловажным обстоятельством, поскольку сама Феодора пользовалась огромной властью и буквально была вторым императором. Эта одаренная женщина имела огромное влияние среди придворных и была незаменимой поддержкой для епископов непокорных церквей.

Двор Юстиниана так умело хранил равновесие между этими двумя позициями, представляя собой, так сказать, союз двух отдельных лиц и двух природ, что мы даже вправе задаться вопросом: а не было ли такое разделение сознательной политикой? Даже если Феодора была сильным самостоятельным деятелем и не желала разделять симпатии мужа, вероятно, супруги достигли согласия в этом вопросе и использовали свои различия в политических целях. Юстиниан был в высшей степени ортодоксальным императором, которого радостно поддерживали все халкидонцы, а в это время Феодора исполняла роль необходимого предохранительного клапана, так что монофизиты помнили, что при дворе у них есть сильная защитница. Это снижало вероятность того, что противники Халкидона станут поднимать восстания или устраивать перевороты. Хотя такая продуманная хитрость кажется нам чем-то почти невероятным, историк Евагрий предполагает, что это делалось совершенно сознательно[409].

---

[407] Цитата из Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 395. Averil Cameron, «Justin I and Justinian», in Cameron, Ward-Perkins, and Whitby, *Cambridge Ancient History*, 63–84; T. R. Gray «The Legacy of Chalcedon», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 215–238. О бедственных последствиях религиозной политики Юстиниана см. James J. O'Donnell, *The Ruin of the Roman Empire* (London: Ecco, 2008).

[408] О растущем ощущении кризиса в 530-х см. Gray, *Leontius of Jerusalem*. Grillmeier, *Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451*, 53–59.

[409] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 394.

Пятый собор

Юстиниан и другим способом попытался оставить открытыми каналы общения со сторонниками одной природы. В 540-х годах императора беспокоила растущая популярность радикальных и мистических идей александрийского богослова III века Оригена, теории которого продолжали жить на протяжении столетий после его смерти. Но нападение на Оригена давало императору и некоторые политические выгоды в сложной религиозной ситуации. Идеи Оригена можно было связать с мыслями некоторых богословов V века, которые были главными сторонниками теории двух природ, таких, как Феодор Мопсуестийский, Феодорит Кирский и Ива Эдесский. Это был прекрасный способ завоевать доверие монофизитов, осудив их старинных и самых ненавистных врагов.

Итак, в 543 году Юстиниан предложил осудить «три главы» – достаточно произвольную подборку текстов, содержащих наиболее смелые и спорные идеи этих богословов. Разумеется, эти трое – Феодор, Феодорит и Ива – всегда были главными злодеями для последователей Кирилла, которые считали их несторианцами. Появление Ивы и Феодорита на Халкидонском соборе чуть ли не вызвало бунт. **И** вот почти столетие спустя Юстиниан был готов осудить этих давно умерших людей, и особенно те их тексты, где они нападали на считавшегося святым Кирилла. Император хотел ясно дать понять монофизитам, что Халкидон всегда был отделен прочной стеной от несториан. В идеале этот щедрый жест мог бы положить начало примирению[410].

> Почти столетие спустя Юстиниан был готов осудить **умерших людей, этих давно** и особенно те их тексты, где **они нападали** *на считавшегося святым* Кирилла

Но Юстиниан забыл об одном из важнейших уроков церковной политики той эпохи: не стоит будить спящие соборы. Когда он попытался заручиться поддержкой тогдашнего папы Вигилия, он понял, что папе вовсе не симпатичен процесс над давно умершими людьми, которые не в силах себя защищать. Вигилий также помнил, что двое из этой троицы были оправданы и восстановлены Халкидонским собором, и у него не было желания пересматривать прежнее решение. Папы считали защиту Халкидона важнейшим приоритетом, они отражали все попытки умалить значение даже второстепенных решений этого собора, и церковь Запада занимала такую же позицию. Так, подняв без необходимости старые религиозные споры, император вступил в войну с папой. Среди прочего, по ходу этой войны в 547 году папа был насильственно задержан в Константинополе, а позже отправился в ссылку[411].

В 553 году император устроил в Константинополе собрание епископов, которое позже стали называть Пятым Вселенским собором, считая предыдущим Халкидон. В столицу прибыло около 160 епископов, преимущественно с Востока, поскольку затяжные войны Юстиниана опустошили остатки былой Римской империи в Италии и Африке. В итоге собор дал Юстиниану то, чего император добивался, и снова утвердил формулировку ипостасного союза, которая в большей мере опиралась на терминологию Кирилла. Но эта победа не дала Юстиниану почти никаких преимуществ на Востоке и даже обернулась новым расколом, поскольку эти решения не приняли некоторые провинции Италии[412].

---

[410] Gray, «Legacy of Chalcedon».

[411] Claire Sotinel, «Emperors and Popes in the Sixth Century», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 267–290.

[412] Richard Price, ed., *The Acts of the Council of Constantinople of 553*, 2 vols. (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2009). Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 419–423. Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 297–324. О последних годах Юстиниана см. Charles, *Chronicle of John, Bishop*

Удивительно, что это не угасило желание Юстиниана вмешиваться в религиозные споры. Его поведение стало настолько странным, что оно оправдывало мнение его современника, историка Прокопия, который считал, что император страдал приступообразной манией величия и поступал разумно лишь тогда, когда прислушивался к советам своей жены. Однако в 548 году Феодора умерла, а Юстиниан постарел и стал еще безумнее. В последние годы он держался собственной ереси, которая представляла собой столь радикальное монофизитство, что она возмущала даже большинство сторонников одной природы и напоминала идеи Евтихия. Это была ересь *Aphthartodocetae*, идея о том, что тело Христа всегда было нетленным. Император уже пытался навязать эту дикую доктрину всей церкви, но, к счастью, в этот самый момент скончался, иначе он только бы усилил сумятицу, царившую в религиозной жизни.

Новая монофизитская церковь

Хотя правление Юстиниана было триумфом Халкидона, окружение Феодоры стало убежищем для монофизитов и их организационным центром. Она поддерживала монастыри для сотен монахов и монахинь, изгнанных из их обителей в Сирии и Малой Азии, которые ранее десятилетиями никто не трогал. Считают, что она приложила руку к назначению Анфима патриархом Константинополя в 535 году, несмотря на то что он был связан с радикалом Севиром. Когда на следующий год Анфим был низложен, он на протяжении двадцати лет скрывался в ее дворце. Она защищала Севира и давала у себя кров Феодосию, изгнанному патриарху Александрии, который превратил Константинополь в штаб-квартиру правительства в изгнании, что продолжалось до 560-х годов[413].

> С 540 – х годов религиозные разделения стали более жесткими **и формализованными, что отчасти объясняется бедствиями,** обрушившимися на цивилизованный мир

С 540-х годов религиозные разделения стали более жесткими и формализованными, что отчасти объясняется бедствиями, обрушившимися на цивилизованный мир. 541 год ознаменовался началом масштабной эпидемии чумы, сравнимой со знаменитой «черной смертью» XIV века. По отчетам современников, в одном только Константинополе погибло триста тысяч человек. На протяжении нескольких последующих десятилетий поветрие убило миллионы людей в Европе, Азии и Африке, что ослабило империю, которая и без того была обессилена десятилетиями войн. Это был катастрофический период в истории античного мира, один из критических моментов перехода к менее богатому и более локализованному миру Средневековья[414]. Поскольку общество привыкло видеть в таких событиях знамения, эти бедствия наложили отпечаток и на религиозную жизнь. И халкидонцы, и монофизиты видели здесь проявление Божьего гнева из-за уступок неправой вере. Поляризацию двух сторон усилила смерть Феодоры, с которой умерли и последние надежды монофизитов. Здесь даже самые оптимистичные из них ясно поняли, что империя отвергла то, что они считали истинным христианством.

Главным монофизитским деятелем той эпохи стал сириец Иаков Барадей, «Бродяга», который продолжил дело Севира по созданию альтернативной церкви в Сирии и на Востоке.

---

of Nikiu, 148–150.

[413] Frend, *Rise of the Monophysite Movement*.

[414] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 409–412; Witakowski, *Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre*, 87. Peregrine Hordern, «Mediterranean Plague in the Age of Justinian», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 134–160; William Rosen, *Justinian's Flea* (New York: Viking, 2007); Lester K. Little, ed., *Plague and the End of Antiquity* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007).

В начале царствования Юстиниана Иаков вместе с соратниками приходил к Феодоре просить ее за монофизитских епископов и священников Востока, отправленных в ссылку или заключенных в темницу. С начала 540-х годов он действовал как епископ, а его миссионерским центром была Эдесса. Он без конца проповедовал, где только мог, и так появилась новая или возрожденная к жизни церковь, которую называют Яковитской. Как отмечают некоторые источники, он рукоположил буквально тысячи священнослужителей и создал новую церковную иерархию. В 544 году он поставил нового патриарха Антиохии и принял все меры, чтобы в этом городе всегда существовала параллельная независимая иерархия, отделенная от сторонников Халкидона, как это уже было в Александрии. В 558 году он назначил альтернативным епископом Эфеса некоего Иоанна, чьи исполненные ярости и фанатизма тексты остаются важным источником исторических сведений о той эпохе. После смерти Феодосия Александрийского в 566 году деятельный Иоанн возглавил местную партию монофизитов[415].

К концу VI века Яковитская церковь широко распространилась на территориях Сирии и Востока, подобно великой церкви Египта. Не только епископы и патриархи, но и простые монахи и священнослужители начали создавать то, что потом стало богатой монофизитской культурой с ее особой литературой и особым менталитетом. Здесь создавались жития святых и мучеников, отражавшие благочестие верных, и появились альтернативные труды по истории христианства. Здесь героями веры считали таких людей, как Севир и Петр Ивер. Как основоположники христианской историографии сохраняли для следующих поколений воспоминания о страданиях мучеников от рук языческой власти, так и их монофизитские преемники рассказывали о гонениях святых со стороны империи, исповедующей ложную версию христианства. В новых церквах изменился также и язык. Хотя греческий оставался главным языком христианства, монофизиты Сирии все больше пользовались сирийским, а египетские – коптским[416].

Эти церкви распространяли свое влияние за пределы воображаемых границ римского мира. Как Египет был духовным центром для христиан соседних африканских царств, так и Сирия обрела свои сферы влияния на Востоке. В Армении два собора в Довине (506 и 554) официально отвергли Халкидон, так что местная церковь влилась в широкую сеть монофизитов[417]. Богословские представления той эпохи не позволяли христианской Римской империи мириться с существованием независимых деноминаций, однако не все императоры прилагали жестокие меры для введения ортодоксии Халкидона. Положение монофизитов ухудшилось во время правления Юстина II, преемника Юстиниана. Это был глубоко тревожный человек, который все больше погружался в безумие: рассказывают, что он для облегчения своей тоски требовал, чтобы в его дворце непрерывно ревел во всю мощь орган. Но в ту пору, когда он еще не страдал так сильно, Юстин пытался найти окончательное решение проблемы монофизитов, используя для этого как ключевую фигуру константинопольского патриарха Иоанна Схоластика. Этот ученый муж мучительно искал такую формулировку, которая бы удовлетворила обе стороны, и довольно быстро, казалось бы, нашел гениальное решение, так что в 571 году ему в какой-то степени удалось добиться их примирения и вос-

---

[415] Harvey, *Asceticism and Society.* Honigmann, *Évкques et Évкchés Monophysites d'Asie Antérieure au VIe Siucle,* 168–177.

[416] Jean-Baptiste Chabot, «Syriac Language and Literature», in *Catholic Encyclopedia* (1912), vol.14, http://www.newadvent.org/cathen/14408a.htm; Samuel H. Moffett, *A History of Christianity in Asia,* 2nd rev. ed. (Maryknoll, NY: Orbis, 1998); Ignatius Aphram I. Barsoum, *The Scattered Pearls*, rev. ed. (Piscataway, NJ: Gorgias, 2003); Grillmeier, *Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451*, 60–88.

[417] Nina G. Garsoïan, *Church and Culture in Early Medieval Armenia* (Brookfield, VT: Ashgate, 1999); Nina G. Garsoïan, Thomas F. Mathews, and Robert W. Thomson, eds., *East of Byzantium* (Washington, DC: Dumbarton Oaks, Center for Byzantine Studies, Trustees for Harvard University, 1982).

становления отношений. Но мирный период длился ровно один год, после чего монофизиты в очередной раз предали Халкидон проклятию[418].

По версии монофизитских источников Иоанн после этого сделался ужасным гонителем веры, так что его образ приобрел демонические черты.

> Он издал жестокий указ, согласно которому надлежало закрыть все места, где собирались верующие [монофизиты], разрушить воздвигнутые там алтари, связать их священников и епископов и бросить их в темницу, а тех, кто там собирался, изгнать и рассеять, повелев им никогда больше туда не приходить[419].

Монофизитский историк Иоанн Эфесский оставил описание гонений, которым в те годы подверглись его единоверцы, когда епископов низлагали или заставляли покориться властям. Так, он описывает, как патриарх потребовал от Стефана, епископа Кипра, чтобы тот заявил о своей лояльности относительно Халкидона. Мы не знаем, насколько исторически достоверно описываемое событие – Иоанн не писал объективной истории, – но его рассказ позволяет понять, что каждая сторона думала о своих противниках. Стефану хотели насильно вложить в уста причастие, чтобы тем засвидетельствовать его лояльность. Патриарх послал к нему священников и стражников:

> …велев им бить его дубинками, пока у того изо рта не пойдет кровь, если он не соглашается принимать причастие. Двенадцать палачей избивали епископа, пока тот не упал на землю; он ничего не говорил и был как мертвый. Но, увидев, что он неподвижен и, как им казалось, умирает, они принесли четыре ведра воды и вылили на него, так что через какое-то время его душа к нему вернулась и он возвратился к жизни как бы из царства мертвых. И тогда силою они вынудили его принять причастие[420].

На этой стадии гонители перестали признавать рукоположение монофизитов, так что тем, чтобы оставаться в сане, необходимо было совершать повторное посвящение. Это было серьезной мерой, опасным каноническим новшеством, которое ставило под вопрос принцип апостольского преемства. Как бы глубоко они ни впали в богословские заблуждения – точнее, как бы далеко их взгляды ни отстояли от официальной линии, – монофизитские священники, несомненно, получили рукоположение от той же церкви и за их авторитетом стояла та же цепочка прославленных святых и епископов, что и за другими. Можно ли было отменить это положение вещей по указу имперской власти? И если да, то это означало бесповоротный разрыв между двумя сторонами. Протестующий епископ Стефан восклицал: «Увы, увы! Христианство разрушено! Постановления христианской церкви упразднены. Все правила и каноны церкви Божией унижены и попраны, их нарушают!»[421] Рукоположение Стефана было вполне каноничным, он служил епископом уже двадцать лет, а теперь он был «лишен священства среди верных» и должен был ожидать повторного посвящения в сан. В итоге патриарх отказался от подобных чрезвычайных мер, но они остались в памяти как горькая несправедливость.

Не все императоры прибегали к подобным – или хотя бы к более мягким – мерам, некоторые из них не хотели обращаться с другими христианами так, как принято обращаться с врагами церкви. Когда патриарх пытался продолжать политику гонений при новом императоре Тиберии II, он увидел, что его деятельность не вызывает симпатии. Если они христиане,

---

[418] Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 426–430; и 436 – о безумии Юстина.

[419] Smith, *John Bishop of Ephesus*, 4–5.

[420] Smith, *John Bishop of Ephesus*, 18–19.

[421] Smith, *John Bishop of Ephesus*, 19–20.

сказал Тиберий, он бы не стал так с ними поступать. «Почему, – спросил он, – ты призываешь меня преследовать христиан, как если бы я был Диоклетианом или одним из языческих кесарей? Отправляйся в свою церковь и веди себя тихо и не смущай более мое спокойствие подобными вещами». Но Тиберий был исключением. С 560-х годов и далее «истинно верные христиане» – которых их враги называли монофизитами – регулярно подвергались преследованиям и дискриминации[422].

Восток под угрозой

Прошло сто пятьдесят лет после Халкидона, и христианский мир, казалось, зашел в тупик. Монофизиты отдавали себе отчет в том, что они уже никогда не одержат победы в империи, но и ортодоксы понимали, что инакомыслящие христиане никуда не денутся – они продолжали существовать и не сдавались.

Религиозные разделения такого масштаба были крайне опасны для политики, поскольку инакомыслящие христиане населяли восточную часть империи, которая должна была сдерживать нашествие врагов. Рим уже давно соперничал с Персией. В 260 году персы взяли в плен императора Валериана, а потом из его останков сделали чучело, которое долго еще демонстрировали во дворце персидского царя как военный трофей. Войны продолжались и далее, иногда в них одерживал победы Рим, а иногда – Персия. Но напряженность между ними резко усилилась в VI веке, соответственно, выросли и ставки. Если раньше державы сражались просто за пограничные районы, такие, как Армения и Месопотамия, то теперь под вопросом оказалось само их существование. Это была великая битва за выживание. На протяжении VI и в начале VII века персы угрожали самой сердцевине Восточной империи – Сирии и Палестине, Малой Азии и даже Египту. Эти войны были окрашены религией, поскольку персы обосновывали свою агрессивную политику тем, что они должны распространять зороастризм, так что обе стороны сражались за славу Божию. После захвата города победители часто сознательно разрушали то, что связано с верой противника: то есть разоряли (соответственно) церкви или зороастрийские храмы огнепоклонников и убивали тех, кто в них находился. С политической и религиозной точки зрения это была смертельная схватка[423].

Отчаянные сражения шли в 502–505, 527–532 и 540–545 годах, а с 572 по 591-й война вообще не прекращалась. В целом персы умело хранили свои позиции и их укрепляли. Это было передовое государство, применявшее лучшие тогдашние технологии, последние достижения инженерии и совершеннейшие осадные машины, кроме того, они поддерживали дисциплину и умело применяли стратегию, чего обычно не хватало войскам варваров на Западе. Предвосхищая войны средневековых рыцарей, персы широко использовали конницу со всадниками, *cataphractarii*, защищенными прочными доспехами[424].

Отдельные удачи персов вызывали настоящую панику у обитателей того, что осталось от Римской империи. В 540 году персы вторглись в Сирию, где они захватили и разграбили некоторые древнейшие христианские центры. Они полностью разрушили Антиохию, а затем увели из нее в плен десятки тысяч жителей. А всего за несколько лет до того этот город пережил крупное землетрясение. Хотя позже Юстиниан попытался восстановить Антиохию,

---

[422] Smith, *John Bishop of Ephesus*, 72–73.

[423] Geoffrey Greatrex, «Byzantium and the East in the Sixth Century», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 477–509; Peter M. Edwell, *Between Rome and Persia* (London: Routledge, 2008); Zeev Rubin, «Persia and the Sasanian Monarchy», in Jonathan Shepard, ed., *The Cambridge History of the Byzantine Empire c.500—1492* (New York: Cambridge Univ. Press, 2009), 130–155; также R. W. Thompson, «Armenia», in Shepard, *Cambridge History*, 156–172.

[424] Michael Whitby, *The Emperor Maurice and His Historian* (New York: Oxford Univ. Press, 1988). Evagrius, «History of the Church», in Walford, *History of the Church*, 433–444.

этот город уже никогда не вернул себе былой славы. Разрушение традиционного сирийского центра Средиземноморья повлекло за собой то, что этот регион стал более податливым к экономическому и культурному влиянию Востока. Вследствие этого церковь Сирии стала ориентироваться на более суровых монофизитов, обитавших вдалеке от побережья[425].

В начале VII века казалось, что римский мир вскоре рухнет. Когда в 610 году на императорский трон восшел Ираклий, это была практически ситуация агонии империи. Персы теснили римлян на восточных границах. В это же время авары – варварское племя, родственное гуннам, – опустошали Балканы. В 614 году персы заняли Иерусалим, устроив там ужасающую резню: «злые персы, чьи сердца не знают жалости, разошлись по всему городу и быстро перебили всех его жителей». Они рубили мужчин, женщин и детей «как капусту».

> Святые церкви горели, в других были до основания разрушены грандиозные алтари, святые кресты валялись на земле и их топтали ногами, животворные иконы были испачканы нечистотами. Затем они направили свой гнев на священников и диаконов: их резали в церквях, как немых животных[426].

Персы даже захватили самую почитаемую реликвию христианского мира – крест, на котором (как полагали) был распят Христос. Они опустошили Сирию и Малую Азию, дойдя на западе до самого Халкидона, и заняли Египет. И вот Константинополь оказался в осаде: вокруг города собрались десятки тысяч аваров, которых поддерживал персидский флот. Казалось, Персия уже вот-вот сменит Римскую империю[427].

Если бы Ираклий не был гениальным полководцем, история Рима была бы завершена в тот самый момент. Однако императору удалось к концу 620-х годов оттеснить полчища персов и восстановить власть Рима над большей частью территорий Ближнего Востока. Ираклий, несомненно, был величайшим вождем и полководцем во всей истории Римской империи. Но он, воплощая в себе римские добродетели, одновременно был предтечей средневековых крестоносцев, давших обет служить Матери Божьей[428].

Таким образом, это была эпоха, когда римской власти на Востоке и особенно христианам угрожала великая опасность. На фоне продолжительных войн и эпидемии христианский мир встретил наступление новой эры крайне ограниченных возможностей и невыносимых трудностей. Хотя Персия была побеждена, огромные территории на Востоке были экономически разорены и обезлюдели, так что сохранившиеся сообщества страдали от непосильного бремени налогов. И при этом большая часть населения Египта, Сирии, Палестины и Месопотамии была в той или иной мере недовольна империей, а иногда поднимала открытые восстания, что делало религиозные споры жизненно важным вопросом политики государства[429].

---

[425] Greatrex, «Byzantium and the East», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*.

[426] Frederick C. Conybeare, «Antiochus Strategos: The Capture of Jerusalem by the Persians in 614 a.d.», *English Historical Review* 25 (1910): 502–517, 507.

[427] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:484–489; David M. Olster, *Roman Defeat, Christian Response, and the Literary Construction of the Jew* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1994).

[428] John F. Haldon, *Byzantium in the Seventh Century* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990); Webster and Brown, *Transformation of the Roman World*; Geoffrey Regan, *First Crusader* (New York: Palgrave Macmillan, 2001); Walter E. Kaegi, *Heraclius: Emperor of Byzantium* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003).

[429] Peter Sarris, «The Eastern Empire from Constantine to Heraclius», in Cyril Mango, ed., *The Oxford History of Byzantium* (Oxford: Oxford Univ. Press, 2002), 19–59; Judith Herrin, *Byzantium* (Princeton: Princeton Univ. Press, 2008).

Неудача «волевого решения»

Ираклий страстно желал примирить и воссоединить христиан империи, не согласных между собой по вопросу о природе Христа. Но, казалось, у этой проблемы нет решения. Богословы уже давно размышляли о лицах и природах, но практически любая формулировка или любой компромисс кого-нибудь возмущал. Оставалось только найти обходной путь, замалчивая главную проблему. Если сказать просто, империя предложила такое решение, которое позволяло избежать обсуждения главного вопроса об одной или двух природах. Разве кто-нибудь станет спорить с тем, что Христос обладал лишь одной волей? Или, как о том говорил константинопольский патриарх Сергий, Халкидон справедливо утвердил учение об ипостасном союзе – во Христе воистину соединились две природы, божественная и человеческая. Но у Христа была единая воля, причем божественная: одна воля и одна *energeia*, то есть действие[430].

Около 626 года Ираклий разработал это новое решение вместе с епископом Киром, который должен был стать его главным помощником в осуществлении попытки вернуть расположение монофизитов. Услышав о том, что этот богословский компромисс одобрял Сергий, Кир согласился, свою поддержку обещал и папа римский Гонорий. В 630 году Кир отправился в Египет и как патриарх, и как префект, и здесь он добился значительного успеха в переговорах с коптскими епископами и клириками. Как позже сетовал коптский историк, «великое число их сбилось с пути: одни из-за гонений, другие благодаря взяткам и почестям, а третьи из-за убеждения и обмана». Коптский патриарх Вениамин вынужден был уйти в подполье и скрываться[431].

Монофелитство обладало устойчивой силой, поскольку его поддерживали два самых могущественных и амбициозных римских императора поздней эпохи: сам Ираклий и его внук и преемник Констант II. Ираклий спас империю от гибели, и его слава позволила императору официально провозгласить новую доктрину в своем *Ekthesis* («Изложении» веры) от 638 года. Констант также был сильным правителем, который в 663 году стал первым восточным «римским императором», посетившим Рим после перерыва продолжительностью в два столетия[432].

Однако вскоре как халкидонцы, так и монофизиты отказались от новой доктрины, в которой те и другие видели очередную мерзкую ересь. Мина, брат коптского патриарха Вениамина, возглавил в Египте восстание, после чего начались самые жестокие гонения за всю долгую кровавую историю конфликта, которые сделали Халкидон особенно ненавистным в глазах коптских историков. Мина, как и следовало ожидать, погиб смертью мученика. Солдаты императора:

> …держали горящие факелы у его боков, так что из них стал сочиться и капать на землю жир, они выбили ему зубы за исповедание веры, а затем наполнили мешок песком и, сунув туда святого Мину, погрузили его в море[433].

---

[430] Andrew Louth, «The Emergence of Byzantine Orthodoxy», in Noble and Smith, *Cambridge History of Christianity*, vol.3, *Early Medieval Christianities, c.600 – c.1100*, 46–64; См. раздел «The Church» в книге Elizabeth Jeffreys, John Haldon, and Robin Cormack, eds., *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* (New York: Oxford Univ. Press, 2009), 571–630.

[431] Цитата из Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:491.

[432] Cyril Hovorun, *Will, Action and Freedom* (Leiden: Brill, 2008); Peter Llewellyn, *Rome in the Dark Ages* (New York: Praeger, 1971).

[433] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:491–492.

Он был казнен как бы через крещение, и его смерть прославила Троицу. Трижды его извлекали из воды и спрашивали, не готов ли он признать истину Халкидона, а затем он скончался. «Таким образом, им не удалось покорить победителя Мину, но он сокрушил их своим христианским терпением»[434]. Кир отнял у коптов множество церквей и передал их лояльным общинам.

Новая доктрина не была принята монофизитами, а в то же время она была достаточно близка к теории одной природы и потому отталкивала и ортодоксов. Эти новые идеи можно было связать с трудами Севира Антиохийского, крайне последовательного монофизита. С 633 года инок Софроний настойчиво боролся с монофелитством, а на следующий год он стал патриархом Иерусалима, что позволяло ему действовать еще решительнее. Подобно Генотикону в прошлом, эта попытка создать условия для единения только лишь породила новые споры. В 648 году Констант издал свой «Типос», в котором запрещал вести дальнейшие споры о природах Христа. Так он пытался закончить многолетнюю религиозную войну путем введения запрета на обсуждение темы.

Главным противником подобной новой политики был Максим, бывший имперский чиновник, удалившийся в монастырь. В 626 году из-за нашествия персов ему пришлось перебраться в Северную Африку, где он стал учеником Софрония, который объяснил ему, в чем неправда монофелитства. Как, спрашивал он, мы можем вообще говорить о человеческой природе без человеческой воли? После этого Максим стал открыто спорить об этом вопросе, и его аргументы в дебатах с константинопольским патриархом были столь убедительными, что патриарх публично отрекся от своих прошлых убеждений. Затем Максим отправился в Рим, чтобы мобилизовать противников учений об одной природе. В 649 году на Латеранском соборе монофелитство было осуждено, хотя это прямо противоречило намерениям имперской власти. Император увидел в этом церковный мятеж, и потому в 653-м нанес ответный удар, стоивший жизни папе Мартину и Максиму.

Снова попытка имперской власти всех примирить окончилась крахом. Наконец, в 680 году новый император созвал еще один собор – шестой, который состоялся в Константинополе. Собравшиеся отвергли монофелитство и снова подтвердили свою верность ортодоксии Халкидона. Попутно проклятию были преданы некоторые еретики, которые поддерживали монофелитов или шли здесь на слишком большие уступки, включая Кира Александрийского. Анафеме был предан и папа римский Гонорий, умерший в 638 году. Это деяние приобрело большое значение в будущих спорах вокруг папской власти, поскольку являло пример папы, который не просто ошибался, но был явным еретиком, причем церковь Рима признала этот факт. Этот случай доставлял головную боль сторонникам учения о папской непогрешимости в XIX веке. Но это происходило уже в ином тысячелетии[435].

> Очередная попытка имперской власти всех примирить закончилась крахом

Ислам у *ворот*

681 год был важной датой – прошло триста лет со дня Константинопольского собора, положившего начало бесконечным спорам о природах Христа. Прошло три столетия несмолкающих прений и взаимных отлучений, расколов и новых ересей, и могло казаться, что эта внутренняя битва никогда не прекратится, что старые споры будут возвращаться к жизни снова и снова, становясь все более запутанными. Но на самом деле этот цикл споров был

[434] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:491–492.

[435] Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 325–354.

прерван самым решительным образом. Совсем незадолго до того, как епископы в Константинополе начали обсуждать вопросы о природах и волях, ислам в буквальном смысле стоял у ворот. С 674 по 678 год Константинополь был снова подвергнут осаде, на этот раз со стороны мусульман.

Пока империю раздирали религиозные войны, на Ближнем Востоке созревала новая сила – особенно на Аравийском полуострове, этой ничейной земле между Римом и Персией. Около 610 года житель Мекки Мухаммед, получив пророческое откровение, поверил в то, что все народы должны прийти в подчинение *(Islam)* единому всемогущему Богу. Людей, которые приняли этот символ веры ислама, стали называть мусульманами. Повинуясь своей миссии, возложенной на него Богом, Мухаммед направил послания самым значительным правителям мира, включая Ираклия, который отнесся с большой симпатией к этой новой вере – если верить позднейшим мусульманским преданиям. Сам же Мухаммед желал победы римлянам над персами, в которых он видел языческих врагов, и он был потрясен, когда эти нечестивые персы взяли Иерусалим[436].

> Пока империю раздирали религиозные войны, на Ближнем Востоке **созревала новая сила – особенно** на Аравийском полуострове, этой ничейной **земле между** *Римом и Персией.* Около 610 года **житель Мекки** Мухаммед, **получив пророческое** откровение, поверил в то, что все народы должны **прийти в подчинение (Islam) единому** всемогущему Богу

После смерти Мухаммеда в 632 году его последователи начали развязывать войны против могущественных держав того мира, которые были измучены десятилетиями военных действий. За поразительно краткий период в двадцать лет силы арабов, исповедующих ислам, захватили Персию и Месопотамию на востоке, а также Египет, Сирию и Палестину на западе. Само по себе это бурное завоевание не обязательно означало, что начинается совершенно новый этап истории. Другие государства и варварские племена и раньше захватывали значительные территории Римской империи, а затем терпели поражения или их поглощала культура, религия и общественная жизнь Рима. И даже в осаде Константинополя не было ничего нового. Но в 680-х годах стало очевидно, что здесь на сцену истории вышло совершенно новое явление – новые религия и цивилизация, которые всерьез угрожают существованию Римской империи и способны ее победить[437].

История возникновения ислама всем нам хорошо известна, но на самом деле ее невозможно понять вне контекста разделений между христианами той эпохи. Очевидно, что ислам зарождался в обществе, в котором доминировали влияния со стороны иудаизма и христианства, причем «христианство» в данном контексте означало две его версии: монофизитство или несторианство. Ранняя мусульманская традиция сохранила воспоминания о взаимодействии Мухаммеда с христианами и христианскими священнослужителями, в то время как полемические трактаты христиан утверждают, что Мухаммед бессовестным образом позаимствовал свои идеи из традиции более древней религии. На поверку это утверждение оказывается слишком упрощенным, но некоторые любопытные темы, волновавшие христиан, отразились в представлениях об Иисусе, сохранившихся в Коране. Хотя Коран отрицает божественность Христа, его образ здесь слишком напоминает о представлениях христиан, говорящих по-сирийски. Коран, следуя докетам, утверждает, что крестные муки Иисуса были просто иллюзией: «Они не убили его и не распяли, но это только представилось им… Аллах вознес его [Иисуса] к Себе»[438].

---

[436] Fred Donner, «The Background to Islam», in Maas, *Cambridge Companion to the Age of Justinian*, 510–534; Walter E. Kaegi, *Byzantium and the Early Islamic Conquests* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992).

[437] Jenkins, *Lost History of Christianity*.

[438] Jenkins, *Lost History of Christianity*. Коран 4:157–158 (перевод И. Крачковского. – Прим. пер.)

Раздоры между церквями позволяют нам также понять, почему Римская империя так быстро отдала Ближний Восток, где симпатии населения явно были на стороне монофизитов и несториан. Разные авторы этих традиций описывали, с каким чувством облегчения местные жители встречали арабских завоевателей, которые обещали избавить их от преследований со стороны жестокой Римской империи с ее халкидонской верой. И, хотя они оплакивали своих убитых, погибших при завоевании, большинство египтян было радо тому, что их разбитый правитель Кир убегает, а изгнанный коптский патриарх Вениамин может вернуться из ссылки[439].

> Хотя Коран отрицает божественность Христа, его образ **здесь слишком напоминает о представлениях** христиан, говорящих по-сирийски

Некоторые христианские авторы из монофизитов и несториан видели в арабах бич Божий, орудие, которое должно наказать империю за ее богословские ошибки и жестокости, направленные на истинно верующих. Как отмечает «История александрийских патриархов», «Господь отвернулся от армии римлян в наказание за их испорченную веру и из-за анафем древних Отцов, павших на их головы из-за Халкидонского собора». Иоанн Никиусский, описывая поражение римлян, называет Ираклия «императором халкидонцев»[440].

По крайней мере в первые десятилетия нового режима большинство христиан не сетовало на перемены. Мусульман не интересовали сектантские споры христианских подданных, коль скоро те признавали власть захватчиков и своевременно платили налоги. Более того, мусульмане нуждались в самых разных умениях христиан и использовали их как писцов и юристов, архитекторов и кузнецов. Первое столетие или около того после завоевания было золотым веком для христианских общин, избавившихся от бремени римских угнетателей.

Коптская церковь Египта получила все то, чего она добивалась со времен Кирилла и Диоскора. Один из ее великих патриархов, Вениамин, правил с 622 по 661 год. За это время халкидонские общины развалились, а их собственность отошла к коптам. Перед местными халкидонцами стояла ужасающая дилемма: либо признать власть коптов, либо совсем отказаться от христианства. По меньшей мере некоторые из них выбрали второй вариант: они приняли ислам, поскольку только это позволяло им бороться со своими врагами монофизитами. Как только они «приняли мерзкое учение Зверя, то есть Мухаммеда», они «взяли в руки оружие и начали сражаться против христиан. Один из них по имени Иоанн, халкидонец из Синайского монастыря, принял веру ислама и, сняв с себя монашеское облачение, взял меч и начал преследовать христиан, верных Господу нашему Иисусу Христу»[441]. Копты добились триумфа – но какой ужасной ценой!

В Сирии и Месопотамии церкви яковитов и несториан наслаждались миром и благоденствием. К VIII веку в Яковитской церкви насчитывалось около 150 архиепископов и епископов. Различные нехалкидонские церкви в период мусульманского правления заключали между собой формальные союзы и иногда объединялись. Собор 728 года достиг формального согласия об общении между Армянской церковью и яковитами, так что вместе они образовали прочный антихалкидонский фронт[442].

---

[439] Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:492–498; Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, 178–201.

[440] Цитата «Господь отвернулся…» из Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:492–493; выражение «император халкидонцев» из Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, 198.

[441] Рассказ о «халкидонце Иоанне» из Charles, *Chronicle of John, Bishop of Nikiu,* 201; оттуда же цитата «приняли мерзкое учение…». О Вениамине см. Evetts, *Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*, 2:487–518.

[442] Reinink, *Syriac Christianity.*

Но за это политическое освобождение пришлось дорого заплатить. На протяжении нескольких столетий христиане жили и даже процветали под властью мусульман, но постепенно мусульманская часть населения росла, а христиане становились ничтожными меньшинствами, которых все сильнее подвергали дискриминации. Христианская Александрия постепенно превращалась в мусульманскую Александрию, пока не появился совершенно мусульманский Каир со своим богатством и славой. С XIII века под влиянием ряда политических и военных бедствий в сочетании с экономическими и климатическими изменениями это общество начало нетерпимо относиться к меньшинствам, так что некоторые из них бесследно исчезли[443].

Идеи Халкидона победили не в силу их неотразимой логики, но потому, **что исчез тот мир, что им** сопротивлялся

По неизбежности событий будущее христианства было связано с иными территориями – все сужающимися землями, остававшимися за Римской империей, которой уже не нужно было считаться с мнениями Египта и Сирии, поскольку она их уже не контролировала. Но в долговременной перспективе будущее христианства определяли те регионы Западной Европы, которые никогда не отрекались от Халкидона. Идеи Халкидона победили не в силу их неотразимой логики, но потому, что исчез тот мир, что им сопротивлялся.

[443] Sidney H. Griffith, «Christians under Muslim rule», in Noble and Smith, *Cambridge History of Christianity*, vol.3, *Early Medieval Christianities, c.600 – c.1100*, 197–212; William Dalrymple, *From the Holy Mountain* (New York: Henry Holt, 1997).

9. Что удалось спасти

Нам надо постоянно возвращаться к этой формулировке [Халкидона], ибо как только нам нужно кратко выразить то, с чем мы сталкиваемся в этой неописуемой истине нашего спасения, нам всегда нужно полагаться на ее скромную и трезвую ясность. Но нам нужно действительно на нее полагаться (а это не то же самое, что просто ее повторять), поскольку это для нас не только конец, но и начало.
Карл Ранер

В конце VI века византийский автор записал историю об одном святом монахе по имени Кириак, жившем неподалеку от реки Иордан. Паломник Феофан навестил инока, чтобы попросить у него совета, и был так впечатлен увиденным, что решил остаться тут, чтобы учиться. Но этому мешало то, что Феофан находился в евхаристическом общении с несторианами. Кириак был возмущен. Как может его посетитель держаться за столь ужасное учение, отрицающее Матерь Божию? Все это я слышал, ответил Феофан, однако каждая группа говорит одно и то же: если ты не находишься в общении с нами, ты будешь проклят. Как я могу понять, кто из них прав?

> Каждая группа говорит одно и то же: если ты **не находишься в общении с нами, ты** будешь проклят

К счастью, Кириак мог ответить на этот вопрос. Войди и посиди в моей пещере, ответил он, и Бог откроет тебе правду. После продолжительной молитвы Феофан сподобился видения: он увидел «темное и зловонное место, освещенное пламенем, и в огне находились Несторий, Евтихий, Аполлинарий, Диоскор, Севир, Арий, Ориген и прочие, подобные им». Сопровождавший его ангел объяснил, что это место, предназначенное для еретиков, богохульников и тех, кто им следует. Если Феофан хочет попасть в более отрадное место в вечности, ему надлежит скорее вернуться в лоно матери-церкви, той святой кафолической и апостольской церкви, которая следует учению Халкидона. «Ибо говорю тебе, – добавил ангел, – что даже если человек сотворит все возможные добродетели, без правой веры он все равно отправится на мучения в это место»[444].

Позднейшие поколения христиан могут позавидовать Феофану. Хотя он услышал суровое предупреждение, ему было совершенно понятно, как следует поступить. Он не только жил в мире, где существовало истинное и ложное богословие, но вдобавок получил неопровержимое доказательство истинности определенной версии. Ангел не пытался объяснить ему, каким долгим путем церковь шла к этим формулировкам. Почему, скажем, в аду оказались Несторий и Диоскор, но не Флавиан или папа Лев? За несколько веков до того все это было отнюдь не так очевидно – и размышления об этом подводят к вопросу о том, почему церкви держатся такой, а не иной веры.

Если мы окинем взглядом историю, то увидим, что ортодоксия во многом складывалась под влиянием политических случайностей – от того, кто становился императором, от победы или поражения в битве, от богословских пристрастий важнейших властителей. И у нас появляется искушение сказать: если бы ход событий был таким-то или сяким-то, все сложилось бы иначе. В этой истории есть множество всяких «если», и все действительно могло бы пойти по-другому.

Этот вывод должен научить позднейшие поколения христиан – и, по аналогии, приверженцев других религий – смирению. Христианский опыт включает в себя самые разные

[444] John Moschus, *De Vitis Patrum*, chapter 26, at http://www.vitae-patrum.org.uk/page142.html.

вещи и разные интерпретации, и почти всем им можно найти хотя бы какую-то поддержку в Писании или предании. Великое множество таких альтернативных вариантов в истории называли ересями или старательно изгоняли из христианского мировоззрения, но не так просто понять, почему одно течение одерживает победу над прочими. Хотя церкви стремились создавать институты или структуры для определения истины, полагались на авторитет предшественников или искали консенсуса, они никогда не могли избежать влияния таких мощных факторов, как личные амбиции и политический интерес. Так что, по меньшей мере, это учит нас терпимо относиться к разнообразию представлений о вере, касающихся не самых ключевых вопросов. История говорит нам о том, что победу могли бы одержать иные версии – или что подобное может произойти в будущем.

В то же время признание того, что эти внешние силы оказывают влияние на веру, не равносильно цинизму, примитивному утверждению о том, что «веру создает власть». Многие могущественные властители изо всех сил пытались навязать свои мнения церквам – и у них ничего не получалось. Внешние люди – даже такие сильные, как Константин, – никогда не могли подчинить церковь своим представлениям, если их пожелания не соответствовали желаниям весомых группировок в христианском сообществе. Несмотря на все политические интриги церкви в V веке решали вероучительные вопросы с помощью споров и компромиссов между членами церквей, духовенством и мирянами. Одни христиане сражались с другими христианами, пока не находили того, что им представлялось истиной.

Кроме того, в христианской традиции – как и в традициях иных религий – нет веры в слепую случайность. Писания иудеев и христиан пронизаны представлением о провидении, о том, что Бог вмешивается в историю, иногда используя для этого самых неподходящих деятелей. Халкидон является ярким подтверждением этой идеи для тех, кто в нее верит, хотя бы потому, что такой итог тех религиозных споров не казался вероятным. В ту эпоху казалось, что силы, которые стремятся сделать образ Христа чисто божественным, побеждают, хотя бы потому, что для тогдашних людей, только что оставивших язычество, представление о боге-человеке было куда понятнее. Об этом свидетельствуют практика благочестия и иконография, прославляющие Христа как божественного Вседержителя и его Мать как богиню. К тому же веру в одну природу поддерживали древнейшие и величайшие христианские центры, давшие миру самых ярких богословов. Полвека спустя после Халкидона, когда центр тяжести империи все больше смещался к Востоку, только безрассудный пророк мог думать, что у Халкидона есть хоть какой-то шанс на будущее. Но, несмотря на все препятствия, о Халкидоне снова вспомнили и его определения одержали победу после многих десятилетий, когда казалось, что они обречены на забвение.

Каким-то удивительным образом церковь сохранила веру в то, что Христос был не только Богом, но и человеком. И сегодня это представление стало нормой для великого большинства христиан – всех католиков и православных, а также практически всех протестантов.

Вечно возобновляющийся спор

Несмотря на эту победу, бои Эфеса и Халкидона продолжают бушевать даже между такими людьми, которые ничего не знают об этих соборах. Такова особенность истории христианства: в ней снова на поверхность всплывают идеи и представления, которые, казалось бы, давно умерли или были признаны ложными. Иногда они хранятся в подполье тайных традиций или их заново открывают ученые, изучающие древние тексты, как это случилось с гностицизмом, который сегодня снова стал популярен на Западе. Или, быть может, те же самые импульсы, которые породили эти представления в древности, те же самые подходы к Писанию сохраняются в нынешних христианских общинах. Хотя Римская империя много столетий назад, казалось бы, окончательно разгромила ариан, подобные идеи

вдруг появились на Западе в виде унитарианства. В любом обществе, в котором христиане читают старинные богословские тексты и изучают историю, хотя бы поверхностно, неизбежно обнаруживают, что в нем живы древние представления о Христе и его миссии. История христианской веры – это история, в которой вечно воскресают древние споры.

> Бои Эфеса и Халкидона продолжают бушевать даже между **такими людьми**, **которые ничего** не знают об этих соборах. Такова **особенность истории** *христианства: в ней* снова на поверхность **всплывают идеи** и представления, **которые, казалось бы,** давно умерли или были признаны ложными

Таким образом, идеи и представления по какой-то причине не исчезают бесследно, и это в полной мере относится к спорам, звучавшим в V веке. Даже когда мы не можем найти понятных взаимосвязей между древними и современными мыслями, те же идеи неожиданно всплывают на поверхность снова и снова. В этом можно убедиться на примере стихотворения поэта XVII века Джона Донна, которое считается величайшим религиозным произведением из всех, написанных на английском. В этом произведении, носящем название «Страстная пятница 1613 года», Донн повествует, что в путешествии он смотрит на заходящее солнце и видит в нем распятого Христа. Любой человек, знакомый с древними христологическими спорами, должен удивиться тому, насколько мысли и язык Донна напоминают монофизитство. За вычетом некоторых доктринальных представлений это такие слова, которые должны были бы понравиться Диоскору Александрийскому и Севиру Антиохийскому. Если бы они знали это стихотворение, они могли бы потребовать, чтобы члены церкви выразили ему свое одобрение, прежде чем их допустят к причастию.

Христос на крест взошел – и снят с креста,
Чтоб свет навек не скрыла темнота…
Я не был там, и я почти что рад:
Подобных мук не вынес бы мой взгляд.
Но зрящим божью смерть – каков исход?!
Кто даже жизнь – лик божий – зрит, – умрет…
Мир потрясен, и меркнет солнце божье,
Земля дрожит, земля – Его подножье!
Возможно ль вынести? Немеют в муке
Ход всех планет направившие руки!
Кто всех превыше, кто всегда – зенит
(Смотрю ли я, иль антипод глядит),
Тот втоптан в прах! И кровь, что пролилась
Во искупленье наше, льется в грязь!
Святое тело – божье облаченье —
Изранено, разодрано в мученье![445]

Никто не может посмотреть Богу в лицо и остаться в живых, говорит Донн, так что, если бы я оказался очевидцем распятия, какая бы ужасная участь меня ждала, – если бы я увидел смерть Бога, создавшего небеса, который все еще направляет ход всех планет? Бог умер. Что было бы со мной, если бы я узрел его терзаемую человеческую плоть, которую он носил, как одежду, как его «облаченье» на этой земле? Это стоит очень близко к моно-

[445] John Hayward, ed., *John Donne: A Selection of His Poetry* (London: Penguin, 1950), 174–175. (Перевод Д. В. Щедровицкого. – *Примеч. пер.*)

физитской версии Трисвятой песни: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, распятый за нас, помилуй нас!» Бог Слово умер!

Никто не обвинял Джона Донна в глубоком отпадении от ортодоксии или в том, что он ставил под сомнение доктрины Халкидона, с которыми он должен был согласиться как верный священнослужитель Церкви Англии. В тогдашнем Лондоне не было подпольных монофизитов и не действовали тайные коптские агенты. Донн совершенно самостоятельно, опираясь на логику распространенного благочестия, увидел страдания Христа так, что его образы могли бы согреть сердце Евтихия – если этого сурового человека вообще что-либо могло радовать.

Пятое столетие осталось древней историей, но новые мыслители следовали подобными путями и порой приходили к радикальным версиям учения об одной или двух природах. На протяжении Средневековья и далее забытые ереси адопционизма и докетизма продолжали пользоваться популярностью в Европе и на Ближнем Востоке. Порой дуалисты создавали альтернативные церкви с независимой иерархией. Многие обычные христиане понимали – хотя иногда они рисковали жизнью, – что не могут согласиться с учением церкви о человеческой природе Христа, поскольку эта природа настолько очевидно зла и осквернена. И Мария, конечно, не могла родить Бога. Христос обладает одной чисто божественной природой, а его человеческий облик – это просто обманчивая видимость. Или по крайней мере сила Христа вошла в человека Иисуса и оставила его, когда он исполнил то, ради чего пришел.

Во время религиозной бури XVI века новые споры отражали древние христологические войны. Мартин Лютер и его последователи склонялись к александрийскому пониманию роли Христа. По учению Лютера во Христе происходило такое взаимодействие двух природ, «общение свойств», что две природы смешивались, – хотя Халкидон осудил такое понимание. Кальвин же, напротив, стоял куда ближе к антиохийцам, когда он отстаивал реальность обеих природ, божественной и человеческой. Еще более смелые идеи проповедовали самые крайние представители так называемой радикальной реформации. Анабаптисты сначала учили, что Иисус получил свою человеческую плоть не от Марии, но это было тело, созданное Логосом[446].

В эпоху религиозного многообразия мыслители заново исследовали богословские пути, которые ранее были для них закрыты, чтобы ответить на важнейший вопрос христианства: за кого вы меня принимаете? И снова они находили такие ответы, которые уже звучали много столетий назад. Читая Новый Завет, верующие пытались справиться с непримиримыми противоречиями. Если Иисус полностью Бог, как могут быть его знания о Боге ограниченными? Почему тогда он так настойчиво подчеркивает, что отличен от Отца? В частности, в XIX веке некоторые протестантские мыслители нашли ответ на эти вопросы в Послании к Филиппийцам, и их идеи продолжали жить дальше.

Как мы можем вспомнить, это Послание содержит древний гимн, говорящий о том, как Христос, будучи равен Богу, добровольно опустошил себя и принял образ человека. С XVI века богословы размышляли об этом опустошении, *kenosis*, полагая, что Сын Божий намеренно отказался от божественных атрибутов, чтобы жить среди нас. Таким образом, Иисус был божественным с момента своего зачатия, но сам вполне это осознал лишь позже. Христос, ограничивший сам себя, честно признает, что не знает времени конца мира, потому что о том знает только Отец. В рамках этого подхода можно даже прийти к мысли, о которой говорили древние сторонники двух природ, что Иисус постепенно осознавал свою божественную природу, так что в каком-то смысле Бог открывался в нем действительно поэтапно. Этот ход размышлений позволяет нам оправдать аргументы таких древних христиан, как

[446] Thomas N. Finger, *A Contemporary Anabaptist Theology* (Downers Grove, IL: Inter-Varsity, 2004), 365–420.

Павел Самосатский, которых давно уже записали в еретики, но которые сегодня снова становятся приемлемыми христианскими мыслителями. Мы даже можем предположить, что Христос вполне осознал свою божественность в момент крещения в Иордане, который евангелисты описывают как поворотный пункт в его судьбе. Представления о кенозисе, позволяющие понять Христа, вызывают споры, так что некоторые церкви видят в них отход от ортодоксии Халкидона, но они в очередной раз показывают нам, насколько живучи различные направления христианской мысли[447].

Христос сегодня

В нынешние времена также продолжают звучать античные споры и древние символы веры, несмотря на официальную победу Халкидона. Самой успешной богословской идеей из числа хорошо забытых старых является так называемый теопасхизм – представление о том, что одно из лиц Троицы пострадало за нас (*Unus ex Trinitate passus est*). Впервые это представление явственно прозвучало в VI веке, оно отражало попытку достичь компромисса между халкидонцами и их противниками. Эту формулировку принял Пятый Вселенский собор в Константинополе в 553 году, но к ней долгое время относились настороженно, потому что косвенно это значило, что Бог страдал или может страдать, то есть подвластен страстям. Однако в XX веке эта теория становилась все более и более популярной. Вот что о ней говорит один современный автор:

> Освященная веками догма о том, что Бог недоступен страстям и неизменен, что он неспособен страдать, сегодня кажется многим неубедительной. Древняя ересь теопасхитов, утверждавших, что Бог страдает, сегодня становится новой ортодоксией. В список новых сторонников теопасхизма можно включить Барта, Бердяева, Бонхеффера, Бруннера, Кобба, Коуна и всех сторонников теологии освобождения, Кюнга, Мольтмана, Рейнхольда Нибура, Панненберга, Рютер со всей школой феминистского богословия, Темпла, Тейара де Шардена и Унамуно[448].

Когда христианский триумфализм вышел из моды, а идея христианского мира уже перестала кого-либо вдохновлять, богословы заговорили о Боге, страдающем вместе со своим творением. Для сторонников теологии освобождения и феминизма, для христианских мыслителей, видящих в Иисусе брата всех угнетенных, идея о Боге, который действительно страдает рядом с бедными и отверженными, имеет фундаментальное значение.

Если мы поглядим на популярные версии христианства, то у нас снова возникнет ощущение *déja vu*, или, точнее *déja cru*, – «уже верил». Многие простые христиане, включая образованных, не обращают внимания на тонкие формулировки Халкидона. На Рождество мы все время слышим такие вещи, которые крайне близки к монофизитству. Официально церкви следуют Халкидону, исповедуя во Христе две природы «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно»; однако в народном благочестии это скорее похоже на поклонение Богу, лежащему в яслях. Если бы Халкидонский епископ VI века каким-то образом попал в современный мир, он бы обложился церковными сборниками гимнов и выдирал бы из них одну страницу за другой, поскольку слова многих из них откровенно отражают теорию одной природы. Для большинства нынешних верующих Христос недостаточно человек, чтобы сомне-

---

[447] C. Stephen Evans, ed., *Exploring Kenotic Christology* (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

[448] Цитата из Ronald Goetz, «The Suffering God», *Christian Century*, April 16, 1986, 385; John Bowden, «Christology», in John Bowden, ed., *Encyclopedia of Christianity* (New York: Oxford Univ. Press, 2005). Gerald O'Collins, *Christology* (New York: Oxford Univ. Press, 1995).

ваться в своих полномочиях и миссии, бояться креста или задумываться, хотя бы на миг, о возможности тихой жизни с женой и семейством.

> Для большинства нынешних верующих Христос недостаточно человек, чтобы **сомневаться в своих полномочиях и миссии,** бояться креста или задумываться, хотя бы **на миг, о возможности** *тихой жизни* с женой и семейством

Другими словами, современные христиане также занимают ту или иную позицию в этих давних спорах. В древнем мире сложнее всего было убедить простых верующих в том, что Христос был не только чистым божеством. Сегодня же, напротив, многим верующим трудно увидеть в Иисусе того, кто больше человека. Они изо всех сил стараются соединить в сознании нравственные озарения мудрого учителя Иисуса с тем сверхъестественным образом, который этот Иисус приобрел со временем. В конце концов, на протяжении двух последних столетий ученые исследовали человеческую реальность Иисуса, пытаясь поместить его образ, созданный Евангелиями, в исторический контекст I века, а эти рамки неизбежно предполагают ограниченность и несовершенство. Если Христос был божественным, думают многие, человек Иисус осознавал это постепенно. И подобный процесс может происходить с тем, кто следует за Иисусом и участвует в подобной нравственной битве. Принципы сторонников одной природы, таких, как Евтихий и Аполлинарий, живут сегодня среди миллионов людей, которые никогда не слышали этих имен; то же самое можно сказать о представлениях эбионитов и Павла Самосатского, видевших в Иисусе человека.

Символ веры или хаос

Но если те же древние проблемы снова и снова всплывают на поверхность, то теоретически то же самое относится и к их решениям. Нам может казаться, что нынешние споры представляют собой нечто новое и неслыханное, но обычно это не так, а это означает, что история этих споров потенциально есть кладезь, где можно искать ответы, ценные для наших современников[449].

Это может показаться нам странным: древние богословские споры столь непонятны, что сама память о них смущает нынешних христиан. Церкви в древности могли проклинать друг друга из-за таких вещей, которые кажутся нам просто игрой слов. В наше время, когда мы называем какой-то вопрос *богословским*, это значит, что он не имеет отношения к жизни и интересен только для специалистов: «Это просто богословские тонкости». Еще больше подозрений у нас вызывают такие вещи, как *догмат*. Подобное отрицательное отношение к богословию не ново. Разве сегодня церкви не ведут кровавые бои из-за вопросов об авторитете Писания и о сексуальной морали, когда миллионы христиан в мире голодают? В 1930-х годах некоторые англиканские мыслители призвали церковь отложить в сторону специальные богословские вопросы, которые интересуют только ученых, замкнутых в своем академическом мирке. Им дала ответ Дороти Сейерс, которая была одним из величайших богословов из мирян своего времени.

В 1940 году вышла ее статья «Символ веры или хаос», в которой Сейерс пыталась объяснить, почему подобные богословские споры и вопросы следует не отодвигать в сторону, но считать важнейшим делом церкви. Нам эти великие христологические вопросы кажутся тривиальными и специальными, писала она, именно потому, что их с большими мучениями разрешили христиане предыдущих поколений. Мы живем за счет культурного и интеллектуального капитала, накопленного мыслителями прошлого – Афанасием, Кирил-

[449] Ben Quash and Michael Ward, eds., *Heresies and How to Avoid Them* (Peabody, MA: Hendrickson, 2007).

лом, папой Львом, – без которых церковь бы погрузилась в нравственный и духовный хаос куда более глубокий, чем когда-либо раньше за всю ее историю. Созданная ими ортодоксия стала надежным основанием для всех нынешних церквей, и горе нам, если мы о том забываем[450].

Сейерс указала на еще один важный факт: с каким бы презрением мы ни относились к теологии, обычные люди тратят много сил на богословские построения и обычно приходят к тем самым выводам и идеям, которые уже прозвучали в V и VI веках. Поэтому сегодня церкви нужно не отбрасывать богословие в сторону, но постоянно пересматривать и заново утверждать основания своей веры.

Это особенно важно, считала Сейерс, в том случае, когда речь идет о христологии. Церковь провозгласила, что Христос есть и Бог, и человек – но что это значит для рядового верующего, «за исключением того, что Бог Творец (раздражительный дедушка с бородой) таинственным образом через деву Марию стал отцом какого-то обитателя двух миров, которого не отнесешь ни к той, ни к другой категории, как русалку»?[451] Далее Сейерс рассматривает некоторые популярные представления о природе Христа и демонстрирует, что они точно соответствуют идеям несториан или последователей Евтихия. Нынешний рядовой защитник монофизитства (которого правдоподобно представляет Сейерс) скажет: «Если он был Богом, все это для него мало значило. Бог не может страдать подобно нам с вами. Священники повторяют, что мы должны уподобиться Христу, но это полная чепуха – мы не можем стать Богом и глупо пытаться это делать»[452].

Или же нынешний верующий может занять позицию Аполлинария. Если Христос был Богом, скажет он, он точно знал все, что с ним произойдет, так что его страдания были просто театральным представлением. И если он был Богом, он не мог действительно испытывать искушения, разве не так? Какой же пример для подражания может найти христианин во всех этих историях? По мнению Сейерс, эта точка зрения делает невозможным разговор о каких бы то ни было «христианских принципах», которые хоть в самой малой мере мы можем реализовать или положить в основу реальной жизни. Эти споры будут продолжаться до тех пор, пока «несмотря на все сложности богословия, обычный человек не поймет суть Символа веры Афанасия, и нам всем никуда не деться от этого пути»[453]. Как считает Сейерс, от богословия зависит подход к этике, понимание христианского поведения и сама возможность «следовать за Христом».

Разумеется, Сейерс не призывала к силовой борьбе с этими – древними и актуальными одновременно – ересями, даже если себе вообразить, что в XX веке можно было бы применять гонения. Скорее это наблюдение относительно развития христианской мысли в истории. Феофан мог удостовериться в том, насколько важна истинная доктрина, но он был один и с ним произошло чудо. Любые достижения соборов, даже если церквам удавалось полностью разгромить сторонников иных взглядов, не устраняют эти альтернативные идеи, которые структурируют христианскую веру и, вероятно, играют важнейшую роль в религиозной психологии человека. Эти идеи будут возникать снова и снова, соответственно, о них придется говорить и с ними придется бороться. В идеальном мире, свободном от борьбы за власть, бушевавшей в мире античном, сам такой диалог может стать позитивным явлением, которое помогает христианам понять, за что они стоят. Религия, которой не приходится постоянно отвечать на вызов иных мнений, перестает мыслить и обретает покой, подобный покою могилы.

---

[450] Dorothy Sayers, *Creed or Chaos* (London: Methuen, 1947), 25–46.

[451] Sayers, *Creed or Chaos*, 33.

[452] Sayers, *Creed or Chaos,* 33–34.

[453] Sayers, *Creed or Chaos,* 35.

Приложение
Главные участники данной истории

Акакий: патриарх Константинополя (471–489). В 482 году Акакий внушил императору мысль опубликовать Генотикон, документ, который должен был вызвать одобрение как сторонников, так и противников Халкидона. Генотикон породил споры, из-за которых на десятилетие прекратилось общение между церквями Рима и Александрии.

Амвросий (ок. 340—397): уроженец Галлии, ставший в 374 году епископом Милана, главные «уста» западной церкви. Он поднял авторитет церкви и добился ее независимости от власти Римской империи.

Анастасий (430–518): уроженец нынешней Албании, римский император (491–518), поддерживавший монофизитов и отлученный римскими папами.

Анатолий: представитель Диоскора Александрийского в столице империи Константинополе. После убийства Флавиана Константинопольского в 449 году Диоскор помог Анатолию занять место патриарха. Несмотря на это, позднее Анатолий стал противником александрийцев и союзником римского папы. Он умер насильственной смертью, не исключено, что его убили сторонники Диоскора.

Анфим: патриарх Константинополя (535–536). Был низложен по настоянию римского папы, многие годы скрывался под защитой императрицы Феодоры.

Аспар (ок.400–471): уроженец варварского племени аланов Аспар был главным полководцем Восточной Римской империи (ок.430–470). Был убит императором Львом.

Афанасий Александрийский (293–373): в качестве секретаря Александра Александрийского сделался главным публичным защитником тринитарной позиции на Никейском соборе (325). Стал епископом в 328 году, но из-за постоянного участия в политических схватках многие годы провел в изгнании.

Аэций (396–454): Флавий Аэций, римский военачальник, который фактически правил Римской империей (ок.433–454) и нанес поражение предводителю гуннов Атилле. В результате придворной интриги был убит императором Валентинианом III.

Бабай Великий (551–628): ведущий богослов и реформатор Церкви Востока, или «несторианской» церкви. Дал систематическое обоснование богословию двух природ.

Валентиниан III (419–455): император западной части Римской империи (425–455).

Варсума: предводитель сирийских монахов и фанатичный приверженец учения об одной природе. Его монахи с оружием в руках поддерживали Диоскора на Втором Эфесском соборе.

Василиск: римский император (475–476), шурин императора Льва. После смерти Льва Василиск устроил государственный переворот, свергнув нового императора Зенона, и на короткое время стал императором. Василиск стремился передать власть в церкви партии монофизитов.

Вениамин Александрийский (590–661): монофизит, родной брат Мины, принявшего мученическую смерть от византийских властей. Вениамин был главой Коптской церкви с 622 года до дня своей смерти в 661-м.

Галла Плацидия (392–450): дочь римского императора, похищенная вестготами при разграблении Рима в 410 году. Стала женой императора Запада Констанция III и родила ему сына Валентиниана III. Фактически она много лет управляла империей как регент своего сына. Решительно поддерживала ту версию христианства, которую исповедовали папы и Халкидон.

Григорий Назианзин (ок.330–390): великий христианский богослов, один из так называемых Отцов-каппадокийцев и один из главных противников арианства и учений, отрицавших божественность Святого Духа.

Дамас (305–384): уроженец Испании, ставший папой римским в 366 году. Значительно повысил престиж папства и дал обоснования претензиям пап на первенство.

Диодор Тарсийский: основатель великой христианской школы антиохийского направления, умерший около 390 года.

Диоскор Александрийский: личный секретарь Кирилла Александрийского, ставший в 444 году его преемником на патриаршем престоле. Диоскор стал ключевым участником Второго Эфесского, или «Разбойничьего», собора (499) и был низложен Халкидонским собором (451). Умер в 454 году.

Домн Антиохийский: племянник антиохийского патриарха Иоанна, ставший его преемником в 441 году. Он пытался защищать других епископов, обвинявшихся в чрезмерной приверженности к учению о двух природах, в результате чего сам был низложен Вторым Эфесским собором (449). Он удалился в монастырь и отказался от претензий на престол.

Евдокия (Элия Евдокия) (401–460): жена Феодосия II, отличавшаяся образованностью и философским умом. При дворе долго играла роль соперницы своей золовки Пульхерии. Симпатизировала монофизитам.

Евдоксия (Луция Евдоксия) (422–462): дочь императора Феодосия II, жена императора Валентиниана III. Считают, что она пригласила короля вандалов Гейзериха разграбить Рим в 455 году.

Евсевий: епископ Дорилея, боролся с христологическими представлениями, которые чрезмерно акцентируют либо одну природу, либо две природы, а потому он сделался главным врагом как Нестория в 430-х, так Евтихия в 440-х годах. Был низложен Вторым Эфесским собором (449), но нашел убежище у римского папы Льва. Его восстановил Халкидонский собор (451). Не следует путать с великим историком церкви, носившим то же имя.

Евтихий (380–456): константинопольский монах в сане архимандрита. Его монофизитские взгляды вызвали к жизни споры в Константинополе в 440-х годах, которые привели к созыву Второго Эфесского собора (449).

Зенон (425–491): император восточной части Римской империи с 474 года. В 482 году издал свой Генотикон, предприняв неудачную попытку примирить между собой сторонников одной и двух природ Христа.

Иаков Барадей (ок.500–578): монах, убежденный монофизит, которого епископ Иоанн Эфесский рукоположил в епископы в 541 году, сделав его главой монофизитских церквей на Востоке. Иаков стал основателем и организатором полностью самостоятельной церкви, которую стали называть Яковитской.

Ива: сирийский богослов, занимавший епископскую кафедру в Эдессе (435–457). На Первом Эфесском соборе он критиковал как Нестория, так и Кирилла Александрийского. Сторонники Кирилла пытались добиться осуждения идей Ивы, и над ним состоялся суд (448–449). Халкидонский собор вернул ему кафедру.

Иларий: архидиакон, прибывший из Рима на Второй Эфесский собор (449), где он безуспешно пытался опротестовать незаконное ведение дел. Позже стал папой римским (461–468).

Иоанн Антиохийский: патриарх Антиохии (429–441), который возглавил группу епископов Востока во время споров вокруг Нестория. Его позднее прибытие на Первый Эфесский собор (431) решительным образом повлияло на ход событий на этом собрании. В итоге он официально примирился со своим соперником Кириллом Александрийским.

Иоанн Златоуст (347–407): уроженец Антиохии, учившийся при Диодоре Тарсийском. В 398 году стал архиепископом Константинополя, но борьба с Феофилом Александрийским

и императрицей Элией Евдоксией привела к его низложению и запрещению. Прославился как один из величайших христианских проповедников.

Иоанн Эфесский (507–586): важнейший деятель монофизитской церкви на Востоке, которому, тем не менее, ортодоксальный император Юстиниан поручил возглавить кампанию против язычества. Иоанн стал одним из главных историков, описавших ту эпоху, особенно среди представителей монофизитской точки зрения.

Ираклий (575–641): став римским императором в 610 году, спас империю от полного ее разрушения персами. В памяти монофизитов остался как жестокий гонитель веры.

Ириней: высокопоставленный чиновник, стремившийся поддерживать порядок по ходу Первого Эфесского собора (431) и создать справедливые условия суда над Несторием, в результате чего Иринея обвинили в пособничестве еретику. Позже стал епископом Тира, и ему предъявляли обвинения в несторианстве.

Кандидиан: имперский комит (высокопоставленный чиновник), которому было поручено поддерживать порядок на Эфесском соборе 431 года. Враги Нестория критиковали его за то, что он слишком сильно симпатизировал этому еретику.

Констант II (630–668): римский император (641–668), пытавшийся положить конец спорам о природах Христа, предложив его участникам общую платформу для согласия в виде учения об одной воле, то есть монофелитства.

Кирилл Александрийский (378–444): племянник александрийского епископа Феофила, ставший в 412 году его преемником. Решительный противник Нестория Константинопольского, которого он разгромил на Первом Эфесском соборе (431).

Лев I (401–474): уроженец Фракии, правивший восточной частью Римской империи с 457 по 474 год.

Максим Исповедник (ок.580–662): богослов и мистик, противник вводимого имперской властью учения о единой воле Христа, которое критики назвали ересью монофелитства. За противодействие императору был осужден: его пытали, тяжело изувечили, после чего он умер в ссылке.

Маркиан (396–457): выдающийся полководец, ставший в 450 году императором восточной части Римской империи и женившийся на царевне Пульхерии. Маркиан и Пульхерия созвали в 451 году Халкидонский собор и внедряли его решения.

Мемнон Эфесский: епископ Эфеса на тот момент, когда в этом городе в 431 году проходил Вселенский собор. Мемнон решительно стоял на стороне Кирилла Александрийского против Нестория.

Несторий (386 – ок.451): уроженец Сирии, учившийся в Антиохии. Занял пост архиепископа Константинополя в 428 году, но его взгляды вызвали широкое недовольство. После Первого Эфесского собора (431) был низложен и отправлен в ссылку.

Петр Ивер (411–491): уроженец Грузии, знаменитый монах и предводитель монофизитов. Участвовал в создании монофизитской церкви в Палестине.

Петр Монг, Заика: диакон александрийского патриарха Тимофея Элура, ставший патриархом в 477 году и возглавлявший движение монофизитов до дня своей смерти в 490 году.

Петр Фулон (471–488): патриарх Антиохии, решительный сторонник монофизитов, который приложил много усилий для распространения этих взглядов в Сирии.

Протерий: после Халкидонского собора (451) был поставлен александрийским патриархом вместо низложенного Диоскора, был убит толпой в момент бунта в Александрии в 457 году.

Пульхерия (399–453): дочь римского императора Аркадия и сестра Феодосия II, вероятно, самая влиятельная личность в восточной части Римской империи на протяжении нескольких десятилетий. Сыграла критически важную роль в формировании ортодоксии

церкви. В 450 году вышла замуж за Маркиана, ставшего императором, затем вместе они созвали Халкидонский собор и поддерживали его решения.

Севир Антиохийский (465 – ок.540): монах и создатель монофизитских церквей. С 512 по 518 год занимал пост епископа Антиохии, но был низложен при перемене политики имперского режима. После этого Севир оставался духовным вождем движения монофизитов в Египте и на Востоке.

Тимофей Салофакиол: в 460 году император поставил его патриархом Александрии как сторонника Халкидона. Местные монофизиты оказывали ему столь сильное сопротивление, что его положение было крайне шатким, о чем свидетельствует его прозвище – «ненадежно сидящая шляпа». Был низложен в 475 году, но вернулся на место патриарха, которое занимал с 477 по 481 год.

Тимофей Элур: патриарх Александрии (454—77), проведший большую часть времени в ссылке или в подполье, скрываясь от имперских властей. Монофизит и решительный противник Халкидона.

Феодор Мопсуестийский (ок.350–428): уроженец Антиохии, знавший Иоанна Златоуста и Диодора. В 392 году стал епископом Мопсуестии. Известен своими смелыми богословскими трудами по разным вопросам, хотя позже церковь осудила некоторые его идеи как еретические.

Феодора (ок.500–548): жена императора Юстиниана, которая поддерживала монофизитов в церкви и ограждала их от гонений со стороны имперской власти.

Феодорит Кирский (393–457): уроженец Антиохии, ставший в 423 году епископом Кира. Играл важнейшую роль в спорах об учении Нестория, был важнейшим советником антиохийских епископов в их спорах с Александрией. Второй Эфесский собор (449) осудил и отлучил его, но на Халкидонском соборе (451) он был восстановлен. Феодорит также стал важным самостоятельным источником исторических сведений.

Феодосий I (347–395): уроженец Испании, император восточной и западной частей Римской империи с 379 по 395 год. Созвал Первый Константинопольский собор в 381 году.

Феодосий II (401–450): император восточной части Римской империи с 408 по 450 год. На протяжении большей части своего царствования испытывал на себе влияние своей сестры Пульхерии. Феодосий созвал и Первый, и Второй Эфесские соборы.

Феодосий Александрийский: патриарх Александрии с 535 по 567 год, духовный вождь монофизитов. В 536 году ортодоксальная (верная Халкидону) церковь перестала признавать его власть, что положило формальное начало расколу, продолжавшемуся много столетий.

Феофил Александрийский: епископ Александрии (385–412). Закрывал языческие храмы в Александрии. Участвовал в политической борьбе против константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста, в результате которой Иоанн был низложен.

Флавиан: константинопольский патриарх (446–449), который пытался призвать к порядку монаха Евтихия в связи с учением последнего о природе Христа, но в результате столкнувшийся с противодействием на Втором Эфесском соборе. На заседании собора Флавиан был так сильно избит, что вскоре скончался.

Хрисафий: высокопоставленный евнух, который пользовался огромным влиянием при дворе Феодосия II в 440-х годах, решительный приверженец учения об одной природе и сторонник Евтихия. Был казнен или подвергся линчеванию при политических изменениях в 450 году.

Целестин I: папа римский (422–432), важная фигура для Первого Эфесского собора (431).

Шенуда (ум.455): настоятель великого Белого монастыря в Египте, который фактически был комплексом монашеских обителей. Подобно патриарху Кириллу, Шенуда придерживался учения об одной природе, ставшего учением Коптской церкви.

Элия Евдоксия (умерла в 404): императрица, жена императора Аркадия и смертельный враг Иоанна Златоуста.

Ювеналий: епископ Иерусалима (422–458), активный участник большинства тогдашних церковных баталий, главным образом стремившийся добиться статуса патриарха для иерусалимского епископа. Поддерживал Диоскора Александрийского на Втором Эфесском соборе в 449-м и сделался его противником в Халкидоне в 451 году.

Юста Грата Гонория: царевна, сестра императора Запада Валентиниана III. Обвиненная в заговоре против брата, была помещена в монастырь, откуда она пыталась призвать на помощь предводителя гуннов Аттилу, что дало гуннам законное основание для нападения на империю.

Юстиниан (483–565): племянник римского императора Юстина I, преемником которого он стал в 527 году. Юстиниан освободил от захватчиков обширные территории бывшей Западной империи. Он был сторонником ортодоксии и Халкидона, однако его жена Феодора защищала некоторых представителей монофизитского духовенства. В 553 году Юстиниан созвал Второй Константинопольский собор в попытке объединить халкидонцев и монофизитов.

Указатель имен

А

Август 360
Августин Гиппонский 56,86, 122, 155, 271, 290
Авраам 12, 222
Авраам Амидский 369, 370
Адам 227
Акакий 250
Акакий Ариарофийский 321
Акакий Константинопольский 359, 362, 417, 462
Акинола, Питер 75
Александр Александрийский 135, 238
Александр Великий 154
Амвросий Медиоланский 202, 205, 207, 208, 417
Анастасий 220, 221, 227
Анастасий, император 76,357, 363, 364, 365, 367,372, 417
Анастасий I, папа римский 147
Анатолий Константинопольский 301, 302, 309,317, 331, 339, 417, 418
Аниция Юлиана 365
Ансельм Кентерберийский 74
Антиох 180
Антоний Великий 162
Анфим Константинопольский 375, 379, 418
Аполлинарий Лаодикийский 38, 105, 106, 107, 108, 114, 115, 116, 127,129, 206, 221, 222, 237, 242, 251, 282, 284, 327,371, 401, 412, 415
Арий 81, 101, 102, 222, 239, 251, 282, 401
Аркадий, император 192, 193, 199, 427
Аспар 177, 196, 197, 332, 418
Атаульф 178, 193
Аттик 299, 300
Аттила 22, 181, 182, 194, 195, 271, 272, 273, 310, 341, 418, 427
Афанасий Александрийский 34, 38, 81, 102, 103, 104, 105, 106, 113, 114, 135, 136, 159, 161, 162, 167, 168, 238, 288, 414, 415, 418
Аэций 178, 194, 341, 342, 418

Б

Бабай Великий 371, 372
Барт, Карл 410
Бердяев, Николай 410
Бонхеффер, Дитрих 410
Браун, Дэн 100
Бруннер, Эмиль 410
Брэди, Кристиан 9
Будда 31, 32

В

Валентин 129, 158, 282, 284
Валентиниан 178, 309
Валентиниан III 176, 177, 193, 194, 342, 365, 418, 419, 420, 427
Валериан 385
Вардесан 282
Варсума 294, 295, 300, 418
Василид 95, 129, 158
Василий, архимандрит 220, 228
Василий Кесарийский 109
Василиск 356, 357, 359, 360, 419
Вебер, Макс 70
Вениамин Коптский 390
Вениамин Александрийский 419
Вигилий, папа римский 83, 378
Виктор, архимандрит 241
Вонифатий, папа римский 147
Ворбартон, Уильям 26

Г

Галла Плацидия 66, 192, 193, 194, 196, 306, 419
Гамалиил 213
Гейзерих 195, 271, 311, 342, 343, 356, 360, 420
Геласий, папа римский 362, 363
Геродот 154
Гиббон, Эдуард 18, 69, 106
Гиларий, папа римский 136
Гипатия 166
Гонорий 192, 193, 392 Гор 224
Готий 178
Григорий Назианзин 37, 109, 216, 419
Григорий Нисский 109, 119

Д

Давид 238
Далматий, архимандрит 254, 255, 256, 269, 276
Дамас, папа римский 108, 139, 147, 419
Даниил Столпник 359
Дженкинс, Элизабет 9
Джонсон, Барни 9
Диодор Тарсийский 116, 117, 118, 171, 279, 419, 421, 425
Диоклетиан 385
Диоскор Александрийский 82, 125, 135, 150, 267, 268, 281, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 313, 316, 317, 319, 320, 321, 330, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 364, 397, 401, 402, 406, 417, 418, 419, 424, 427
Домн Антиохийский 269, 281, 283, 301, 329, 420
Донн, Джон 406, 407
Дорилей 302

Е

Евагрий 225, 260, 261, 365, 376
Евдокия 66, 199, 203, 269, 332, 420
Евдоксия 342, 420
Евсевий 277, 284, 285, 286, 296, 297, 306
Евсевий Дорилейский 220, 316, 321, 420
Евтихий, архимандрит 130, 254, 269, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 282, 284, 285, 286, 289, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 302, 305, 306, 307, 313, 316, 319, 320, 322, 324, 328, 341, 351, 361, 373, 379, 401, 412, 414, 420, 426
Евфимия 315, 326
Епифаний 224

З

Зенон 356, 359, 361, 363, 371, 421
Зенон (Тарасикодисс) 179
Зосима, папа римский 147

И

Иаков Барадей (Бродяга) 49, 50, 381, 421
Ива Эдесский 185, 237, 251, 252, 258, 280, 281, 301, 304, 328, 371, 376, 377, 421
Игнатий Антиохийский 14, 89, 92, 97, 168
Изабелла, королева 200
Изида 222, 224
Иисус Христос 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 57, 58, 60, 76, 78, 79, 81, 83, 87, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 147, 158, 169, 218, 221, 222, 223, 225, 227, 230, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 248, 254, 263, 264, 265, 282, 284, 290, 292, 293, 310, 322, 323, 325, 327, 328, 348, 353, 358, 362, 364, 388, 391, 393, 395, 397, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 412, 414, 423, 426
Иларий, папа римский 147, 300, 301, 344, 421
Иларий Арльский 153
Илия 11
Иннокентий I, папа римский 136, 147, 148, 149, 173
Иоанн, апостол и евангелист 57, 142, 158, 243
Иоанн Александрийский 352, 364
Иоанн Антиохийский 219, 243, 246, 248, 251, 257, 269, 281, 421
Иоанн Златоуст 142, 171, 172, 173, 192, 196, 201, 227, 231, 232, 268, 421, 425, 426, 427
Иоанн Креститель 11, 93, 173
Иоанн Никиусский 308, 311, 332, 396
Иоанн Схоластик 383
Иоанн Эфесский 212, 355, 381, 383, 421, 422
Иосиф 94, 133
Ипатий 220
Ираклий, император 347, 357, 387, 388, 389, 390, 393, 396, 422
Ириней Лионский 94, 95
Ириней Тирский 246, 281, 282, 301, 422
Ирод 339
Иродиада 173
Исайя 291

К

Каиафа 260, 337
Каин 339
Кальвин, Жан 408
Кандидиан 246, 247, 254, 287, 294, 422
Карл Великий 52
Кекропий 321
Келидоний 153
Керинф 94, 100, 108, 130
Кибела 222
Кидд, Том 9
Кир, епископ 389, 391
Кир Александрийский 392
Кир Плеватель 369, 370
Кириак 400
Кирилл Александрийский 66, 67, 113, 114, 115, 119, 122, 125, 131, 135, 136, 150, 157, 158, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 173, 212, 217, 222, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 244, 245, 246, 248, 249, 250, 251, 253, 254, 255, 257, 258, 263, 268, 274, 276, 278, 279, 280, 281, 283, 288, 293, 301, 319, 320, 321, 322, 324, 333, 336, 338, 361, 364, 377, 378, 397, 414, 419, 421, 423, 426
Климент Александрийский 157, 158
Климент Римский 148
Кнопперс, Гари 9
Кобб 410
Констант II 357, 390, 422
Константин Великий 47, 50, 139, 144, 195, 207, 278, 403
Константин III 193
Константин IV 357
Констанций III 419
Коун 410
Кюнг, Ханс 410

Л

Лазарь 13, 36
Лев 332
Лев, диакон 239
Лев, император 340, 356, 357, 418, 419, 423
Лев, папа римский 36, 37, 42, 66, 67, 83, 123, 135, 136, 137, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 154, 201, 268, 283, 284, 285, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 311, 313, 316, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 330, 331, 334, 339, 341, 342, 343, 344, 365, 366, 367, 402, 414, 420
Лициния Евдоксия 193, 195, 343
Лютер, Мартин 87, 408

М

Маврикий 357
Мак-Мюллен, Рамсей 119, 212
Максим 342, 391
Максим Антиохийский 317, 329
Максим Исповедник 347, 348, 392, 423
Мани 98, 130, 239, 284, 293
Марин Сириец 77
Мария 18, 32, 43, 82, 87, 89, 91, 92, 95, 96, 113, 117, 125, 132, 133, 142, 169, 197, 198, 201, 218, 220, 221, 223, 224, 225, 227, 229, 233, 234, 237, 243, 252, 257, 263, 275, 291, 323, 325, 327, 408, 414
Марк, евангелист 150, 238, 330
Маркиан 66, 193, 197, 308, 310, 311, 312, 313, 317, 323, 331, 332, 334, 335, 338, 341, 423, 424
Маркион 130, 131, 293
Мартин I, папа римский 347, 348, 392
Мартин Турский 207
Махди 78
Мемнон Эфесский 143, 243, 246, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 423
Мина 391, 419
Михаил 353
Моисей 12, 222, 225, 311
Мольтман, Юрген 410
Мухаммед 393, 394, 395, 397

Н

Несторий 34, 42, 43, 81, 82, 87, 88, 99, 112, 113, 117, 120, 123, 126, 127, 132, 142, 143, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 250, 251, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 268, 269, 273, 274, 277, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 286, 288, 293, 294–295, 296, 297, 300, 301, 304, 313, 316, 319, 321, 322, 323, 324, 327, 329, 334, 336, 343, 361, 370, 401, 402, 420, 421, 421, 422, 423, 425

Нибур, Рейнхольд 410

О

Орест 164, 165, 166, 212, 246
Ориген 112, 171, 376, 401
Осама бен Ладен 78
О’Брайен, Флэн 87

П

Павел, апостол 49, 92, 97, 137, 144, 212, 253
Павел Еврей 369
Павел Самосатский 38, 96, 100, 105, 115, 132, 226, 239, 409, 412
Панненберг, Вольфхарт 410
Патрик Ирландский 56, 156 Петр, апостол 137, 139, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 155, 156, 168, 239, 253, 286, 292, 316, 330, 331
Петр, епископ 139
Петр Ивер 334, 351, 373, 382, 423
Петр Монг 352, 361, 362, 375, 423, 462
Петр Фулон (Сукновал) 354, 357, 367, 424
Платон 106
Понтий Пилат 104
Приск 273
Присциллиан 207
Прокл 227, 257
Прокл Кизический 220
Прокл Константинопольский 280
Прокопий 378
Проспер Аквитанский 460
Протерий 19, 336, 337, 338, 339, 352, 424
Пульхерия 66, 68, 69, 192, 193, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 210, 218, 219, 220, 227, 229, 257, 269, 276, 277, 305, 306, 308, 309, 312, 313, 323, 331, 332, 423, 424, 425
Пэджелс, Элайн 57

Р

Равула, епископ 280
Ранер, Карл 400
Рафаэль 341
Ребер, Джордж 9
Рубинстейн, Ричард 58
Рютер 410

С

Савеллий 98, 99, 131, 132
Сальвиан 182
Севир Антиохийский 56, 188, 346, 364, 365, 369, 372, 373, 374, 379, 381, 382, 391, 401, 406, 424
Сейерс, Дороти 413, 414, 415
Сергий Константинопольский 389
Сикст III, папа римский 147
Симеон Столпник 187, 189
Симон Волхв 285
Сириций, папа римский 147, 148, 207
Скорсезе, Мартин 74
Скэфф, Филип 327
Собрино, Ион 430
Созомен 175, 199
Сократ Схоластик 160, 226
Софроний 391
Старк, Родни 9
Стефан Кипрский 383, 384
Стефан Эфесский 297

Т

Тейар де Шарден 410
Темпл 410
Тертуллиан 98
Тиберий II 357, 385
Тимофей Константинопольский 364
Тимофей Салофакиол 340, 352, 424
Тимофей Элур («Проныра») 337, 338, 339, 340, 352, 357, 358, 359, 424, 425

У

Уильямс, Роуэн 75
Унамуно 410

Ф

Феодор Мопсуестийский 116, 117, 118, 171, 219, 279, 280, 376, 377, 425
Феодора 66, 375, 376, 379, 380, 381, 418, 425, 427
Феодорит 319, 320, 328, 329
Феодорит Кирский 117, 208, 251, 257, 281, 282, 283, 294, 301, 303, 376, 377, 425
Феодосий I 81, 139, 176, 191, 192, 193, 195, 196, 200, 202, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 241, 308, 332, 365, 425
Феодосий II 55, 66, 176, 180, 194, 196, 199, 200, 202, 203, 241, 242, 243, 245, 254, 255, 256, 269, 275, 285, 286, 306, 308, 309, 420, 424, 425, 426
Феодосий III 342
Феодосий Александрийский 381, 426
Феодосий Антиохийский 375, 379
Феодосий Иерусалимский 334, 335
Феофан 400, 401, 415
Феофил Александрийский 135, 136, 159, 160, 171, 172, 173, 192, 268, 288, 421–422, 423, 426
Филон Александрийский 158
Филоксен 367
Флавиан Александрийский 367
Флавиан Константинопольский 29, 30, 82, 245, 275, 276, 277, 278, 279, 284, 285, 286, 289, 294, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 304–305, 306, 307, 311, 313, 316, 331, 343, 344, 355, 402, 417, 426
Флацилла 192, 196, 200
Флорентий 284
Флорентий Сардийский 321
Фока 357
Френд, У.Х.К. 25, 236, 372
Фрит, Роджер 9

Х

Хальперн, Барух 9
Харви, Пол 9
Хрисафий 180, 269, 275, 276, 284, 285, 312, 426
Христос 224
Хьюм, Кит 9

Ц

Целестин, папа римский 136, 147, 149, 222, 239, 242, 252, 253, 426

Ч

Чини, Элайс 9

Ш

Шелдон, Чарльз 40
Шенуда, авва 56, 162, 245, 426
Шэфф, Филлип 107

Э

Элия Евдокия 192, 193, 194
Элия Евдоксия 172, 192, 193, 196, 422, 427
Эммануил 41, 91, 263, 264

Ю

Ювенал Иерусалимский 135, 143
Ювеналий 297, 313, 318
Ювеналий Иерусалимский 245, 250, 303, 329, 332, 334, 427
Юлиан Отступник 205
Юста Грата Гонория 193, 194, 195, 196, 427
Юстин 373, 374
Юстин I 357, 427
Юстин II 357, 382
Юстин Ужасный 367, 368
Юстиниан 83, 357, 368, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 387, 422, 425, 427

Фонд «Здравомыслие»

Фонд «Здравомыслие» – некоммерческая общественная организация, созданная для продвижения идей секуляризма и популяризации научного мировоззрения. Одной из целей фонда является защита прав и свобод, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие граждан России. Защищая светскость и эти права, фонд «Здравомыслие» уверен в том, что формирование критического мышления является основополагающей предпосылкой для гармоничного развития личности в условиях многообразия точек зрения и информационной открытости в современном мире. Фонд считает, что сама работа со сферой религиозности и ее критического осмысления требует особого взаимного уважения и внимания всех участников данного процесса. Фонд «Здравомыслие» не раз подчеркивал необходимость особой аккуратности, такта и корректности оценок в работе данного рода. Каждый человек, вне зависимости от его личной морали или вероисповедания, должен иметь возможность получить информацию, способную удовлетворить его интерес, что обуславливает ответственность любого популяризатора гуманитарного знания, вынуждая его быть объективным, даже в оценочных суждениях.

Фонд «Здравомыслие» получил статус юридического лица 16 июня 2011 года. Начав с атеистической кампании, Фонд «Здравомыслие» не только обнаружил невозможность реализации конституционных прав и свобод социальной группы атеистов, но и выявил факты грубых нарушений светских основ российской государственности, отмечается в пресс-релизе. Поэтому Фондом был взят курс на продвижение идей секуляризма, закрепленных в Конституции России.

Фонд прежде всего отстаивает интересы России, но не остается безучастным к глобальным клерикальным тенденциям, став одной из первых российских организаций, получивших статус полноправного члена Европейской гуманистической федерации.

Ведя свою деятельность открыто и непредвзято, Фонд является надежным источником информации для СМИ по вопросам нарушений конституционного порядка и федерального законодательства в сфере взаимодействия государства и религиозных объединений. Фонд создал карту «Клерикальная Россия», пестрящую конфликтами светских учреждений, сограждан и религиозных объединений, противостоящих им.

В ближайших планах Фонда создание лаборатории продвижения науки и техники – «проекта, популяризирующего научное мировоззрение», и организация постоянно действующего круглого стола «Духовно-нравственное воспитание и религия».

Фонд выступил с предложением строительства 200 детских садов шаговой доступности в Москве на тех же условиях (бесплатное выделение земли и налоговые льготы), на которых планируется строить в таком же количестве культовые сооружений РПЦ МП. Последняя инициатива Фонда получила одобрение главы ОВЦО МП протоиерея Всеволода Чаплина. В связи с этим Фонд призывает РПЦ МП «проявить добрую волю и при необходимости ради общего блага отказаться от строительства своих культовых сооружений в пользу строительства жизненно необходимых детских дошкольных учреждений, при этом подчеркивая несовместимость детских образовательных учреждений и любого религиозного миссионерства в них».

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
Электронная почта (e-mail): info@zdravomyslie.ru
Телефон: 8 (495) 66-99-310
ЖЖ-сообщество: http://community.livejournal.com / zdravomyslie
Канал YouTube: http://www.youtube.com / zdravomyslie
Группа Вконтакте: http://vkontakte.ru / club24153445
Группа Facebook: http://www.facebook.com / zdravomyslie
Твиттер: http://twitter.com / zdravomyslie